

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор	Комлева Евгения Владиславовна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Заместитель главного редактора	Туманик Екатерина Николаевна <i>кандидат исторических наук</i> Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Ответственный секретарь	Введенский Владимир Викторович Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Редакторы и ответственные секретари выпусков	Аблажей Наталья Николаевна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Потапова Наталья Анатольевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Ананьев Денис Анатольевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Резникова Мария Александровна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Дашинамжилов Одон Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Романов Роман Евгеньевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Журавлёв Вадим Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Савин Андрей Иванович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Кириллов Алексей Константинович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Семёнов Михаил Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Лапердин Вячеслав Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Чернова Ирина Сергеевна Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Петров Станислав Геннадьевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	
■ Члены редакционной коллегии	Блаховска Катажина <i>профессор</i> Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша	Дацышен Владимир Григорьевич <i>доктор исторических наук, профессор</i> Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
	Гагкуев Руслан Григорьевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории РАН, Москва, Россия	Ильинных Владимир Андреевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
	Дай Цзяньбин <i>доктор исторических наук, профессор</i> Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай	Исупов Владимир Анатольевич <i>доктор исторических наук</i> Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
	Данилович Вячеслав Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь	Кабульдинов Зиябек Ернуханович <i>доктор исторических наук, профессор</i> Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни

профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна

кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори

профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна

доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте

доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецко, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна

доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен

кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающие редакторы

Н.Н. Аблажей

Н.В. Гонина

Ответственный секретарь

Н.А. Потапова

Корректор

Т.В. Соболева

Верстальщик

В.В. Введенский

Интернет-верстальщик

К.А. Васильев

ИСТОРИЧЕСКИЙ
КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2025. № 5 (43)

Издается с октября 2018 г.

Выходит 6 раз в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Адрес редакции:

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24

Факс: +7 (383) 333-24-37

E-mail: mail@istkurier.ru

Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7

From the Editor 8

■ Переселенческая политика и адаптация переселенцев

Е.В. Карпенко. Переселенческое общество Цинского Синьцзяна
(по материалам китайских исследований) 9–17

Е.В. Мирошкин. Иностранные офицеры регулярных полков Сибирской инспекции
в конце XVIII века 18–28

Е.В. Пшеничная. Роль российских переселенцев в создании общественных городских
библиотек в Самарканде и Новом Маргилане (Фергане) в конце XIX – начале XX века
(по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) 29–39

М.К. Чуркин. Переселенческое дело во властном дискурсе и практиках российского
цивилизаторства в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX века) 40–45

О.Н. Яхно. Костюм жителя Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков:
стилевые особенности и новации 46–59

Т.В. Котюкова. «Докладная записка» начальника Туркестанского управления земледелия
и государственных имуществ А.А. Татищева как источник по истории переселенческого
движения в Иран накануне Первой мировой войны 60–75

Е.Б. Лукиева. Прибалтийские переселенцы в Томской губернии в 1920-е годы 76–83

Н.А. Потапова. Государственная политика и миграционные стратегии
крестьянской трудовой миграции в 1920-е – начале 1930-х годов 84–93

Т.А. Кискидосова. Бытовые условия эвакуированного населения в Хакасии
в годы Великой Отечественной войны 94–107

■ Принудительные и вынужденные переселения

А.И. Ганчар. Организация высылки из Северо-Западного края Российской империи
за участие в событиях 1863 года (на примере дела ксендза И.И. Сржедзинского) 108–122

П.Е. Добрачев. Образ раннесоветской политической ссылки
в освещении «Социалистического вестника» в 1923–1924 годах 123–135

Е.В. Полянский. Спецпереселенцы Игарки: подходы и механизмы управления в 1930-е годы 136–149

Т.П. Тетеревлева, Е.Е. Шурупова. «...Хлеборобы, незнакомые ни с морем, ни с лесом»:
спецпереселенцы и развитие йодной промышленности в Северном крае в 1930-х годах 150–162

<i>С.Н. Адамян.</i> Армянские семьи в составе спецконтингента «турки»: социально-демографические характеристики	163–170
<i>Н.Н. Аблажей, М.А. Косицын.</i> Поселения в зоне затопления Новосибирской ГЭС в середине 1950-х гг.: регламенты и практики переноса	171–187
<i>Л.Н. Комлева.</i> Переселение жителей и перенос строений из зоны затопления водохранилища Братской ГЭС	188–194
<i>А.Н. Воробьев.</i> Выселенные «тунеядцы» в Красноярском крае в 1961–1965 годах: между интеграцией и изоляцией	195–206

■ Демографические процессы

<i>Л.Н. Славина.</i> Переселенческое общество Сибири по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года	207–221
<i>Я.А. Кузнецова.</i> Урбанизация на севере Сибири: проблемы формирования городского населения и системы поселений в XX веке	222–233

■ Мир книги

<i>О.В. Филиппенко.</i> Рецензия на книгу: Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR. Toronto: University of Toronto Press, 2023. 360 p.	234–241
--	---------

CONTENTS

From the Editor (*in Rus*) 7

From the Editor 8

■ Resettlement Policy and Adaptation of Migrants

E.V. Karpenko. The Migration Society of Qing Xinjiang (Based on Chinese Research) 9–17

E.V. Miroshkin. Foreign Officers of Regular Regiments of the Siberian Inspectorate at the end of the 18th Century 18–28

E.V. Pshenichnaya. The Role of Russian Settlers in the Creation of Public City Libraries in Samarkand and Novyi Margilan (Ferghana) in the Late 19th and Early 20th Centuries (Based on the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan) 29–39

M.K. Churkin. The Case of Resettlement in the Discourse of Power and Practices of Russian Civilization in the Turkestan Region (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries) 40–45

O.N. Yakhno. Yekaterinburg Resident's Costume at the Turn of 19th–20th Century: Style Features and Innovations 46–59

T.V. Kotyukova. "Report" by the Head of the Turkestan Department of Agriculture and State Property, A.A. Tatishchev as a Source on the History of the Migration Movement to Iran on the Eve of the First World War 60–75

E.B. Lukieva. Baltic Immigrants in Tomsk Province in the 1920s 76–83

N.A. Potapova. State Policy and Migration Strategies of Peasant Labor Migration in the 1920s–Early 1930s 84–93

T.A. Kiskidosova. Living Conditions of the Evacuated Population in Khakassia during the Great Patriotic War 94–107

■ Forced Resettlement and Displacement

A.I. Hanchar. Organisation of Expulsion from the North-Western Region of the Russian Empire for Participation in the Events of 1863 (On the Example of the Case of Ksendz I.I. Srzhedzinski) 108–122

P.E. Dobrachev. The Image of Early Soviet Political Exile in the Representation of the "Socialist Courier" in 1923–1924 123–135

E.V. Polyanskiy. Special Settlers in Igarka: Administrative Approaches and Governance Mechanisms in the 1930s 136–149

T.P. Teterevleva, E.E. Shurupova. "...Farmers Unfamiliar with Sea or Forest": Special Settlers and the Development of the Iodine Industry in the Northern Region in the 1930s 150–162

<i>S.N. Adamyan.</i> Armenian Families within the “Turks” Special Contingent: Socio-Demographic Characteristics	163–170
<i>N.N. Ablazhey, M.A. Kositsin.</i> Settlements in the Open Flooded Area of the Novosibirsk Hydroelectric Power Station in the Mid-1950s: Relocation Regulations and Practices	171–187
<i>L.N. Komleva.</i> Relocation of Residents and Relocation of Buildings from the Flood Zone of the Bratsk Hydroelectric Power Station	188–194
<i>A.N. Vorobyev.</i> Evicted “Parasites” in Krasnoyarsk Krai in 1961–1965: Between Integration and Isolation	195–206

■ Demographic Processes

<i>L.N. Slavina.</i> The Siberian Migration Society Based on the Results of the All-Union Population Census of 1926	207–221
<i>Ya.A. Kuznetsova.</i> The Urbanization in the North Siberia: The Problems of Formation of the Urban Population and Settlement System in the 20 th Century	222–233

■ World of the Book

<i>O.V. Filippenko.</i> Review: Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR. Toronto: University of Toronto Press, 2023. VII, 360 pp.	234–241
--	---------

2025 · № 5 (43)

Тема номера:

**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ**

ОТ РЕДАКТОРА

Среди авторов данного номера есть как маститые ученые, так и молодые аспиранты, только начинающие свой путь в науке. Ключевую проблематику данного выпуска журнала составила переселенческая политика и адаптация переселенцев. В центр обсуждения поставлен феномен переселенческих сообществ, который интерпретирован авторами статей номера в отношении разных групп переселенцев. Начало этого разговора было положено на международной конференции «VII Гришаевские чтения», состоявшейся в ноябре 2024 г., а продолжением является данный выпуск журнала, в котором собраны статьи, написанные на базе представленных на конференции докладов.

Статьи сгруппированы в три взаимосвязанных тематических блока: «Переселенческая политика и адаптация переселенцев», «Вынужденные и принудительные миграции» и «Демографические процессы», «Мир книги». Основная часть статей посвящена переселенческой политике российского государства, главным образом имперского и советского периодов. Значительная часть авторов обратилась к проблеме принудительных миграций в СССР. Их исследования показывают, что советская система репрессивных переселений, по сути, воссоздала систему политической ссылки, что привело к формированию особой категории населения, дискриминируемой по принципу ограничения перемещения. Большое внимание уделено также анализу механизмов и практик организации переселения из зон затопления при строительстве гидроэлектростанций. Авторы пришли к выводу, что переселение из зон затопления стало элементом государственной политики – инструментом модернизации деревни и реконструкции поселенческой системы. Получила освещение также миграционная динамика в контексте изучения модернизации и урбанизации, в плане анализа демографических процессов, трансформации расселения, ретроспективного анализа и прогнозирования последствий.

*Выпускающие редакторы:
доктор исторических наук
Наталья Николаевна Аблажей,
кандидат исторических наук
Наталья Владимировна Гонина
Ответственный секретарь:
кандидат исторических наук
Наталья Анатольевна Потапова*

Выпускающие редакторы

Ответственный секретарь

Корректор

Верстальщик

Интернет-верстальщик

д-р ист. наук Н.Н. Аблажей

канд. ист. наук Н.В. Гонина

канд. ист. наук Н.А. Потапова

Т.В. Соболева

В.В. Введенский

К.А. Васильев

2025 · No. 5 (43)

The Theme of the Issue:

RESETTLEMENT SOCIETY
IN TIME AND SPACE

FROM THE EDITOR

The authors of this issue include both established scholars and young postgraduate students just beginning their journey in science. The key themes of this journal issue are resettlement policy and migrant adaptation. The focus of the discussion is the phenomenon of migrant communities, which the authors interpret in relation to different migrant groups. This conversation began at the “7th Grishaev Readings” international conference held in November 2024 and is continued by this very journal issue, which brings together articles based on the presentations delivered at the conference.

The articles are grouped into three interconnected thematic blocks: “Resettlement Policy and Adaptation of Migrants”, “Forced Resettlement and Displacement”, “Demographic Processes” and “World of the Book”. The majority of the articles are devoted to the resettlement policy of the Russian state, primarily during the Imperial and Soviet periods. A significant number of authors address the issue of coerced migrations in the USSR. Their research demonstrates that the Soviet system of repressive resettlements essentially recreated the system of political exile, leading to the formation of a special category of population discriminated against based on restricted movement. Considerable attention is also paid to the analysis of the mechanisms and practices of organizing resettlement from flood zones during the construction of hydroelectric power stations. The authors conclude that resettlement from flood zones became an element of state policy: a tool for modernizing the countryside and reconstructing the settlement system. Migration dynamics in the context of studying modernization and urbanization are also covered, in terms of analyzing demographic processes, the transformation of settlement patterns, and the retrospective analysis and forecasting of consequences.

Executive editors:

Doctor of Historical Sciences

Natalia Nikolaevna Ablazhey,

Candidate of Historical Sciences

Natalia Vladimirovna Gonina

Candidate of Historical Sciences

Natalia Anatolievna Potapova

Executive editors

Doctor of Historical Sciences N.N. Ablazhey

Candidate of Historical Sciences N.V. Gonina

Executive secretary

Candidate of Historical Sciences N.A. Potapova

Corrector

T.V. Soboleva

Layout designer

V.V. Vvedenskiy

Web designer

K.A. Vasil'ev

Е.В. Карпенко*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ЦИНСКОГО СИНЬЦЗЯНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)doi:10.31518/2618-9100-2025-5-1
УДК 94(510)07

Выходные данные для цитирования:
Карпенко Е.В. Переселенческое общество Цинского Синьцзяна (по материалам китайских исследований) // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 9–17.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-01.pdf>

E.V. Karpenko*

THE MIGRATION SOCIETY OF QING XINJIANG
(BASED ON CHINESE RESEARCH)

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-1

How to cite:
Karpenko E.V. The Migration Society of Qing Xinjiang (Based on Chinese Research) // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 9–17.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-01.pdf>]

Abstract. The article presents the results of the analysis of Chinese studies of the tuntian settlement system. Chinese historians distinguish five types of settlements, including military and civilian settlements. Military settlements were the first to appear on the territory of Xinjiang; over time, their numbers decreased, and the lands were transferred to the status of civilian. Civilian settlements include settlers from the provinces of Inner China, Muslim settlements. The formation of civilian settlements occurred through targeted recruitment and was under strict government control. Since the end of the 18th century, organized migration gradually gave way to spontaneous independent migration. In addition to voluntary migration, there was forced migration – the exile of criminals. The categories of settlements differed in the procedures for obtaining the right to reside, the amount of state support, and the degree of mobility of settlers. Migration to Xinjiang was encouraged by the government: settlers were assisted in moving, provided with seeds, agricultural equipment, and livestock. The land transferred for plowing was not taxed for the first years after its receipt. In addition, the settlers could count on a loan to purchase housing and livestock. A heterogeneous society was formed in the region. The management of settlements varied. The lijia system was applied to settlers from the provinces of Inner China. Uyghur settlements were managed with the involvement of the local tribal elite – beks of different ranks. Thanks to the analysis of the works of Chinese historians, it was possible to reconstruct the historical picture of the settler society of Qing Xinjiang. The Qing resettlement policy sought to overcome the demographic crisis in the region, solve the problem of food supply for the army, and promoted the development of trade and cities.

Keywords: “tuntian”, Xinjiang, Qing Empire, colonization, settler society.

The article has been received by the editor on 30.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье представлены результаты анализа китайских исследований системы поселений «туньтянь». Китайские историки выделяют пять типов поселений, среди которых имеются военные и гражданские поселения. Военные поселения появились первыми на территории Синьцзяна, со временем их численность сокраща-

* Елена Васильевна Карпенко, кандидат исторических наук, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Красноярск, Россия; Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, e-mail: sinaeva@mail.ru

Elena Vasilievna Karpenko, Candidate of Historical Sciences, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Krasnoyarsk, Russia; Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: sinaeva@mail.ru

лась, земли переходили в статус гражданских. Гражданские поселения включают в себя переселенцев из провинций Внутреннего Китая, мусульманские поселения. Формирование гражданских поселений происходило через целевые наборы и находилось под жестким контролем правительства. С конца XVIII в. организованная миграция постепенно сменилась стихийной самостоятельной миграцией. Помимо добровольной существовала принудительная миграция – ссылка преступников. Категории поселений различались процедурами получения права на жительство, объемом государственной поддержки, степенью мобильности переселенцев. Миграция в Синьцзян поощрялась правительством: переселенцам оказывали помощь при переезде, обеспечивали семенами, сельскохозяйственным инвентарем, скотом. Земля, переданная под распахку, первые годы после ее получения не облагалась налогом. Кроме того, переселенцы могли рассчитывать на займ на приобретение жилья, скота. В регионе было сформировано разнородное общество. Управление поселениями различалось. На переселенцев из провинций Внутреннего Китая распространялась система лицзя. Поселения уйгуров управлялись с привлечением местной племенной элиты – беков разных рангов. Благодаря анализу работ китайских историков удалось восстановить историческую картину переселенческого общества Цинского Синьцзяна. Переселенческая политика Цин стремилась преодолеть демографический кризис в регионе, решить проблему продовольственного обеспечения армии, способствовала развитию торговли и городов.

Ключевые слова: «туньтянь», Синьцзян, Цинская империя, колонизация, переселенческое общество.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025 г.

Цинская империя представляет собой пример весьма успешной колонизации окраинных территорий в истории. Политика сохранения, освоения и развития районов, вошедших в состав Цинской империи, зависела от социально-экономических, военно-политических и этнокультурных особенностей региона. Малоосвоенные территории требовали рабочих рук, организации переселенческого движения. Миграционные потоки контролировались государством. Наибольшим разнообразием отличалось переселенческое общество Синьцзяна. Китайская колонизация Синьцзяна началась в середине XVIII в. с разгрома джунгар и многочисленных военных конфликтов. Политика цинского правительства по заселению Синьцзяна имела важнейшую роль в обеспечении стабильности в крае, сохранении власти Цинов. Географическая удаленность новых земель, труднодоступность региона требовали решения вопроса обеспечения расквартированных цинских войск продовольствием на местах.

В связи с этим аграрная политика Цин на территории Синьцзяна преследовала несколько целей. Во-первых, земледельческая колонизация новых земель объяснялась потребностями цинских войск в продовольствии. Наладить обеспечение войск на местах означало относительную самодостаточность армии и гарантировало ее функционирование вне зависимости от поставок из Внутреннего Китая. Во-вторых, масштабная распахка полей, освоение целинных земель должны были способствовать заселению окраинных территорий в условиях низкой плотности населения в регионе. В-третьих, переселение земледельцев-ханьцев в Синьцзян выполняло в некотором смысле функции «цивилизаторской миссии». Кроме того, некоторые направления аграрной политики в Синьцзяне позволяли параллельно решать проблемы переселения, малоземелья в провинциях империи. В результате цинским правительством была организована масштабная переселенческая политика и создана система поселений «туньтянь» (屯 tun 田 tian) – «обработка земли военными поселенцами». Система «туньтянь» являлась традиционным методом развития приграничных территорий и была создана задолго до воцарения династии Цин. В Синьцзяне система «туньтянь» формировалась на двух уровнях: военном и гражданском. Данная статья посвящена особенностям пере-

селенческого общества в Синьцзяне как отражение политики Цин в отношении окраин империи.

В отечественной историографии исследований по проблемам классификации структуры системы «туньтянь» в Синьцзяне практически нет. В 1930-е гг. Л.И. Думан в работе «Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.» описал систему поселений Синьцзяна. Исследование было выполнено в условиях идеологического давления. Стоит отметить широкое использование Л.И. Думаном источников на китайском языке. В настоящее время проблемам аграрной политики в Синьцзяне, системы поселений и переселенческого общества отечественные историки не уделяют внимания. Китайские исследования миграционных процессов в Синьцзяне касаются многих аспектов: исторический фон миграции, масштабы переселения, деятельность по освоению целинных земель, влияние переселений на социально-экономическое развитие региона и др. Весьма небольшое число исследований изучает вопросы политики определения прав на жительство разных групп переселенцев. Миграционные потоки в Синьцзян, история развития системы «туньтянь» в регионе представлены в работах Цай Цзяи, Цуэй Цзюнлиу, И Чуньфая, Чу Хунся, У Юаньфэн и др. В статье на основе результатов китайских исследований дана характеристика особенностей переселенческого общества Цинского Синьцзяна. Сравнительный анализ работ китайских историков позволил воспроизвести историческую картину миграции в регион. Основное внимание уделено второй половине XVIII в. – периоду, в течение которого происходило формирование системы «туньтянь».

Китайские историки выделяют пять типов поселений: «бинтунь» 兵屯 (bing tun), «цитунь» 旗屯 (qi tun), «миньтунь» 民屯 (min tun), «цяньтунь» 遣屯 (qian tun), «хуэйтунь» 回屯 (hui tun). Каждый тип поселения отличается составом населения, правами и обязанностями. В целом пять категорий поселений «туньтянь» формируют разнородное переселенческое общество.

Десятилетия военного противостояния в регионе привели к сокращению населения (особенно на севере), экономической разрухе. С целью восполнения дефицита рабочих рук с 1761 г. цинское правительство начинает реализацию политики переселения. Помимо военного контингента из маньчжуров, монголов и сибо, в Синьцзян переселялись жители из внутренних районов страны: простые граждане, торговцы, ссыльные. Уже в 1755–1756 гг. в чиновничьих кругах появилось предложение о создании военных поселений для решения проблемы обеспечения войск продовольствием. В 1758 г. цзунду¹ Ганьсу Хуан Тингуй предложил политику освоения целинных земель в Синьцзяне². Провинция Ганьсу имеет общую границу с Синьцзяном, поэтому предложение высшего сановника вполне предсказуемо: Хуан Тингуй видел возможность решить некоторые проблемы на вверенной ему территории.

Переселенческая политика в отношении Синьцзяна имела свои особенности, отличавшие ее от политики переселения в Монголии и на северо-востоке империи. Чу Хунся выделяет три фактора, оказавшие влияние на формирование переселенческой политики в Синьцзяне. Во-первых, важное стратегическое положение Синьцзяна. Помимо интересов со стороны соседних Цинхя, Тибета, Ганьсу, Монголии, освоение Синьцзяна должно было предотвратить экспансию России. Вторым фактором является необходимость продовольственного обеспечения войск. Неразвитая транспортная инфраструктура, географические особенности региона серьезно ограничивали возможности доставки продовольствия из других районов империи. Упомянутый выше Хуан Тингуй указывал на огромные расходы по доставке продовольствия в Синьцзян: доставка зерна из Сучжоу до Хами на Балишэнь обходится в 10 лян за дань (100 литров), ежегодно затраты на доставку зерна в регион составляют более 100 тыс. лян³. В случае успеха земледельческой колонизации (распашки

¹ Цзунду (总 督 zong du) – генерал-губернатор, наместник, его власть распространялась на несколько провинций.

² Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна [褚宏霞. 乾隆时期新疆移民落籍政策探析 (Чу Хунся. Цяньлун шици Синьцзян имин лоцзи чжэнцэ таньси)] // China's Borderland History and Geography Studies. 2016. Vol. 26, № 1. P. 21.

³ Там же. P. 22.

новых целинных земель) существовала перспектива экспорта зерна из Синьцзяна в соседние провинции. Наконец, третьим фактором, определившим особенности переселенческой политики в регионе, является нехватка рабочих рук, низкая плотность населения в Синьцзяне и перенаселение в провинциях Внутреннего Китая. В случае организованной переселенческой политики государство выступало в роли народного «пастыря», способствовало развитию новых земель и боролось с бедностью внутри страны⁴.

Важным аспектом переселенческой политики цинского правительства в Синьцзяне является политика «лоцзи» 落籍 (luo ji). Данный термин не имеет конкретного перевода в китайско-русских словарях, значение 落籍 сводится к «обосноваться, осесть, получить прописку на чужбине». Действительно, для переселенцев из частей Внутреннего Китая земли Западного края оставались чужой стороной, «варварской территорией». Прибывшие переселенцы должны были пройти процесс регистрации, получить право на жительство. В зависимости от принадлежности к определенной категории переселенцев можно выделить некоторые особенности регистрации переселенцев в Синьцзяне. Данные особенности не только характеризуют состав переселенческого общества региона, но и описывают политику цинских властей в отношении западных окраин.

Переселенческое общество в Синьцзяне формировалось под строгим государственным контролем. Согласно результатам китайских исследований, в период 1761–1780 гг. миграция в Синьцзян была организована «сверху»: чиновники набирали группы людей, отправляли в назначенные города и поселения. За 1761–1780 гг. было организовано 17 групп (свободное гражданское население): 10 733 дворов, то есть около 53 665 чел.⁵ После 1780 г. основную долю миграции в Синьцзян составляла самостоятельная миграция населения⁶. Важнейшей особенностью переселенческого общества региона является его разнородность (этническая, конфессиональная, социальная). В связи с этим говорить о единстве переселенческого общества, наличии общей культуры переселенцев не приходится. Группы населения, прибывавшие в Синьцзян, имели неодинаковый социальный статус, обладали разным объемом прав и привилегий, право на жительство в Синьцзяне определялось их принадлежностью к типу «туньтянь». В целом существование нескольких форм «туньтянь» как направлений переселенческой и аграрной политики правительства привело к формированию разных переселенческих сообществ на территории региона.

В отечественной, как и в китайской историографии, выделяют два типа «туньтянь» – военные и гражданские поселения – 兵屯 (bing tun) «бинтунь» и 民屯 (min tun) «миньтунь» соответственно. Каждый тип поселений включает разные формы поселений в зависимости от статуса переселенцев. К военным поселениям относятся собственно «бинтунь» и поселения восьмизнаменных войск «цитунь» 旗屯(qi tun).

Военные поселения были созданы в период правления императора Канси на территории Хами, Баркуля, в районе оз. Хара-Ус-Нур, Турфана. В период правления Цяньлуна (1735–1796 гг.) в «бинтунь» входило 13 905 чел., наделы которых составляли 288 108 му⁷ земли⁸. В начальный период правления императора Даогуана численность населения «бинтунь» снизилась до 5 530 чел. на 114 580 му обрабатываемой земли. Часть земель была переведена в категорию гражданских. Наибольшее число поселений было создано в округе Урумчи.

Поселения «цитунь» были созданы восьмизнаменными войсками. После стабилизации ситуации в регионе и присоединения территорий к Цинской империи в Синьцзян постоянно перебрасывали войска зеленого знамени. Основная цель создания поселений данного рода – самообеспечение войск. Первоначально состав военных гарнизонов, расквартированных в Синьцзяне, менялся каждые 3–5 лет. Однако необходимость решения проблемы продо-

⁴ Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... Р. 22.

⁵ Цай Цзяь. Социально-экономическая история Синьцзяна в Цинский период [蔡家艺. 清代新疆社会经济史纲 (Цай Цзяь. Циндай Синьцзян шэхуэй цзиньцзи шиган)]. Пекин, 2006. С. 145.

⁶ Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... Р. 22.

⁷ Му – китайская мера площади, равная 1/15 га.

⁸ Цай Цзяь. Социально-экономическая история Синьцзяна в Цинский период... С. 245.

вольственного обеспечения войск и увеличения численности населения на отдаленных территориях привела к созданию постоянной гарнизонной службы вместе с семьями. Правительство оказывало поддержку в переезде семей служащим в Синьцзяне. Семьи военных сразу включались в список гражданских лиц, наделялись землей. К концу 1770-х гг. были введены уточнения, согласно которым семьи солдат обязаны были сопровождать их. Все гарнизоны были переведены на систему службы с семьей. Солдаты зеленого знамени получали средства на переезд, соль, выплату в 70–80 лян, обеспечение продовольствием иждивенцев⁹. По данным Чу Хунся, к концу правления императора Цяньлуна около 20–30 тыс. членов семей солдат и офицеров переехали в Синьцзян¹⁰. Дети солдат имели право получить земельный надел и перевести его в гражданский статус миньтунь.

Обычно население миньтунь составляли бедняки и лица без определенных занятий. Поселения миньтунь формировались двумя потоками: организованный административный набор и самостоятельное переселение. Условия получения права на жительство у двух потоков различались. Организованное переселение из внутренних районов Китая в Синьцзян началось в 1761 г.: набирали бедняков из Ганьсу, Сучжоу и Аньси. Оценки китайских исследователей о масштабах первых переселений различаются. Цай Цзяь в монографии «Краткая социально-экономическая история Синьцзяна в период Цин» опирается на данные «Цин гао цзун шилу» (清高宗实录), указывая на 400 с лишним дворов (примерно 1 500 чел.) первых переселенцев¹¹. Чу Хунся, ссылаясь на доклад цзунду Шэньси и Ганьсу, оценивает численность первых переселенцев скромнее: 200 с лишним двором (более 700 чел.)¹² (эти же данные, но уже из другой части «Цин гао шилу» вводит Цай Цзяь за 1762 г. по переселенцам в Урумчи¹³).

Свободных переселенцев, вербовавшихся администрацией, по прибытии обеспечивали мукой в долг: ежедневно 1 цзинь (500 г) – на большую семью, на маленькую – вдвое меньше¹⁴. После осенней жатвы переселенцы оплачивали зерном оказанную помощь. Оценивая способности каждого человека, выдавали надел в 10 или 15 му (Цай Цзяь указывает на наделы до 30 му), передавали семена. Кроме того, каждому двору в качестве займа на строительство жилья полагалось 2 лян серебра, деньги на обмен у казахов третьеразрядных лошадей по установленной цене в 8 лян. Выделенная земля не облагалась налогом 6 лет, а займ на жилье и лошадь возвращался частями ежегодно¹⁵. Места жительства определялись администрацией, группы направляли в заранее установленные районы, распределение и организация переселенцев строго контролировались.

Важнейшей составляющей переселенческой политики в отношении самостоятельных мигрантов являлась политика 升科纳粮 (шэнкэ налян), которая заключалась в обложении натуральным налогом (зерном) распаханной целины по истечении определенного срока (в разные периоды от 3 до 6 лет). Самостоятельные переселенцы выезжали в Синьцзян из районов Шэньси и Ганьсу, где господствовало малоземелье. Постепенно военный характер поселений уступал место гражданским, происходила легализация стихийной миграции. Переселенцы, обрабатывающие земли, получали право на жительство. Некоторые земли военных поселений перешли позже в категорию гражданских. Как только земля становилась объектом налогообложения, переселенцы регистрировались и включались в местную систему «лицзя» 里甲 (lǐ jiǎ). В связи с тем, что период безналоговой распашки земли был неодинаков, то и ситуации получения права на жительство различались.

⁹ У Юаньфэн. Хуэйтунь Или в Цинский период [吴元丰. 清代伊犁回屯(У Юаньфэн. Циндай Или хуэйтунь)] // Историко-географические исследования приграничья Китая [中国边疆史地研究 (Чжунго бяньцзян шиди яньцзиу)]. 1993. № 3. С. 75.

¹⁰ Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... Р. 30.

¹¹ Цай Цзяь. Социально-экономическая история Синьцзяна в Цинский период... С. 144.

¹² Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... Р. 24.

¹³ Цай Цзяь. Социально-экономическая история Синьцзяна в Цинский период... С. 144.

¹⁴ Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... Р. 24.

¹⁵ Там же.

В работе Чу Хунся приведен текст доклада «Положение о распределении дворов в Мулее¹⁶» 1766 г. цзунду Шэньси и Ганьсу У Дашань. Содержание доклада является ярким примером жесткой организации жизни переселенцев от начала процесса вербовки до устройства их на жительство в Синьцзяне: «Новое распределение дворов требует комплектования лицзя. Требуется объединить в одну ли (ли – деревня) приезжающих ежегодно (в один год), одну ли разделить на 10 цзя... в соответствии с обстановкой дать названия деревням, установить их границы. В каждой деревне следует выбрать деревенского старосту (里长, личжан), ответственного за каналы (渠长, цюйчжан), баоюэ (保约, в значении “гарант”)¹⁷. Таким образом, переселенцы из Внутреннего Китая, меняя место жительства, оставались в прежней системе управления («лицзя»), их социальный статус не менялся. Переселенческая политика в отношении жителей провинций Внутреннего Китая заключалась в прямом переводе регистрации их места жительства. За исключением некоторых мер государственной поддержки переселенцам, «миньтунь», формировавшиеся организованными административными наборами, представляли собой мини-копию деревенского общества Внутреннего Китая. Широкомасштабная организованная миграция в Синьцзян утратила свое значение после 1780 г., на ее место пришла стихийная самостоятельная миграция. Наибольшее внимание в политике переселения в Синьцзян власти уделяли северным районам региона – Урумчи и ближайшим уездам (Дихуачжоу, Чанцзи, Фукан, Суйлай, Ихэ, Цитай). Таким образом, население «миньтунь» представляло собой выходцев из соседних провинций.

К населению гражданских поселений относились и торговцы. Еще до начала переселенческой политики в Синьцзян вместе с цинскими войсками прибывали торговцы. Цинское правительство поддерживало продвижение китайских торговцев в Синьцзян. В 1761 г. шаньсийский купец Лу Вэньчжун из уезда Линьцинъ подал прошение о переезде пяти человек собственным транспортом и затратами на дорожные расходы¹⁸. Миграция торговцев в большей части была направлена в Урумчи. В апреле 1772 г. цзунду Вэнь Шоу сообщал о 188 дворах торговцев в окрестностях Цитай с земельными наделами в 7 375 му¹⁹. К 1795 г. в Урумчи насчитывалось 1 1545 семей торговцев общей численностью 43 791 чел.²⁰

В силу отдаленности Или и географических особенностей района переселенцы сюда стали прибывать довольно поздно, первыми самостоятельными мигрантами в Или стали торговцы. Согласно «Синьцзян шилюэ» (新疆识略), в 1763 г. 32 семьи торговцев подали прошение на обработку 39 618 му 6 фэнь²¹, каждый му – 5 фэнь серебра; в тот же год группа торговцев из 200 дворов получили целинные земли для овощных и рисовых полей в размере 10 668 му²². Важной особенностью деятельности торговцев в Синьцзяне являлось обязательное условие переезжать вместе с семьей. Известно, что китайские торговцы в Монголии наоборот приезжали без семей и вели торговлю на территории Монголии, не вступая в брак с монголками, но и не перевозя свои семьи.

К типу гражданских поселений относятся хуэйтунь – поселения уйгуров и других народов, исповедующих ислам. Большая часть хуэйтунь располагалась в окрестностях Или. Первая группа уйгуров переселилась в Или в 1760 г. Всего 300 дворов – 571 чел.²³ Историк У Юаньфэн, используя документы на маньчжурском языке, указывает на переселение за 13 лет (1760–1773 гг.) из Южного Тяньшаня, Турфана, Хами 7 700 уйгурских семей (11 групп)²⁴. Ранее китайские историки писали о переселении 6 383 уйгурских семей, среди которых 6 000 дворов – население хуэйтунь. Поселения хуэйтунь быстро разрастались: в

¹⁶ 木垒 Mulei – территория современного Моры-Казахского автономного уезда Синьцзян-Уйгурского автономного округа.

¹⁷ Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... Р. 24.

¹⁸ Там же. Р. 25.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Р. 27.

²¹ Фэнь (分 fen) – одна десятая часть му.

²² Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... Р. 27.

²³ У Юаньфэн. Хуэйтунь Или в Цинский период... С. 76.

²⁴ Там же. С. 80.

одном только Или в 1804 г. переселенцами хуэйтунь обрабатывалось более 2 тыс. му земли, к 1844 г. площадь обрабатываемой земли возросла до 160 тыс. му²⁵.

В управлении поселениями хуэй сочетались традиционные методы административного управления с учетом местных традиций. К управлению привлекали представителей местной элиты. В Или систему лицзя в хуэйтунь возглавляли беки разных рангов. Десятидворку возглавлял «голова» – ахалакэци бек, за сто дворов отвечал юйцзы бек 7-го класса, за тысячу дворов – мин бек 7-го класса и милабу бек 6-го класса. Всеми делами хуэйтунь на местах заведовал ациму бек 3-го класса, помогал ему ишэньхань бек 4-го класса²⁶. Отдельными сферами (распределение земель, орошение, сборы зерном, тяжбы и др.) занимались беки 5–7-х классов. Беки имели особые преимущества и привилегии, ациму бек и ишэньхань бек получали ежегодное вознаграждение (500 и 200 лян соответственно). Такая система управления хуэйтунь сохранялась до второй половины XIX в., но после мусульманских восстаний была ликвидирована.

Миграция в Синьцзян регулировалась правительством не только в планировании сезонных наборов, но и в распределении населения по конкретным регионам. Так, в 1768 г. цзяньцзюнь Или сообщал о том, что в окрестностях Или возделывают много земель, однако водные ресурсы ограничены. Дальше, несмотря на то, что есть свободные земли и воды для орошения, имеются трудности с доставкой зерна. В связи с этим цзяньцзюнь считал, что нет необходимости увеличивать число переселенцев. Он предлагает ограничиться 6 тыс. дворов «хуэйцзы» и ежегодно осенью после сбора урожая проводить проверку: выявлять старых, больных, умерших, сбежавших и согласно результатам проверки определять число новых переселенцев²⁷.

Большинство уйгуров переселялись с расчетом на государственную поддержку, незначительная часть ехала самостоятельно. Обычно на каждый двор полагался зерновой паек на 5 месяцев, 1 дань 5 доу семян, плуг, серп, 3–4 головы вьючного скота. На два двора выдавали мотыгу, на 5 дворов – котел, на 10 дворов – топор²⁸. Важно отметить, что переселенцам хуэйтунь оказывали поддержку местные беки: снабжали меховыми вещами, сапогами.

Переселенческая политика цинского правительства включала и принудительную миграцию в Синьцзян. В силу особенного статуса ссыльных и их семей получение права на жительство, деятельность принудительных мигрантов имели свои особенности. Поселения ссыльных называли «цзяньтунь» 遣屯 (qian tun) или «фаньтунь» 犯屯 (fan tun), от иероглифов 遣 – «командировать, отправлять, высылать» и 犯 «преступник». Большинство поселений находилось рядом с бинтунь и было включено в организационную систему военных поселений. Ответственным за поселения ссыльных являлся цзяньду 監督 (jian du) – «надзиратель». Согласно правительственным указаниям, осужденные за тяжкие преступления поступали в распоряжение солдат, имеющих земельные наделы, в качестве раба. Осужденные за иные (нетяжкие) преступления получали надел, совместно с солдатами распахивали его.

В 1758 г. цензор Лю Цзунвэй выдвинул предложение о направлении преступников в Балишэнь, к «варварскому пограничью». Эффективность переселения преступников в невоенные районы Синьцзяна была весьма высока: с одной стороны, данные меры способствовали обеспечению безопасности в провинциях Внутреннего Китая («опасные элементы» выселялись на окраину), с другой – окраины были обеспечены рабочей силой для распашки целинных земель. Из доклада 1761 г.: «разные нарушители из камеры смертников не только постепенно “заразятся” народными нравами, но и будут способствовать процветанию распашки полей Синьцзяна, еще и своими силами себя обеспечат»²⁹.

Самыми важными площадками для ссылки нарушителей стали Или и Урумчи: из четырех преступников трое направлялись в Или, один – в Урумчи³⁰. Согласно докладу илийского

²⁵ У Юаньфэн. Хуэйтунь Или в Цинский период... С. 83.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 81.

²⁹ Цай Цзянь. Социально-экономическая история Синьцзяна в Цинский период... С. 135.

³⁰ Там же. С. 136.

цзянцзюня Илэту, в 1783 г. в Или находилось 3 тыс. и несколько сотен ссыльных преступников (наибольшее количество в Синьцзяне)³¹. Высылали как из северных, так и южных провинций: Чжили, Шаньдун, Фуцзянь, Юньнань, Гуандун, Цзянси, Хэнань, Аньхой, Сычуань. Согласно исследованиям историка Цай Цзяъи, по прибытии в Урумчи ссыльным полагался продовольственный паек – 1 цзинь. В первый год семена выдавались правительством, в последующие – самообеспечение. Ссыльные получали надел для работы на государство – 12 му, дополнительный надел в 5 му – для самообеспечения, обеспечивались одеждой и обувью, на троих ссыльных полагалась 1 лошадь, 4 быка, комплект сельскохозяйственных орудий³². В других районах Синьцзяна размеры выделяемых наделов были больше: в Балишене, Гучене, Мулее, Хами наделы были равны наделам солдат зеленого знамени (22 му). В Или надел для самообеспечения составлял 4,5 му, а скотом ссыльные пользовались совместно с солдатами зеленого знамени. Правительство поощряло прибытие членов семьи к месту ссылки. В случае прибытия жены ей также полагался продовольственный паек до сбора урожая.

Важной составляющей принудительной миграции в Синьцзян являлось получение статуса полноправного гражданина после отбывания наказания и отработки в цяньтунь. Условия размещения ссыльных, характер их деятельности определялись степенью тяжести совершенных преступлений. Согласно результатам анализа Цай Цзяъи, по истечении срока пребывания в цяньтунь человек получал право на жительство в Синьцзяне, 30 му, 8 доу пшеницы, 1 доу чумизы, 3 доу ячменя на посев, на 6 человек выдавали комплект сельскохозяйственных инструментов, две лошади. Кроме того, на три года выдавали займ на приобретение жилья (1 лян серебром) и двух лошадей на группу из 6 человек³³. Ссыльные работали на добыче полезных ископаемых. Согласно исследованиям Чу Хунся, работа на рудниках сокращала срок службы и ускоряла переход в статус гражданина. Возвращаться на прежнее место жительства в районе Внутреннего Китая ссыльным всех категорий было запрещено, в редких случаях после завершения работы на рудниках в Урумчи лицам, преступления которых «были незначительны», разрешалось вернуться домой по истечении 12 лет работы на том же месте уже в статусе свободного человека³⁴.

Цинское правительство старалось укреплять существующий режим через поощрение ссыльных в случае их помощи в поимке беглых преступников. Так, в 1786 г. ссыльные Ши Эр и Мо Шаожэнь за помощь в поимке беглеца Сюй Сы были помилованы и включены в состав свободного гражданского населения³⁵. Ссыльным преступникам за подобную помощь, независимо от степени тяжести совершенного преступления, сразу разрешали получить право на жительство (стать гражданином), но без права возвращения в родные места. Если же бывший преступник, ставший свободным гражданином, оказывал помощь в поимке беглых, то ему разрешалось вернуться домой во Внутренний Китай.

Таким образом, переселенческая политика в Синьцзян имела несколько направлений: самообеспечение солдат через военные поселения бинтунь и цитунь, переселение бедняков и людей без занятий из районов Внутреннего Китая (миньтунь), переселение уйгуров и других мусульман (хуэйтунь), принудительная миграция (цяньтунь). Разные категории переселенцев имели отличные друг от друга права и возможности, в связи с чем состав переселенческого общества Синьцзяна был разнородным. Жесткий контроль со стороны правительства начинался от вербовки, набора будущих переселенцев до их распределения на местах. Принадлежность к тому или иному типу поселения определяла социальный статус жителя Синьцзяна, его мобильность и права. В рамках политики переселения цинское правительство решало ряд проблем, связанных с освоением северо-западных окраин империи. Регулируя миграционные потоки, Цинам удалось сформировать региональное общество, способное поддерживать существующую власть и распространять имперские идеи на местное насе-

³¹ Цай Цзяъи. Социально-экономическая история Синьцзяна в Цинский период... С. 136.

³² Там же. С. 137.

³³ Там же. С. 137–138.

³⁴ Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... Р. 29.

³⁵ Там же. Р. 30.

ление Синьцзяна. Уже в период правления императора Цяньлуна удалось предпринятые меры по преодолению демографического кризиса в регионе, вызванного войной и активной экспансией Цинов: к 1775 г. в Синьцзяне насчитывалось около 17 424 дворов (более 72 тыс. чел.), а к концу правления Цяньлуна число переселенцев достигло 250 тыс. чел., общая площадь обрабатываемых земель превышала 1,3 млн му³⁶. Именно благодаря переселенческой политике получили мощный толчок к развитию города Урумчи, Или и др. Цинское правительство стремилось перенести систему административного управления из провинций Внутреннего Китая в Синьцзян: гражданское население было организовано в лицзя. При этом Цины учитывали местные особенности и привлекали к управлению местную племенную власть. Развитая административная система управления позволила организовать крупномасштабную миграцию, заселение наиболее отдаленных районов Синьцзяна.

Литература

У Юаньфэн. Хуэйтунь Или в Цинский период [吴元丰. 清代伊犁回屯(У Юаньфэн. Циндай Или хуэйтунь)] // Историко-географические исследования приграничья Китая [中国边疆史地研究 (Чжунго бяньцзян ши ди яньцзиу)]. 1993. № 3. С. 75–88.

Цай Цзяй. Социально-экономическая история Синьцзяна в Цинский период [蔡家艺. 清代新疆社会经济史纲 (Цай Цзяй. Циндай Синьцзян шэхуэй цзиньцзи шиган)]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006. 409 с.

Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна [褚宏霞. 乾隆时期新疆移民落籍政策探析 (Чу Хунся. Цяньлун шици Синьцзян имин лоци чжэнцэ таньси)] // China's Borderland History and Geography Studies. 2016. Vol. 26, № 1. P. 20–32.

References

Cai Jiayi (2006). *Socio-Economic History of Xinjiang in the Qing Period* [蔡家艺. Xinjiang in the Qing Period]. Beijing, Renmin Chubanshe. 409 p.

Chu Hongxia (2016). Analysis of the Migrant Settlement Policy in Xinjiang during the Qianlong Reign [褚宏霞. 乾隆时期新疆移民落籍政策探析]. In *China's Borderland History and Geography Studies*. Vol. 26, No. 1, pp. 20–32.

Wu Yuanfeng (1993). Huitun Ili in the Qing Period [吴元丰. Huitun Ili in the Qing Period]. In *Historical and Geographical Studies of the Borderlands of China* [中国边疆史地研究]. No. 3, pp. 75–88.

³⁶ Чу Хунся. Анализ политики заселения мигрантов в Синьцзян в период правления Цяньлуна... P. 32.

Е.В. Мирошкин*

ИНОСТРАННЫЕ ОФИЦЕРЫ РЕГУЛЯРНЫХ ПОЛКОВ
СИБИРСКОЙ ИНСПЕКЦИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-2
УДК 94(571).04:929

Выходные данные для цитирования:
Мирошкин Е.В. Иностранные офицеры регулярных полков Сибирской инспекции в конце XVIII века // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 18–28.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-02.pdf>

E.V. Miroshkin*

FOREIGN OFFICERS OF REGULAR REGIMENTS
OF THE SIBERIAN INSPECTORATE
AT THE END OF THE 18TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-2

How to cite:
Miroshkin E.V. Foreign Officers of Regular Regiments of the Siberian Inspectorate at the end of the 18th Century // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 18–28
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-02.pdf>]

Abstract. The administration of the Russian Empire, a multiethnic state, pursued a multi-vector policy toward foreign peoples, combining Russification and assimilation with the establishment of differences. Based on pragmatic and integrationist considerations, the authorities of the Russian Empire recruited representatives of foreign elites into administrative and military service. The study is based on an analysis of periodic reports on the personnel composition of units, service records, and officers of regular regiments of the Siberian Inspectorate for 1796–1801. Of the 578 officers of Siberian regiments whose service records are collected in the Russian State Military Historical Archive (RSMA), 78 (approximately 13 %) were of foreign origin. The social composition of the foreign officers was quite diverse. Fifty-three officers belonged to the nobility, and most of them did not own serfs, which was explained by the absence of serfdom in most European countries. Twenty-five officers represented underprivileged social classes, including the children of doctors, clergy, and volunteers. The ethnic composition of the foreign officers included representatives of virtually all European nations. Germans (23 Baltic Germans and 17 people of German descent) served in Siberia, as did Poles (13), French (8), Greeks, Hungarians, English, Italians, and others. The circumstances of their entry into service varied: some foreigners acquired only temporary citizenship, while others acquired permanent citizenship. Many foreign officers entered Russian service during international conflicts involving the Russian Empire or as a result of political emigration. Many foreign officers came from military dynasties for whom service in Siberia had become a family affair. Such dynasties included, for example, the Skalon, Winkler, Treiblut, and Degarrighi officer families. The educational level of foreign officers significantly exceeded that of Russian officers. Of the 78 foreigners, 20 (26 %) had more than a basic education, including knowledge of fortification, geometry, drawing, foreign languages, and so on. The study shows that military service was part of the migration process, during which foreigners could both maintain their identity and fully assimilate, adopting the norms and values of Russian society. Their service contributed to the integration of various ethnic groups into the imperial space.

Keywords: Officer corps, foreigners, late 18th century, Siberian Corps, army.

* **Егор Вячеславович Мирошкин**, лаборант-исследователь, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, Новосибирск, Россия, e-mail: miroshkin.egor02@gmail.com

Egor Vyacheslavovich Miroshkin, Laboratory Research Assistant, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, Russia, e-mail: miroshkin.egor02@gmail.com

** Статья выполнена в рамках госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was carried out within the framework of the state assignment “Siberian Society as a Factor of Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

The article has been received by the editor on 03.10.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Администрация Российской империи, полиэтничного государства, проводила многовекторную политику в отношении иноземных народов, сочетая русификацию и ассимиляцию с установлением различий. Исходя из прагматических и интеграционных соображений, власти Российской империи привлекали представителей иноземных элит на административную и военную службу. Исследование основано на анализе документов периодической отчетности о кадровом составе частей, послужных списках офицеров регулярных полков Сибирской инспекции за 1796–1801 гг. Из 578 офицеров сибирских полков, чьи послужные списки сосредоточены в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), 78 человек (около 13 %) имели иностранное происхождение. Социальный состав иностранных офицеров был весьма разнообразным: 53 офицера принадлежали к дворянскому сословию, причем большинство из них не имели крепостных крестьян; 25 человек представляли непривилегированные слои населения, среди которых были дети врачей, священнослужителей и вольноопределяющихся. Этнический состав офицеров-иностранцев включал представителей практически всех европейских народов. В Сибири служили немцы (23 прибалтийских немца и 17 выходцев из Германии), а также поляки (13 чел.), французы (8 чел.), греки, венгры, англичане, итальянцы и др. Различались обстоятельства поступления на службу: некоторые иностранцы вступали только во временное подданство, другие – в вечное. Иностранные офицеры поступали на российскую службу в ходе международных конфликтов с участием Российской империи или вследствие эмиграции по политическим причинам. Многие происходили из военных династий, для которых служба в Сибири стала семейным делом. Таковы, например, офицерские династии Скалонов, Винклер, Трейблутов и Дегарриги. Образовательный уровень иностранных офицеров значительно превышал аналогичный показатель у русских офицеров. Из 78 иностранцев 20 человек (26 %) имели образование выше базового, включавшее знание фортификации, геометрии, рисования, иностранных языков и т.д. Исследование показывает, что военная служба являлась частью переселенческого процесса, в ходе которого иностранцы могли как сохранять свою идентичность, так и полностью ассимилироваться, принимая нормы и ценности российского общества, а их служба способствовала интеграции различных этнических групп в имперское пространство.

Ключевые слова: офицерский корпус, иностранцы, конец XVIII века, Сибирский корпус, армия.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025 г.

Российская империя складывалась и развивалась как гетерогенное полиэтничное государство. Историк Андреас Каппелер отмечал, что к российскому опыту государственного строительства, по крайней мере дореформенного периода, едва ли применимы ярлыки «русское унитарное государство» и «колониальная держава»¹. Известно, что взаимодействие российского имперского правительства с «чужими» народами носило многовекторный характер, строящийся во многом на прагматичных основаниях. Имперская администрация, с одной стороны, стремилась к унификации и русификациям², с другой – активно старалась конструировать различия и сдерживать интеграционные процессы.

Примером интеграционной политики является включение элит нерусского происхождения в социальную структуру империи и привлечение к административной и военной

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 119.

² Алексей Миллер подчеркивает, что термин «русификация» следует использовать во множественном числе, так как под ним может пониматься целый спектр ассимиляционных мер различного характера. См.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 54–77.

службе³. Вместе с тем, исходя из прагматических соображений, государство охотно принимало на службу жителей иностранных государств. Одни из них поступали на службу временно, являясь фактически наемниками, другие вступали в вечное подданство и навсегда связывали свою судьбу и судьбу потомков с Россией. Так или иначе, иноземцы, поступившие на службу, как правило, временно меняли место жительства или навсегда оседали на новом месте, воспринимали новую идентичность и усваивали корпоративные нормы. Все это позволяет нам рассматривать военную службу как часть переселенческого процесса, в ходе которого, как известно, мигрант может как изолироваться в мигрантском сообществе, так и ассимилироваться, перенять нормы и идентичности новой «родины».

Цель настоящего исследования – выявление количественных и качественных характеристик иностранных офицеров, несших службу по обеспечению внутренней и пограничной безопасности в Сибири, отдаленном от центра и слабо освоенном регионе, в конце XVIII в. Для достижения поставленной цели необходимо выявить долю офицеров иностранного происхождения в общей массе офицерского корпуса сибирских полевых и гарнизонных полков, охарактеризовать траектории поступления иностранцев на российскую службу и дать оценку их карьере, описать уровень их образования.

Служба иностранных офицеров в российской армии не раз становилась объектом изучения историков. Специалист по истории государственной службы и офицерского корпуса России С.В. Волков отмечал, что в конце XVIII в. наблюдается увеличение числа иностранцев на русской службе, связанное в основном с притоком французских эмигрантов-роялистов. Вместе с тем значительную долю офицеров немецкого происхождения составляли теперь не временно нанятые офицеры, а вступившие в вечное подданство иммигранты из германских государств и представители лифляндского (остзейского) дворянства⁴. В дальнейшем мы увидим, что выводы, сделанные С.В. Волковым на общероссийских источниках, подтверждаются и на сибирских материалах.

Работа В.М. Безотосного, посвященная российскому генералитету эпохи 1812 г., являет собой блестящий пример статистической обработки сведений о 531 генерале времен наполеоновских войн. Помимо социальных, образовательных и служебных характеристик, автор большое внимание уделяет вопросу национального состава командных кадров⁵. В.М. Безотосный подчеркивает, что «национальная идентичность во времена Александра I не имела того значения, которое она приобрела со второй половины XIX столетия»⁶. Замечание это справедливо и для конца XVIII в. Специфика делопроизводства обеих эпох не предполагала уделения особого внимания этническому происхождению, поэтому записи о нем зачастую соединялись со сведениями о социальном статусе – например, «из лифляндских дворян».

Применительно к Сибири вопрос об этническом происхождении офицеров регулярной армии рассматривался в работах А.В. Дмитриева. В своей монографии автор отмечает, что на протяжении 1725–1796 гг. доля иностранцев в составе полков Сибирского корпуса достигала трети, а «среди полковых командиров они вообще составили подавляющее большинство – восемь из 10 чел.»⁷. В вышедших недавно статьях того же автора об офицерах полевых и гарнизонных полков Сибирской инспекции уделяется внимание и офицерам иностранного происхождения⁸. В.Д. Пузанов одну из своих статей посвятил биографии

³ Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М., 2004. С. 121–123.

⁴ Волков С.В. Элитные и социальные группы и государственная служба в России. М., 2021. С. 149.

⁵ Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. М., 2018. С. 265–294.

⁶ Там же. С. 269.

⁷ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2018. С. 250.

⁸ Дмитриев А.В. Кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии в конце XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 162–163; Дмитриев А.В. Гарнизонные полки Сибирской дивизии на рубеже XVIII–XIX в. // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 178.

генерал-майора Г.Г. Штрэндмана, прибалтийского немца по происхождению⁹, а в работе И.П. Каменецкого прослежена история династии Скалонов – военных французского происхождения¹⁰.

Несмотря на очевидный исследовательский интерес к истории нахождения иностранных офицеров в далекой Сибири, нужно отметить, что данная тематика еще не получила самостоятельного исследования, раскрывающего различные аспекты службы данной категории офицерства. Недостаточно освещались такие стороны офицерских биографий, как обстоятельства поступления на службу, образовательный уровень, семейное положение, срок службы и чинопроизводства, уровень дисциплины и др.

Пролить свет на все вышеперечисленные аспекты позволяют послужные (смотровые) списки – «отчетный документ со сведениями о прохождении службы всего личного состава войсковой части», подававшийся в Военную коллегию по третям (треть – отчетный период, равный четырем месяцам)¹¹. Послужной список представляет собой таблицу, в которую вносились следующие сведения: фамилия, имя, отчество, возраст, происхождение, история получения чинов, боевой опыт, семейное положение, наличие штрафов и судимостей, текущее местоположение. Послужные списки сосредоточены в фонде № 489 «Формулярные списки и другие документы о службе личного состава русской армии» Российского государственного военно-исторического архива (Москва). Нами была отобрана отчетная документация, охватывающая практически все регулярные полки Сибирской инспекции за 1796–1801 гг., т.е. за период правления императора Павла I. К этим полкам относятся Селенгинский, Томский, Ширванский мушкетерские полки, 19-й и 20-й егерские полки, Иркутский и Сибирский драгунские полки, Тобольский, Селенгинский, Томский гарнизонные полки¹². Означенная выборка позволяет достаточно обоснованно судить о коллективном портрете офицеров-иностранцев в Сибири. Изучение офицерского корпуса как составной части армейской организации неразрывно связано с просопографией – специальной исторической дисциплиной, изучающей коллективные, но индивидуализированные биографии членов конкретных социальных групп и коллективов. Поэтому в работе применялся просопографический метод – «выявление определенного круга лиц, постановка ряда однотипных вопросов (например, о датах рождения и смерти, о браке и семье, социальном происхождении, месте жительства, образовании, роде деятельности, религии и т.д.)»¹³.

Прежде чем приступить непосредственно к описанию иностранных офицеров, необходимо пояснить, что понимается под термин «иностранец». К иностранцам мы, следуя за источником, относим как непосредственно выходцев из зарубежных стран, например французов, испанцев, итальянцев, так и представителей присоединенных к Российской империи территорий. Несмотря на пребывание в одной стране, формуляр послужных списков достаточно четко проводил разграничения между представителями различных этносов. Например, представители немецкого дворянства прибалтийских губерний всегда определялись как «лифляндские» или «остзейские» дворяне. Точно так же выделялись и представители польской шляхты, совсем недавно инкорпорированной в состав российской сословной структуры. Отметим также, что в послужных списках все иностранные имена претерпевали «русификацию» независимо от того, принимал иностранный офицер православие или оставался в своем изначальном вероисповедании. Например, итальянский

⁹ Пузанов В.Д. Генерал Г.Э. Штрэндман – остзеец на службе Российской империи // Вопросы истории. 2023. № 1–2. С. 4–27.

¹⁰ Каменецкий И.П. Генералы Скалоны в России (1735–1912) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41–45.

¹¹ Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 4.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489 (Формулярные списки и другие документы о службе личного состава русской армии). Оп. 1. Д. 1575, 1603, 1619, 1621, 1751, 1752, 2046, 2375, 2376, 2573, 2574, 5892, 5895, 6034, 6037, 6048, 6049.

¹³ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 419.

дворянин из Пизы Делианкурт в послужных списках именуется как Иосиф Карлович¹⁴, хотя очевидно, что на своей родине он носил имя Джузеппе (итальянский вариант имени Иосиф).

Из 578 офицеров, чьи данные были внесены в послужные списки, иностранным происхождением обладали 78 человек, или около 13 %. Этнический состав офицеров-иностранцев удобно представить в виде диаграммы (рис. 1).

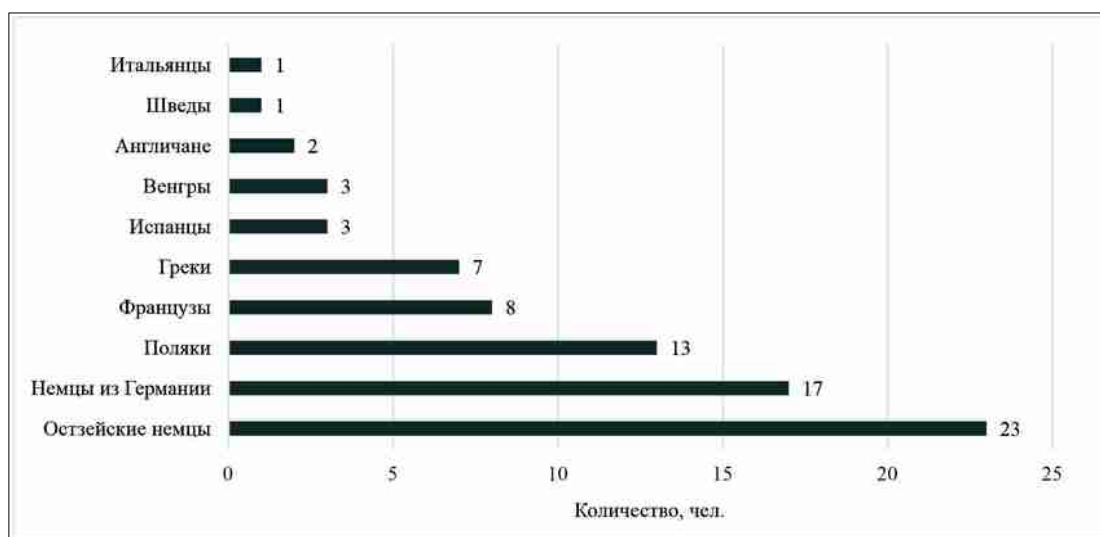

Рис. 1. Этнический состав офицеров-иностранцев.
Составлено по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575, 1603, 1619, 1621, 1751, 1752, 2046, 2375, 2376, 2573, 2574, 5892, 5895, 6034, 6037, 6048, 6049

Данный рисунок показывает, что даже в полках, расположенных в далекой Сибири, служили представители практически всех европейских народов. Социальный статус офицеров-иностранцев также был достаточно разнообразным. Из 78 человек 53 офицера показали себя дворянами, 25 – представителями непривилегированных слоев населения. Среди дворян абсолютное большинство составляли те офицеры, которые не имели во владении крепостных, что объясняется тем фактом, что в конце XVIII в. большинство стран Европы отказались от крепостного душевладения. Крепостничество сохранялось в отдельных областях Германии, Венгрии, землях бывшей Речи Посполитой. Только единицы офицеров-иностранцев распоряжались на своей родине зависимыми крестьянами. Например, за отцом прапорщика венгерского происхождения Карло Осиповича Коша на родине числилось 500 душ крепостных зависимых¹⁵. Впрочем, такое большое крепостное хозяйство было исключением. Обычно офицеры иностранного происхождения распоряжались меньшим числом крестьян, не превышающим 100 душ. Так, отец 25-летнего прапорщика Тобольского гарнизонного полка Федора Леонтьевича Круза владел в прибалтийских губерниях 52 крепостными¹⁶, а отец поручика того же полка, польского дворянина Людвиг Козьмича Вроблевского, распоряжался 85 крепостными¹⁷. Польский дворянин греческого вероисповедания 48-летний подполковник Тобольского гарнизонного полка Иван Орестович Гебоуэр имел такую запись о душевладении: «в Польше за дедом ево в Вилневском повеце в деревне Зецине 22 души»¹⁸.

Как мы уже отмечали, офицерами в сибирских полках служили 25 иностранцев из непривилегированных групп населения. Их происхождение было чрезвычайно разнообразным. Здесь встречались и дети врачей, как, например, подпоручик Сибирского драгунского полка Василий Пабст¹⁹ и поручик Селенгинского гарнизонного полка Василий

¹⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619. Л. 92 об.–93.

¹⁵ Там же. Д. 2376. Л. 28 об.–29.

¹⁶ Там же. Д. 6037. Л. 32 об.–33.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 24 об.–25.

¹⁹ РГВИА. Д. 2574. Л. 71 об.–72.

Шилент²⁰. К выходцам из непривилегированных групп населения можно отнести и детей церковнослужителей. Как и дети православных священников, которые несли службу без каких-либо статусных преференций, в рядах армии в Сибири служили и дети священнослужителей других конфессий. Например, штабс-капитан 19-го егерского полка Данила Иванович Битнер был сыном пастора «лютеранского закона»²¹.

Мы не можем с точностью определить социальное происхождение некоторых выходцев из непривилегированных групп населения, так как они вступали в армию в качестве вольноопределяющихся. К категории вольноопределяющихся относились выходцы из податных сословий Российской империи, не подлежащих рекрутскому набору: купцы, мещане и др., или представители неблагородных слоев населения зарубежных государств, добровольно поступившие на русскую службу. Если срок службы рядового, рекрутированного из «просто-народья», составлял 25 лет, то вольноопределяющиеся обязаны были прослужить только 15 лет²². Так, в качестве вольноопределяющихся служили адъютант Тобольского гарнизонного полка поляк Иван Казимеров²³, штабс-капитан Иркутского драгунского полка Федор Иванович Габриель²⁴, а поручик Селенгинского мушкетерского полка Иоганн Федорович Фирштман в послужных списках значился как «из вольноопределяющихся прусской нации люторскаго закона»²⁵.

Из 25 человек неблагородного происхождения 15 относились к категории так называемых штаб- и обер-офицерских детей – достаточно заметной в армии прослойки лично свободных подданных²⁶. Историк офицерства С.В. Волков дает следующее определение этой группе военнослужащих: «сословие обер-офицерских детей состояло из детей гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины “обер-офицерских” классов – от XIV до IX, дававших не потомственное, а только личное дворянство, и детей офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего, как уже указывалось, потомственное дворянство»²⁷. Следуя такой логике, остается невыясненным вопрос о статусе штаб-офицерских детей, ведь, как известно, первый штаб-офицерский чин (VIII, соответствующий майору в пехоте и кавалерии или коллежскому асессору в статской службе) уже приносил потомственное дворянство, которое распространялось и на детей. Возможно, что к этой категории относились дети, родившиеся до получения их отцом первого штаб-офицерского чина.

Обер-офицерские дети из числа офицеров-иностранцев происходили исключительно из среды лифляндских военнослужащих. Таковыми были, например, штабс-капитан Селенгинского мушкетерского полка Александр Иванович Гренинг²⁸, поручик Сибирского драгунского полка Иван Михайлович Фишер²⁹, штабс-капитан 19-го егерского полка Петр Семенович Рыхтер (Рихтер)³⁰. Среди штаб-офицерских детей также преобладали прибалтийские немцы, однако встречались и потомки немцев, приехавших в Россию из Германии. Таким был Петр Федорович Винклер, представитель династии офицеров из Саксонии, вступивших в вечное подданство и на протяжении нескольких десятков лет служивших в регулярных частях в Сибири³¹. К штаб-офицерским детям относился и француз Федор Барбот-Демарни,

²⁰ Там же. Д. 5895. Л. 56 об.–57.

²¹ Там же. Д. 2046. 27 об.–28.

²² Волков. С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 67.

²³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 6034. Л. 11 об.–12.

²⁴ Там же. Д. 2376. Л. 8 об.–9.

²⁵ Там же. Д. 1575. Л. 18 об.–19.

²⁶ По нашим подсчетам, в общей массе сибирского офицерского корпуса штаб- и обер-офицерские дети составляли порядка 23 %.

²⁷ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 66.

²⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 15 об.–16.

²⁹ Там же. Д. 2574. Л. 66 об.–67.

³⁰ Там же. Д. 2046. Л. 48 об.–49.

³¹ Там же. Д. 2573. Л. 59 об.–60.

капитан 20-го егерского полка, который начал свою службу в Артиллерийском шляхетском кадетском корпусе в 1785 г. и чьи предки, вероятно, давно осели в России³².

Различались и обстоятельства поступления на службу. Как уже отмечалось выше, часть офицеров не переходила в вечное подданство, а только временно определялась на российскую службу, являясь фактически наемниками. Капитан Томского мушкетерского полка Крестьян Касперович Вильденгейм имел такую запись в послужном списке: «прусской нации из шляхетства люторского закона, а ис каторого города или местечка отец ево был урожденец не припомнит, ибо он остался после смерти ево малолетен, о бытии в вечном российском подданстве присягою обязан не был кроме вступления в службу»³³. Уже упоминавшийся поручик Селенгинского мушкетерского полка Фирштман тоже вступил во временное подданство, однако еще не определился со своими планами: в его послужном списке указывается, что «по отставке своей в отечество отъехать или в России остаться пожелает, тогда в прошении изъяснится»³⁴. Временно на службу Российской империи вступили 17-летний прапорщик Сибирского драгунского полка барон Мориц Осипович Беервиц, сын генерал-лейтенанта Осипа Федоровича Беервица³⁵, и «ирлянской нации из английских дворян» штабс-капитан Ширванского мушкетерского полка Антон Петрович Делассий (Ласси)³⁶, бывший, по всей видимости, братом героя штурма Измаила и Казанского военного губернатора Бориса Петровича Ласси³⁷.

Определенное число иностранцев вступало во временное подданство в ходе международных конфликтов с участием Российской империи. Ярким примером построения карьеры в России является биография Петра Ивановича Ивелича. Граф из древнего черногорского рода, капитан венецианской армии, он в 1788 г. поступил на российскую службу в чине поручика³⁸ и был определен в Нашебургский пехотный полк, в составе которого участвовал в событиях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и отличился в сражениях с неприятелем: «на границе черногорской против воюющего паши скутарского имел неоднократно с турками сражение, и при всяком случае как храброй и разсторопной офицер, исполняя с усердием долг свой, подчиненным своим пример давал»³⁹. В Сибири Петр Иванович служил с 1793 г. в Ширванском мушкетерском полку, где в 1800 г. получил чин полковника⁴⁰. На момент подачи послужных списков этого полка в Военную коллегию (вторая половина 1800 г.) Ивелич еще «нигде в вечном российском подданстве быть не обязывался, а служит так как верноподданный его императорского величества и за собою в Российской империи недвижимого имения не имеет»⁴¹. Позднее он участвовал в наполеоновских войнах, за отличие в которых его портрет работы Джорджа Доу был помещен в Военную галерею Зимнего дворца⁴². Под командой Ивелича в ходе Русско-турецкой войны начинали свою службу вступивший в вечное подданство капитан Ширванского мушкетерского полка «славянской нации» Николай Трифионович Шпарович и польский шляхтич поручик Александр Иванович Брызгалов⁴³. В ходе той же Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. на службу поступил итальянский дворянин из Пизы Иосиф Карлович Делианкурт, принятый в армию в чине поручика контр-адмиралом Гиббсом и воевавший в районе Греческого архипелага⁴⁴.

³² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1751. Л. 43 об.–44.

³³ Там же. Д. 1603. Л. 14 об.–15.

³⁴ Там же. Д. 1575. Л. 18 об.–19.

³⁵ Там же. Д. 2573. Л. 70 об.–71.

³⁶ Там же. Д. 1621. Л. 71 об.–72.

³⁷ Ласси // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 17. С. 367.

³⁸ Существовало правило, согласно которому иностранные офицеры принимались на службу в Россию с понижением в чине. См.: Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 87.

³⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1621. Л. 60 об.–61.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1996. Т. VII. С. 404.

⁴³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1621. Л. 68 об.–69, 75 об.–76.

⁴⁴ Там же. Л. 63 об.–64.

Революционные события во Франции привели к притоку не принявших революцию офицеров-французов в ряды русской армии. Известно, что в годы правления Павла I корпус роялистов-эмигрантов под руководством принца Конде перешел на русскую службу⁴⁵. Однако французы служили не только в обособленно существовавших частях принца Конде, но и непосредственно в рядах русской армии, в том числе и в далекой Сибири. В Сибирском драгунском полку в конце XVIII в. служили четверо таких роялистских эмигрантов. Самый старший из них, 64-летний маркиз и генерал-майор Шарль-Жозеф де Виомениль, вступил во временное российское подданство еще при Екатерине II, в 1792 г., вместе с рядом других генералов французской армии⁴⁶. В Сибирском драгунском полку он в 1798–1799 гг. занимал должность полкового шефа⁴⁷. Под его началом в полку служили майоры граф Осиф Францович Долон, маркиз Виктор Александрович Детустен, подпоручик Франц Иванович Тиран⁴⁸.

Впрочем, число офицеров, принявших подданство лишь временно, было невелико (15 человек из 78), биография большинства остальных офицеров нерусского происхождения не столь экзотична. Из приведенной выше диаграммы с распределением этнического состава офицеров-иностранцев (см. рис. 1) видно, что в большинстве преобладали немцы, как происходящие из прибалтийских губерний Российской империи, так и попавшие в Россию непосредственно из германских государств. Историк остзейских (прибалтийских) немцев Н.С. Андреева отмечает, что начиная со второй половины XVIII в. в армии возрастает доля офицеров остзейского происхождения, для которых служба становится «своего рода семейной традицией»⁴⁹. Типичной является биография командующего Сибирским корпусом в конце XVIII в. Густава Эрнста (в русских документах – Густава Густавовича) Штрэндмана. Он родился в 1742 г. в Лифляндии в семье потомственных военных, на службу поступил в 1757 г., участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., где отличился и построил блестящую карьеру, возглавляя в 1789–1798 гг. войска, дислоцированные в Сибири⁵⁰. Карьерного успеха достиг и шеф Иркутского драгунского полка генерал-майор Христофор Христофорович Сакен, представитель «лифляндского шляхетства», участник взятия Хотина и штурма Туртукая⁵¹. Среди офицеров-остзейцев встречались как те, для кого служба в Сибири была только началом карьеры, как, например, 25-летний прапорщик Тобольского гарнизонного полка Федор Леонтьевич Круз, переведенный из гвардии в 1797 г.⁵², так и давно осевшие в Сибири офицеры, как, например, 53-летний подпоручик Иван Федорович Вейберх, служивший в Селенгинском гарнизонном полку с 1764 г.⁵³

Среди иностранцев также было много офицеров, чьи предки уже несколько поколений состояли в вечном подданстве и навсегда связали свою жизнь с новообретенной родиной. В конце XVIII в. в Сибири служили представители сразу нескольких офицерских династий. Назначенный 15 октября 1800 г. шефом Иркутского драгунского полка генерал-майор Антон Антонович Скалон происходил из принявших российское подданство французских гугенотов⁵⁴. Его отец Антон Данилович Скалон также служил в Сибири в эпоху Екатерины II, командовал борьбой с отрядами пугачевцев на Урале, за что был назначен командующим

⁴⁵ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII – XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 77–86.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 16 (Иностранная экспедиция Канцелярии Военной коллегии). Оп. 1. Д. 610. Л. 8.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2573. Л. 47 об.–48.

⁴⁸ Там же. Д. 2574. Л. 56 об.–57, 72 об.–73.

⁴⁹ Андреева Н.С. Прибалтийские немцы в составе Российской империи: ключевые моменты социальной и политической истории (XVIII – начало XX вв.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2023. № 1 (32). С. 16.

⁵⁰ Пузанов В.Д. Генерал Г.Э. Штрэндман – остзеец на службе Российской империи // Вопросы истории. 2023. № 1–2. С. 4–27.

⁵¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2375. Л. 47 об.–48.

⁵² Там же. Д. 6037. Л. 32 об.–33.

⁵³ Там же. Д. 5892. Л. 13 об.–14.

⁵⁴ Там же. Д. 2376. Л. 1 об.–2.

Сибирским корпусом⁵⁵. К выходцам из офицерских династий относятся саксонские дворяне Петр Федорович, поручик Сибирского драгунского полка⁵⁶, Егор Федорович и Карл Федорович Винклеры, поручики Селенгинского мушкетерского полка⁵⁷, чей отец Теодор (Федор) фон Винклер командовал в 1770–1780-х гг. Колывано-Воскресенским полевым батальоном⁵⁸. Отец подполковника Селенгинского мушкетерского полка Иосифа Францевича де Гарриги (Дегарриги), дворянина «гишпанской нации греческого вероисповедания»⁵⁹, Франсиско (Франц) де Гаррига был полковником Колыванского драгунского полка⁶⁰. Поручик Иркутского драгунского полка Александр Александрович Трейблут⁶¹, капитан Иван Христофорович Трейблут и поручик 19-го егерского полка Каспар Христофорович Трейблут⁶² были потомками осевших в Лифляндии дворян из прусской Померании Александра и Каспара Готфрида фон Трейблотов, служивших в регулярных полках в Сибири в середине – второй половине XVIII в.⁶³

Наконец, образовательный уровень офицеров иностранного происхождения был заметно выше, чем у офицеров русского происхождения. По нашим подсчетам, из 578 офицеров, служивших в Сибири, только 81 человек (около 14 %), помимо знания русской грамоты, владел еще и основами арифметики. Если иностранными языками владели только считанные единицы офицеров русского происхождения, то иностранные выходцы, очевидно, знали и русский, и родной язык. Например, остзейские немцы владели и русским, и немецким языками, равно как выходцы из Франции знали французский. Однако даже среди офицеров-иностранцев похвастать серьезным образованием могли единицы – очевидно, что образование, превышающее базовую грамотность, было доступно далеко не всем. Из 78 офицеров-иностранцев только 20 (26 %) обладали образованием, выходящим за пределы знания языков и арифметики. Обычно оно состояло из знания основ фортификации, рисования, геометрии и истории – словом, тех дисциплин, которые в то время считались необходимыми для профессионального военного. Хорошее образование давала учеба в кадетских училищах. Так, упоминавшийся выше выпускник Артиллерийского шляхетского кадетского корпуса капитан Барбот-Демарни обладал действительно богатым арсеналом знаний: в послужном списке указано, что он «знает арифметики, геометрии, фортификации, артиллерии элементы, физике, алгебре и механике учился, и истории, географии, говорит на трех языках, рисовать, тонцовать, фиктовать, верховой езде, пушечной из артиллерийских орудий настоящей палбе»⁶⁴.

Таким образом, офицеры-иностранцы, несшие службу в Сибири в конце XVIII в., представляли собой чрезвычайно разнообразную социальную группу. Несмотря на то, что большинство иностранцев были дворянами, встречались и представители различных непривилегированных групп населения. Различались обстоятельства поступления на службу: некоторые офицеры поступали в российскую армию в ходе войн, как, например, греки и итальянцы в ходе русско-турецких войн, или вследствие политических катаклизмов на своей родине, как это делали французские роялисты-эмигранты. Такие офицеры, как правило, шли в услужение к российским императорам лишь временно, не обязываясь оставаться в России навсегда или принимать православие. Для многих офицеров-иностранцев, как, например, для поляков и остзейских немцев, служба в российской армии была данностью по причине вхождения их родины в состав Российской империи. В конце XVIII в. в Сибири продолжали служить представители офицерских династий иностранного происхождения,

⁵⁵ Каменецкий И.П. Генералы Скалоны в России... С. 41–45.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2573. Л. 59 об.–60.

⁵⁷ Там же. Д. 1575. Л. 19 об.–21.

⁵⁸ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири... С. 465.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 3 об.–4.

⁶⁰ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири... С. 467.

⁶¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2376. Л. 11 об.–12.

⁶² Там же. Д. 2046. Л. 29 об.–30, 46 об.–47.

⁶³ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири... С. 494.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1752. Л. 38 об.–39.

для которых служба в отдаленном и суровом регионе стала уже семейным делом. Так или иначе, судьбы всех этих военнослужащих оказались связаны с Россией, для многих из них она стала новой родиной. Данный сюжет – история иностранцев на российской службе – позволяет задуматься о том, как империя для обеспечения своего существования вовлекала в свою орбиту представителей различных социальных и этнических групп.

Литература

Андреева Н.С. Прибалтийские немцы в составе Российской империи: ключевые моменты социальной и политической истории (XVIII – начало XX вв.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2023. № 1 (32). С. 6–42.

Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. М.: РОССПЭН, 2018. 671 с.

Бовыкин Д.Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 77–86.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 414 с.

Волков С.В. Элитные и социальные группы и государственная служба в России. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2021. 408 с.

Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 528 с.

Дмитриев А.В. Кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии в конце XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 158–166.

Дмитриев А.В. Гарнизонные полки Сибирской дивизии на рубеже XVIII–XIX в. // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 171–179.

Каменецкий И.П. Генералы Скалоны в России (1735–1912) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41–45.

Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М., 2004. С. 115–139.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 344 с.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

Пузанов В.Д. Генерал Г.Э. Штрэндман – остзеец на службе Российской империи // Вопросы истории. 2023. № 1–2. С. 4–27.

Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1996. Т. VII. С. 288–645.

Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 3–25.

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. Т. 17. 482 с.

References

Andreeva, N.S. (2023). Pribaltiyskie nemtsy v sostave Rossiyskoy imperii: klyuchevye momenty sotsial'noy i politicheskoy istorii (XVIII – nachalo XX vv.). [The Baltic Germans in the Russian Empire: Key Moments in Social and Political History (18th – Early 20th Centuries)]. In *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. No. 1 (32), pp. 6–42.

Bezotosnyy, V.M. (2018). *Rossiyskiy generalitet epokhi 1812 goda. Opyt izucheniya kolektivnoy biografii* [The Russian Generalitet in the Era of 1812. An Experience in Studying Collective Biography]. Moscow. 671 p.

Bovykin, D.Yu. (2006). Emigrantskiy korpus Konde na russkoy sluzhbe [The Emigrant Corps of Condé in Russian Service]. In *Rossiia i Frantsiya XVIII – XX veka*. No. 7, pp. 77–86.

Chubar'yan, A.O. (Ed.). (2014). *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary]. Moscow. 576 p.

Dmitriev, A.V. (2018). *Russkaya regul'yarnaya armiya v Sibiri (1725–1796): osobennosti voennoy sluzhby na "vostochnoy okraine" Rossiyskoy imperii v XVIII stoletii* [The Russian Regular Army in Siberia (1725–1796): Features of Military Service on the "Eastern Periphery" of the Russian Empire in the 18th Century]. Moscow, St. Petersburg. 528 p.

Dmitriev, A.V. (2023) Kadrovyy sostav ofitser'skogo korpusa polevykh polkov Sibirskoy divizii v kontse XVIII v. [Personnel Composition of the Officer Corps of the Field Regiments of the Siberian Division in the Late 18th Century]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (78), pp. 158–166.

Dmitriev, A.V. (2024). Garnizonnye polki Sibirskoy divizii na rubezhe XVIII–XIX v. [The Garrison Regiments of the Siberian Division at the Turn of the 18th and 19th Centuries]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3 (84), pp. 171–179.

(1896). *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg. Vol. 17. 482 p.

Kamenetskiy, I.P. (2015). Generaly Skalony v Rossii (1735–1912) [The Skalon Generals in Russia (1735–1912)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 41–45.

Kamenskiy, A.B. (2004). Elity Rossiyskoy imperii i mekhanizmy administrativnogo upravleniya [The Elites of the Russian Empire and the Mechanisms of Administrative Governance]. In *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive*. Moscow, pp. 115–139.

Kappeler, A. (2000). *Rossiia – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia – A Multinational Empire]. Moscow. 344 p.

Miller, A.I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow. 248 p.

Puzanov, V.D. (2023). General G.E. Shtrandman – ostzeets na sluzhbe Rossiyskoy imperii [General G.E. Shtrandman – an Ostsee German in the Service of the Russian Empire]. In *Voprosy istorii*. No. 1–2, pp. 4–27.

(1996). *Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh deystviy protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812–1815 gg.* [Dictionary of Russian Generals, Participants in the Combats Against the Army of Napoleon Bonaparte in 1812–1815]. In *Rossiyskiy arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Moscow. Vol. VII, pp. 288–645.

Tatarnikov, K.V. (2013). Predislovie [Preface]. In *Posluzhnye i smotrovyye spiski russkoy armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhfondovyy ukazatel'*. Moscow. Vol. 1, pp. 3–25.

Volkov, S.V. (2003). *Russkiy ofitser'skiy korpus* [The Russian Officer Corps]. Moscow. 414 p.

Volkov, S.V. (2021). *Elitnye i sotsial'nye gruppy i gosudarstvennaya sluzhba v Rossii* [Elite and Social Groups and State Service in Russia]. Moscow. 408 p.

Е.В. Пшеничная*

РОЛЬ РОССИЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В СОЗДАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ГОРОДСКИХ БИБЛИОТЕК
В САМАРКАНДЕ И НОВОМ МАРГИЛАНЕ (ФЕРГАНЕ)
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-3
УДК 94+908(470)"18/19"

Выходные данные для цитирования:
Пшеничная Е.В. Роль российских переселенцев в создании общественных городских библиотек в Самарканде и Новом Маргилане (Фергане) в конце XIX – начале XX века (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 29–39.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-03.pdf>

E.V. Pshenichnaya*

THE ROLE OF RUSSIAN SETTLERS
IN THE CREATION OF PUBLIC CITY LIBRARIES
IN SAMARKAND AND NOVYI MARGILAN (FERGHANA)
IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES
(BASED ON THE CENTRAL STATE ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-3

How to cite:
Pshenichnaya E.V. The Role of Russian Settlers in the Creation of Public City Libraries in Samarkand and Novyi Margilan (Ferghana) in the Late 19th and Early 20th Centuries (Based on the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan) // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 29–39. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-03.pdf>]

Abstract. The article highlights the contribution of Russian settlers to the development of the cultural infrastructure of Novyi Margilan (Ferghana) and Samarkand at the turn of the 19th and 20th centuries, with a focus on the establishment of the first public libraries: Novyi Margilan City Library (1899) and Samarkand City Library (1910). Conflicting assessments of the activities of the region's first library institutions necessitated an analytical study. The work is based on an analysis of archival documents, which allow us to trace the evolution of librarianship and the sociocultural role of the first city libraries in the region's academic and social life. A number of special historical methods were used as the methodological basis for the study, the main ones being the principles of historicism, objectivity and systematicity. The collections of the city libraries of Novyi Margilan and Samarkand include rare editions and local history scientific literature on various aspects of the study of Central Asia from the personal book collections of famous Russian scientists V.L. Vyatkin, N.S. Lykoshin, V.N. Weber, and others. Using their personal libraries as examples, this study revealed the distinctive features of these collections, created in accordance with the interests, information needs, tastes, and preferences of book collectors. These collections formed the core of modern rare book departments, thanks to which the information and library institutions of Samarkand and Fergana continue to be leading centers for the

* **Евгения Владимировна Пшеничная**, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: pshenichnaya@gpntbsib.ru

Evgeniya Vladimirovna Pshenichnaya, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: pshenichnaya@gpntbsib.ru

** Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук в рамках научного проекта № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.».

The article was prepared according to the plan of research work of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences as part of the scientific project No. 122041100088-9 "Transformation of Book Culture in Social Communications of the 19th–21st Centuries".

preservation and study of the region's book heritage. The study revealed the importance of studying the personal libraries of Russian immigrants as a tool for developing library activities that contributed to the formation of a unified cultural space in pre-revolutionary Turkestan.

Keywords: Turkestan Region, Russian settlers, personal libraries, Turkestan Public Library, city libraries of Samarkand and Fergana.

The article has been received by the editor on 21.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья освещает вклад российских переселенцев в развитие культурной инфраструктуры Нового Маргилана (Ферганы) и Самарканда на рубеже XIX–XX вв., уделяя особое внимание созданию первых общедоступных публичных библиотек: городской библиотеки Нового Маргилана (1899) и Самаркандской городской библиотеки (1910). Инициатива и финансовая поддержка со стороны российской интеллигенции способствовали созданию этих важных культурных институтов в Туркестанском крае. Противоречие в оценках деятельности первых библиотечных учреждений края обусловило необходимость проведения аналитического исследования. Работа базируется на анализе архивных документов, которые позволяют проследить эволюцию библиотечного дела, социокультурную роль первых городских библиотек в научной и общественной жизни региона. В фонд городских библиотек Нового Маргилана и Самарканда вошли редкие издания и краеведческая научная литература по различным аспектам изучения Центральной Азии из личных книжных собраний известных российских ученых В.Л. Вяткина, Н.С. Лыкошина, В.Н. Вебера и др. На примере их личных библиотек данное исследование раскрыло характерные особенности этих коллекций, создаваемых в соответствии с интересами, информационными потребностями, вкусами и предпочтениями книгособирателей. Эти коллекции, ставшие фундаментом современных отделов редких книг, обеспечивают информационно-библиотечным учреждениям Самарканда и Ферганы возможность и в настоящее время оставаться ведущими центрами хранения и изучения книжного наследия региона. Исследование раскрывает значимость изучения личных библиотек российских переселенцев как инструмента развития библиотечной деятельности, способствовавшей формированию единого культурного пространства в дореволюционном Туркестане.

Ключевые слова: Туркестанский край, российские переселенцы, личные библиотеки, Туркестанская публичная библиотека, городские библиотеки Самарканда и Ферганы.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025 г.

Актуальность. Тема вклада российских переселенцев в организацию первых общественных библиотек на территории Туркестанского края в конце XIX – начале XX в. представляет собой важное направление в изучении истории культурного взаимодействия России со странами Центральной Азии. Анализ исторических событий позволяет глубже понять процессы культурного обмена и формирования общего культурного пространства в этом регионе, тогда как осмысление исторического опыта межкультурного взаимодействия создает прочную основу для развития конструктивного диалога между народами России и республик Центральной Азии на современном этапе.

Однако изучение историко-биографических сведений о деятельности русских переселенцев в Туркестанском крае в архивах центральноазиатских республик сопряжено со множеством трудностей, так как документальные свидетельства о них либо отсутствуют, либо носят фрагментарный характер или недоступны в связи со статусом их секретности.

Тем не менее исследование материалов Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз), включавших отчеты о деятельности первых публичных библиотек Самарканда и Нового Маргилана, доказывает существенную роль российской интеллигенции и их личных книжных собраний в социокультурном развитии региона.

Методология. В качестве методологической базы исследования был использован ряд специальных исторических методов, основными из которых стали принципы историзма, объективности и системности. Они позволили рассмотреть общественные городские библиотеки Туркестанского края как целостную систему, изучить условия и причины возникновения данного феномена во взаимосвязи с другими явлениями.

В качестве базы источников для исследования были использованы материалы канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, Ферганского, Самаркандского и Сырдарьинского областных правлений, хранящиеся в ЦГА РУз.

Россияне в Туркестане. Переход Туркестанского края под протекторат Российской империи во второй половине XIX в. оказал влияние на развитие науки и культуры, в частности библиотечной отрасли региона. Поддержка научных исследований со стороны царской администрации, представленной в лице генерал-губернаторов, а также открытие библиотек и музеев стали важными шагами в организации системы социально-культурной жизни и в межкультурном взаимодействии с коренным населением¹. Активное участие в этом процессе принимали не только местные органы власти из числа военных, но и городские жители – переселенцы из разных концов Российской империи. Находясь вдали от привычной культурной среды, они испытывали интеллектуальный голод, что в итоге побудило их инициировать открытие культурных учреждений по всему Туркестанскому краю². Благодаря их совместным усилиям в конце XIX – начале XX в. были открыты публичные библиотеки в следующих городах: Ташкенте (1870 г.)³, Аулие-Ате (1899 г.)⁴, Новом Маргилане (1899 г.)⁵, Чимкенте (1899 г.)⁶, Казалинске (1900 г.)⁷, Петро-Александровске (1907 г.)⁸, Туркестане (1908 г.)⁹, Ура-Тюбе (1909 г.)¹⁰, Самарканде (1910 г.)¹¹ и др. Первыми читателями, по утверждению заведующего Туркестанской публичной библиотекой и музеем С.А. Линдского, были офицеры, и они «стали брать сочинения преимущественно научного характера»¹². В начале XX в. развитие системы светского образования и публичных библиотек способствовало росту числа грамотных людей и спроса на книгу у широких слоев населения¹³.

Говоря об этих учреждениях как о центрах интеллектуальной жизни общества, следует также упомянуть оценку деятельности Туркестанской публичной библиотеки, данную исследователем Д.Н. Логофетом. В своей статье «Частные книжные собрания и казенная библиотека», опубликованной в «Туркестанских ведомостях» в 1908 г., он подчеркивал значительный вклад Туркестанской публичной библиотеки в сохранение и изучение культурного и научного наследия региона. Комплектование «значительной литературы по Азии» сделало это книгохранилище не только важным центром просвещения, но и настоящей сокровищ-

¹ Пшеничная Е.В. Русские личные библиотеки в Туркестанском крае: последняя треть XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2024.

² Мазунин А.И. Рукописные и старопечатные книги Государственной библиотеки имени Алишера Навои в Ташкенте // Труды Отдела древнерусской литературы. 1971. Т. 26: Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. С. 349–351.

³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1694. Л. 7.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1814. Л. 5.

⁵ Там же. Оп. 13. Д. 102. Л. 2–2 об.

⁶ ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 510. Л. 19–20.

⁷ Там же. Д. 5533. Л. 26.

⁸ Там же. Д. 17459. Л. 41–44.

⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 1083. Л. 34.

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 8209. Л. 15.

¹¹ Там же. Д. 8901. Л. 1.

¹² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1694. Л. 9.

¹³ Добромыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: ист. очерк. Ташкент, 1912. С. 283.

ницей знаний для ученых-исследователей, работающих в области востоковедения и регионоведения¹⁴.

Тем не менее советский историк Е.К. Бетгер оценивал дореволюционные городские библиотеки как «типичные библиотеки губернского масштаба» с ярко выраженным краеведческим уклоном (чему отчасти способствовало их объединение в одном здании с местным краеведческим музеем). По утверждению того же Бетгера, читателями туркестанских библиотек до 1917 г. были преимущественно чиновники, купцы и их семьи, учащиеся средних школ (университетов в Туркестане в тот период не существовало) и в крайне ничтожных процентах рабочие и мелкие служащие. Местное коренное население этими библиотеками практически не пользовалось¹⁵.

Противоречие в оценках побудило нас обратиться к архивным материалам, в которых содержатся отчеты первых библиотек Туркестанского края, для более глубокого анализа их деятельности: изучения реального количества читателей и их социального состава, обзора фондов библиотек и их тематической направленности, выявления особенностей функционирования библиотечной системы в регионе, определения степени доступности библиотек для различных социальных групп, оценки реального вклада библиотек в развитие культурной жизни.

Такой комплексный подход позволил получить представление о деятельности российских переселенцев и влиянии первых публичных библиотек европейского типа на развитие книжной культуры и просвещение Туркестанского края в дореволюционный период.

Самарканд. История Самарканда уходит корнями в глубокую древность. Согласно местным преданиям, город был основан легендарным царем Афросиабом, одним из первых персидских правителей, властвовавших на территории Центральной Азии еще до прихода Александра Македонского (IV в. до н.э.). Наибольшего расцвета Самарканд достиг во время правления Амира Тимура (1336–1405) и его ближайших преемников в XIV–XV вв. Он стал не только политическим и военным центром, но и важнейшим культурным и научным центром государства. К этому периоду относится большая часть архитектурных памятников, с обликом которых неразрывно связывают сейчас этот город¹⁶. Российский археолог В.Л. Вяткин, описывая Самарканд, заметил: «Со времен мусульманской древности Самарканд пользовался блестящей славой. История отмечает его могущество и богатство»¹⁷.

К середине XIX в. Самарканд представлял собой заброшенные развалины на фоне феодальных междоусобиц и изменений в политической карте региона. 2 мая 1868 г. в результате противостояния российских войск с Бухарским эмиратом город был присоединен к российским владениям в Туркестане¹⁸.

Самарканд конца XIX в. – это динамично развивающийся город с богатой демографической и культурной палитрой, отражающей его значимость как торгового, административного и культурного центра Самаркандской области. Русская часть города, основанная в 1871 г., к 1890-м гг. насчитывала примерно 10 115 жителей, что было значительно меньше коренного населения старого города – 25 113 чел.¹⁹. Культурная жизнь в тот период не отличалась разнообразием и требовала существенного развития и создания условий для более разнообразного досуга населения. В городе функционировал Общественный театр, работали оркестры духовой музыки при войсковых частях. Особое место занимали библиотеки – всего их было 12 и все они были ведомственными. Самой крупной из них считалась библиотека Офицерского Собрания, насчитывавшая 950 названий в 1 200 томах²⁰. Примечательно, что практически все книгохранилища предоставляли книги бесплатно, однако существовали строгие ограничения на доступ – частные лица не могли пользоваться их услугами.

¹⁴ Логофет Д.Н. Частные книжные собрания и казенная библиотека // Туркестанские ведомости. 1908. № 114. С. 11–12.

¹⁵ ЦГА РУз. Ф. Р-2412 (Личный архив Е.К. Бетгера). Оп. 13. Д. 13. Л. 32.

¹⁶ Якубовский А.А. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Очерк А.Ю. Якубовского: С 20 автотипиями. Л., 1933. С. 5.

¹⁷ Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда: археологический очерк. Ташкент, 1926. С. 4.

¹⁸ Справочная книжка Самаркандской области на 1893. Вып. 1. Приложение. Самарканд. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 3–5.

²⁰ Там же. С. 6–7.

Это говорит о том, что библиотечная система того времени носила преимущественно служебный характер и была ориентирована на удовлетворение потребностей определенных ведомств и организаций. Такая организация культурной жизни отражала специфику города того времени и особенности взаимодействия различных социальных групп в многонациональном Самарканде²¹.

Развитие железнодорожного сообщения в начале XX в. стало катализатором социально-экономического и культурного развития Самарканда. Увеличение численности гражданского населения (чиновников, купцов, священнослужителей, мещан, рабочих, а также вышедших в отставку военных) создало потребность в развитии общественной инфраструктуры, что способствовало формированию разнообразного культурного пространства города²².

Самаркандская городская публичная библиотека (ныне Самаркандский областной Информационно-библиотечный центр им. А.С. Пушкина) была открыта в декабре 1911 г. по инициативе горожан. Это событие стало важным шагом в развитии культурной жизни Самарканда. Первоначальный книжный фонд библиотеки насчитывал всего 2 тыс. экз. различной литературы (книг, рукописей, брошюр, периодических изданий и т.д.). Формирование фонда происходило в основном благодаря системе пожертвований, что было характерным для развития библиотечного дела того времени. Значительный вклад в становление библиотеки внесли Областной статистический комитет и Ташкентская публичная библиотека. Большое число книг поступило и от частных лиц, среди которых следует отметить военного губернатора Н.С. Лыкошина, археолога В.Л. Вяткина, А.П. Григорову (вдову военного губернатора Самаркандской области генерал-лейтенанта Василия Васильевича Григорова), самаркандского мещанина М.Н. Донцова и многих других.

Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1922) – военный губернатор Самаркандской области, внес значительный вклад в развитие Самаркандской городской публичной библиотеки, пожертвовав ей 165 книг по различным отраслям знаний и ценные рукописи. Этот дар существенно обогатил библиотечный фонд и расширил возможности для самообразования и исследовательской деятельности. Анализ описи переданных им книг дает представление о широком круге интересов и образованности самого военного губернатора (рис. 1). В состав городской библиотеки вошли издания (книги, брошюры, рукописи, периодика и т.д.) по 14 тематическим направлениям: астрономия, биология, военные науки, геология, география, экономика, история, этнография, беллетристика и др.²³

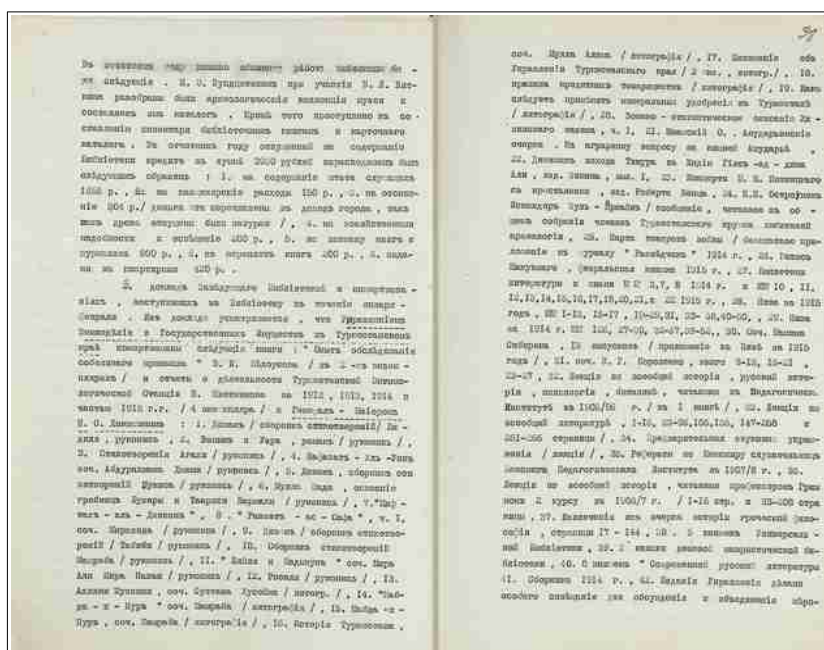

Рис. 1. Страницы из описи личной библиотеки Н.С. Лыкошина, хранящейся в ЦГА РУз

²¹ Справочная книжка Самаркандской области на 1893. Вып. 1. Приложение. Самарканд. С. 6–7.

²² Назарьян Р. «Идя навстречу нуждам Самарканда...» // Восток Свыше. 2014. № 3. С. 60.

²³ ЦГА РУз. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 8901. Л. 3–39.

Василий Лаврентьевич Вяткин (1869–1932) – известный русский краевед и археолог, выдающаяся личность в истории Самарканда, сыгравшая ключевую роль в развитии научной и культурной жизни города. Родился Вяткин в Верном (ныне Алма-Ата) в семье казака-переселенца²⁴. В 1894 г. закончил Ташкентскую учительскую семинарию и был направлен в Самарканд на педагогическую работу, где в одной из русско-туземных школ старого города преподавал математику и другие предметы²⁵. Василий Лаврентьевич придавал огромное значение развитию образования и культурного обмена через создание общедоступных библиотек. Осознавая важность библиотек как центров просвещения, он активно участвовал в их организации. В 1908 г. Василий Лаврентьевич стал одним из главных инициаторов открытия первой библиотеки-читальни в Самарканде, а позже неоднократно жертвовал книги и рукописи в фонд Самаркандской городской публичной библиотеки²⁶. К 1902 г. в уникальной коллекции рукописей Вяткина насчитывалось около 100 экз., которые стали основой для многих научных исследований и открытий. Он охотно предоставлял доступ к своему собранию видным ученым-востоковедам, таким как В.В. Бартольд и К.Г. Залеман, которые активно использовали эти материалы в своих трудах²⁷. Благодаря усилиям Василия Лаврентьевича Самарканд стал важным центром изучения восточной культуры и истории. Его деятельность заложила прочный фундамент для развития науки и образования в регионе, а его наследие продолжает жить и сегодня в стенах местных библиотек и научно-исследовательских учреждениях.

Рис. 2. Могила В.Л. Вяткина на территории найденной им Обсерватории Мирзо Улугбека

Николай-Август Эдуардович Вунцетель (1877–1930) – титулярный советник, востоковед, краевед, историк Востока, лингвист и археолог. Вунцетель свободно владел десятью языками народов Европы и Азии, что значительно расширяло его возможности в научных исследованиях и общении с представителями различных культур. До революции он занимал должность податного инспектора Сырдарьинской обл. С основанием в 1920 г. Туркестанского университета Вунцетель начал новую главу своей профессиональной деятельности. Его пригласили на кафедру истории Востока, археологии и языкознания, где он смог применить свои глубокие знания и многолетний опыт в области востоковедения²⁸. В 1915 г. Н.Э. Вунцетель и В.Л. Вяткин провели детальный анализ всех археологических находок, хранящихся в музее. В том же году от него поступили пожертвования в музей (каменная печать) и библиотеку – пять книг научного профиля. Он предложил выкупить 51 название книг из личной библиотеки за 10 рублей²⁹.

Благодаря личным книжным собраниям российских переселенцев, поступившим в дар, в фонд Самаркандской городской библиотеки вошли редкие издания и краеведческая литература по различным аспектам изучения Центральной Азии. Согласно материалам ЦГА РУз, в 1915 г. библиотека включала полные собрания сочинений 180 авторов, 37 наименований периодических изданий, выписанных на 1916 г.³⁰

Сегодня библиотека продолжает оставаться одним из ведущих центров хранения и изучения книжного наследия региона. Ее коллекции представляют особую ценность для иссле-

²⁴ ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 69. Л. 82.

²⁵ Курносенков К. Давнее и недавнее // Звезда Востока. 1988. № 7. С. 156.

²⁶ Назарьян Р. Самаркандская старина: док. очерки. СПб., 2010. С. 132–133.

²⁷ Чабров Г.Н. В.Л. Вяткин – книговед // Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 11. С. 73.

²⁸ Кнауэр Н.Х. Немцы древнего края (Туркестан, Средняя, Центральная Азия). М., 2020. С. 486.

²⁹ ЦГА РУз. Ф. И-18. Оп. 1 Д. 8901. Л. 4–6.

³⁰ Там же. Л. 24–27.

дователей, занимающихся изучением истории, культуры и природы Центральной Азии³¹. Дальнейшее развитие библиотеки позволило значительно расширить ее фонды и создать условия для обслуживания широкого круга читателей, сохраняя при этом уникальные коллекции, заложенные еще в момент основания учреждения.

Новый Маргилан (Фергана). Ферганская область, прежде входившая в состав Кокандского ханства, была присоединена к Российской империи в 1876 г.³² В 1904 г. население русской части области составляло 13 444 чел. из 1 784 065. Административный центр Ферганской области – Новый Маргилан – основан в 1877 г. Город был построен по тщательно разработанному плану в нескольких километрах от Старого Маргилана, на более благоприятной с климатической точки зрения территории в верховьях реки Маргилан-сай. Планировка города имела радиально-кольцевую систему, где центральной точкой являлась военная крепость. От нее расходились три главные улицы в северо-западном и западном направлениях. Руководил строительством опытный российский архитектор И.У. Жилин, который уделял особое внимание организации городского пространства. Первыми значимыми постройками города стали дом губернатора (сегодня здание Областного драматического театра), дом помощника губернатора, здание Военного собрания, мужская гимназия³³.

К началу XX в. население города составляло около 6 500 чел. (для сравнения: число жителей Старого Маргилана составляло примерно 43 000 чел.) преимущественно гражданских жителей³⁴. Город формировался как современный административный центр с развитой инфраструктурой, где особое внимание уделялось не только военной составляющей, но и культурному развитию общества. Он отличался просторными улицами и проспектами, а также хорошей озелененностью, что делало его более комфортным для проживания по сравнению с другими населенными пунктами региона. Тем не менее местная культурная жизнь требовала развития. В одной из заметок газеты «Русский Туркестан» отмечалось, что городские жители, будучи небогатыми, не могли позволить себе «выписывать дорогостоящие журналы и книги», что подчеркивало необходимость создания общедоступных библиотек для удовлетворения культурных потребностей горожан³⁵. В конце 1890-х гг. в Новом Маргилане уже функционировали ведомственные библиотеки, но они были доступны лишь ограниченному кругу лиц.

Городская библиотека Нового Маргилана была открыта в 1899 г. при участии инициативных горожан и на средства города. Активисты в лице начальника уезда К.А. Рудановского, городских депутатов Бентковского, Мирзо Хакима, Назара Мухамедова и Ф. Шмелевича обратились к военному губернатору Ферганской области генерал-майору А.П. Чайковскому (1841–1920) с просьбой поддержать открытие учреждения и разрешить выделить на ее «обзаведение» сумму в размере 400 руб. единовременно. Инициатива получили полную поддержку со стороны областной администрации³⁶.

Начальный фонд библиотеки составил 853 книги и брошюры. Хозяйственный инвентарь, состоящий из столов, стульев, этажерок и прочего, был пожалован в дар новомаргиланским магазином купца Захо³⁷. В первые годы своей работы библиотека остро нуждалась в книгах. Основным источником пополнения стали книжные и денежные пожертвования жителей города. К ним присоединились и равнодушные люди из администрации края, которые также старались всячески оказать поддержку молодой библиотеке. Примером тому служит письмо военного губернатора Ферганской области и почетного члена комитета новомаргиланской библиотеки А.П. Чайковского к вдове ученого-этнографа А.К. Гейнса,

³¹ Информационно-библиотечный центр Самаркандской области им. А.С. Пушкина [Электронный ресурс]. URL: <https://samarkand.natlib.uz/> (дата обращения: 12.06.2025).

³² Ежегодник Ферганской области. Т. 3. Новый Маргилан, 1904. С. 1.

³³ Кормилицын А.И. Очерки истории и становления библиотек европейского типа на территории Республики Узбекистан (1868–1917). Ташкент, 2001. С. 54.

³⁴ Ежегодник Ферганской области. Т. 1. Новый Маргилан, 1902. С. 6.

³⁵ Кормилицын А.И. Очерки истории и становления библиотек европейского типа... С. 54.

³⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 102. Л. 2–2 об.

³⁷ Ферганский областной публичный музей в гор. Новом-Маргелане. Отчет и устав. Ташкент, 1900. С. 9.

служившего в Туркестанском крае с 1867 по 1869 г.³⁸, с просьбой о пожертвовании в пользу собрания краеведческих фондов библиотеки.

Администрация Маргиланской общественной библиотеки недавно устроенной на пожертвования малочисленного городского общества и потому крайне бедной и книгами и денежными средствами обратилась ко мне, чтобы я как старый туркестанец и сослуживец покойного супруга Вашего Высокоблагородия попросил Вас пожертвовать этому молодому учреждению один экземпляр литературных трудов Александра Константиновича, представляющих огромный интерес преимущественно для туркестанцев.

Новый Маргилан, 9 января 1901 г.

В ответ на полученное обращение вдова прислала в адрес библиотеки ответным письмом от 12 мая 1901 г. два экземпляра издания трудов А.К. Гейнса³⁹.

Среди выдающихся меценатов и благотворителей, обогативших книжный фонд библиотеки своими личными собраниями, особое место занимают:

Константин Андреанович Рудановский (1849–1914) – новомаргиланский уездный начальник, подполковник Российской императорской армии. Он принимал активное участие в открытии городской библиотеки и музея. Специально для музея Рудановским было составлено описание арабских надписей надгробных камней древних кладбищ в кишлаках Узгент Андиганского уезда и Янги-Наукате Ошского уезда. Императорское Московское археологическое общество, изучив его записи, признало археологическую ценность этих объектов и высказалось о необходимости сохранения этого достояния науки в Ферганском музее⁴⁰. Рудановский не раз вносил свою лепту в пополнение коллекции музея и библиотеки. Известно, что он пожертвовал Маргиланской библиотеке около 200 изданий из своего личного книжного собрания⁴¹.

Валериан Николаевич Вебер (1871–1940) – геолог, горный инженер. Вебер родился в 1871 г. в Санкт-Петербурге. В 1891 г. он поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1892 г. Валериан Николаевич перевелся в Горный институт, в котором еще со студенческих лет начал успешно работать в поисково-разведочных партиях в Саянах и в Донецком бассейне. Институт Вебер окончил с отличием, получил звание горного инженера и был откомандирован в распоряжение Геологического комитета (Геолкома). Местом первого назначения Вебера стал Туркестан, где им были составлены карты месторождений полезных ископаемых Западной Ферганы, затем последовала работа на Северном Урале⁴². В городскую библиотеку Нового Маргилана от горного инженера поступила ценная техническая литература. Пожертвование Вебера стало важным этапом в формировании технического фонда городской библиотеки Нового Маргилана, способствуя развитию профессионального образования и технического просвещения в регионе. Этот вклад заложил основу для дальнейшего развития технической литературы в библиотечном фонде.

Начало XX в. явилось периодом активного развития новомаргиланской библиотеки, характеризующимся значительным расширением фондов и тематического охвата. Среди постоянных учреждений-дарителей значились: Скобелевские женская и мужская гимназии, офицерские библиотеки 7-го Туркестанского стрелкового полка и 4-го Туркестанского линейного батальона и др. В 1905 г. в библиотеку передано около 2 000 книг художественной литературы от библиотеки областного правления. В 1910 г. книгохранилище переименовано в Скобелевскую городскую библиотеку⁴³. В 1912 г. ее фонд составлял около 15 000 томов. В эти годы библиотека располагала литературой по всем основным отраслям

³⁸ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 1560. Л. 13.

³⁹ ЦГА РУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 7229.

⁴⁰ Ферганский областной публичный музей в гор. Новом-Маргелане. Отчет и устав. Ташкент, 1900. С. 4–5.

⁴¹ *Кормилицын А.И.* Очерки истории и становления библиотек европейского типа... С. 55.

⁴² Вебер Валериан Николаевич [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Научное наследие России». URL: <http://books.e-heritage.ru/Catalog/ShowPers/4399> (дата обращения: 12.06.2025).

⁴³ В 1907 г. Новый Маргилан был переименован в город Скобелев, с 1924 г. город носит название Фергана.

знаний (с уклоном в туркестановедение), в том числе иностранной, а также собранием отечественной и зарубежной периодической печати. Несмотря на успехи в формировании книжных коллекций, учреждение сталкивалось с серьезными инфраструктурными проблемами, которые требовали решения. Библиотека продолжала оставаться в старом и непригодном для хранения здании вплоть до 1917 г.⁴⁴

История формирования фонда городской библиотеки Нового Маргилана является ярким примером того, как совместные усилия администрации, общественных деятелей и частных лиц из числа российских переселенцев способствовали развитию культурных учреждений в регионе. Сегодня Ферганский областной информационно-библиотечный центр имени Ахмада аль-Фаргони является одной из крупнейших библиотек Республики Узбекистан⁴⁵. Ее книжный фонд на многих европейских языках насчитывает более 350 000 единиц. В коллекции редких изданий широко представлена продукция различных российских и зарубежных издательств периода XVIII–XX вв.

Дискуссия. Общественные городские публичные библиотеки играли большую роль в просвещении населения Туркестанского края, несмотря на приведенное выше утверждение Е.К. Бетгера о том, что городские библиотеки не посещались коренными народами. Учитывая большое количество книг и рукописей на тюркских, персидском и арабском языках в фондах первых книгохранилищ края, библиотеки являлись общедоступными. Следовательно, общественные городские библиотеки Туркестанского края представляли собой важный институт просвещения, который заложил основу для дальнейшего развития культуры чтения и образования в регионе. Возможно, частично их эффективность ограничивалась недостаточным уровнем образования населения и традиционными культурными установками.

Статистический анализ посещаемости самой крупной библиотеки края – Туркестанской публичной библиотеки и музея (г. Ташкент) – выдает следующие сведения: «Читальный зал посетило в 1906 г. 12 473 человек, а музей европейцев – 2 926, сартов – 2 059»⁴⁶. За 1908–1909 гг. в отчете библиотеки также указано количество выданной на дом литературы – 20 113 экз., и количество посетителей – 5 310 чел. В составлении отчета о деятельности библиотеке в 1909 г. национальность читателей снова не указывалась, тогда как в отчете музея мы находим: «Всего за истекший год посетило музей 10 010 человек, из них европейцев – 6 739 и туземцев – 3 271»⁴⁷.

Отчеты Самаркандской городской библиотеки и музея за 1915 г. также называют количество посетителей – 7 216 чел. (без учета их национальности) и выданных книг – 16 294 экз.⁴⁸

Таким образом, статистические данные свидетельствуют о растущей роли библиотек в культурной жизни Туркестанского края и их значимости как центров просвещения для различных национальных групп населения. Российские исследователи, которые наблюдали жизнь местного населения, писали: «В магометанском быту поразительно значительное число начальных училищ и малое число людей грамотных»⁴⁹, «наряду с громадным количеством мактабов мы находим среди туземцев еще более громадное число неграмотных»⁵⁰. Это существенно ограничивало круг доступных для чтения материалов.

В начале XX в. развитие светского образования и библиотечного дела в Туркестане сыграло положительную роль в образовании прослойки местной интеллигенции, среди которой были писатели и просветители Фуркат, Саттархан, Муками и др. Они призывали

⁴⁴ Кормилицын А.И. Очерки истории и становления библиотек европейского типа... С. 55.

⁴⁵ Информационно-библиотечный центр Ферганской области имени Ахмада Фаргони [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ferlibrary.uz/istorbibliot> (дата обращения: 21.06.2025).

⁴⁶ Отчет Туркестанской публичной библиотеки и музея за 1906 год. Ташкент, 1907.

⁴⁷ Отчет Туркестанской публичной библиотеки и музея за 1908 год. Ташкент, 1909. С. 2–3.

⁴⁸ ЦА РУз. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 8901. Л. 35 об.

⁴⁹ Граменицкий Д.М. О Ташкенте // Туркестанские ведомости. 1875. № 30.

⁵⁰ Наливкин В.П. Сведения о состоянии туземных мадраса Сырдарьинской области в 1890/91 учебном году. Ташкент, 1916. С. 144.

своих соотечественников получать светское образование, приобщаться к мировой культуре через изучение русского языка, что стало основой сплочения народов России и Туркестана⁵¹.

Заключение. Российские переселенцы внесли неоценимый вклад в открытие общедоступных библиотек и формирование библиотечных фондов на территории Туркестанского края. Личные книжные собрания российских переселенцев, включавшие редкие рукописные и старопечатные издания, стали фундаментом современных библиотечных коллекций Республики Узбекистан. Тем самым они создали основу для развития культурного и научного потенциала региона.

На примере первых городских библиотек Самарканда и Ферганы данное исследование раскрыло особую направленность и содержание этих учреждений культуры, создаваемых в соответствии с интересами, информационными потребностями, вкусами и предпочтениями жителей. Эти культурные учреждения представляли собой уникальное явление в истории библиотечного дела, их дальнейшее изучение откроет широкие перспективы для новых научных изысканий и способствует более глубокому пониманию культурного развития региона.

Литература

Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда: археологический очерк. Ташкент, 1926. 68 с.

Добромыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Типография Порцева, 1912. 520 с.

Кнауэр Н.Х. Немцы древнего края (Туркестан, Средняя, Центральная Азия). М.: ИРИАС, 2020. 674 с.

Кормилицын А.И. Библиотековеды и библиографы Узбекистана. Очерки и воспоминания. Ташкент, 2005. 296 с.

Курносенков К. Давнее и недавнее // Звезда Востока. 1988. № 7. С. 149–158.

Логофет Д.Н. Частные книжные собрания и казенная библиотека // Туркестанские ведомости. 1908. № 114. С. 1112.

Мазунин А.И. Рукописные и старопечатные книги Государственной библиотеки имени Алишера Навои в Ташкенте // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. С. 349–351.

Назарьян Р. «Идя навстречу нуждам Самарканда...» // Восток Свыше. 2014. № 3. С. 59–64.

Наливкин В.П. Сведения о состоянии туземных мадраса Сырдарьинской области в 1890/91 учебном году. Ташкент, 1916. С. 144.

Пшеничная Е.В. Русские личные библиотеки в Туркестанском крае: последняя треть XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2024. 23 с.

Чабров Г.Н. В.Л. Вяткин – книговед // Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 11. С. 73

Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И. История печати Туркестана (1870–1925): учебное пособие. Ташкент, 1976. 286 с.

Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Ленинград, 1933. 68 с.

Reference

Chabrov, G.N. (1969). V.L. Vyatkin – knigoved [V.L. Vyatkin – Bibliologist]. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. No. 11, pp. 73.

Dobromyslov, A.I. (1912). *Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskiy ocherk* [Tashkent in the Past and Present. Historical Essay]. Tashkent, Tipografiya Portseva. 520 p.

Ernazarov, T.E., Akbarov, A.I. (1976). *Istoriya pechaty Turkestana (1870–1925): uchebnoe posobie* [History of the Press in Turkestan (1870–1925): A Textbook]. Tashkent. 286 p.

⁵¹ Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И. История печати Туркестана (1870–1925). Ташкент, 1976. С. 42.

Knauer, N.Kh. (2020). *Nemtsy drevnego kraya (Turkestan, Srednyaya, Tsentral'naya Aziya)* [Germans of the Ancient Land (Turkestan, Central, Central Asia)]. Moscow, IRIAS. 674 p.

Kormilitsyn, A.I. (2005). *Bibliotekovedy i bibliografy Uzbekistana. Ocherki i vospominaniya* [Library Scholars and Bibliographers of Uzbekistan. Essays and Memoirs]. Tashkent. 296 p.

Kurnosenkov, K. (1988). Davnee i nedavnee [Ancient and Recent]. In *Zvezda Vostoka*. No. 7, pp. 149–158.

Logofet, D.N. (1908). Chastnye knizhnye sobraniya i kazennaya biblioteka [Private Book Collections and State Library]. In *Turkestanskije vedomosti*. No. 114, pp. 1112.

Mazunin, A.I. (1971). Rukopisnye i staropechatnye knigi Gosudarstvennoy biblioteki imeni Alishera Navoi v Tashkente [Manuscript and Early Printed Books of the Alisher Navoi State Library in Tashkent]. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad. Vol. 26, pp. 349–351.

Nalivkin, V.P. (1916). *Svedeniya o sostoyanii tuzemnykh madrasa Syrdar'inskoy oblasti v 1890/91 uchebnom godu* [Information on the State of Native Madrasas of the Syrdarya Region in the 1890/91 Fcademic Year]. Tashkent, p. 144.

Nazar'yan, R. (2014). “Idya navstrechu nuzhdam Samarkanda...” [“Meeting the Needs of Samarkand...”]. In *Vostok Svyshe*. No. 3, pp. 59–64.

Pshenichnaya, E.V. (2024). *Russkie lichnye biblioteki v Turkestanskom kraye: poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.* [Russian Personal Libraries in the Turkestan Region: The Last third of the 19th – Early 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 23 p.

Vyatkin, V.L. (1926). *Afrasiab – gorodishche bylogo Samarkanda: arkheologicheskiy ocherk* [Afrasiab – the Ancient Settlement of Former Samarkand: Archaeological Essay]. Tashkent. 68 p.

Yakubovskiy, A.Yu. (1933). *Samarkand pri Timure i timuridakh* [Samarkand under Timur and the Timurids]. Leningrad. 68 p.

М.К. Чуркин*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДЕЛО
ВО ВЛАСТНОМ ДИСКУРСЕ И ПРАКТИКАХ
РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАТОРСТВА В ТУРКЕСТАНСКОМ
КРАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-4
УДК 338.431:94(571)

Выходные данные для цитирования:

Чуркин М.К. Переселенческое дело во властном дискурсе и практиках
российского цивилизаторства в Туркестанском крае (вторая половина XIX –
начало XX века) // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 40–45.

URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-04.pdf>

M.K. Churkin*

THE CASE OF RESETTLEMENT
IN THE DISCOURSE OF POWER AND PRACTICES
OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE TURKESTAN REGION
(SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-4

How to cite:

Churkin M.K. The Case of Resettlement in the Discourse of Power and Practices
of Russian Civilization in the Turkestan Region (Second Half of the 19th –
Early 20th Centuries) // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 40–45.

[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-04.pdf>]

Abstract. The article, based on the discourse of imperial experts – direct participants and eyewitnesses of the resettlement case in the Turkestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries, evaluates the approaches and practices of the Russian bureaucracy to the organization of the settlement, arrangement, economic activity of agrarian migrants from European Russia in the region. It has been established that the ideas of the imperial authorities about the integration of the territories of Central Asia, the formulation and implementation of the principles of population policy, were determined by the awareness of the special civilizing mission of the Russian people on the outskirts, marked as “Russia’s own East”. In this regard, agrarian migrations of the Russian peasantry to the Turkestan region, along with Russification projects in the field of public education, were considered an important tool for cultural alignment and imperial incorporation of the region into the all-Russian space. The ideological background played a significant role in constructing the discourse of the resettlement case in Turkestan as a civilizing mission: the Russian Empire, being a dynasty, conveyed to society the concept of the personal nature of the political power of the emperor, who delegated part of his powers to the regional administration in the east of the country. Thus, the highest provincial authorities, in many ways independently and authoritarily, determined the choice of scenarios for organizing the resettlement case, initially guided by the widespread beliefs among conservative elites in the high cultural potential of Russian farmers – Cossacks and peasants. Such an approach, in the context of a long-term absence or uncertainty of legal norms for the resettlement and settlement of peasants in the Turkestan region, the presence of controversial issues of land use of the nomadic and sedentary population, led to a serious imbalance in solving the agrarian issue in Central Asia. The agrarian crisis in the center of the country, the growth of unauthorized resettlements, and the amorphous nature of the colonization fund in peripheral regions have reoriented the discourse and practices of the authorities from developing long-term resettlement tasks to hasty and ill-considered decisions of a short-term nature.

Keywords: Turkestan region, resettlement case, power discourse, imperial bureaucracy, peasantry, Cossacks, indigenous population public sphere.

* **Михаил Константинович Чуркин**, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Mikhail Konstantinovich Churkin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

The article has been received by the editor on 29.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На материалах дискурса имперских экспертов – непосредственных участников и очевидцев переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в. оцениваются подходы и практики российской бюрократии к организации водворения, обустройства, хозяйственной деятельности аграрных мигрантов из Европейской России в регионе. Установлено, что представления имперской власти об интеграции территорий Центральной Азии, формулировании и реализации принципов политики населения определялись осознанием особой цивилизаторской миссии русского народа на окраинах, маркируемых как «собственный восток России». В этой связи аграрные миграции российского крестьянства в Туркестанский край наряду с русификаторскими проектами в сфере народного образования рассматривались как важный инструмент культурного выравнивания и имперской инкорпорации региона в общероссийское пространство. Знаковую функцию в конструировании дискурса переселенческого дела в Туркестане как цивилизаторской миссии выполнял идеологический фон: Российская империя, являясь государством-династией, транслировала обществу понятие о личном характере политической власти императора, делегировавшего на востоке страны часть своих полномочий региональной администрации. Таким образом, высшее губернское начальство во многом самостоятельно и авторитарно определяло выбор сценариев организации переселенческого дела, изначально руководствуясь широко распространенными среди консервативных элит убеждениями в высоком культуртрегерском потенциале российских землепашцев – казаков и крестьян. Подобный подход в условиях длительного отсутствия или неопределенности правовых норм переселений и водворения крестьянства в Туркестанском крае, наличия спорных вопросов землепользования кочевого и оседлого населения привел к серьезному дисбалансу в решении аграрного вопроса в Центральной Азии. Аграрный кризис в центре страны, рост самовольных переселений, аморфность колонизационного фонда в периферийных регионах переориентировали дискурс и практики власти от разработки рассчитанных на долгую перспективу задач переселенческого дела к скоропалительным и непродуманным решениям сиюминутного характера.

Ключевые слова: Туркестанский край, переселенческое дело, властный дискурс, имперская бюрократия, крестьянство, казачество, коренное население.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025 г.

Российская колонизация Туркестанского края, прологом к которой в историографии принято считать взятие Ташкента русской армией под начальством генерал-майора М.Г. Черняева в 1865 г. и образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства¹, стала органичным воплощением долгосрочного имперского дискурса, в границах которого вопросы обоснования территориальной экспансии и оправдания практик «освоения» культурного пространства с опорой на тезис о моральном превосходстве колонизаторов являлись приоритетными.

Как утверждает М. Ходорковский, важной составляющей российского цивилизаторства являлась сельскохозяйственная обработка земли как необходимое условие перевода

¹ Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М, 2016; Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638; Цыряпкина Ю.Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641.

кочевников-номадов в оседлое состояние². В данном плане принимающая этнокультурная среда как формат организации переселений крестьянства Европейской России в Туркестан оценивалась имперской властью в контексте политики населения и учитывалась уже в 1860–1870-х гг., когда понятие «переселенческая политика» отсутствовало даже в отношении регионов активного распространения аграрных мигрантов (Тобольская, Томская губернии). Военный губернатор Ферганской области Г.А. Покотило в докладе по переселенческому вопросу Туркестанскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову отмечал, что в стартовый период завоевания Туркестана, когда край во многих отношениях был не устроен, вся политика правительства сводилась к тому, чтобы связь окраины с империей строить на чувстве довольства туземцев русской властью: «...в этом духе в дальнейшем велись и все поземельно-податные работы»³.

Стремление к «умиротворению» коренного населения в системе координат переселенческого дела соотносилось с отсутствием четкой организационной модели в водворении и обустройстве переселенцев, которое, по мнению имперских экспертов, производилось всецело по усмотрению областной и уездной администраций, став основанием переселенческого дела при первых туркестанских генерал-губернаторах – К.П. фон Кауфмане (1867–1882 гг.) и М.Г. Черняеве (1882–1884 гг.)⁴.

Личная позиция А.П. фон Кауфмана в отношении колонизации региона, знаковым сегментом которой являлись крестьянские переселения, основывалась на неудачном опыте активной русификации и христианизации иноэтничного населения Северо-Западного края Российской империи. В условиях Туркестана, в границах которого преобладало нерусское население, исповедовавшее ислам, Кауфман взял на вооружение модель, озвученную им в одном из первых своих всеподданнейших отчетах, где предметно говорилось о воспитательном значении русской колонизации при условии улучшения устройства казачьих и крестьянских поселков⁵.

Администрация Туркестанского края в лице генерал-губернаторской власти в период с 1867 по 1884 г. придерживалась тактики «мягкой» русификации, при этом основными инструментами политики социокультурной инкорпорации коренного населения признавались образовательные практики и распространение российского аграрного опыта. Примечательно, что деятельность в сфере народного образования осуществлялась довольно интенсивными темпами, что выразилось в активном обсуждении задач и перспектив образовательного дела совместными усилиями власти и общества, тогда как вопросы крестьянских переселений в Туркестан не были предметом последовательного обсуждения и нормативно-правовой кодификации.

Современники русской колонизации Туркестанского края усматривали определенный диссонанс между представлениями первых администраторов региона о распространении российского земледельческого опыта и правовой регламентацией переселенческого дела. Указывалось, что стремление туркестанских администраторов учитывать экономические и культурные интересы местного кочевого (киргизы) и оседлого (сарты) населения фактически сводилось к минимуму в ситуации отсутствия переселенческого законодательства и ставки на исключительно русский элемент при организации переселенческих поселков⁶. Очевидно, что негласная установка, сообразно с которой земледельческие поселения в пригодных для аграрного хозяйства районах Сыр-Дарьинской и Ферганской областей должны быть составлены из этнически русского населения, привела к негативным результатам. Согласно статистическим данным, к концу 1870-х гг. в переселенческих поселках Сыр-Дарьинской области числилось лишь около 2 000 душ крестьян-переселенцев, из кото-

² Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 10.

³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 58.

⁴ Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911. С. 157–158.

⁵ Иванов А.И. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб., 1890. С. 229.

⁶ Там же. С. 231–232.

рых собственно крестьян насчитывалось не более 200 человек, а остальные жители представлены нижними чинами, казачеством, крестьянами, приписанными в городах к мещанскому сословию⁷.

Свидетельством в пользу неэффективности переселенческой деятельности в формате идеологии «русского дела» являются выводы самого А.П. фон Кауфмана, пришедшего к заключению, что так называемые колонизаторы (казаки, отставные нижние чины, мещане) в лучшем случае превращались в кулаков-арендаторов, а в худшем – «в жалких лентяев и пропойц»⁸. Участники переселенческого дела в Туркестане с горечью констатировали и факт преобладания в неорганизованном переселенческом потоке лиц, мало пригодных для реализации в регионе принципов политики формирования «большой русской нации», полагая, например, что «...состав самовольных переселенцев в Кугарт – всевозможный сброд из разных областей и губерний, а вместе с переселенцами-хлебопашцами понабрело много разных неудачников, совершенно отвыкших от земледельческого труда»⁹.

Перемены в организации переселенческого дела, повлекшие за собой некоторые сдвиги в решении этнических вопросов колонизации Туркестанского края, наметились только во второй половине 1880-х гг. В 1886 г. были изданы правила водворения переселенцев в Туркестане – «Положение об управлении Туркестанского края 12 июля 1886 г.», не получившие широкой огласки¹⁰, но легитимировавшие политику «русского дела», провозгласив право переселяться в Туркестан исключительно русскому населению христианского вероисповедания¹¹.

Принятие правил было обусловлено не намерениями власти поставить дело крестьянских переселений в Туркестанский край на широкую государственную платформу, поскольку во властных кругах отношение к переселениям крестьян Европейской России в регионы азиатской периферии было сдержанно отрицательным, а необходимостью урегулирования текущих поземельных отношений кочевого, оседлого (инородческого) и русского крестьянского элемента, мигрировавшего в Туркестан самовольно. Отсутствие специальных учреждений для контроля за водворением переселенцев, хаотичность ссудной практики крестьянских хозяйств регулярно стимулировали конфликты между самовольными переселенцами и коренными обитателями края, о чем свидетельствуют докладные записки, составленные чиновниками особых поручений¹².

Кроме того, в 1880-х гг. в российском общественно-политическом дискурсе одним из ключевых являлся вопрос о культуртрегерском и колонизационном потенциале русского крестьянства, миграционную активность которого в пореформенный период многие эксперты определяли как «бегство от культуры», что выражалось в простом переносе моделей экономической деятельности в новые жизненные обстоятельства и консервации традиционного хозяйственного уклада¹³. Риторика недееспособности и культурной слабости русского крестьянства была широко разлита в текстах участников переселенческого дела в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. (А.А. Кауфман, А.И. Иванов и др.), полагавших, что причины низкой продуктивности крестьянского элемента в колонизации края следует искать не в неблагоприятных условиях местной природы, а «исключительно в своеобразном подборе самих переселенцев»¹⁴. Скепсис организаторов переселенческого дела в Туркестанском крае по отношению к русскому крестьянству сохранялся и в последующие

⁷ Иванов А.И. Русская колонизация в Туркестанском крае... С. 233.

⁸ Там же.

⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 64.

¹⁰ Переселенческое дело в Туркестане: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной графом К.К. Паленом. СПб., 1910. С. 2.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 58.

¹³ Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. С. 3; Кауфман А.А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара, 1915.

¹⁴ К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчет члена ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. С. 7.

годы, о чем предметно сообщали в своих отчетах представители военной администрации в 1908–1909 гг.¹⁵

В целом, несмотря на количественный прирост переселенческого движения и число образованных русских поселков, отмечаемое в отчетах правительственных чиновников, к началу XX в. корневая политическая задача русификации, предполагавшая культурную гомогенизацию населения средствами образования и аграрных переселений крестьян-мигрантов из европейской части страны, оказалась нерешенной. К 1905 г. в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях, входивших в ареал российской земледельческой колонизации, собственно русского населения насчитывалось 3,5 %, 0,4, 1,5 % от общего числа жителей соответственно¹⁶. Организация русских поселков в Туркестанском крае по большей части являлась производным инициативы и личных решений местных администраций (генерал-губернаторов и их подчиненных), с одной стороны, сознававших необходимость заселения территорий региона русским элементом, с другой – стремившихся поддержать преобладавшие численно и перешедшие к оседлости группы коренного населения, предоставляя им земельные наделы, что приводило к резкому сокращению колониального фонда.

Необходимо также отметить, что стремление имперской власти к формированию однородного в культурном отношении пространства имело свои естественные пределы, поскольку создание однородной социокультурной среды означало бы исчезновение самой империи, ее окончательную трансформацию в национальное государство с отказом от практик доминирования и принуждения. На рубеже XIX–XX вв. в политике населения России на восточных окраинах, в том числе и в Туркестанском крае, все отчетливее начинает проявляться тенденция к установлению дистанции между «человеком власти и культуры» – имперской администрацией и локальными сообществами региона: российскими переселенцами, оседлыми и кочевыми группами коренного населения, составлявшими разряд подчиненных – колониальных субалтернов.

Литература

Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 880 с.

Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

Иванов А.И. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1890. С. 226–244.

Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А.Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.

К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчет члена ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. 205 с.

Кауфман А.А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара: Тип. губ. земства, 1915. 32 с.

Переселенческое дело в Туркестане: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной графом К.К. Паленом. СПб.: Сенатская тип., 1910. 429 с.

Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.

Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

¹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1305. Л. 89–99; ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 748. Л. 90–95.

¹⁶ Переселенческое дело в Туркестане... С. 96.

Цыряпкина Ю.Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641.

References

Abashin, S.N. (2016). *Turkestan v imperской politike Rossii: monografiya v dokumentakh* [Turkestan in the Imperial Policy of Russia: A Monograph in Documents]. Moscow, Kuchkovo pole. 880 p.

Brezhneva, S.N. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoy politike Rossiyskoy imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [Reflection of the idea of Acculturation in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 19th–20th Centuries]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 17, No. 3, pp. 608–638.

Gavrilov, N. (1911). *Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchet po sluzhebnoy poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh porucheniy pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova* [The Migration Case in the Turkestan Region (Syr Darya, Samarkand, Fergana Regions): Report on the Official Trip to Turkestan in the Autumn of 1910 by N. Gavrilov, an Official on Special Assignments at the Migration Directorate]. St. Petersburg, Tipografiya F. Vaysberga i P. Gershuni. 336 p.

Hodarkovskiy, M. (2019). *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [The Steppe Frontiers of Russia: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p.

Isaev, A.A. (1891). *Pereseleniya v russkom narodnom hozyaystve* [Resettlements in the Russian National Economy]. St. Petersburg, A.F. Cinzerling. 192 p.

Ivanov, A.I. (1890). *Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskom krae* [Russian Colonization in the Turkestan Region]. St. Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, pp. 226–244.

Kaufman, A.A. (1903). *K voprosu o russkoy kolonizatsii Turkestanskogo kraya: Otchet chlena uchenogo komiteta Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv A.A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g.* [On the Issue of Russian Colonization of the Turkestan Region: Report of the Member of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture and State Property A.A. Kaufman on a Business Trip in the Summer of 1903]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. 205 p.

Kaufman, A.A. (1915). *Agronomicheskaya pomoshch' v Rossii. Istoriko-statisticheskii ocherk* [Agronomic Assistance in Russia. Historical and Statistical Essay]. Samara, Tipografiya gubernskogo zemstva. 32 p.

Palen, K.K. (1910). *Pereselencheskoe delo v Turkestane: Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoy grafom K.K. Palenom* [The Resettlement Case in Turkestan: Report on the Revision of the Turkestan Region, Carried Out by Count K.K. Palen]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya. 429 p.

Tsyryapkina, Yu.N. (2022). “Bor'ba za russkoe delo”: imperskaya kolonizatsiya Turkestana [“The Struggle for the Russian Cause”: Imperial Colonization of Turkestan]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, No. 5, pp. 1625–1641.

О.Н. Яхно*

**КОСТЮМ ЖИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНБУРГА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ:
СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НОВАЦИИ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-5
УДК 94(470.5)"19"

Выходные данные для цитирования:
Яхно О.Н. Костюм жителя Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков:
стилевые особенности и новации // Исторический курьер. 2025. № 5 (43).
С. 46–59. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-05.pdf>

O.N. Yakhno*

**ADAPTATION OF COMBATANTS
OF THE FIRST WORLD WAR TO THE REAR LIFE
IN THE OMSK MILITARY DISTRICT IN 1915–1922****

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-5

How to cite:
Yakhno O.N. Yekaterinburg Resident's Costume at the Turn of 19th–20th Century:
Style Features and Innovations // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 46–59.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-05.pdf>]

Abstract. The article considers the peculiarities of the evolution of city dwellers' clothing at the turn of the 20th century, using Yekaterinburg as a case study. Based on an analysis of various sources, including press materials, museum and private collections, police reports, advertisements and clothing manufacturers' and sellers' catalogues, it is concluded that this process was part of significant changes in the economic, social and cultural spheres. The entire way of everyday life was changing, as reflected in the clothing of the townspeople. A universal urban costume became widespread. Its appearance clearly indicated the weakening of class barriers within the urban community. Some sources of change in urban clothing are also considered. Technical progress, for example, significantly reduced the cost of clothing production, making the costume affordable for most residents. The growing popularity of active recreation, sports, and trips to country houses and resorts led to increased demand for suitable clothing and other related goods. Even the most avant-garde innovations in clothing style, structure and design were eventually simplified and incorporated into the universal urban costume. Of course, some inhabitants remained committed to traditional styles of dress. This reflected differences in income, social status and value orientations of different urban strata rather than individual preferences. Another important feature was the incorporation of various cultural elements into the clothing of townspeople. Therefore, judging by the clothing, the urban community's transition to a bourgeois way of life was certainly not yet complete.

Keywords: urban lifestyle, costume, fashion, historical source.

*The article has been received by the editor on 20.07.2025.
Full text of the article in Russian and references in English are
available below.*

Аннотация. В статье предпринята попытка на конкретном историческом материале Екатеринбурга рассмотреть особенности эволюции одежды горожан на рубеже XIX–XX вв. На основании анализа различных источников (материалов прессы, музейных и частных коллекций, полицейских протоколов, рекламных объявлений, каталогов производителей и продавцов одежды и т.д.) делается вывод, что этот процесс был частью значимых перемен в экономике, социальной и культурной сферах. Менялся весь

* **Ольга Николаевна Яхно**, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: mrsyakhno@mail.ru
Olga Nikolaevna Yakhno, Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: mrsyakhno@mail.ru

прежний уклад повседневной жизни, что отражалось на одежде горожан. Широкое распространение получил универсальный городской костюм. Его появление наглядно свидетельствовало об ослаблении сословных барьеров в городском сообществе. Кроме этого, рассмотрены некоторые источники изменения городской одежды. В частности, технический прогресс, значительно удешевивший производство одежды, сделал костюм доступным для большинства жителей. Распространение моды на активный отдых и занятия спортом, поездки на дачи и курорты вели к увеличению спроса на соответствующую одежду и другие специальные товары. Даже самые авангардные новации в стиле, структуре и элементах одежды в конце концов упрощались и становились его частью. Разумеется, часть жителей сохраняла приверженность традиционному стилю одежды. И это отражало не столько индивидуальные предпочтения, сколько различия в доходах, социальном статусе, ценностных ориентациях различных городских слоев. Другой важной особенностью являлось наличие в одежде горожан различных культурных компонентов, обусловленных региональными традициями. Так что если судить по костюму, процесс перехода городского сообщества к буржуазному образу жизни был, конечно, не завершен.

Ключевые слова: городской образ жизни, костюм, мода, исторический источник.

Статья поступила в редакцию 20.07.2025 г.

Неотъемлемой частью любой культуры является одежда. Мысль о том, что наблюдаемые в ней изменения отражают существенные сдвиги в общественном устройстве, нормах поведения и ценностных представлениях, кажется очевидной. Поэтому внешний облик человека, стилевые особенности его костюма, включая крой и материал, сопутствующие аксессуары и обувь, являются важным источником изучения образа жизни людей. Особый интерес представляет сочетание традиций и новаций в костюме различных социальных страт в переломные исторические эпохи. Они наглядно показывают вектор и масштабы перемен в экономической, социальной и культурной сторонах общественной жизни, позволяют очертить границы тех социальных групп, которые являлись наиболее восприимчивыми к новшествам.

Первыми к костюму как к источнику реконструкции повседневности обратились этнографы. С конца 1990-х к ним присоединились историки¹. Одновременно увеличилось число исследований по теории моды, в которых разрабатываются подходы к изучению костюма и одежды в неразрывной связи с ее носителем². Это облегчает поиск ответов на вопрос, как и почему происходили значимые изменения в одежде, в какой мере они отражали динамику общественного развития конца XIX – первой четверти XX в. Наглядное представление об этом процессе дает обращение к истории Екатеринбурга. С одной стороны, город являлся одним из локомотивов активно формирующегося капиталистического уклада и новых буржуазных отношений, а с другой – обладал устойчивыми традициями в силу своего исторического развития. Екатеринбург строился как завод-крепость. А затем на протяжении десятилетий являлся центром управления военизированной горнозаводской промышленности на востоке страны. Поэтому тогда в одежде его жителей доминировал военный

¹ Горбачева Л.М. Костюм XX века. От Поля Пуаре до Эммануэля Унгаро. М., 1996; Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. (Опыт энциклопедии). М., 1995; Русский костюм. 1890–1917. Вып. V. М., 1972; Ильичева Л.С. Городской костюм в России XVIII – начала XX века: историографический аспект // Вестник МГУКИ. 2015. № 6 (68). С. 134–141; Пармон Ф.М. Композиция костюма. М., 1997.

² Зелинг Ш. Мода. Век модельеров. 1900–1999. Köln, 2000; Музалевская Ю.Е. Связь понятий «костюм» и «вестиментарная мода» [Электронный ресурс] // Костюмология. 2017. Т 2, № 3. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/04KL317.pdf> (дата обращения: 14.03.2024); Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность. М., 2012; Бруард К. Модный Лондон. Одежда и современный мегаполис. М., 2016.

мундир, не допускавший каких-либо несанкционированных отклонений от централизованно установленных образцов.

В ходе «великих реформ» второй половины XIX в. Екатеринбург утратил статус «столицы» горнозаводского края и стал рядовым уездным городом. Это повлекло за собой изменение его функций и перестройку экономики на капиталистический лад. Соответственно менялся состав населения города, что непосредственно отражалось на костюме жителей. Конечно, большую часть горожан составляли мастеровые и работные люди, в основном недавние выходцы из деревни. Многие из них сохраняли приверженность к своей традиционной одежде, продолжая носить туникообразные рубахи и традиционные порты, надевая сверху в теплое время года армяки и зипуны, а зимой – овчинные тулупы, шубы и полушубки. Вплоть до XX в. часто на ногах горожан можно было видеть кожаные поршни или лапти из лыка и бересты. Наиболее заметные изменения в одежде наблюдались у средних слоев городского сообщества. Чиновников по-прежнему было много. Мундиры носили служащие министерств внутренних дел, юстиции и финансов, почтово-телеграфные работники, инженеры путей сообщения, преподаватели и учащиеся учебных заведений и т.д.³ В их гражданском мундире также доминировал военный стиль (рис. 1).

Рис. 1. В.А. Кондаков.
Преподаватель естествознания.
СОКМ. СМ-23873-129. Ф. 8360

Даже гимназисты ходили в форменной одежде. Она состояла из гимнастерки или однобортной куртки, брюк, ремня с пряжкой, фуражки. Летом гимназисты надевали белые блузы из коломянки, схожие с теми, что носили кадеты⁴. В Екатеринбурге гимназисты носили темно-синие однобортные мундиры. По борту было пришито 9 гладких посеребренных пуговиц. По скошенному стоячему воротнику шел узкий серебряный галун. Шаровары шились из темно-синего сукна. Двубортное пальто было серого цвета с темно-синими петлицами. После 1905 г. появились черные гимнастерки с серебряными пуговицами⁵. Демократизация жизни после первой русской революции оказала влияние

Рис. 2. Семья. Фото В. Метенкова.
Начало XX в.
Музей истории Екатеринбурга

на принципы выработки новой гимназической формы. Акцент стал делаться на ее гигиеничности, практичности и удобстве. Форма приобретала региональные различия в зависимости от особенностей климата. Стала учитываться ее финансовая доступность⁶. Однако темный цвет форменной одежды воспитанников учебных заведений в целом сохранялся. Он как бы подчеркивал их скромность, скрывал различия в социальном происхождении. Женскую форму оживляли воротнички, пелерины, манжеты и фартуки (рис. 2).

Но все же в конце XIX в. мундир уже не доминировал в одежде представителей так называемого среднего класса Екатеринбурга. Это было связано с опережающим ростом численности горожан, не состоящих на государственной службе. Для них стремление к комфорту и вещному достатку, следование моде, желание хорошо и со вкусом одеваться являлись естественным требованием. Это наглядно свидетельствовало о трансформации материальных условий жизни, распростра-

³ Земцов В.Н., Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992. С. 252; Хорошилова О.А. Костюм и мода Российской империи: Эпоха Николая II. М., 2012. С. 155–193; Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 2001.

⁴ Хорошилова О.А. Костюм и мода Российской империи... С. 225.

⁵ Там же. С. 176–179.

⁶ Пашкова Т. Приключения мундира, фуражки и ранца // Теория моды. 2016–2017. № 42. С. 103.

нении буржуазных ценностей, новых эстетических представлений и норм поведения⁷. Такой вывод подтверждает анализ предметов одежды из музейных коллекций, фотографии городских жителей. Мужской костюм этого периода отличался стабильностью и лаконичностью, имел жесткий набор элементов. Состоятельные мужчины, лица «свободных профессий», а также чиновники, военные, специалисты в нерабочее время предпочитали европейский костюм приглушенных цветов. Это были подчеркнуто закрытые наряды. Строгий по силуэту монокромный костюм создавал образ уверенного элегантного делового человека. Свобода выбора, дающая возможность проявить свою индивидуальность, как правило, проявлялась в двух элементах: в фасонах воротничка и галстука. Именно большой выбор воротничков, возможность смены фасона и цвета галстука придавали мужскому костюму некоторое разнообразие, «расцветчивали» его.

Силуэт женского костюма также отличался четкостью и лаконичностью. Однако нередко имела место его чрезмерная декоративность. Наиболее подверженным модному влиянию элементом костюма стал лиф платья. Подчеркивалась линия талии, отсюда присутствовал короткий лиф. Декоративные детали менялись довольно часто. Горожанки предпочитали простые в исполнении варианты. Тесьма и кружево, оборки, банты замещали сложные подкройные детали. В повседневной жизни также использовались самые несложные по покрою рукава с умеренно широким буфом, поддержка которого не требовала дополнительных конструкций. И если на картинке из модного журнала дополнительные накладные еще больше визуально расширяли плечи, то в реальной жизни использовали мягкие оборки и пелерины (рис. 3).

Внешне купцы почти никак не выделялись среди городского населения. Но их одежда отличалась более богатым материалом и отделкой. Большинство купцов были старообрядцами, поэтому они отдавали предпочтение строгому, во многом традиционному костюму. Однако своих жен и дочерей купцы одевали роскошно. Достаток предьявлялся в виде ювелирных изделий, материала одежды. Золотой нитью украшались сарафаны, платки, кокошники. Эксклюзивные ткани – шелк, бархат, атлас – привозили из-за границы. А вот лекала использовали одни и те же несколько десятилетий. Наряды нередко передавались по наследству, так что богатство не транжирилось, а копилось. И вплоть до начала XX в. подобные сарафаны служили свадебным костюмом невесты.

И тем не менее, несмотря на прочные традиции, новации брали свое. Под влиянием стилистики модерна формировалось новое представление о современном раскрепощенном человеке. Поэтому происходил перенос в официальный костюм элементов костюма спортивного и повседневного. Его строгая элегантность постепенно смягчалась, пиджак не так плотно прилегал к телу, как сюртук, что меняло и общую манеру поведения. Городской костюм у женщин состоял из юбки и блузки, у мужчин – из пиджака и брюк. Это была первая универсальная одежда, которую носило большинство жителей города. Она имела почти одинаковый покрой и отличалась в основном качеством материала и шитья. Ее можно было встретить в гардеробе представителей всех городских сословий и слоев: чиновников, служащих различных ведомств, учителей, врачей, вплоть до мастеровых, дворников, ямщиков и т.д. Музейные и частные фотоколлекции дают многочисленные подтверждения этому.

Преобладающим цветом мужских костюмов являлся темный с различными оттенками. Выходные костюмы шили только черные. Фактура материалов была главным образом

Рис. 3. Семейная пара.
Фото Н. Терехова. 1880-е гг.

⁷ Холландер Э. Пол и костюм. Эволюция современной одежды. М., 2018; Яхно О.Н. Мода эпохи модерна: идеи и реальность на страницах российской прессы // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. № 5. С. 181–213.

гладкая или с небольшой выделкой. Общими элементами для всех типов костюмов были покатые плечи, так как плечевой шов спускался на спину. Лацканы имели умеренную ширину. Воротник имел высокую линию пришива к спинке. Костюмы шили приталенными: крой обрисовывал талию. Брюки неширокие – 22–23 см внизу. При всех костюмах носили жилеты – штучные или из той же ткани. У женщин важной новацией стал отказ от самых неудобных элементов костюма – корсета и избыточных украшений. Эмансипированные дамы все больше предпочитали костюмы, основанные на мужских фасонах: пиджак и юбку, которые носили с блузкой и галстуком. Также для пошива верхней одежды начинают использовать ткани, из которых раньше шили только мужское нижнее белье и блейзеры⁸.

«Русские сезоны» в Париже и новые фасоны Поля Пуаре способствовали увлечению пластичностью и сложной декоративностью Востока, достигшей высшей точки накануне Первой мировой войны⁹. Наиболее экстравагантные дамы включали в гардероб кимоно и шаровары. Несмотря на всю экзотичность подобных фасонов, даже местные магазины стали предлагать «самое модное, новое, изящное, эффектное и практичное для дам и барышень: есть блуза “Кимоно”, сшитая из наилучшей тонкой шерстяной набивной материи в японско-турецком вкусе»¹⁰. Изменения коснулись и фасонов юбок. При неизменной конструктивной основе (прямая или приталенная) они шились со множеством драпировок и подрезов, с туниками, оборками, воланами, часто с запахом. Конечно, модели, предлагавшиеся модными журналами, на практике использовались лишь частично. То же самое можно сказать про силуэт и конструктивные особенности лифа платья и блузок. Все же в повседневной жизни предпочтение отдавалось более удобным моделям. Из всего разнообразия предлагаемых модой сложных фантазийных туалетов выбирались наиболее простые по крою¹¹. Но сама идея придания костюму большей женственности воспринималась как веяние времени. И даже если платья не всегда отличались актуальными деталями, то все-таки соответствовали общей стилистике модерна с мягким силуэтом и пышной отделкой. В дневных платьях появляется короткий, длиной до локтя рукав. Идея естественности и открытости реализовалась в изменении покроя воротника, открывавшего шею. Выросло число фасонов: наряду с простыми отложными появляются воротники в виде оборки и прямоугольные в плане, напоминающие «матросские».

Распространению универсального городского костюма способствовало увеличение масштабов его производства профессиональными мастерами. Об этом свидетельствует число занятых изготовлением одежды, обуви, головных уборов и других сопутствующих изделий. Так, в 1897 г. в Екатеринбурге отряд шапочников (в том числе шляпных дел мастеров) и портных состоял уже из 396 человек (293 мужчины и 103 женщины). Кожаную обувь изготавливали 467 человек (444 мужчины и 23 женщины). В городе также трудились пимокаты и чулочницы¹². И это при численности жителей города чуть более 55 тыс. человек. В справочных изданиях отмечалось, что в Екатеринбурге налажено изготовление и продажа белья, корсетов, галантереи, галош, кожаного товара, мануфактуры, швейных и вязальных машин, модного товара, мехов и шуб, ниток, готового платья, полотна, пряжи, шляп и различных головных уборов, часов, изделий из драгоценных металлов и уральского камня¹³.

В числе мастеров-изготовителей одежды было много приезжих, в том числе из-за рубежа. В 1880-е два заграничных мастера С.Г. Стермешек и А.М. Копытнский в рекламе своих мастерских подчеркивали, что, имея опыт работы в лучших столичных и иностранных мастерских, теперь они предлагают свои услуги екатеринбуржцам. Такие портновские

⁸ Рибейро Э. Мода и мораль. М., 2012. С. 180–181.

⁹ Хозяйка дома. («Мода и домоводство») // Бесплатное приложение к журналу Всемирная новь. 1913. № 1, 3–8, 11.

¹⁰ Уральский край. 1911. 24 февр.

¹¹ Фефилова Л.Ю. Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX – начала XX по фотоматериалам Урала и Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 168.

¹² Уральский торгово-промышленный адрес-календарь. Пермь, 1899.

¹³ Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал: торгово-промышленный справочник. 1912 г. Изд. Л.Я. Френкель. Екатеринбург, 1912.

мастерские открывались с завидной регулярностью, несмотря на то, что в этом сегменте производства наблюдалась острая конкуренция¹⁴. Но растущее число дам и господ, желающих одеваться по последней моде, создавало устойчивый рынок для их продукции.

Распространению европейской моды способствовало открытие в городе магазинов готового платья. Реклама уверяла, что покупатели могут найти здесь «наилучшую изящную работу элегантных модных фасонов» по новым русским и заграничным образцам специального английского кроя¹⁵. Были специальные магазины для дам, где наряду с повседневной женской одеждой также предлагались свадебные наряды, веера, кружева, перья, цветы и пр.¹⁶ Благодаря относительной дешевизне такая одежда становится доступной для многих. В качестве примера можно привести широкую популярность котелков. Они стремительно распространялись не только в купеческой и мещанской среде, но и среди рабочих. Хотя последние все же предпочитали носить кепки и картузы.

Большим разнообразием отличался костюмный реквизит: очки, трости, часы, сумки, ювелирные изделия и пр. Распространенным аксессуаром как у женщин, так и у мужчин являлись зонты. Мужские были только черного цвета, имели деревянную дугообразную ручку. Более дешевые зонты делались из хлопчатобумажной ткани, а не шелковой, и имели металлические ручки. Аксессуары придавали одежде завершенность, указывали на статус, социальное положение владельца, подчеркивали формальность или неформальность костюма.

И все эти предметы были главным образом фабричного изготовления. Они продавались в специализированных магазинах, торговавших одеждой и сопутствующими аксессуарами. Так, на углу Успенской и Покровского проспекта располагался магазин купца И.С. Соколова «Парижский шик», филиал Санкт-Петербургской фирмы, предлагавший покупателям как российские, так и импортные французские товары – белье и конфекцион (рис. 4).

Рис. 4. Открытка. ГАСО

Большой популярностью пользовался универсальный магазин купцов Агафуровых. Его отдел золотых, серебряных, мельхиоровых и форменных вещей имел широкий набор ювелирных изделий и материалов для отделки форменного костюма. Прейскурант магазина перечислял их ассортимент: «позументы для сарафанов серебряный, мишурный, маскарадных костюмов ажурный. Кисти для башлыков. Снур серебряный, мишурный. Плетешок. Бахрома серебряная и мишурная. Форменные вещи: Шпаги гражданские разных ведомств. Шашки военные. Портупеи военные и гражданские. Темляки гражданские и военные, кушаки гражданские, полицейские. Погоны, петлицы, звездочки, ленты для орденов. Пуговицы разных министерств. Револьверы разных систем и заряды к ним»¹⁷. Ряд магазинов наряду с одеждой и аксессуарами торговал текстилем. На Успенской улице располагался мануфактурный магазин Телегиных. Недалеко от него был открыт универсальный магазин фирмы «А.Ф. Второв с сыновьями», который предлагал своим покупателям и всевозможные ткани, и готовые изделия. Разнообразие названий тканей впечатляет: нансук, шертинг, канифас, батист, ланкорд, миткаль¹⁸. Иногда в лавках Гостиного двора после Ирбитской ярмарки можно было купить различный шелковый товар, кавказские бурки, детские черкес-

¹⁴ Микитюк В.П. Екатеринбург деловой. Екатеринбург, 2022. (Сер.: Повседневная жизнь Екатеринбурга. Очерки). С. 68.

¹⁵ Уральский край. 1909. 2 июля.

¹⁶ Уральский край. 1909. 3 июля.

¹⁷ Свердловский областной краеведческий музей (СОКМ). Письменная коллекция. С/м 24698/1. Ф. 45. Оп. 1.

¹⁸ СОКМ. Н/в 2595.

В Екатеринбурге имелось несколько магазинов по продаже мехов. Помимо традиционных видов (соболь, норка, куница, бобер, каракуль, рысь), можно было приобрести экзотику – шкуры кенгуру, опоссума, скунса. Крупный торговый дом «Ионов и Алин» имел большой выбор «сибирских, американских мехов и шкурок разных зверьков для отделок». Менее обеспеченные горожане могли воспользоваться более дешевыми вариантами: кролики, собаки, кошки. Торговый дом Я.И. Панфилова, торгующий меховым товаром, предлагал покупателям доступные по цене шкурки черных кошек – от 12 до 45 руб., серых – от 8 до 20 руб., пестрых – от 5,50 до 7 руб. (рис. 5).

Ссылка на статью: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-05.pdf>

К зимнему сезону начиналась продажа готовых и сшитых на заказ шапок: каракулевых, бобровых, из кенгуру, котика и др. Дамские шапочки предлагались по цене от 2 до 10 руб. Рабочие обходились более дешевым и тяжелым мехом: кроликом и овчиной. В частности, в запасниках Свердловского областного краеведческого музея хранятся тулуп из овчины с верхом, крытым черным сукном, с енотовым воротником²³ и яга (верхняя зимняя мужская одежда с вшивными рукавами и большим шалевым воротником), сшитая из волчьих шкур на подбое из беличьих шкурок²⁴ (рис. 6).

Рис. 6. Молодая дама с муфтой. ГАСО. Р2751_1_42_18.

О стоимости и реальном описании вещей из гардероба состоятельных горожан дают представление полицейские протоколы о краже вещей. Так, в апреле 1914 г. из квартиры потомственного дворянина Е.И. Иванова были похищены: дамская на беличьем меху крытая сукном шуба стоимостью 100 руб.; николаевская шинель на хорьковом меху с камчатским бобровым воротником, крытая черным сукном, – 500 руб.; мужское пальто на хорьковом меху и каракулевым воротником – 50 руб.; жеребковая доха на кенгуровом меху – 100 руб. В протоколе упоминаются еще тулупы (енотовый и волчий), различные пальто с мехом чернобурки, лисы, кенгуру, летние пальто из драпа и сукна²⁵. Не менее интересна история, произошедшая в сентябре 1909 г. В меховой магазин Иконова и Алина поступил телефонный звонок с просьбой прислать несколько мехов для выбора. В магазине было отобрано несколько хорьковых шкур, одна песцовая и четыре каракуля на общую сумму 524 руб. Когда посыльный принес заказ по указанному адресу, его встретил человек, который забрал мешок и скрылся. Им оказался мещанин Рязанской губернии Я.Ф. Карапин 21 года, осужденный за это преступление на два месяца²⁶.

Особое значение с конца XIX в. в городском костюме стало играть белье, создающее конструктивную основу всего женского костюма. Его производством и продажей занимался Генрих Перетц. В 1873 г. он открыл мастерскую по изготовлению конфекциона (готовой мужской, женской, детской одежды и белья), постельного и столового текстиля. Затем появились еще 15 аффилированных с ним мастерских, а также пухоочистительная фабрика, изготавливавшая постельные принадлежности. В год весь комплекс предприятий производил продукции на 30–50 тыс. руб., что было весьма приличной суммой. Ее образцы экспонировались на торгово-промышленных выставках, в том числе и международных, на которых изделия были отмечены 10 золотыми медалями.

За продукцией Перетца приезжали из разных городов, а отдельные вещи даже отправлялись в царскую семью. Для удовлетворения растущего спроса и расширения соответствующего производства пришлось открыть курсы для обучения новых работниц. Неоценимый вклад в развитие дела внесла жена Генриха Борисовича Жозефина Игнатьевна Стерн. Именно она занималась обучением белошвейек. Помимо белья и постельных принадлежностей, в магазинах торгового дома можно было купить шелковые, шерстяные, суконные, бумажные материи, отделку, а также журналы модных новинок²⁷. В его каталоге предлагался широкий ассортимент товаров. Это были различные корсеты, матинэ, пеньюары, панталоны, фартуки, манжеты, манишки и рубахи, одежда и белье для женщин, детей и мужчин. Белье шилось из различных материалов: шифона, муслина, нансука, батиста, шелка, хлопка, шерсти, фланели и др. В отделке использовали разнообразные техники вышивки, готовое и ручное кружево. Их же можно было приобрести в магазине для домашнего применения, а также материал для изготовления белья – льняной и бумажный российских и зарубежных

²³ СОКМ. Коллекция ткани. См 14196. Тк 785.

²⁴ Там же. См 22415. Тк 1366.

²⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 11. Оп. 5. Д. 2430. Л. 10.

²⁶ ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2049. Л. 2.

²⁷ Микитюк В.П. Екатеринбург деловой... С. 70–76.

фабрик²⁸. Одной из первых в городе такую продукцию стала предлагать мастерская кружевных изделий Юлии Михайловны Ререн²⁹.

Для изготовления мужского белья брали не только хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани и трикотажные полотна, но и сосновую шерсть (разновидность вискозы, нить делалась из обработанных сосновых иголок). Пояса и манжеты по желанию можно было отделать строчной вышивкой. Предлагалась специальная одежда для беременных, молодых матерей и детская. Их стали одевать в соответствии с требованиями гигиены, пропорций и занятий. Особый интерес представляет описание приданого для невесты и новорожденных, так как оно дает представление о комплекте самого необходимого. Стоимость варьировалась от 55 до 650 руб. для невесты и от 25 до 100 руб. для новорожденных (рис. 7).

В других магазинах и мастерских в продажу поступала сезонная одежда для холодного времени года – вязанные пуховые платки, фуфайки, теплые чулки, гамаши³⁰. Нередкими были товары из Кракова, Вены и других западных городов. Спрос на многие товары в значительной мере формировали сами продавцы. Они активно рекламировали разнообразные товары, которые можно было подарить. «Внутри магазина Стерн устроена предпраздничная выставка разнообразных, изящных и практичных предметов, подходящих для подарков взрослым, детям, а также прислуге, состоящая из всевозможных сортов белья, шелковых, шерстяных, суконных и бумажных блузок, капотов, матине, верхних и нижних юбок, детских платьев и разных модных галантерейных товаров. Все по вполне доступным ценам»³¹.

Вместе с тем, несмотря на значительный рост продаж готового платья и отделки, домашнее изготовление одежды и рукоделия оставалось важным бытовым занятием. Знакомясь с многочисленными дореволюционными изданиями с рисунками, схемами, описаниями, можно восхищаться разнообразием видов и техник рукоделия, которым учили в школах и на различных курсах. Приложение к журналу «Нива» предлагало огромное число рисунков для вышивок в различных техниках. Декорировать можно было белье, одежду, аксессуары, постельные и столовые принадлежности, интерьерные вещи. Не менее популярным было и тамбурное вязание (крючком). Это позволяло разукрасить свое жилье и одежду воротничками, манжетами, жабо, кружевными вставками, дополнить вязаными перчатками, шляпками и сумочками. Встречались и экзотические на сегодняшний день техники – выжигание по бархату. Вязанные на спицах вещи не отличались особым изяществом, поэтому в основном вязали носки и чулки. Свитера, жилеты, жакеты были довольно грубыми и чаще всего использовались для занятий спортом или охоты. Сохранилось немало свидетельств тому, что многие вещи шились в домашних условиях. Об этом наглядно свидетельствуют ежедневные хозяйственные записи жительницы Екатеринбурга Е.Я. Корольковой. Она систематически покупала в различных магазинах города иголки, разнообразные ткани, отделки и пуговицы, тратя весьма приличные деньги³².

Традицию домашнего изготовления одежды поддерживало появление и распространение швейных машин. Это как минимум облегчало и убыстряло проведение различных

Рис. 7. Каталог товаров торгового дома Г. Перетца. 1908. Частная коллекция

²⁸ Уральский край. 1909. 3 мая.

²⁹ Екатеринбургская неделя. 1882. 10 марта.

³⁰ Уральская жизнь. 1912. 12 янв.

³¹ Урал. 1908. 6 янв.

³² СОКМ. С/м 24940/10. Ф. 56. Оп. 1.

операций. Если судить по каталогу фирмы «Зингер», то в продаже имелись ручные машины как для домашнего употребления, так и для белошвейных заведений. Кроме того, предлагались механизмы для шорных и сапожных мастерских, а также «для фабрикации зонтов, корсетов и изящных башмачных работ»³³. Рекламировались специальные приспособления для машинного шитья и обшивки трикотажа, «вязаных материй, подмышников, тюлевых гардин, белья, зонтов, а равно для картузного производства и фабричных красил. Автоматическая машина с рукавом с цепобразным швом специально для соломенных шляп».

И все же фабричное производство одежды росло опережающими темпами. Оно вело к упрощению кроя городского костюма и сокращению его деталей. Конструкция платья перестала быть громоздкой, перегруженной отделкой и украшением. В обиход вошла более дешевая пластмасса. Анилиновые красители сделали шерстяные ткани яркими. Российские хлопчатобумажные ткани заменили шелк, машинное кружево – ручную работу. Для производства тканей и кружева стали использовать вискозу, которая была почти неотличима от натурального шелка. А женское белье значительно расширило свою цветовую гамму. Узкие прошивки валансьен хотя и не отличались изысканностью, но практически не подвергались износу. Ими украшали домашнюю и дачную одежду, нательное и постельное белье. Практичность и дешевизна машинного кружева, а также способность подстраиваться под изменения моды формировали на него высокий спрос³⁴.

Но не только одежда и аксессуары создавали новый образ горожанина. Неотъемлемой частью его образа становились парфюмерия и косметика. Их продавали не только в аптекарских магазинах, но и в специальных отделах торговых домов. Там горожане могли купить духи, одеколоны, пудру и кремы различных российских и зарубежных фабрик. Названия продукции звучали очень привлекательно: «Белый цветок», «Хрустальная роза», «Лилия», «Божественный аромат», «Северный» одеколон и пр. Стоит также упомянуть о появлении многочисленных парикмахерских в разных районах города. В некоторых из них делали даже шиньоны, а другие нередко совмещали свои услуги с продажей парфюмерных товаров. Также покупателям предлагались различные средства по уходу за усами и бородой – специальные краски, мази и даже наусники.

Утверждению стилевых новаций в городском костюме, формированию идеального образа «современного человека» активно способствовали специализированные журналы: «Женщина», «Хозяйка», «Модный свет», «Наша пища», «Парижские моды», «Женское дело», «Модный свет», «Хозяйство и домоводство», «Новейшие моды и рукоделие», «Вестник моды», «Венский шик», «Парижский шик», «Английская домашняя портниха». Они являются неким синтезом иллюстраций и текста, что расширяло информационное поле за счет дополнительного описания модных элементов и степени их распространения. В них читатели могли увидеть последние новинки модной одежды, рекламу изделий лучших мастерских. Иллюстрации и текст дополняли выкройки моделей одежды. Это позволяло наглядно представить, как должны выглядеть входящие в моду детали. Согласно журналам для женщин, идеальный гардероб горожанки (степень приближения к идеалу определялась экономическими возможностями и личным вкусом) на каждый сезон должен был включать утренний туалет, домашнее платье, платье для работы в саду, деловой костюм, визитное платье, вечерний туалет, бальный наряд, костюм для прогулок, спортивный костюм, пальто, шубу, головные уборы, обувь для различных целей по сезону. В рекомендуемых туалетах, как правило, сочетались различные стили и детали.

Важным каналом распространения модных новинок являлись репортажи в печатных изданиях о светских и спортивных мероприятиях. Можно было прочесть, во что были одеты участники, как были оформлены помещения, чем угощали и как развлекались. К одежде, в которой публика посещала клубы, собрания, библиотеки, театры и кинотеатры, кофейни, сады и бульвары, предъявляли определенные требования. Так, Екатеринбургское

³³ СОКМ. С/м 22056/4. 1ПИ-6005.

³⁴ Шапиро Б. Ажур и женское белье: эстетика, идеология и технология машинного производства бельевой отделки с XVI века до наших дней // Теория моды. 2016. № 41. С. 71.

благотворительное общество давало в Общественном собрании костюмированные балы, доходы от которого шли на содержание «детского убежища». Как правило, им придавался тематический характер, т.е. балы именовались «ситцевыми», «бархатными», «шелковыми» и т.д. Это обязывало публику являться в соответствующих костюмах. Посетители, нарушившие правило, платили фиксированный штраф. «Екатеринбургская неделя» очень подробно описала один из таких тематических балов, организованных по инициативе Е.А. Иоссы. «Собственно говоря, “ситцу” там было мало, но зато много шелка, атласа, цветов, оживления. Вся интеллигенция, как один человек, собралась на этот бал. Четыре киоска, с большим вкусом и изяществом устроенные, привлекали внимание всех. Один в русском стиле, где продавались вина, водка и прочее, под заведованием госпож Л.В. Симановой, Е.Н. Бебениной и Е.Д. Бородиной, одетых в роскошные боярские костюмы; второй, увитый плющом и декорированный зеленью, с фруктами и водичками, в нем торговали в итальянских костюмах Л.О. Симанова, Е.О. Телегина и Б.В. Пономарева. Третий, чайный, в строго китайском вкусе, находился в распоряжении госпож Дмитриевской и Ваниной; наконец, четвертый – французский с мороженым, под руководством госпож А.А. Кульчицкой, Н.А. Протасовой, В.Г. и М.Г. Гирбасовых и М.В. Дудиной в изящных французских костюмах времен Людовика XIV»³⁵.

Многие представительницы зажиточной части населения предпочли появиться в роскошных нарядах, а не в ситцевой одежде простонародья. За это они платили штраф, пополняя тем самым бюджет Благотворительного общества. Однако другой части горожан, не обладающей высокими доходами, объявление бала «ситцевым» дало возможность посетить мероприятие, не затратив при этом больших средств на наряды. В немалой степени именно этим обстоятельством объясняется присутствие на балу всей городской интеллигенции. В подтверждение можно привести мнение участницы бала: «Для средней публики было дешевле сшить ситцевое платье, так как штраф был пять рублей, а ситец тогда можно было купить от 15 копеек»³⁶. Своеобразными законодателями моды становились актрисы театра и кино. Их популярность повышала статус их профессии. А также способствовала распространению представлений о том, как нужно со вкусом и модно одеваться.

В заключение нужно отметить, что на рубеже XIX–XX вв. произошла смена самой концепции городского костюма. Превращение Екатеринбурга в промышленно-торговый центр, быстрое развитие капиталистического уклада привели к распространению модных тенденций. В одежде стремились объединить красоту и пользу, удовольствие и нравственность, скромность и элегантность, изысканность и практичность. Свитера, платья из джерси, тренчкоты разрушали саму идею моды как демонстрации³⁷. Массовое производство готовой одежды удешевляло новые модели, позволяло всем слоям населения включить их в свой обиход. Наступило время смешения различных традиций. Логично предположить, что в реальной городской жизни материальные возможности заставляли многих отказываться от дорогих материй, тонких тканей, ручных вышивок и прочих дорогостоящих вещей и переходить к использованию более простой готовой одежды, что постепенно вытеснило традиционную крестьянскую или национальную одежду. Мягкие ткани, спокойные плавные силуэты, легкий декор – вот основные характеристики женского костюма начала XX в. Новая форма лифа, который мог носиться без корсета, значительное уменьшение количества нижних юбок, более простые, лишенные тяжелой многослойности платья значительно облегчили наряд. Новая женщина – активная, любознательная, подвижная и независимая – постепенно отказывается от викторианской замкнутости. Стремление к раскрепощенности, активной деятельности меняло и мужчину начала нового века. Произошло смягчение строгой элегантности официального костюма, привнесение в него более спокойных силуэтов и небрежных расцветок спортивного костюма способствовало изменению внешности мужчины, придавало ему более естественный непринужденный вид (рис. 8).

³⁵ Екатеринбургская неделя. 1889. 10 дек.

³⁶ Пешкова И. Отец и дочь // Урал. 2003. № 8. С. 225.

³⁷ Холландер Э. Пол и костюм... С. 46.

Этот процесс зафиксировали многочисленные источники того времени: средства массовой информации, открытки, каталоги и реклама, сценарии и костюмография театральных постановок, изобразительное искусство. Особый интерес представляют фотографии, сделанные в кругу семьи. Они позволяют увидеть костюм во всей полноте его повседневного бытования, лучше понять вектор социальных изменений и масштабы распространения культурно-эстетических новаций, свойственных буржуазному образу жизни. Однако не стоит преувеличивать скорость и масштабы перемен. По крайней мере часть жителей Екатеринбурга, относящихся преимущественно к нижним классам, недавно переехавшие из деревень различных губерний, или сезонные рабочие сохраняли приверженность крестьянскому стилю одежды. Это хорошо прослеживается по ряду фотографий из музейных и частных коллекций. На них видно, как зачастую отдельные новации в крое костюма сочетаются с традиционными элементами³⁸. И это отражало не столько индивидуальные предпочтения, сколько различия в доходах, социальном статусе, ценностных ориентациях различных городских слоев.

Другой важной особенностью являлось наличие в одежде горожан различных культурных компонентов, обусловленных региональными традициями. Это объяснялось высоким удельным весом мигрантов издалека в составе жителей города. В конце XIX в. лишь 40 % горожан родились в Екатеринбурге или Екатеринбургском уезде³⁹. И универалистские тенденции не смогли еще в полной мере нивелировать региональные различия в одежде. Хотя эти взаимопроникновения различных этнокультурных комплексов и создавали уральский вариант городского костюма, следует отметить, что процесс перехода к новому буржуазному образу жизни в рассматриваемый период был не завершен (рис. 9).

Рис. 8. Горожане на отдыхе. Частный архив

Рис. 9. Зарисовка с улицы. Тихачек М.И. Екатеринбург в лицах: из альбома Маргариты Тихачек. Свердловск, 1983

Литература

Бобицкий А.В., Горбачев О.В., Бахарев Д.С. Миграции населения // Екатеринбург: энциклопедия: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. Т. 1. С. 666–667.

Бруард К. Модный Лондон. Одежда и современный мегаполис. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 240 с.

Горбачева Л.М. Костюм XX века. От Поля Пуаре до Эммануэля Унгаро. М.: МГИК, 1996. 120 с.

Земцов В.Н., Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. 240 с.

³⁸ Хорошилова О.А. Костюм и мода Российской империи... С. 315.

³⁹ Бобицкий А.В., Горбачев О.В., Бахарев Д.С. Миграции населения // Екатеринбург: энциклопедия: в 2 т. Екатеринбург, 2023. Т. 1. С. 667.

Ильичева Л.С. Городской костюм в России XVIII – начала XX века: историографический аспект // Вестник МГУКИ. 2015. № 6 (68). С. 134–141.

Курсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. (Опыт энциклопедии). М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 383 с.

Микитюк В.П. Екатеринбург деловой. Екатеринбург: Альфа Принт, 2022. (Сер.: Повседневная жизнь Екатеринбурга. Очерки). 112 с.

Мода. Век модельеров. 1900–1999 / отв. ред. Ш. Зелинг. Кельн: Konemann, 2000. 656 с.

Музалевская Ю.Е. Связь понятий «костюм» и «вестиментарная мода» [Электронный ресурс] // Костюмология. 2017. Т. 2, № 3. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/04KL317.pdf> (дата обращения: 14.03.2024).

Пармон Ф.М. Композиция костюма. М.: Легпромбытиздат, 1997. 318 с.

Пашкова Т. Приключения мундира, фуражки и ранца // Теория моды. 2016–2017. № 42. С. 89–107.

Рибейро Э. Мода и мораль. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 264 с.

Русский костюм. 1890–1917. Вып. V / под ред. В. Рындина. М.: ВТО, 1972. 222 с.

Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 288 с.

Фефилова Л.Ю. Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX – начала XX по фотоматериалам Урала и Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 282 с.

Холландер Э. Пол и костюм. Эволюция современной одежды. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 176 с.

Хорошилова О.А. Костюм и мода Российской империи: Эпоха Николая II. М.: Этерна, 2012. 464 с.

Шапиро Б. Ажур и женское белье: эстетика, идеология и технология машинного производства бельевой отделки с XVI века до наших дней // Теория моды. 2016. № 41. С. 59–81.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 479 с.

Яхно О.Н. Мода эпохи модерна: идеи и реальность на страницах российской прессы // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. № 5. С. 181–213.

References

Bobitsky, A.V., Gorbachev, O.V., Bakharev, D.S. (2023). Migratsii naseleniya [Population Migration]. In *Yekaterinburg: entsiklopediya: v 2 tomakh*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 1, pp. 666–667.

Beward, K. (2016). *Modnyy London. Odezhda i sovremennyy megapolis* [Fashioning London. Clothing and the Modern Metropolis]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 240 p.

Fefilova, L.Y. (2007). *Metodika istoricheskogo analiza evropeyskogo kostyuma kontsa XIX – nachala XX po fotomaterialam Urala i Sibiri* [Methodology of Historical Analysis of the European Costume of the end of 19th – Beginning of 20th on Photomaterials of the Urals and Siberia]. Cand. hist. sci. diss. Yekaterinburg. 282 p.

Gorbacheva, L.M. (1996). *Kostyum XX veka. Ot Polya Puare do Emmanuelya Ungaro* [Costume of the 20th Century. From Paul Poiret to Emmanuel Ungaro]. Moscow, Izdatel'stvo MGII. 120 p.

Hollander, E. (2018). *Pol i kostyum. Evolyutsiya sovremennoy odezhdy* [Sex and Suits. The Evolution of Modern Dress]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 176 p.

Ilyicheva, L.S. (2015). *Gorodskoy kostyum v Rossii XVIII – nachala XX veka: istoriograficheskiy aspekt* [Urban Costume in Russia 18th Early 20th Century: Historiographical Aspect]. In *Vestnik MGUKI*. No. 6 (68), pp. 134–141.

Khoroshilova, O.A. (2012). *Kostyum i moda Rossiyskoy imperii: Epoha Nikolaya II* [Costume and Fashion of the Russian Empire: The Age of Nicholas II]. Moscow, Eterna. 464 p.

Kirsanova, R.M. (1995). *Kostyum v russkoy khudozhestvennoy kul'ture XVIII – pervoy polovine XX vv. (Opyt entsiklopedii)* [Costume in Russian Art Culture of the 18th – First Half of the 20th Century (Experience of Encyclopaedia)]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya. 383 p.

Mikityuk, V.P. (2022). *Ekaterinburg delovoy* [Ekaterinburg Business]. Yekaterinburg, Al'fa Print. 112 p.

Muzalevskaya, Yu.E. (2017). Svyaz' ponyatiy "kostyum" i "vestmentarnaya moda" [The Relationship between the Concepts of "Costume" and "Vestimentary Fashion"]. In *Kostyumologiya*. Vol. 2, No. 3. Available at: URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/04KL317.pdf> (date of access 14.03.2024).

Parmon, F.M. (1997). *Kompozitsiya kostyuma* [Costume Composition]. Moscow, Legprombyt-izdat. 318 p.

Pashkova, T. (2016–2017). Priklyucheniya mundira, furazhki i rantsa [Adventures of Uniform, Cap and Satchel]. In *Teoriya mody*. No. 42, pp. 89–107.

Ribeiro, E. (2012). *Moda i moral'* [Dress and Morality]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 264 p.

Ryndin, V. (Ed.). (1972). *Russkiy kostyum. 1890–1917. Vyp. V* [Russian Costume. 1890–1917. Vol. V]. Moscow, WTO. 222 p.

Shapiro, B. (2016). Azhur i zhenskoe bel'e: estetika, ideologiya i tekhnologiya mashinnogo proizvodstva bel'evoy otdelki s XVI veka do nashikh dney [Ajur and Lingerie: Aesthetics, Ideology and Technology of Machine Production of Lingerie Trim from the 16th Century to the Present Day]. In *Teoriya mody*. No. 41, pp. 59–81.

Shepelev, L.E. (2001). *Chinovnyy mir Rossii: XVIII – nachalo XX v.* [The Official World of Russia: 18th – Beginning of 20th Century]. St. Petersburg, Isskustvo-SPb. 479 p.

Wilson, E. (2012). *Oblachennye v mechty: moda i sovremennost'* [Adorned in Dreams: Fashion and Modernity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p.

Yakhno, O.N. (2020). Moda epokhi moderna: idei i real'nost' na stranitsakh rossiyskoy pressy [Fashion of the Art Nouveau Era: Ideas and Reality on the Pages of the Russian Press]. In *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoyashchem*. No. 5, pp. 181–213.

Zeling, Sh. (Ed.). (2000). *Moda. Vek model'ero. 1900–1999* [Fashion. Century of Fashion Designers. 1900–1999]. Cologne, Konemann. 656 p.

Zemtsov, V.N., Lyapin, V.A. (1992). *Ekaterinburg v mundire* [Yekaterinburg in Uniform]. Yekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 240 p.

Т.В. Котюкова*

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА» НАЧАЛЬНИКА ТУРКЕСТАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ А.А. ТАТИЩЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ИРАН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-6
УДК 94(575.4)*Выходные данные для цитирования:**Котюкова Т.В. «Докладная записка» начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ А.А. Татищева как источник по истории переселенческого движения в Иран накануне Первой мировой войны // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 60–75.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-06.pdf>*

T.V. Kotyukova*

“REPORT” BY THE HEAD OF THE TURKESTAN DEPARTMENT OF AGRICULTURE AND STATE PROPERTY, A.A. TATISHCHEV AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE MIGRATION MOVEMENT TO IRAN ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-6

*How to cite:**Kotyukova T.V. “Report” by the Head of the Turkestan Department of Agriculture and State Property, A.A. Tatishchev as a Source on the History of the Migration Movement to Iran on the Eve of the First World War // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 60–75. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-06.pdf>]*

Abstract. In this article, we will analyze an interesting and important source on the complex issues of Russian resettlement in the northeastern provinces of Iran. This is the “Report” from Alexei A. Tatishchev, head of the Turkestan Administration of Agriculture and State Property, addressed to Alexander V. Samsonov, Governor-General of Turkestan, regarding peasant resettlement to Iran. The “Report” consists of a main section, a summary of conclusions, and an appendix. It is dated May 28, 1914. A copy of the report was sent to the Ministry of Foreign Affairs and is stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI) in the Central Asian Table collection. This document allows us to take a comprehensive look at the situation, understanding the specifics and nuances of state resettlement policy, which included several strategic lines, and to recognize that these lines had a departmental dimension.

Keywords: Russian Empire, Northeastern Iran, Mazandaran and Astrabad provinces, Turkestan Governorate-General, Russian settlers, resettlement policy, Yomud Turkmens, A.A. Tatishchev, A.V. Krivoshein, A.V. Samsonov.

The article has been received by the editor on 21.10.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Татьяна Викторовна Котюкова**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kotyukovat@mail.ru

Tatyana Viktorovna Kotyukova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kotyukovat@mail.ru

** Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

The article was published as part of the project “Russia in Central Asia: Modernization, Cultural Ties, Memorial Policy (Second Half of the 18th – Beginning of the 21st Centuries)” (FWZM-2025-0001).

Аннотация. В настоящей статье мы проанализируем интересный и важный источник по целому комплексу проблем русского переселения в северо-восточные провинции Ирана. Речь идет о «Докладной записке» начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ Алексея Алексеевича Татищева на имя туркестанского генерал-губернатора Александра Васильевича Самсонова о крестьянском переселении в Иран. «Докладная записка» состоит из основной части, свода заключений и приложения. Она датирована 28 мая 1914 г. Копия записки была направлена в Министерство иностранных дел и отложилась в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде Среднеазиатский стол. Документ позволяет взглянуть на ситуацию комплексно, разобраться в особенностях и нюансах государственной переселенческой политики, в рамках которой существовало несколько стратегических линий, и осознать, что эти линии имели ведомственное измерение.

Ключевые слова: Российская империя, северо-восточный Иран, Мазендаранская и Астрабадская провинции, Туркестанское генерал-губернаторство, русские переселенцы, переселенческая политика, туркмены-йомуды, А.А. Татищев, А.В. Кривошеин, А.В. Самсонов.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025 г.

Исторический контекст переселенческого движения в северо-восточные провинции Ирана. Переселенческое движение в Иран стало серьезно анализироваться специалистами еще в последние предреволюционные годы¹. Далее эстафета перешла к советской исторической науке советских республик Средней Азии². В последние годы много и успешно осмыслением истории русского крестьянского переселения и колонизации Астрабадской и Мазендаранской провинций Персии занимается А.Б. Ларин³ и ряд других авторов⁴.

Прежде чем мы перейдем к знакомству с содержательной частью «Докладной записки» А.А. Татищева⁵, рассмотрим общий контекст, при котором началось и развивалось русское переселенческое движение в северо-восточный Иран в начале XX в.

Во второй половине XIX в. в Персии столкнулись интересы Российской и Британской империй. Итогом этой сложной, не всегда только дипломатической борьбы стала Англо-русская конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге 18 (31) августа 1907 г. Соглашение предусматривало разделение Персии на три зоны влияния. Северная часть составляла русскую зону влияния, южная часть была признана британской зоной. Между северной и южной частями страны тянулась нейтральная полоса, в пределах которой как Россия, так и Англия

¹ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Пг., 1915; Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915; Воишин В.П. Современные задачи России на севере Персии. Пг., 1915; Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазендаранскую провинции Северной Персии. Пг., 1916; и др.

² Гинзбург А.И. Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период): сб. ст. Ташкент, 1965. С. 30–36; Канода Н.Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (Конец XIX в. – начало XX в.). Ашхабад, 1973; и др.

³ Ларин А.Б. «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»: консул К.В. Иванов о проблемах и перспективах российского переселенчества и землевладения в прикаспийских провинциях Ирана (начало XX в.) [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 9 (131). URL: <https://history-jes.su/s207987840028442-5-1> (дата обращения: 14.10.2025); Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 11 (133). URL: <https://history-jes.su/s207987840029145-8-1> (дата обращения: 14.10.2025); и др.

⁴ Сухоруков А.Н. Русские поселения на севере Ирана в начале XX в. // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем. IX Колосницынские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 282–287.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 1–19.

могли добиваться от иранского правительства концессий только по соглашению с другой стороной.

Первое десятилетие XX в. стало для Ирана периодом политического и финансового кризиса. В 1905–1911 г. в стране произошла Конституционная революция, корни которой находились не только внутри страны, но и за ее пределами. Шах Музаффар ад-Дин был ориентирован на Россию. Англичане всеми силами старались ослабить русское влияние, оказывая поддержку одновременно революционерам и шиитскому духовенству. В результате сильнейшего политического давления в октябре 1906 г. Мозаффереддин-шах был вынужден принять конституцию и создать меджлис.

В январе 1907 г. на иранский престол вступил Мохаммед Али-шах. 24 июня 1908 г. разогнал меджлис с помощью русской Персидской казачьей бригады. В июле 1909 г. Мохаммед Али был низложен.

В феврале 1909 г. в северо-западных районах Ирана участились случаи грабежей жителей, являвшихся русскими подданными, а также нападений на консульства. Весной 1909 г. в связи с нестабильной политической обстановкой в Иран были направлены российские войска. Убийства российских подданных карались смертными приговорами, выносимыми российскими военно-полевыми судами. Спустя несколько месяцев после ввода войск русские дипломаты в Иране сообщали в МИД о нормализации обстановки и наведении относительного порядка в северных приграничных районах.

После небольшого периода затишья осенью 1911 г. ситуация вновь обострилась. В иранской политической элите стали все отчетливее проявляться протурецкие настроения.

В июле 1911 г. бывший шах Мохаммед Али при поддержке России вновь прибыл в Иран и попытался снова прийти к власти, но осенью 1911 г. его отряды были разбиты. В ноябре 1911 г. российский военный контингент в Иране усилили, а иранскому правительству объявили ультиматум с требованием восстановить порядок и обеспечить защиту российских экономических интересов. После оккупации русскими войсками Северного Ирана иранское правительство согласилось удовлетворить все требования России.

В это же время на западе в приграничные территории Ирана вторглись турецкие войска. Россия приняла меры по вытеснению турецких войск с иранской территории. После стабилизации обстановки основная часть русских войск покинула Иран, но отдельные подразделения русской армии находились на территории Ирана вплоть до начала Первой мировой войны.

Персидское государство было многонациональным. На его территории проживали обособленные народы, не имевшие своей национальной государственности. Ситуация в регионе осложнилась после присоединения территории Закаспия к России. Накануне войны на северо-востоке Ирана в Астрабадской провинции было неспокойно. Здесь проживали кочевые и полукочевые племена курдов и туркмен-йомудов. Йомудов было порядка 12 тыс. семей⁶. Последние нередко имели двойное подданство и регулярно совершали сезонные перекочевки на территорию Закаспийской области Российской империи. В Иране находились их зимние стойбища и пахотные земли, в пределах Российской империи – летние. В Закаспийской области йомуды всячески уклонялись от уплаты податей, для чего совершали перекочевки в Персию. Здесь они совершали набеги на оседлое иранское население Астрабадской провинции.

В 1913 г. обстановка на русско-персидской границе продолжала оставаться непростой. Поводом к нагнетанию ситуации стало закрытие в Закаспийском регионе русско-персидской и русско-афганской границы в связи с эпидемией чумы.

Министр внутренних дел Н.А. Маклаков проинформировал Совет Министров о ситуации на российско-персидской границе в 1913 г. Согласно полученным донесениям, некоторые проживающие в Мерве иранцы вели антирусскую пропаганду среди туркмен⁷,

⁶ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 115. Оп. 1. Д. 160. Л. 15.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 5067. Л. 7.

несмотря на то, что взаимоотношения между иранцами-шиитами и туркменами-суннитами имели давнюю историю взаимной неприязни.

Оценка ситуации в Мерве и в приграничной Закаспийской области у туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова значительно отличалась от оценок Министерства внутренних дел. Самсонов и сотрудники его канцелярии крайне скептически относились к возможности совместных действий туркмен и персов в пределах русско-персидской границы⁸. На фоне этих политических и социально-экономических изменений начала XX в. в Иран начинают прибывать русские крестьяне-переселенцы.

Экономические интересы России в Иране накануне Первой мировой войны. С 1907 г. в Астрабадской провинции начали появляться русские переселенцы. Переселенческое движение возникло стихийно, без всяких усилий со стороны русского правительства. Оно росло и развивалось.

Вдоль российско-персидской границы стали возникать русские переселенческие поселки. В 1907 г. первые поселенцы обосновались неподалеку от рыбных промыслов купцов Лианозовых. Им удалось занять участок земли при содействии русского консульства в Астрабаде. Поток колонистов рос, и на территории Астрабадской, а затем Мазандаранской провинций возникали новые поселки. Практически параллельно с этим процессом развивалось и крупное российское землевладение. С российской стороны вопросом обустройства колонистов занимались Министерство иностранных дел и Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Одним из основных мотивов поощрения и стимулирования колонизации, по мнению А.Б. Ларина, было стремление сформировать фактически новую российско-иранскую границу и обеспечить безопасность важного в стратегическом отношении региона⁹.

С 1913 г. к оказанию русским переселенцам необходимой помощи были привлечены чины Сырдарьинского переселенческого района Туркестанского генерал-губернаторства¹⁰.

В апреле 1913 г. Главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин совершил поездку по Закавказью с посещением Муганской степи. Под впечатлением от увиденного им была составлена записка¹¹ на Высочайшее имя с планом развития Восточного Закавказья. В записке, помимо прочего, предлагалось взять концессию на персидскую часть Муганской степи (в том числе для организации борьбы с саранчой) в Гилянской провинции, построить Муганскую железную дорогу и заняться разведением хлопка¹².

Необходимо отметить, что по Петербургскому мирному договору 1723 г. к России отходили Гилянская, Мазандеранская и Астрабадская провинции Персии, но фактического присоединения территорий не состоялось. В 1732 г. Россия вернула Персии указанные провинции. Но и в России, и в Персии помнили, что такой исторический эпизод имел место.

Освоение провинций северо-восточной Персии русскими крестьянами-переселенцами на когда-то российских Гилянской, Мазандеранской и Астрабадской провинциях сухопутным путем могло развиваться по двум направлениям: со стороны Кавказа через Муганскую степь и со стороны Закаспийской области Туркестанского края.

Русский консул в Астрабаде К.В. Иванов в донесении, составленном в конце 1913 г. и придавшем мощный импульс обсуждению вопроса о поощрении русского землевладения и землепользования в Астрабадской и Мазандеранской провинциях как по линии МИД, Переселенческого управления ГУЗиЗ, Красного Креста и т.д., показал все достоинства и преимущества северо-восточной Персии для русской колонизации¹³.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5067. Л. 17 об.

⁹ Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности...

¹⁰ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии... С. 3.

¹¹ Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Муганскую степь в 1913 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1913.

¹² Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857–1921 г.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 143.

¹³ Ларин А.Б. «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»...

Комиссар для пограничных общений с Персией (эта должность была учреждена в 1897 г.) генерал К.В. Лавров со своей стороны отмечал любопытное явление: в 1913 г. в Персию переселилось много русских крестьян из Туркестана и Европейской России. Порядка 700 дворов переселенцев осели в основном в плодородных долинах рек Гюргена и Атрека, скупая за бесценок земли разорившихся местных землевладельцев. Причем хорошей ценой считался 1 рубль за десятину. Он же приводил сведения о том, что в пределах Астрабадской и Мазендаранской провинций Персии проживает 20 тыс. русских крестьян. По мнению генерала Лаврова, уже весной 1914 г. сюда могли хлынуть толпы переселенцев, поэтому он просил направить в эти районы для помощи в обустройстве крестьянам русских чиновников и санитарный отряд Российского общества Красного Креста¹⁴.

Сферы деятельности консула и комиссара, по образному выражению чиновника переселенческого управления А.М. Сахарова, разделялись рекой Курджавал, а по определению местных жителей консул и комиссар на подконтрольных им территориях были теми, кем являлись русские губернаторы в своих губерниях. «Если в этом содержалось преувеличение, – писал Сахаров, – то совсем небольшое»¹⁵.

Россия старалась развивать торговые связи с Ираном. Закаспийский участок границы считался одним из самых важных торгово-перевалочных пунктов. Поэтому в 1894 г. был образован особый Закаспийский таможенный округ. Он контролировал всю торговлю Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также все товары, ввозимые из Афганистана, Британской Индии и Ирана в Туркестанский край и ханства.

В 1913 г. дипломатическому чиновнику при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Семенову было поручено разобраться с обращением на территории Туркестана персидского крана. Получив и систематизировав информацию о значении кранов в русской торговле в Средней Азии с приграничными странами, Семенов 10 января 1914 г. в формате «Справки по вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии в пределах нашей южной приграничной полосы»¹⁶ представил ее генерал-губернатору А.В. Самсонову. В 1902 г. краны были допущены в обращение на приграничных территориях Туркестана наравне с бухарской теньгой и российскими денежными знаками. Стремление упорядочить хождение персидских кранов по территории Русского Туркестана и Бухарского эмирата должно было в конечном итоге способствовать улучшению экономической ситуации в регионе. Логическим продолжением «Справки» А.А. Семенова стала «Докладная записка» А.А. Татищева.

«Новый курс» в переселенческой политике. В 1910 г. российское правительство взяло так называемый новый курс в переселенческой политике. Главной задачей теперь становилось не просто выселение крестьян из Центральной России, а заселение окраин крепкими крестьянскими хозяйствами. В апреле-марте 1912 г. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин посетил Туркестан, о чем составил подробную записку¹⁷.

Важной составной частью нового курса Кривошеина в Туркестане было расширение хлопководства. К 1880-м гг. хлопок, выращенный на территории Туркестана, мог удовлетворить потребности примерно десятой части русской текстильной промышленности. Кроме того, Россия закупала хлопок в своих протекторатах – Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Но и это не могло полностью обеспечить необходимые для промышленности объемы поставок хлопка-сырца. Остальное приходилось закупать за рубежом. С 1870-х гг. и центральная, и региональная власть уделяла особенное внимание развитию этой культуры,

¹⁴ Котюкова Т.В. Персия // Россия в системе международных отношений в годы Первой мировой войны. М., 2019. Т. 3. С. 329.

¹⁵ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии... С. 14.

¹⁶ Котюкова Т.В. Денежное обращение в русском Туркестане и Бухарском эмирате. Справка А.А. Семенова «По вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии» // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. М., 2018. С. 220–259.

¹⁷ Кривошеин А.В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Туркестанском крае в 1912 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1912. С. 3–4.

пытаясь тем самым в будущем решить проблему зависимости российской текстильной промышленности и экономики в целом от импорта хлопка. В 1880-е гг. при генерал-губернаторе Н.О. Розенбахе был развернут проект по внедрению американского сорта хлопчатника в Туркестане.

В последующий период, до 1910 г., взгляды военных губернаторов областей Туркестана, туркестанских генерал-губернаторов и ГУЗиЗ зачастую сильно не совпадали. Например, они не совпали по принятию дополнения к статье 270 Положения об управлении Туркестанским краем – о возможности государства изымать так называемые земельные «излишки» у кочевого населения региона¹⁸.

По мнению А.В. Кривошеина, были глубокие внутренние причины, задержавшие русское заселение Туркестана. Причины эти – плотность расселения коренного населения в полосе орошаемых земель и сравнительная бесплодность земель неорошаемых¹⁹. «Надо дать, – считал А.В. Кривошеин, – русским переселенцам в руки бесспорное земельное богатство, а таким в Туркестане является только орошение земли. Но все ранее орошенные земли остаются в руках туземцев, следовательно, или их у них скупить, или оросить новые»²⁰. То есть Кривошеин имел намерение отказаться от изъятия «излишек». Такой подход был одним из элементов нового курса Кривошеина.

Как отмечает ряд авторов, русская колонизация коренного Туркестана была количественно ничтожна²¹. Переселенцы устраивались либо самовольно, входя в те или иные соглашения с первоначальными хозяевами земли, а зачастую и без них, либо на пресловутых земельных «излишках», изъятие которых государство узаконило в 1910 г., или в организованном порядке с 1912 г. на землях, орошенных за счет государственных средств.

26 ноября 1912 г. начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ был назначен 27-летний камер-юнкер Алексей Алексеевич Татищев. Карьера Татищева развивалась стремительно. В 1906 г. он окончил Александровский лицей с большой золотой медалью и отдельной медалью за сочинение на тему «Переселение крестьян». Поэтому сразу же поступил на службу в Главное управление землеустройства и земледелия, в Переселенческое управление, помощником делопроизводителя в V делопроизводстве, в ведении которого находились переселенческие районы на Кавказе, вдоль Амура и в Приморье. Летом 1906 г. Татищев сопровождал начальника Переселенческого управления Г.В. Глинка в поездке по Сибири и степным областям. В 1908 г. он побывал в Амурской области. В 1911 г. Татищева назначают заведующим Приморским переселенческим районом. Спустя год его переводят на новое место службы – в Туркестан. Как вспоминал сам Татищев, туркестанского генерал-губернатора Самсонова вначале очень смущала его молодость и он неохотно дал свое согласие на назначение, но в дальнейшем относился к Татищеву доброжелательно²².

Татищев ехал в Ташкент с напутствием Кривошеина – не стесняться и удалять всех, кто будет мешать или противодействовать новому курсу в переселенческой политике. Каково же было удивление Татищева, когда, приехав в Ташкент и познакомившись с делами, он не нашел среди подчиненных «стремлений противодействовать петербургским указаниям»²³. Татищев прибыл в Ташкент 6 февраля 1913 г. Согласно его мемуарам, до своего назначения в 1910 г. он уже бывал в Туркестане²⁴.

¹⁸ Законопроект о дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем (Стенографический отчет). Полтава, 1910. С. 1–6.

¹⁹ Кривошеин А.В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Туркестанском крае в 1912 году... С. 47.

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 527; Шарова П.Н. Переселенческая политика в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 31–34; и др.

²² Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 147.

²³ Там же. С. 145.

²⁴ Там же. С. 156.

Вскоре выяснилось, что рабочие планы нового начальника выходили за пределы не просто границ Туркестанского генерал-губернаторства, но и за государственную границу Российской империи, и устремляются в Персию. Это было напрямую связано с решением задачи по обеспечению хлопковой независимости России и новым курсом Кривошеина. По воспоминаниям самого Татищева, совершая поездку в Закаспийскую область, он заодно попросил разрешения у генерал-губернатора Самсонова проехать в пограничную часть Персии, где, по имевшимся сведениям, возник ряд русских хозяйств²⁵.

Чем же в экономическом и сельскохозяйственном смысле так привлекательны были прикаспийские районы Персии? В отличие от Туркестана, они не требовали дополнительного искусственного орошения. Это были так называемые богарные земли, орошавшиеся естественным путем. Их обработка русскому переселенцу в Персии обходилась значительно дешевле, чем переселенцу в Туркестане. В мемуарах Татищев вспоминал, что в Ташкенте ему приходилось почти ежедневно заниматься вопросами текущего характера по управлению работами по орошению Голодной степи²⁶. Новые переселенцы должны были выкупить стоимость оросительных сооружений, которая проектом орошения Голодной степи была определена в 165 руб. с десятины²⁷. В Персии Российской империи не нужно было вкладывать деньги в строительство больших ирригационных систем, а ожидаемая доходность земель давала возможность в первые же годы покрыть все затраты по их покупке.

«Докладная записка» А.А. Татищева о поездке в Персию в 1914 г. 13 мая 1914 г. Татищев выехал из Красноводска в направлении Астрабада. Конечной точкой его поездки было урочище Гумбет-Кабуз в долине р. Гюрген. Необходимо отметить, что в мемуарах Татищева нашлось место и воспоминаниям о поездке в Персию²⁸.

Ознакомившись с ситуацией на месте, Татищев опроверг сведения о 20-тысячной русской колонии между Бендер-Гязем и Гумбет-Кабузом. По его сведениям, здесь на постоянной основе проживало не более 3 тыс. чел. Еще 1,5 тыс. чел. – сезонные рабочие на рыбных промыслах. Были еще так называемые ходоки – самовольные переселенцы, самостоятельно, без государственной помощи осваивавшие просторы прикаспийской Персии. Эта категория «русских людей» не подлежала достоверному учету. В итоге Татищев приводит цифру в 4 тыс. – именно столько, по его оценке, русских проживало на севере Персии²⁹.

Свое впечатление от увиденного Татищев охарактеризовал как «довольно тяжелое». По его мнению, русская крестьянская колонизация в Персии не имела успеха и значительное количество крестьян-ходов с семьями возвращалось обратно в пределы Российской империи. Татищев задавался вопросом, что эти люди находят в Персии в смысле доступного к приобретению земельного фонда? Едва ли не большая часть ходоков возвращалась из Персии обратно, виня в своих неудачах то российских консулов, то пограничного комиссара, которые, по их словам, не оказали им никакой помощи³⁰.

Пытаясь понять истинную причину неудач, Татищев пришел к следующим выводам. Одна из главных причин заключалась в отсутствии четких юридических оснований для русского землевладения в приграничной полосе Персии. Здесь русские государственные интересы сталкивались с интересами коренного персидского и туркменского населения, а о применении практики «изъятия излишек» на территории персидских провинций, пусть даже и подконтрольных России, не могло идти речи.

Однако ее нельзя было считать непреодолимой, поскольку ряду русских предпринимателей удалось приобрести и закрепить за собой в пределах Астрабадской и Мазендаранской провинций крупные земельные участки. Более того, именно эта неурегулированность и облегчала совершение земельных сделок на фоне царивших в Иране внутривластных

²⁵ Татищев А.А. Земли и люди... С. 191.

²⁶ Там же. С. 155–156.

²⁷ Там же. С. 163.

²⁸ Там же. С. 190–194.

²⁹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 1 об.

³⁰ Там же. Л. 2.

неурядиц. Зачастую владелец земли с охотой уступал ее даже за сравнительно небольшую цену³¹.

Сложность была в том, что шедший в Персию крестьянин, как правило, практически не имел при себе наличных денег. Это, по мнению Татищева, и была истинная причина неудач крестьян-ходоков. Крестьяне были готовы купить землю в рассрочку, причем много-летнюю, не менее 10 лет. Между тем владелец земли уступал ее на выгодных для покупателя условиях лишь в том случае, если хотя бы часть стоимости оплачивалась на месте. Такая же ситуация была с арендой земли – в большинстве случаев требовалась оплата за несколько лет вперед. Для решения проблемы Татищев предлагал скупить земли в Персии у их владельцев за наличные деньги и затем распродать их русским переселенцам в рассрочку примерно так же, как это делал Крестьянский поземельный банк³².

К необходимости создания организации по скупке земель у населения Ирана склонялись и консул, и пограничный комиссар. Решение необходимо было принять как можно скорее, потому что, во-первых, цены на землю росли стремительно, а во-вторых, иранцы могли начать заключать сделки с лицами, нежелательными для России по политическим соображениям, – например с немцами.

Что касается возможного объема закупки земель, то точных цифр Татищев в «Записке» не приводит. Он повторил слова консула, что в пределах приморской полосы Астрабадской и Мазендаранской провинций в случае достаточного отпуска средств (подчеркнем это) удалось бы приобрести не менее 70–80 тыс. десятин по цене не выше 50 руб., а в среднем не выше 30 руб. с десятины. В полосе же туркменских земель по левому берегу р. Гюргена, по отзывам пограничного комиссара генерала Лаврова, возможно купить до 80 тыс. десятин в среднем по цене около 20 руб. с десятины. При таких условиях на покупку порядка 150 тыс. десятин земельного фонда требовалось 3,5–4 млн руб. Татищев рассчитывал еще на рассрочку примерно на два года³³.

В районе, прилегающем к Каспийскому морю, русско-персидская граница была установлена по реке Атрек. Между тем в среде русских чиновников в Закаспийской области Туркестана и в Персии имело место некое неофициальное представление о том, что рекой, которую в действительности имели в виду лица, ведшие когда-то русско-персидские переговоры, был не Атрек, а Гюрген, расположенный несколько южнее. «Надо действительно сказать, – читаем мы в воспоминаниях Татищева, – что экономическое наше влияние доходило до Гюргена, еще когда не было речи об оккупации северной Персии, что началось, кажется, в 1910 году. По крайней мере кочевые йомуды, русские подданные, проводившие лето где-то на границе Закаспия и Уральской области, зимой спускались к Гюргену в пределы персидские, и так как последние были очень недалеко от нашей официальной границы, то сбор годовых податей с йомудов фактически проводился нами зимой в Персии, а не летом в России»³⁴. По этой причине Астрабадскую провинцию нередко называли Персидской Туркменией³⁵.

Татищев в мемуарах так воспроизводит свою беседу в Гумбет-Кабузе с пограничным комиссаром генералом Лавровым, активно раздававшим в долине Гургена земельные участки русским переселенцам: «На мой вопрос, кто имеет право на получение участков, Лавров спокойно ответил: “Да всякий – русский или йомуд, кроме персов, конечно; им здесь делать нечего, Гюрген – земля русская, и граница по Атреку установлена была по ошибке”. Надо, впрочем, сказать, что права персов на земли прилежащих предгорий Лавров не оспаривал, так как они там сидели издавна и занимались земледелием»³⁶.

Какое учреждение могло бы взять на себя проведение намеченных задач по созданию в приграничной полосе «устойчивого мелкого русского землевладения»? Таковым, по мне-

³¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 2.

³² Там же. Л. 2 об.

³³ Там же. Л. 3–3 об.

³⁴ Татищев А.А. Земли и люди... С. 191–192.

³⁵ Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. ... С. 2.

³⁶ Татищев А.А. Земли и люди... С. 193.

нию Татищева, мог стать Учетно-ссудный банк России в Персии или, в крайнем случае, ГУЗиЗ, что было менее желательно. К слову сказать, отделения Учетно-ссудного банка к тому времени уже работали в других провинциях Персии. Так, к концу того же 1914 г. после неудач прекратило свое существование отделение Учетно-ссудного банка в Бирджане в зоне Британского контроля на юго-востоке Персии. Сразу же после этого в Бирджане открылось отделение Шахиншахского банка Великобритании, а вместе с ним появился официальный английский вице-консул и аптека с фельдшером. Британское консульство вскоре купило там поместье³⁷.

Сам Татищев, и он прямо пишет об этом в «Докладной записке», был сторонником расширения частных русских земельных владений в пограничной полосе. При этом на этих частновладельческих землях до четверти площадей собственники должны были отдать под организацию русских поселков. Это давало землевладельцу преимущества, так как гарантировало, что консульство в случае вывода русских войск из Персии будет охранять этот участок от претензий со стороны персов, нападения бандитских шайек и т.д.

С одной стороны, Татищев сомневался, насколько такая постановка вопроса государством перед собственником – «если хочешь помощи – отдай четверть земли крестьянам» – правомерна в этическом смысле. С другой, считал Татищев, «русских людей, оседающих в чужом государстве, необходимо поставить в положение уверенности в завтрашнем дне»³⁸. А увиденное в поездке говорило об обратном. Крестьяне-ходоки не хотели оседать в Персии на участках русских собственников, поскольку последние не гарантировали долготейшее пользование землей на строго зафиксированных договорных условиях.

Татищев видел два пути решения сложившейся ситуации. Первый – обязать каждого приобретающего земельные участки в Персии не менее четверти земли сдавать русским крестьянам на срок не менее 36 лет за фиксированную договором плату. Второй – оказывать крестьянам прямую денежную помощь путем выдачи ссуд³⁹. В развитие второго пути Татищев предлагал разрешить чиновникам переселенческого управления закупать «впрок» по 2–3 тыс. десятин земли. Таким образом, прибывающих ходоков всегда можно было бы оперативно обеспечить землей⁴⁰.

Описанные выше стратегии были применимы на левом берегу Гюргена. Правый берег реки относился уже к району поливного земледелия, и здесь помощь переселенцам, и особенно крупным землевладельцам, со стороны государства должна была выглядеть иначе. Ничего нового придумывать было не нужно. Татищев предлагал применять те же методы, что уже работали в отношении русских концессионеров в Хиве и Бухаре.

Но будь то на левом или на правом берегу Гюргена, приоритет при сдаче земли в аренду оставался за русскими переселенцами. И только при отсутствии крестьян-ходоков земля передавалась в аренду на короткое время местным туркменам. Такой порядок был установлен туркестанским генерал-губернатором. Однако консул Иванов воздерживался узаконивать подобного рода сделки, ссылаясь на ранее полученные распоряжения из МИД о нежелательности появления в приграничной полосе крупных концессий⁴¹.

Было еще одно важное обстоятельство внутриперсидского порядка. Степь по левому берегу Гюргена, столь привлекательная для русского переселения, исторически оспаривалась персами и туркменами. Земли в этом районе часто меняли хозяев. В предвоенный период на спорных землях главенствовали туркмены, но никто не знал, как долго это продлится.

По действовавшему на тот момент Туркманчайскому договору 1828 г., русским и вообще иностранным подданным запрещалось владеть в пределах Персии землей. Шахское правительство строго следило за выполнением этого пункта, и если бы не революция, переселение русских крестьян наверняка вызвало бы дипломатический скандал. Однако как

³⁷ Габриэлян С. История внешнеполитического соперничества европейских государств в Иране: геоэкономические аспекты (конец XIX – XX в.). Ташкент, 2022. С. 159.

³⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 5 об.

³⁹ Там же. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 6 об.

⁴¹ Там же. Л. 7.

только постреволюционная ситуация стабилизировалась, официальный Тегеран вновь подтвердил запрет покупки и даже аренды земель русскими. Но к этому моменту значительно возросло влияние России, которая разместила в северной Персии свои войска. В итоге запрет остается только на бумаге⁴².

Взгляды консула Иванова и пограничного комиссара Лаврова в перспективной оценке ситуации диаметрально расходились, что крайне негативно сказывалось на работе чиновников Переселенческого управления.

Лавров делал ставку на туркмен, которые большую часть года проводили на российской территории и являлись двуданниками. Иванов резонно напоминал, что в шариате нет понятия давности относительно права собственности на землю. Поэтому по каждому случаю представляемых персами претензий, оспаривающих эту собственность у туркмен, необходимы будут судебные разбирательства. Судебные процессы всегда будут в пользу персов, поскольку туркмены на землю никогда и никаких документов не имеют. Более того, само персидское правительство не признает за туркменами права собственности на занимаемые ими земли⁴³.

Поэтому консул Иванов предлагал осуществлять двойную покупку земли на каждый участок: у персов, имеющих на них документы, и у туркмен – фактических владельцев. Метод Иванова мог привести к удорожанию приобретаемой земли, но не намного. Расчет был на то, что персы охотно будут продавать права на земли (Иванов считал, что не дороже 15 руб. за десятину), которые фактически не могут использовать, и персидское правительство не сможет предъявлять никаких претензий. Именно поэтому, подчеркивал Татищев, ни одна земельная сделка на левом берегу Гюргена нашим консульством пока не зарегистрирована⁴⁴.

Беспокоил Татищева статус нескольких чиновников Переселенческого управления. Он считал, что их нужно переподчинить МИД и прикомандировать одного к консулу, другого к пограничному комиссару. Эта мера позволила бы укрепить авторитет чиновников в глазах местного населения, а главное – статус чиновника Министерства иностранных дел, дающий дипломатический иммунитет, лишил бы персидское правительство возможности требовать детальных объяснений о целях их перемещений по стране⁴⁵.

Вообще сами условия жизни чиновников Переселенческого управления в Персии вызывали у Татищева большую озабоченность. Люди нуждались хотя бы в минимальных бытовых удобствах, «иначе там ни один не усидит», – считал он. Готовых помещений не было. В Астрабаде можно было ограничиться переделкой какого-либо «туземного здания», что могло обойтись казне в 1,5 тыс. руб. Что касается Гумбет-Кабуза, там здание придется строить (что обойдется примерно в 4,5 тыс. руб.). Само содержание чиновников Татищев предлагал довести до 3 тыс. руб. в год, чтобы как-то компенсировать их бытовые неудобства и поднять служебный авторитет минимум до VI класса Табеля о рангах⁴⁶.

Не мог Татищев в «Докладной записке» обойти и вопросы социально-гуманитарного порядка, связанные с жизнью русских переселенцев в Персии⁴⁷. Он отмечал, что медицинская помощь оказывалась двумя отрядами Российского Красного Креста. Один стационарно находился в Астрабаде, другой – в Гумбет-Кабузе. Каждый отряд состоял из двух врачей, двух студентов-медиков, акушерки, трех сестер милосердия и трех санитаров. Сверх этого штата работал врач-окулист, обслуживавший оба района⁴⁸.

⁴² Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии... С. 14.

⁴³ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 8.

⁴⁴ Там же. Л. 8 об.

⁴⁵ Там же. Л. 9 об.–10.

⁴⁶ Там же. Л. 13–13 об.

⁴⁷ Подробнее см.: Ларин А.Б. «Жизнь здесь русских поселенцев оказалась, однако, для них тяжким испытанием»: первые попытки обеспечения медицинской помощью русских переселенцев в Астрабадскую провинцию [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 8 (130). URL: <https://history.jes.su/s207987840027938-0-1> (дата обращения: 14.10.2025).

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 10.

Большей частью больных, пользовавшихся медицинской помощью в обоих районах, были персы и туркмены, что имело для России, по мнению Татищева, «огромное политическое значение»⁴⁹. Даже местные женщины, несмотря на все имевшиеся религиозно-культурные запреты, охотно обращались к русским врачам. Самой бедой приграничной полосы была малярия. От этого заболевания страдали все без исключения русские переселенцы.

От имени консула Иванова, пограничного комиссара Лаврова и себя лично Татищев просил туркестанского генерал-губернатора ходатайствовать в Главное управление общества Красного Креста не ограничивать деятельность отрядов годичным сроком, а сделать их пребывание в Персии постоянным. Помимо имевшихся врачебных пунктов, Татищев считал необходимым организовать «врачебно-остановочные пункты» в местах высадки переселенцев на Каспии: в Чикишляре, Ходжа-Нефесе, Карасу и Бендер-Гязе. Необходимы были фельдшерские пункты и в отдаленных переселенческих поселках: Крещенке, Рождественском и Константино-Ивановке⁵⁰.

В переселенческих поселках не хватало школ. Так, в Гумбет-Кабузе школьного учителя для ста русских дворов и местных туркмен пограничный комиссар Лавров оплачивал из своих личных средств. Здание школы было очень тесным. В поселке Покровка на 63 двора и соседнем молоканском поселке Лавровка на 40 дворов школы не было совсем. В «Записке» Татищев приводит подробный список переселенческих поселков, не имевших школ. Так как в ближайших горах лес рубился переселенцами бесплатно, переселенцы могли доставлять его к месту строительства своими силами. Тогда примерная стоимость постройки каждой школы определялась Татищевым в 2,5 тыс. руб.⁵¹ Церкви прежде всего нужны были в Гумбете и Астрабаде, поскольку там размещались русские войска.

Крайне важным Татищев считал организацию агрономической помощи переселенцам. Отдельного внимания со стороны русского правительства заслуживал вопрос снабжения их качественными семенами. Татищев предлагал создать сеть плантаций с опытными посевами по акклиматизации различных сортов хлопка и злаков. И консул, и пограничный комиссар обещали всячески содействовать в решении этой задачи и даже нашли под это участки земли.

Переселенческие хозяйства остро нуждались в сельскохозяйственной технике. Складов для ее хранения не хватало. Для закупки техники не было оборотных средств. Татищев просил Самсонова ходатайствовать перед Переселенческим управлением об отпуске Асхабадскому складу из средств Омского склада взаимнообразно 10–15 тыс. руб.⁵²

Крестьянские хозяйства в Персии нуждались в государственных ссудах. «Во всяком случае, – писал Татищев, – надо иметь в виду, что уже теперь в районе имеется около 400 хозяйств, находящихся в зачаточном состоянии и требующих для своего развития и укрепления правительственной поддержки»⁵³.

В заключительной части «Докладной записки» Татищев делился с генералом Самсоновым мыслями о том, как структурировать и районировать северо-восточные провинции Персии. По мнению Татищева, это было крайне необходимо. Первый район – это правобережье Гюргена. Земли здесь эффективно использовать можно было лишь при наличии искусственного орошения. Особенно если речь шла о посеве ценной культуры хлопчатника. Второй район охватывал широкую степную полосу между Гюргеном и горным хребтом. Возделывание здесь злаков и хлопка не требовало дополнительных затрат на искусственное орошение. Местная степь практически соответствовала климатическим условиям южнорусских степей. Именно этот район больше всего привлекал внимание переселенцев-ходоков.

Третий район – приморская полоса Астрабадской и Мазендаранской провинций – благодаря обилию осадков являлся самым удобным для земледелия, но пока только начинал

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 11.

⁵⁰ Там же. Л. 11.

⁵¹ Там же. Л. 11 об.–12.

⁵² Там же. Л. 12 об.

⁵³ Там же. Л. 13.

привлекать к себе внимание переселенцев⁵⁴. Причем не столько крестьян, сколько предпринимателей. Помимо хлопка, в перспективе здесь можно разводить апельсиновые сады и возделывать целый ряд почти субтропических культур⁵⁵. Здесь же прекрасно может развиваться деревообрабатывающая промышленность. Но на эти прекрасные приморские территории, по образному выражению Татищева, «начинают уже теперь бросать взгляды иностранцы»⁵⁶. Прежде всего эти «взгляды» исходили от Германии⁵⁷.

«Если мы склонны смотреть на дело заселения пограничной полосы как на задачу общеполитического значения, – переходил к выводам Татищев, – как на способ утвердиться на южном берегу Каспия, преимущественное внимание должно быть уделено третьему – приморскому району. И притом безотлагательно, ибо земли здесь дорожают, и не сегодня-завтра могут появиться и скупить земли иностранцы»⁵⁸.

Если ограничиться «более скромными пределами» – оказанием помощи крестьянам-ходокам, основное внимание должен привлекать район Гюргенского левобережья. Этот район ближе крестьянам климатически. В нем хозяйственную деятельность можно вести практически без дополнительных затрат. Правда он не даст ни апельсинов, ни других южных культур, но хлопок можно возделывать с полной уверенностью в успехе⁵⁹.

К «Докладной записке» прилагался «Перечень земельных владений, приобретенных в северной Персии русскими подданными»⁶⁰. Татищев подчеркивал, что не может поручиться за точность приводимых сведений, однако приблизительное представление о размерах русского землевладения в Персии они давали.

Послесловие. Вернувшись в Ташкент, Татищев представил генерал-губернатору Самсонову подробный доклад об увиденном и мерах, которые можно было бы предпринять, чтобы содействовать развитию русского переселенческого движения в Персию. Самсонов докладом заинтересовался и отправил его копии Главноуправляющему ГУЗиЗ А.В. Кривошеину и министру иностранных дел С.Д. Сазонову, прося об осуществлении намеченных мер. «Дальнейшего движения», как это нередко случалось с подобного рода документами, вопрос не получил. Но кое-какие результаты все же были: ГУЗиЗ выделило А.М. Сахарову, ранее возглавлявшему Управление Сырдарьинского переселенческого района, а после поездки А.А. Татищева, направленного на работу в Иран, средства на открытие в Гумбет-Кабузе фельдшерского пункта и отправку туда еще одного переселенческого чиновника. В 1915 г. Сахаров опубликует книгу о колонизации Астрабадской провинции⁶¹.

Из Министерства же иностранных дел ответа получено не было. Сам Татищев объяснял это тем, что несколько дней спустя произошло сараевское убийство и все внимание оказалось обращенным на иные события⁶².

С 1914 г. ГУЗиЗ организовало планомерную помощь русским переселенцам в Астрабадской провинции Персии. Несмотря на это, в 1916 г. переселенцы стали испытывать острый дефицит товаров первой необходимости в связи с приостановкой внешней торговли через персидскую границу⁶³. Кроме того, русские поселки в Персии сильно пострадали от туркмен-йомудов во время восстания 1916 г.⁶⁴ Тем не менее в 1917 г. был составлен План

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 13 об.

⁵⁵ Подробнее см.: Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История» 2021. Т. 12, вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/S207987840016274-0-1> (дата обращения: 14.10.2025).

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 14.

⁵⁷ Подробнее см.: Ларин А.Б. «Германская угроза» и российское землевладение в прикаспийских провинциях Ирана в эпоху Первой мировой войны (постановка проблемы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. Т. 6, № 1. С. 139–149.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 14.

⁵⁹ Там же. Л. 14–14 об.

⁶⁰ Там же. Л. 17–19.

⁶¹ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии...

⁶² Татищев А.А. Земли и люди... С. 193–194.

⁶³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 307. Л. 1–2 об.

⁶⁴ Там же. Л. 93.

освоения переселенческого района занятой русскими войсками части Астрабадской провинции Персии по заготовке земель колониционного фонда для организации новых поселков для русских крестьян⁶⁵.

В годы Первой мировой войны вопрос экономической безопасности, т.е. возможность обеспечить потребности не только легкой, но и военной промышленности отечественным хлопком, встал как никогда остро. По сведениям МИД Российской империи, Германия получала весьма значительное количество хлопка транзитом через Турцию и Данию, хотя по имевшейся информации в малоазиатских владениях Турции возможности для хлопководства были незначительными. На основании этой информации Главным управлением Генерального штаба 14 декабря 1915 г. был сделан запрос в Азиатскую часть Главного штаба, не может ли этот хлопок иметь российское происхождение и поступать в Европу из Туркестана, Хивы или Бухары через Афганистан и Персию⁶⁶? Ответ из Ташкента был отрицательный. Более того, в годы войны Россия ввозила некоторое количество хлопка из Персии⁶⁷.

Заключение. Несмотря на беспокойную обстановку в зоне «русской ответственности» на северо-востоке Ирана и в приграничной с Россией полосе, накануне Первой мировой войны русское переселение шагнуло за границы среднеазиатских владений империи. Россия в очередной раз решила применить опробованную ранее на Кавказе и особенно в Туркестане практику создания вдоль стратегических дорог (в первую очередь железных) или речных долин русских поселков как гарантированных в случае военных столкновений готовых боевых отрядов. Россия искала возможность выращивать свой хлопок, тем самым обеспечить себе хлопковую независимость. Туркестанский хлопок обходился ей недешево с учетом серьезных инфраструктурных затрат на строительство ирригационной системы в крае. Северо-восток Ирана выглядел в этом смысле куда более привлекательнее с экономической точки зрения. В 1912 г. Российской империей был сформулирован новый курс в переселенческой политике в Туркестане. Его основные положения предполагали применить и в отношении северо-восточного Ирана.

Литература

Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Пг.: Переселенческое управление ГУЗиЗ, 1915. 90 с.

Вошинин В.П. Современные задачи России на севере Персии. Пг.: Екатерининская типография, 1915. 26 с.

Габриэлян С. История внешнеполитического соперничества европейских государств в Иране: геоэкономические аспекты (конец XIX – XX в.). Ташкент: Bookmany print, 2022. 197 с.

Гинзбург А.И. Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период): сб. ст. Ташкент: Наука, 1965. С. 30–36.

Канода Н.Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (Конец XIX в. – начало XX в.). Ашхабад: Ылым, 1973. 89 с.

Котюкова Т.В. Денежное обращение в русском Туркестане и Бухарском эмирате. Справка А.А. Семенова «По вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии» // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. М., 2018. С. 220–259.

Котюкова Т.В. Персия // Россия в системе международных отношений в годы Первой мировой войны. М.: Международные отношения, 2019. Т. 3. С. 319–349.

Кривошеин А.В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Туркестанском крае в 1912 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб.: Государственная типография, 1912. 88 с.

⁶⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 307. Л. 122–132.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4413. Л. 61–61 об.

⁶⁷ Там же. Л. 73.

Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Муганскую степь в 1913 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб.: Государственная типография, 1913. 62 с.

Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857–1921 г.) Его значение в истории России начала XX века. Париж: Б.и., 1973. 355 с.

Ларин А.Б. «Германская угроза» и российское землевладение в прикаспийских провинциях Ирана в эпоху Первой мировой войны (постановка проблемы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. Т. 6, № 1. С. 139–149.

Ларин А.Б. «Жизнь здесь русских поселенцев оказалась, однако, для них тяжким испытанием»: первые попытки обеспечения медицинской помощью русских переселенцев в Астрабадскую провинцию [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 8 (130). URL: <https://history.jes.su/s207987840027938-0-1> (дата обращения: 14.10.2025).

Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История» 2021. Т. 12, вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/S207987840016274-0-1> (дата обращения: 14.10.2025).

Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1> (дата обращения: 14.10.2025).

Ларин А.Б. «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»: консул К.В. Иванов о проблемах и перспективах российского переселенчества и землевладения в прикаспийских провинциях Ирана (начало XX в.) [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1> (дата обращения: 14.10.2025).

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996. 682 с.

Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Пг.: Переселенческое управление ГУЗиЗ, 1915. 75 с.

Сухоруков А.Н. Русские поселения на севере Ирана в начале XX в. // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: мат-лы междунар. науч. конф. (IX Колосницынские чтения) (16–17 апреля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 282–287.

Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина. Пг.: Екатерининская типография, 1916. 48 с.

Шарова П.Н. Переселенческая политика в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 31–34.

References

Bessonov, B.V. (1915). *Russkie pereselentsy v Severnoy Persii* [Russian Settlers in Northern Persia]. Petrograd, Pereselencheskoe upravlenie GUZiZ. 90 p.

Chirkin, G.F. (1916). *Otchetnaya zapiska o poezdke vesnoy 1916 g. v Astrabadskuyu i Mazanderanskuyu provintsii Severnoy Persii nachal'nika Pereselencheskogo upravleniya G.F. Chirkina* [Report on the Trip in the Spring of 1916 to the Astrabad and Mazanderan Provinces of Northern Persia by the Head of the Resettlement Directorate G.F. Chirkin]. Petrograd, Yekaterininskaya tipografiya. 48 p.

Gabrielyan, S. (2022). *Istoriya vneshnepoliticheskogo sopernichestva evropeyskikh gosudarstv v Irane: geoekonomicheskie aspekty (konets XIX – XX v.)* [History of Foreign Policy Rivalry of European States in Iran: Geo-Economic Aspects (Late 19th – 20th Centuries)]. Tashkent, Bookmany print. 197 p.

Ginzburg, A.I. (1965). Iz istorii vozniknoveniya russkikh poseleniy v Severnom Irane [From the History of the Emergence of Russian Settlements in Northern Iran]. In *Iz istorii Sredney Azii (dorevolutsionnyy period)*. Tashkent, Nauka, pp. 30–36.

Kanoda, N.N. (1973). *Pereselencheskie poselki v Zakaspiyskoy oblasti (Konets XIX v. – nachalo XX v.)* [Settlement Settlements in the Trans-Caspian Region (Late 19th Century – Early 20th Century)]. Ashgabat, Ylym. 89 p.

Kotyukova, T.V. (2018). Denezhnoe obrashchenie v russkom Turkestane i Bukharskom emirate. Spravka A.A. Semenova “Po voprosu o sovremennom obrashchenii persidskikh kranov v Sredney Azii” [Money Circulation in Russian Turkestan and the Emirate of Bukhara. Reference by A.A. Semenov “On the Issue of Modern Circulation of Persian Cranes in Central Asia”]. In *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh*. Moscow, pp. 220–259.

Kotyukova, T.V. (2019). Persiya [Persia]. In *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v gody Pervoy mirovoy voyny*. Vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 319–349.

Krivoshein, A.V. (1912). *Zapiska Glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliem v Turkestanskom kraye v 1912 godu. Prilozheniye k vsepoddaneyshemu dokladu* [Note of the Chief Manager of Land Management and Agriculture in the Turkestan Region in 1912. Appendix to the Most Humble Report]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 88 p.

Krivoshein, A.V. (1913). *Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliem o poezdke v Muganskuyu step' v 1913 godu. Prilozhenie k vsepoddaneyshemu dokladu* [Note by the Chief Manager of Land Management and Agriculture on a Trip to the Mugan Steppe in 1913. Appendix to the Most Honourable Report]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 62 p.

Krivoshein, K.A. (1973). A.V. Krivoshein (1857–1921 g.) *Ego znachenie v istorii Rossii nachala XX veka* [A.V. Krivoshein (1857–1921). His Significance in the History of Russia at the Beginning of the 20th Century]. Paris. 355 p.

Larin, A.B. (2021). “Novaya Apel'siniya”: apologiya proniknoveniya v Mazandaran i Astrabad v publikatsiyakh chinov rossiyskogo pereselencheskogo vedomstva [“New Orange”: An Apology for Penetration into Mazandaran and Astrabad in the Publications of Officials of the Russian Resettlement Department]. In *ENOZh “Istoriya”*. Vol. 12, Iss. 6 (104). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840027938-0-1> (date of access 14.10.2025).

Larin, A.B. (2023). “Sami persy nichego ne predprimut dlya podnyatiya kraya”: konsul K.V. Ivanov o problemakh i perspektivakh rossiyskogo pereselenchestva i zemlevladieniya v prikaspiyskikh provintsiyakh Irana (nachalo XX v.) [“The Persians Themselves will Do Nothing to Raise the Region”: Consul K.V. Ivanov on the Problems and Prospects of Russian Resettlement and Land Ownership in the Caspian Provinces of Iran (Early 20th Century)]. In *ENOZh “Istoriya”*. Vol. 14, Iss. 9 (131). Available at: URL: <https://history.jes.su/S207987840016274-0-1> (date of access 14.10.2025).

Larin, A.B. (2023). “Zhizn' zdes' russkikh poselentsev okazalas', odnako, dlya nikh tyazhkim ispytaniem”: pervye popytki obespecheniya meditsinskoy pomoshch'yu russkikh pereselentsev v Astrabadskuyu provintsiyu [“Life Here for Russian Settlers, However, Turned out to be a Difficult Test for Them”: The first Attempts to Provide Medical Care to Russian Settlers in the Astrabad Province]. In *ENOZh “Istoriya”*. Vol. 14, Iss. 8 (130). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1> (date of access 14.10.2025).

Larin, A.B. (2023). Politika kolonizatsii kak politika bezopasnosti: rossiyskoe pereselenchestvo v Astrabadskuyu provintsiyu Irana v epokhu Velikoy voyny [Colonization Policy as a Security Policy: Russian Resettlement in the Astrabad Province of Iran during the Great War]. In *ENOZh “Istoriya”*. Vol. 14, Iss. 11 (133). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1> (date of access 14.10.2025).

Larin, A.B. (2024). “Germanskaya ugroza” i rossiyskoe zemlevladienie v prikaspiyskikh provintsiyakh Irana v epokhu Pervoy mirovoy voyny (postanovka problemy) [“The German Threat” and Russian Land Ownership in the Caspian Provinces of Iran during the First World War (Problem Statement)]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki*. Vol. 6, No. 1, pp. 139–149.

Lyubavsky, M.K. (1996). *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Review of the History of Russian Colonization from Ancient Times to the 20th Century]. Moscow, MGU. 682 p.

Sakharov, A.M. (1915). *Russkaya kolonizatsiya Astrabadskoy provintsii v Persii* [Russian Colonization of the Astrabad Province in Persia]. Petrograd, Pereselencheskoe upravlenie GUZiZ. 75 p.

Sharova, P.N. (1940). Pereselencheskaya politika v Sredney Azii [Migration Policy in Central Asia]. In *Istoricheskie zapiski*. No. 8, pp. 31–34.

Sukhorukov, A.N. (2014). Russkie poseleniya na severe Irana v nachale XX v. [Russian Settlements in the North of Iran at the Beginning of the 20th Century]. In *Rossiya i Vostok: kul'turnye svyazi v proshlom i nastoyashchem: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (IX Kolosnitsynskie chteniya)*. April 16–17, 2014. Yekaterinburg, pp. 282–287.

Tatishchev, A.A. (2001). *Zemli i lyudi: V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and People: In the Thick of the Migration Movement (1906–1921)]. Moscow, Russkiy put'. 376 p.

Voshchinin, V.P. (1915). *Sovremennye zadachi Rossii na severe Persii* [Current Tasks of Russia in the North of Persia]. Petrograd, Yekaterininskaya tipografiya. 26 p.

Е.Б. Лукиева*

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГОДЫdoi:10.31518/2618-9100-2025-5-7
УДК 94(571.16)"192"(=474)

Выходные данные для цитирования:
Лукиева Е.Б. Прибалтийские переселенцы в Томской губернии в 1920-е годы // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 76–83.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-07.pdf>

E.B. Lukieva*

BALTIC IMMIGRANTS
IN TOMSK PROVINCE IN THE 1920S

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-7

How to cite:
Lukieva E.B. Baltic Immigrants in Tomsk Province in the 1920s // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 76–83.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-07.pdf>]

Abstract. The present article examines the establishment of schools and cultural and educational centres for national minorities in Siberia during the 1920s, using Tomsk Province and district as a case study. The study is grounded in the documents of the state archives of the Tomsk and Novosibirsk regions. In the 1920s, Tomsk Province constituted one of the most expansive multi-ethnic regions of Siberia. The population was approximately 1 083 042 people, representing 65 different nationalities. A further notable aspect of the demographic profile of the region is the significant presence of non-Russian ethnic groups, accounting for 26.5 % of the total population. This diversity is distributed across both rural and urban areas, reflecting a balanced integration of these communities into the region's social and cultural fabric. Consequently, the Soviet authorities allocated particular attention to the subjects of cultural enlightenment, taking into account the ethnic specificity of the region. The establishment education and enlightenment system was of paramount importance for both the multinational region of Siberia and the Tomsk Province, as it represented a novel concept in the absence of such an institution. The October Revolution of 1917 precipitated considerable changes in the situation of the peoples inhabiting the Russian Empire, including national minorities. In the aftermath of the revolution, the "Declaration of the Rights of the Peoples of Russia" was adopted, thus establishing the principle of equal rights as a fundamental tenet of the state. The establishment of a network of national schools was deemed imperative, serving as a conduit for the resolution of cultural and educational challenges. These educational institutions were required to incorporate educational programmes that reflected the ethnic specificity of their respective communities, a notable example being the introduction of a bilingual approach. Furthermore, the development of a network of cultural and educational centres, encompassing institutions such as clubs, libraries and theatres, was identified as a crucial measure to ensure the preservation of the national identity of minority communities within a non-national environment. The findings of the study demonstrate the significance of the system of multinational education and cultural-educational activities in Tomsk Province and district, as well as in Siberia as a whole, in the early Soviet period among national minorities. The primary accomplishment of the implemented educational activities was the establishment of a systematic approach, integrating the principles of unification (the Soviet model) and the specificity of the ethno-cultural component, to facilitate the integration of national minorities through education and culture. This approach reflected the general policy of the Soviet authorities in multinational regions.

* Елена Борисовна Лукиева, кандидат исторических наук, доцент, Томский политехнический университет, Томск, Россия, e-mail: llukielena@tpu.ru
Elena Borisovna Lukieva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia, e-mail: llukielena@tpu.ru

Keywords: national minorities, national education, non-Russian population, immigrants and cultural traditions, Estonian and Latvian colonists, schools of national minorities.

The article has been received by the editor on 30.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы создания школ и культурно-просветительских центров для национальных меньшинств Сибири в 1920-е гг. на примере Томской губернии и округа. Исследование опирается на документы государственных архивов Томской и Новосибирской областей. В 1920-е гг. Томская губерния была одним из крупнейших многоэтнических регионов Сибири. Население, представленное 65 национальностями, составляло около 1 083 042 человека. 26,5 % жителей относились к нерусским народам, проживавшим как в сельской местности, так и в городах. Поэтому советская власть уделяла особое внимание вопросам культурного просвещения, учитывая этническую специфику региона. Создание системы образования и просвещения имело огромное значение как для многонациональной Сибири, так и для Томской губернии, так как ранее ее не существовало. Октябрьская революция 1917 г. принесла существенные изменения в положение народов, населявших Российскую империю, в том числе и национальных меньшинств. После революции была принята «Декларация прав народов России», провозгласившая принцип равноправия как государственный. Важно было создать сеть национальных школ (инструмент решения культурно-просветительских задач) с образовательными программами, учитывающими их этническую специфику – например, внедрение билингвистического подхода, а также развить сеть культурно-просветительских центров (клубы, библиотеки и театры) для сохранения национального самосознания меньшинств в инонациональной среде. Результаты исследования показывают важность системы мультинационального обучения и проведения культурно-просветительских мероприятий как в Томской губернии и округе, так и в Сибири в целом в ранний советский период среди национальных меньшинств. Основным достижением реализованной образовательной деятельности было создание системного подхода в просвещении нерусского населения Сибири, сочетающего в себе принципы унификации (советская модель) и специфику этнокультурного компонента, который способствовал интеграции национальных меньшинств и реализовывал национальную политику советской власти в регионе.

Ключевые слова: национальные меньшинства, национальное образование, нерусское население, переселенцы, культурные традиции, эстонские и латышские колонисты, школы национальных меньшинств.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025 г.

Сибирь была и остается многонациональным регионом. Томская губерния в начале 1920-х гг. была одной из крупных в Сибири. К 1920 г. в ней проживало 1 083 042 человек 65 национальностей¹. Доля нерусского населения в губернии составляла 26,5 %² от общей численности населения. Пришлое нерусское население было неравномерно расселено по всем уездам губернии. Как правило, селилось оно компактно, основывая национальные села и деревни.

¹ Голищева Л.А. О деятельности национальных секций и отделов в 1920–1922 гг. // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 190.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 130. Л. 4, 5.

Создание системы просвещения для нерусских народов (так как ранее ее не существовало) имело огромное значение как для многонациональной Сибири, так и для Томской губернии. Октябрьская революция 1917 г. принесла существенные изменения в положение народов, населявших Российскую империю, в том числе и национальных меньшинств. Принятая «Декларация прав народов России»³ провозгласила принцип равноправия как государственный. Однако недостаточно было признать право народов на самоопределение. Необходимо было помочь им, находившимся ранее в неравноправном положении, создать свою государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям, подготовить национальные кадры рабочих, интеллигенции, организовать действующие на родном языке органы власти, хозяйственного управления, административные и судебные учреждения, а также сеть культурных учреждений: школы, училища, техникумы, вузы, прессу, клубы, библиотеки, театры и т.д.

Развитие капитализма в конце XIX в. в Прибалтике привело к вытеснению значительной части крестьянского населения из сельского хозяйства. Многие из крестьян в поисках лучшей жизни и работы мигрировали в другие регионы: на Кавказ, в Крым и Сибирь, где арендовать или купить землю было сравнительно легче и дешевле, чем на родине.

Эстонские переселенцы на новых землях селились совместно, колониями, для которых была характерна особая замкнутость. Как правило, эстонские поселения объединялись в группу деревень, иногда проживали совместно несколькими семействами или отдельными семьями среди других национальностей, хуторская система также не была редкостью.

Эстонцы расселились компактными группами по всей территории Томской губернии. Но главным образом сосредоточились в Мариинском уезде в Медодатской волости (п. Медодат, основан в 1907 г., Лилленгоф, Березовка – 1901 г., Линда – 1907 г.), Колыонской (п. Вамбола – 1908 г.), Тенгулинской (п. Кайдулинский – 1907 г.), Златогорской волости (п. Кольцовский – 1900 г.) и др., а также в Томском (п. Юрьевский Проскоковской волости) и Новониколаевском (Верхне-Эстонские хутора Ояшинской волости, п. Боровушинский Карпысакской волости) уездах. К 1920 г. в Томской губернии насчитывалось 60 эстонских поселений, в 1924 г. – 42⁴.

К 1920 г. в Томской губернии насчитывалось 48 тыс. эстонцев⁵. Большая часть колонистов проживала в сельской местности, небольшая часть – в городах. Эстонские колонисты занимались преимущественно земледелием и разведением скота, также было хорошо развито домашнее ремесло и рукоделие. Они выделялись среди других переселенцев высоким уровнем грамотности: в сельской местности процент грамотных составлял 64,2 %, в городе – 78,9 %⁶.

Создавая национальные поселки и хутора, они жили по своим правилам, сохраняя хозяйственный уклад, обычаи, традиции, язык. Обособление усиливалось тем, что многие из эстонцев не говорили и не понимали по-русски. Например, в 1922 г. в Томской губернии 55 % эстонского населения совсем не владели русским языком, 26 % из них говорили на русском плохо, 16 % – удовлетворительно, и только 3 % хорошо владели русским языком⁷. Детей до 17 лет, хорошо владевших русским языком, был 1 %, удовлетворительно – 14 %, плохо – 10 %, не владели – 55 %⁸. По социальной принадлежности эстонские переселенцы делились на крестьян (85 %), рабочих (1 %), служащих (9 %), ремесленников (2 %) и других (3 %).

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 39–40.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 121. Л. 19. Неточность в данных возможна потому, что нередко отдельные хутора учитывали как национальные поселки.

⁵ ГАО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 644. Л. 60–65; Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 130. Л. 4; Центр документации новейшей истории Томской области (ТО ЦДНИ). Ф. 1. Д. 1509. Л. 9. Имеются архивные данные о том, что в Томской губернии в 1920 г. проживало около 10–20 тыс. эстонцев.

⁶ ГАО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 130. Л. 15.

⁷ Мамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). Таллинн, 1976. С. 45.

⁸ ГАО. Ф. Р-317. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

Латыши и латгальцы начали переселяться в Томскую губернию в конце 90-х гг. XIX в. Первые села – Кайбинка (Томский уезд) и Бороковка (Мариинский уезд) были основаны в 1897–1898 гг. Часть латышей прибыла в 1903 г. Но самая большая группа переселенцев переехала в губернию в период с 1907 по 1909 г. Основная масса латгальцев переехала из Витебской (в основном из Двинского уезда) и Курляндской губерний. Были мигранты из окрестностей Либавы. Большинство латгальцев по социальному положению – это бывшие батраки, малоземелье на родине и невозможность приобрести землю из-за высокой цены заставили их покинуть родные места⁹.

К началу 20-х гг. экономически окрепли лишь переселенцы, прибывшие в губернию в конце XIX – начале XX в. Из них только 50 % стали середняками, остальных можно причислить к нижесреднему слою или даже к бедноте. Занимались они в основном земледелием и скотоводством, в таежных местностях – кустарными промыслами, обработкой леса и др. Большая часть латышей и латгальцев жила в деревнях и селах, хотя было замечено стремление перейти на хуторскую систему, но в сибирских условиях это было труднодостижимо. Селились они вблизи имевшихся костелов вместе с белорусами, поляками, русскими, эстонцами.

Неграмотность среди латгальцев к началу 1920-х гг. достигала 82 %, у латышей – около 25–30 %. Старшее поколение переселенцев почти все было грамотным (получили образование в Прибалтике), а молодежь нет. В отличие от латышей, латгальцы намного лучше понимали русский язык.

Всего в Томской губернии в 1920 г. расселилось (по разным данным) от 10 384 до 22 тыс. латышей и латгальцев: в Томском уезде – в 28 волостях, в Мариинском уезде – в 24 волостях, в Щегловском уезде много латышей работало на Кемеровских, Кольчугинских, Богославских угольных копях¹⁰. Численность латышского населения в губернии сократилась после 1921 г., так как из состава губернии вышли Новониколаевский и Барбинский уезды и началась оптация граждан Латвии.

Группа литовских переселенцев в Томской губернии была немногочисленна и составляла 2 443 чел., главным образом сосредоточена в Томском уезде (около 80 %). Они компактно проживали в Александровской и Вороно-Пашенской волостях¹¹.

После предоставления прав и свобод всем национальностям, живущим в России после Октябрьской революции в 1917 г., национальные меньшинства Томской губернии, как и по всей Сибири, стремились реализовать свои права на получение образования на родном языке и открывали национальные школы, культурно-просветительные, благотворительные учреждения, издавали газеты и т.д.

Общеобразовательной школе в системе народного образования отводилась одна из ключевых позиций. Она должна была стать главным средством реализации прав на получение образования всеми гражданами России независимо от национальности на родном языке, воспитание молодого поколения на идеях советской власти, ликвидацию неграмотности.

Создание условий для открытия и функционирования школ национальных меньшинств стало одним из важнейших направлений в деятельности национальных подотделов, созданных в структуре советских и партийных органов, в течение 1920-х гг. в Сибири и в частности в Томской губернии и округе.

Важной частью жизни прибалтийских переселенцев были вопросы, связанные с получением школьного образования. При строительстве нового поселка всегда в первую очередь строили костел и школу.

В 1920 г. в Сибири функционировало 1 034 национальные школы первой ступени, из них 96 – в Томской губернии. Большинство действовавших школ первой ступени было

⁹ ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1 568. Л. 2–3; Колоткин М.Н. Латгальские поселенцы в Сибири. Новосибирск, 1994. С. 6.

¹⁰ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1472. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 1107. Л. 4–11; ГАТО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 130. Л. 4.

открыто для татарского (350), киргизского (303), немецкого (200), эстонского (75), латышского (45) населения Сибири. В Томской губернии работало 63 татарских, 10 эстонских, 7 еврейских, 3 латышских¹² и другие школы первой ступени. Для этого времени характерен всплеск в создании национальных образовательных и культурно-просветительных заведений в Томской губернии и в Сибири. Но значительная часть из них была открыта без учета реальных финансовых возможностей. Волна энтузиазма, вызванная предоставлением прав на получение образования без каких-либо ограничений, породила огромное количество материально беспомощных школ, многие из которых, просуществовав недолгое время, закрылись.

В Томской губернии, как правило, действовали школы для национальных меньшинств первой ступени с 3-летним сроком обучения (часто встречались одно- и двухлетки), хотя предусматривалось четырехлетнее начальное обучение. Программа обучения в национальной школе была такая же, как и в русской, но обучение осуществлялось на родном языке. При школе также действовали библиотека, изба-читальня, справочные столы. Она фактически являлась единственным национальным культурно-просветительным и образовательным центром в деревне.

Большинство школ для национальных меньшинств были сельские, и дети, обучающиеся в них, были заняты в сельском хозяйстве, что исключало возможность длительного обучения. Нормальная посещаемость школ прекращалась с наступлением весенних полевых работ и возобновление учебных занятий было возможно только к октябрю-ноябрю месяца – после завершения уборки урожая.

Не посещали школу и по другим причинам, например из-за отсутствия одежды и обуви. Нередки были случаи, когда, получив начальные навыки в чтении, письме и арифметике, дети прекращали ходить в школу, так как их родители считали, что полученных знаний вполне достаточно.

Например, весной 1923 г. в п. Вамбола (Мариинский уезд) открылась эстонская школа с 35 учащимися¹³. После окончания осенних полевых работ число учащихся увеличилось до 52 человек. Учебные пособия община купила на свои средства, а также выделила деньги на постройку нового здания для школы. В поселке работала библиотека, культурно-просветительное общество с музыкальным, хоровым и драматическим кружками. Выписывались эстонские газеты.

Сложной проблемой для школ национальных меньшинств на протяжении 1920-х гг. оставался вопрос о соотношении в использовании русского и родного языков в процессе обучения. Школы, работавшие на родном языке учеников, быстро завоевывали симпатии населения. Их работа имела важное педагогическое значение, так как преподавание на материнском языке ускоряло процесс обучения, вызывало интерес, содействовало прочному и сознательному усвоению знаний.

Обучение на родном языке в начальной национальной школе было обязательным. Русский язык вводился со второй половины второго года обучения как обычный предмет. Постепенно его изучение расширялось с таким расчетом, чтобы дети, окончившие четырехлетнюю национальную школу, владели им свободно и могли продолжить учебу в русских школах второй ступени, а если имелись национальные школы повышенного типа или школы крестьянской молодежи (ШКМ), то и среднее образование получали на родном языке¹⁴. Однако на практике происходило вытеснение родного языка из процесса учебы и усиление роли русского, что не было оправданным, снижало успешность усвоения учебного материала.

К сожалению, в Томской губернии и округе школ повышенного типа для национальных меньшинств в 1920-е гг. были единицы – эстонская (начала работу с 1923/1924 учебного года) и татарская (с 1926/1927 учебного года) ШКМ и татарская семилетка (с 1925/1926 учеб-

¹² Советская Сибирь. 1920. 29 окт.; ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1454. Л. 408.

¹³ ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 627. Л. 24; Д. 773. Л. 115.

¹⁴ Там же. Д. 627. Л. 24; Д. 773. Л. 114.

ного года). Организовать обучение на родном языке удавалось только тогда, когда в школе работал преподаватель, знавший как родной, так и русский язык. Но в большинстве случаев это требование не выполнялось, так как многие из учителей, работавшие в школах национальных меньшинств, владели только одним языком. Эта ситуация была характерна для сельских школ как Томской губернии, так и Сибири.

В 1920 г. в Томской губернии действовало 10 эстонских (с 711 учащимися), 3 латышских и 1 литовская школы. Как правило, переселенцы писали ходатайство в губернский (уездный) отдел образования с просьбой прислать учителя, знающего национальный язык. Вопросы выплаты зарплаты учителям, строительства здания школы, ее ремонт, снабжение учебниками и многое другое национальная община брала на себя. Так, по решению Болотнинской районной конференции эстонских крестьян, состоявшейся в августе 1923 г., в с. Болотном была открыта эстонская школа первой ступени. Она содержалась на средства колонистов, на жалование учителю было выделено 200 пудов хлеба. Прибалтийские переселенцы были рады возможности открыть школы на родном языке, так как «на родине об этом нельзя было даже и думать»¹⁵.

Прибалтийские переселенцы в начале 20-х гг. начали создавать свои культурно-просветительные и образовательные центры. До января 1920 г. в Томске действовали Всесибирский эстонский комитет (имевший свой печатный орган «Сибирский колонист»), Эстонский национальный совет в Сибири. Но они в январе 1920 г. были закрыты, так как их признали незаконными и ведущими реакционную деятельность, защищающими интересы буржуазии, а не эстонского трудового народа.

Активную культурно-просветительную деятельность среди эстонского населения Томска проводила эстонская губернская секция РКП(б). С января по март 1920 г. ею было устроено шесть митингов, концерт-митинг и концерт-бал в пользу «Недели фронта», собравших 3,5 тыс. руб., культурно-просветительные вечера, лекции¹⁶.

В 1920–1921 гг. в Томске работали латышский и эстонский рабочие клубы. В марте 1920 г. эстонское общество «Ихендус» реорганизовано в рабочий клуб «Рабочее общество»¹⁷. Его деятельность направляла и курировала эстонская секция губкома партии. В эстонский клуб Томска было записано более 40 человек. В нем функционировало несколько кружков: литературно-политический, музыкально-певческий и театральный. Один раз в неделю проходили вечера на политические и научные темы. Так, в 1921 г. преподаватель Томского университета Артур Глейе прочитал четыре лекции о сравнительном языкознании угро-финских народов, студент-медик Ян Керге – по анатомии, ботанике, гигиене. Также в клубе ставились спектакли, организовывались музыкальные и танцевальные вечера. В апреле 1921 г. прошел вечер, программа которого включала спектакль, музыкальные номера, декламацию стихов, танцы. Эпизодическое участие в работе клуба принимали и эстонские крестьяне, приезжавшие в Томск по делам¹⁸.

В 1921 г. в Анжеро-Судженских копиях действовал эстонский политический клуб с секциями. В нем читали лекции об экономическом развитии России и политическом положении в стране, ставили спектакли, работал хор.

В марте 1921 г. томский латышский клуб посещало около 160 человек. При нем действовало семь кружков: гимнастики и пластики, политграмоты, литературный, художественный, хоровой и ручного труда.

Затрагивая проблему, связанную с отношением прибалтийских переселенцев к религии, необходимо отметить следующее: они считали вопросы веры приоритетными и оставались верующими людьми. При создании нового поселка обязательно строился костел или молитвенный дом. Браки, как правило, освящались церковью, детей предпочитали крестить. Все религиозные праздники и обряды старались исполнять. Антирелигиозная пропаганда,

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 627. Л. 23.

¹⁶ ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1474. Л. 145.

¹⁷ Там же. Д. 1454. Л. 319.

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 521. Л. 4; ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1474. Л. 139–140.

проводившаяся местными органами власти в 1920-е гг., никаких заметных результатов не давала. Также для этого периода нехарактерно добровольное закрытие костелов.

Важной частью культурно-просветительной деятельности среди прибалтийских переселенцев являлась организация и проведение национальных праздников. Партийные и советские органы, руководившие этой работой, придавали праздникам необходимую политическую направленность.

Одним из самых ярких примеров такой работы было устройство в Мариинском уезде эстонского певческого праздника, состоявшегося в поселке Вамбола 22–23 июня 1924 г. Его программа, рассчитанная на три дня, была сокращена из-за непогоды. В нем приняло участие около 900 человек. В первый день праздника состоялось торжественное открытие, на котором прозвучал доклад о национальной политике советской власти, организованы концерт и спектакль «В вихре ветров». Во второй день праздника прошел конкурс эстонских хоров. Вамболинский хор получил первую премию за лучшее выступление в певческом празднике и приз «Альбом Ленина», вторую премию вручили Юрьевскому хору и приз Красное знамя. После окончания конкурса было организовано шествие участников праздника по поселку под духовой оркестр. Также вечером устроили просмотр двух спектаклей, в постановке которых участвовало пять национальных культурно-просветительных обществ. Во время праздника действовала выставка детских работ, подготовленных эстонскими школами¹⁹.

Одной из форм культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств было создание школ-передвижек. Они появились в 1923–1924 гг. и организовывались, как правило, Томским губернским комитетом партии. Школы-передвижки ставили своей целью научить самостоятельной работе с книгой, заложить основы самообразования, дать начальные естественнонаучные, агротехнические и политические знания²⁰. Занятия проходили по определенной схеме: сначала задавались вопросы по теме урока, знакомясь со степенью осведомленности слушателей по данному вопросу, делались пояснения, на что необходимо обратить внимание, затем читалась лекция. В следующий вечер проходила беседа по изученной проблеме, обсуждались непонятные моменты, затем приступали к следующей теме. Обычно учебная программа составлялась на основе общероссийских материалов, а сибирские проблемы оставались в стороне. Это обстоятельство снижало интерес слушателей.

Во время работы школ-передвижек попутно собиралась информация об экономическом состоянии деревень, количестве культурно-просветительных учреждений, школ, о настроении нерусского населения, проводились собрания, читались лекции, информирующие о текущих событиях в стране и мире, создавались партийные и комсомольские ячейки и т.д. Например, латышская школа-передвижка действовала весной 1924 г. в трех латышских поселках, после окончания ее работы были организованы школы политической читки²¹.

Но эффективность подобных школ была невелика, так как после окончания работы передвижки занятия прекращались – не было учителей или других специалистов, способных вести занятия. Ситуацию усугубляло плохое снабжение национальных деревень литературой и периодикой.

После отъезда школы-передвижки нередко закрывались и организованные ею кружки, ячейки партии и комсомола по причине отсутствия подготовленных работников и средств для поддержания этой деятельности. Однако есть и положительные примеры, когда население, видевшее успехи в работе школы-передвижки, открывало начальную школу, издучитальню, на собственные средства выписывало национальные газеты.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: образовательная и культурно-просветительная работа среди национальных меньшинств в 1920-е гг. в Сибири имела как общие черты, характерные для всех сибирских губерний, так и свою региональную

¹⁹ ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1468. Л. 69.

²⁰ ТО ЦДНИ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 317. Л. 2; Д. 319. Л. 45.

²¹ Там же. Д. 1467. Л. 25.

специфику. На ее проведение в Томской губернии и округе оказали влияние ряд факторов, такие как – очень пестрый национальный состав населения, его численность, совместное проживание представителей различных национальных культур, языков, уровень социально-экономических отношений, степень грамотности и др.

Преимущественно нерусское пришлое население, в том числе и прибалтийские переселенцы, проживало в деревнях и занималось сельским хозяйством. Как правило, оно плохо владело русским языком, что затрудняло проведение среди них культурной работы.

Но именно в 1920-е гг. были заложены основы системы просвещения национальных меньшинств, найдены формы и методы его осуществления. В представленный период была создана и действовала сеть национально – культурных и образовательных центров, позволивших получать образование, общаться, читать газеты и книги на родном языке. В их деятельности было заинтересовано само население национальных меньшинств, нередко оно выступало инициатором их открытия и оказывало им содействие и поддержку. Все это вместе способствовало сохранению национального самосознания и родного языка переселенцев в инонациональной среде, поддержанию традиций и обычаев, развитию культуры и образования.

Однако говорить о заметных успехах в деле ликвидации неграмотности среди национальных меньшинств было еще рано. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала определенное увеличение уровня грамотности населения национальных меньшинств, но в целом он в Томской губернии и округе оставался довольно низким и не превышал 50 %, за исключением латышей, эстонцев, немцев и евреев, имевших относительно высокий уровень образованности. Уровень грамотности сельского национального населения, по-прежнему, оставался ниже городского и мужское население было более грамотным, чем женское.

Итак, в Томской губернии и округе были созданы условия для реализации прав национальных меньшинств на получение образования на родном языке, а созданные национальные культурно-просветительные учреждения на принципах национально-культурной автономии, отражали политику советской власти в многонациональных регионах в 1920-е гг.

Литература

Голишева Л.А. О деятельности национальных секций и отделов в 1920–1922 годах // Томску – 375 лет: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 190–201.

Колоткин М.Н. Латгальские поселенцы в Сибири. Новосибирск: НИИГАиК, 1994. 68 с.

Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). Таллинн: Ээсти Раамат, 1976. 234 с.

References

Golisheva, L.A. (1979). O deyatel'nosti national'nykh sektsyy i otdelov v 1920–1922 godakh [On the Activities of National Sections and Departments in 1920–1922]. In *Tomsku – 375*. Tomsk, Izdatel'stvo TGU, pp. 190–201.

Kolotkin, M.N. (1994). *Latgal'skie poselentsy v Sibiri* [Latgalian Settlers in Siberia]. Novosibirsk, NIIGaiK. 68 p.

Maamyagi, V. (1976). *Estoniskie poselentsy v SSSR (1917–1940 gg.)* [Estonian Settlers in the USSR (1917–1940 gg.)]. Tallinn, Eesti Raamat. 234 p.

Н.А. Потапова*

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И МИГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ
ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ****doi:10.31518/2618-9100-2025-5-8
УДК 325.1(47+57)"192/193"*Выходные данные для цитирования:**Потапова Н.А. Государственная политика и миграционные стратегии крестьянской трудовой миграции в 1920-е – начале 1930-х годов // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 84–93. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-08.pdf>*

N.A. Potapova*

**STATE POLICY AND MIGRATION STRATEGIES
OF PEASANT LABOR MIGRATION
IN THE 1920S–EARLY 1930S****

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-8

*How to cite:**Potapova N.A. State Policy and Migration Strategies of Peasant Labor Migration in the 1920s–Early 1930s // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 84–93. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-08.pdf>]*

Abstract. This article examines the evolution of the Soviet state's policy towards peasant labor migration, or *otkhodnichestvo*, in the 1920s – early 1930s. It demonstrates that during a period of mass urban unemployment, which the authorities attributed to the existence of unorganized peasant migration, the Bolsheviks attempted to restrict this traditional practice of the Russian countryside. Throughout the 1920s and until the introduction of the passport system in the USSR in 1932, a series of measures were adopted to study, account for, and regulate these spontaneous movements, including for the purpose of supplying industry with workers and redistributing them across Soviet regions. The article shows that with the onset of industrialization, the state shifted from the passive measures of the early 1920s to a rigid *etatization* of labor migration to supply the industrial sector with labor. This was driven, in particular, by the fact that under industrialization, the surplus of workers was replaced by a labor shortage. Therefore, a system of *khozyaystvennyye nabory* (economic recruitment) was introduced to redistribute and control labor flows from the countryside. During collectivization, *kolkhozes* (collective farms), fearing the non-fulfillment of agricultural plans, began to obstruct the departure of peasants. In response, the Central Executive Committee (TsIK) and the Council of People's Commissars (SNK) of the USSR issued a decree in 1931 legalizing *otkhodnichestvo* and introducing criminal liability for its disruption. The mass flight of peasants from the villages, triggered by collectivization, often occurred under the guise of legal seasonal work. It was under these conditions that a campaign of passportization began in the country in 1932, aimed at restricting peasants' entry into cities. The introduction of the passport regime, under the threat of repression, significantly limited opportunities for unorganized migration but did not eliminate it completely. The introduction of passports should be viewed as one of the stages in the state regulation of *otkhodnichestvo*, since the previously introduced system of *orgnabory* (organized recruitment) did not cover all spontaneous flows of labor migrants. This measure was not the last—throughout the 1930s, the state continued to refine and tighten regulatory instruments, striving to completely eliminate any unaccounted-for movement.

* **Наталья Анатольевна Потапова**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: skna17talya@mail.ru

Natalia Anatolievna Potapova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: skna17talya@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was carried out within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Keywords: peasant labor migration, migration policy, industrialization, organized labor recruitment, passport regime.

The article has been received by the editor on 05.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье исследуется эволюция политики Советского государства в отношении крестьянской трудовой миграции, или отходничества, в 1920-е – начале 1930-х гг. Показано, что в период массовой безработицы в городах, причины которой власти видели в существовании неорганизованного отхода крестьян, большевики предприняли попытку ограничить традиционное для российской деревни явление. На протяжении 1920-х гг. и до введения паспортной системы в СССР в 1932 г. был принят ряд мер, направленных на изучение, учет и упорядочивание стихийных передвижений, в том числе для обеспечения промышленности рабочими и их перераспределения по советским регионам. В статье показывается, что с началом индустриализации власть от пассивных мер первой половины 1920-х гг. перешла к жесткому огосударствлению трудовой миграции для обеспечения промышленной сферы трудовыми кадрами. Обусловливалось это, в частности, и тем, что в условиях индустриализации избыток рабочих сменился их дефицитом. Поэтому для перераспределения трудовых потоков из деревни и их контроля была введена система хозяйственных наборов. В период коллективизации колхозы, боясь невыполнения сельскохозяйственных планов, начали препятствовать уходу крестьян, в ответ на это ЦИК и СНК СССР в 1931 г. приняли постановление, легализующее отходничество и вводящее уголовную ответственность за его срыв. Массовое бегство крестьян из деревень, спровоцированное коллективизацией, часто происходило под видом законного отхода на заработки, поэтому в этих условиях в 1932 г. в стране начинается кампания по паспортизации с целью ограничения въезда крестьянам в города. Введение паспортного режима под угрозой репрессий существенно ограничило возможности для неорганизованного отхода, однако не ликвидировало его полностью. Введение паспортов следует рассматривать как один из этапов государственного регулирования отходничества, так как введенная ранее система оргнаборов не охватывала все стихийные потоки трудовых мигрантов. Данная мера не стала последней – на протяжении 1930-х гг. государство продолжало совершенствовать и ужесточать регламентирующие инструменты, стремясь полностью ликвидировать любые неучтенные перемещения.

Ключевые слова: отходничество, миграционная политика, индустриализация, оргнабор, паспортный режим.

Статья поступила в редакцию 05.09.2025 г.

Временная трудовая миграция крестьян в России существовала в форме отходничества. Отход, т.е. выезд сельских жителей за пределы их постоянных мест проживания с целью дополнительного заработка, появился в России еще в XVIII в., а после отмены крепостного права получил новый импульс, приобретая массовый характер в дореволюционный период. Количество отходников ежегодно увеличивалось в начале XX в. приблизительно в 1,2–1,3 раза. В период с 1906 по 1910 г. в европейской части страны было выдано более 14,5 млн годовых паспортов¹. По другим оценкам, на стыке XIX и XX столетий число отходников составляло около трети трудоспособного населения деревни, причем в центральных

¹ Морозов С.Д. Особенности миграции населения России в 1897–1914 гг. // Траектория науки. Международный электронный научный журнал. 2016. Т. 2, № 6 (11). [Электронный ресурс]. С. 4.2. URL: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/188> (дата обращения: 10.08.2025).

промышленных губерниях почти половина крестьян отправлялась на заработки вне мест своего проживания². Ограниченное использование рабочих рук, малоземелье, низкая урожайность, природные бедствия, высокий спрос на рабочую силу в промышленности и строительстве, а также прочие факторы вынуждали деревенских жителей заниматься промысловой деятельностью. Некоторые исследователи обоснованно полагают, что участие в отходе вместе с традиционным сельским хозяйством были важнейшим способом выживания крестьян на значительных пространствах России³. Помимо этого, отходничество в дореволюционный период и позднее в уже советском государстве служило переходным этапом перед постоянным переселением крестьянских семей в городские поселения. Поэтому часть ученых это явление оценивает как механизм преодоления аграрного перенаселения в стране, позволявший крестьянам временно покидать деревню для заработка и постепенно адаптироваться к городской среде, смягчая социальные последствия массового переселения в города⁴.

Советское правительство позитивно воспринимало существование отходничества, рассматривая крестьян-отходников как резервную армию рабочего класса страны⁵. Однако уже в 1921 г. массовый приток крестьян на заработки в Москву вызвал обеспокоенность властей ввиду роста безработицы. Согласно отчету Наркомата труда СССР, отходники составляли заметную долю среди учтенных биржами труда безработных, хотя определить их удельный вес в общей статистике на настоящий момент затруднительно. Согласно отчету НКТ СССР за 1926–1927 гг., биржи труда регистрировали около 3,6 млн чел., искавших работу. Из них около 818 тыс. (или свыше 20 %) составляли мигранты из деревни. Несмотря на введенные ограничения для неквалифицированных кадров, общее число сельских отходников выросло более чем на 20 % по сравнению с предыдущим периодом⁶.

В связи с увеличением численности незанятого населения в первой половине 1920-х гг. Народный комиссариат труда РСФСР (позднее преобразованный в НКТ СССР) инициировал проведение статистическим отделом данного феномена. Цель состояла в определении ежегодных объемов и главных маршрутов передвижения отходников, выезжающих и въезжающих в волостные округа (губернии), а также в изучении организации этих передвижений. Первое исследование проводилось с 1 марта 1923 г. по 1 марта 1924 г. Впоследствии, в 1926–1927 гг., масштабы изучения увеличились, охватив примерно 82 % сельского населения Советского государства⁷. Несмотря на то, что учет отходников не был всеобъемлющим, на основании собранных данных можно судить о масштабах отхода. В середине 1920-х гг. количество отходников было ниже предвоенных показателей, однако оно стремительно увеличивалось. Так, в 1923–1924 гг. в отхожих промыслах участвовало около 1,7 млн чел., в 1924–1925 – около 2,9 млн, в 1925–1926 гг. – около 3,3 млн⁸, в 1926–1927 гг. – около 3,2 млн, 1927–1928 гг. – около 4 млн, а к 1928–1929 гг. эта цифра достигла около 4,3 млн чел.⁹ За пятилетний период количество деревенских жителей, вовлеченных в отход, увеличилось более чем в 2,5 раза. Среди советских республик первое место по числу временных мигрантов занимала РСФСР, в 1928–1929 гг. здесь было учтено около

² Отходничество [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (дата обращения: 10.08.2025).

³ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.

⁴ См., напр.: Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917–1930). М., 1968; Рындзюнский П.Г. Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2008.

⁵ Андрияшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012.

⁶ Из отчета Наркомтруда СССР о регулировании рынка труда и борьбе с безработицей за 1926/27 г. // Проект «Исторические Материалы» [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/6182?ysclid=mgnek2c9bz460047356> (дата обращения: 16.10.2025).

⁷ Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народо-население. 2017. № 3 (77). С. 52.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Вопросы труда в цифрах. Статистический сборник за 1927–1930 гг. М., 1930. С. 34–35.

3,6 млн чел., или около 84 % от общей доли промысловиков. Наибольшее количество отходников приходилось на Московскую область – около 402 тыс. чел.

Преимущественно доминировал неземледельческий отход. Так, в 1928–1929 гг. только около 400 тыс. чел. участвовало в сельскохозяйственных промыслах, т.е. всего около 9 % от общей численности промысловиков. Значительную долю составляли чернорабочие, конкурировавшие с горожанами за трудовые места, что усиливало безработицу в СССР, вызванную, помимо прочего, притоком сельских мигрантов. Так, например, в первой половине 1920-х гг. этот показатель мог достигать около 37 %, в то время как к концу десятилетия он снизился почти в 3,4 раза (табл.). Параллельно с этим увеличивалась численность рабочих, приезжавших на сезонные работы в различные отрасли советской экономики, такие как строительство, лесозаготовки, горное дело, добыча торфа, а также на фабрики, заводы и в ремесленные производства (см. табл.). Так, в период с 1923 по 1929 гг. численность занятых в строительстве увеличилась в 4 раза, а в сфере лесозаготовки и сплава леса – в 7 раз.

Таблица

Динамика численности отходников по основным профессиям в СССР в 1923–1929 гг.*

Профессия	1923/1924	1924/1925	1925/1926	1926/1927	1927/1928	1928/1929
Чернорабочие	512,2	1 062,8	746,5	654,2	682,6	461,4
Строители	236,9	452,6	557,2	567,3	754,3	929,6
Рабочие по сплаву и заготовке леса	195,7	126,7	555,2	572,9	889,3	1,374
Фабрично-заводские и ремесленные рабочие	164,0	266,4	398,1	353,4	366,1	347,3
Горнорабочие	62,2	63,7	168,3	136,1	131,7	177,0
Торфяники	81,7	65,3	85,6	125,1	115,7	127,9

Составлено по: Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 55; Вопросы труда в цифрах. Статистический сборник за 1927–1930 гг. М., 1930. С. 34–35.

* В таблице не учтены данные ЗСФСР, Узбекской и Туркменской ССР.

Уже к середине 1920-х гг. советское руководство столкнулось с двумя разнонаправленными вызовами: первый – это растущая безработица в городах, в том числе вызванная трудовой миграцией из села, ведущая к социальной нестабильности; второй – потребность индустриализации в новых кадрах на фоне аграрного перенаселения. Разрешить это структурное противоречие большевики попытались через установление жесткого государственного контроля над трудовыми ресурсами, в том числе из деревни. Проводимая политика была нацелена на то, чтобы, упорядочив стихийное перемещение сельского населения, превратить его в управляемый поток, целенаправленно насыщающий рабочей силой приоритетные, в первую очередь сезонные отрасли экономики. Особенно тщательно власти контролировали регионы с массовым притоком отходников. Ключевыми механизмами регулирования рынка труда стали: обязательная регистрация крестьян на биржах труда, установление квот для их приема на предприятия, информирование о потребностях рынка в работниках и централизованная организация набора. Этот процесс растянулся на несколько лет¹⁰.

В первой половине 1920-х гг. на фоне растущей безработицы в стране правительство принимает ряд мер, ограничивающих трудоустройство отходникам. Вводилась практика ограничения или полного запрета приезжих на биржах труда на основании постановлений городских советов, в первую очередь в Москве и Ленинграде. Ранее уже упоминалось, что в 1923 г. Наркомтруд СССР запустил масштабное изучение феномена отходничества. Для этого региональные власти обязывались систематически направлять в центр подробные

¹⁰ Потапова Н.А. Государственное регулирование отходничества в 1920-е годы (на материалах Сибири) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 178–185. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-14.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

отчеты, содержавшие данные о численности, демографическом составе (пол, возраст), профессиональной специализации, сроках миграции и географии работ крестьян-отходников. Данная система мониторинга функционировала в ежегодном режиме вплоть до 1929 г. В августе 1924 г. НКТ СССР принял постановление «О снятии с учета бирж труда некоторых категорий безработных и прекращении регистрации последних»¹¹. Эта мера была направлена и против сельских мигрантов, поскольку право на учет получали только те, кто имел опыт работы по найму, а для чернорабочих был введен обязательный трехлетний стаж. Введенные государством ограничительные меры были слабоэффективными: крестьяне продолжали уезжать на временные работы в регионы, где разворачивались большие строительные проекты.

Начиная со второй половины 1920-х г. советская власть вводит вербовочную систему. Согласно постановлению НКВД и НКТ РСФСР конца января 1925 г., местные власти обязаны были следить за набором кадров для предприятий, находящихся вне постоянных мест проживания крестьян¹². Для реализации этой цели создавались специальные вербовочные бюро, занимавшиеся привлечением крестьянской рабочей силы в основные отрасли сезонной занятости. Однако сельчане часто отказывались от предложенных государством условий, поскольку нередко сталкивались с проблемами оплаты труда, организации быта и транспортировки¹³. Это привело к передаче полномочий по проведению вербовки биржевым службам труда, начиная с 1926 г. теперь они собирали группы рабочих на основании заявок предприятий и отправляли их на производство. Такой подход был направлен на сокращение, а в дальнейшем полное уничтожение стихийных процессов ухода крестьян на заработки. Также принимаемые меры должны были разгрузить города от переизбытка рабочей силы и перенаправить трудовые резервы в те отрасли и регионы, которые нуждались в них, возложив ответственность за выполнение этой задачи на службы бирж труда. Биржам поручалось гарантировать трудоустройство всех отходников, а в случае невозможности нахождения подходящей вакансии обеспечивать направление на альтернативную работу либо возвращение обратно в родные деревни.

Еще одним шагом в создании регулируемого рынка труда стала организация НКТ СССР в регионах с высоким уровнем отхожего промысла специальной сети корреспондентско-информационных пунктов. В 1927 г. было создано 929 таких учреждений. Их функционал включал учет отходников, содействие в вербовке рабочей силы через биржи труда и хозорганы, а также непосредственную отправку рабочих на государственные предприятия. Часть подразделений также располагалась в сельских районах, куда прибывала основная масса сезонных работников. Благодаря этой сети власти обладали информацией о масштабах и направлениях миграции для ее планового регулирования. Однако созданная сеть не охватывала всей территории Советского государства, поэтому собираемые сведения были фрагментарны. Государство предприняло попытку не просто реагировать на миграционные потоки, а создать полноценную систему для их управления и контроля на всех этапах – от места отправления до места работы.

С окончанием нэпа и стартом форсированной индустриализации в годы первой пятилетки изменились и потребности экономики в рабочей силе. В условиях форсированной индустриализации роль сезонных отраслей в народном хозяйстве существенно возросла. На этом этапе избыток кадров сменился их дефицитом, советская промышленность испытывала острую потребность в трудовых ресурсах, для покрытия которой привлекались жители деревень. Меры, принимаемые с 1927 г., по-прежнему были направлены на дальнейшее ограничение стихийного отхода и установления контроля над ним для обеспечения советской промышленности необходимыми кадрами, тем самым ликвидировав дисбаланс между регионами с избытком и нехваткой рабочих рук. В ряд городов, в числе которых Москва,

¹¹ Постановление НКТ СССР от 7 августа 1924 г. № 349/266 «О снятии с учета бирж труда некоторых категорий безработных и прекращении регистрации последних».

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 796. Л. 5.

¹³ ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 22–23.

Ленинград, Ярославль, Псков, Ростов-на-Дону, Грозный, Харьков, Одесса, Минск, Фрунзе и пр., где особенно остро ощущалась безработица, в указанный период был закрыт въезд для сельских жителей, приезжающих в неорганизованном порядке¹⁴. Кроме того, в конце марта 1929 г. СНК РСФСР принял постановление «О мерах по регулированию притока сезонной рабочей силы в города Москву и Ленинград и в районы постройки Туркестано-сибирской железной дороги», которое запрещало брать на учет чернорабочих и подростков из числа временных трудовых мигрантов, прибывавших стихийно¹⁵.

Полномочия Наркомата труда СССР были расширены, теперь в его компетенцию входила организация вербовки рабочей силы. Был введен так называемый разрешительный порядок найма, при котором единственным законным основанием для этого становились специальные соглашения, заключаемые между предприятиями и органами НКТ. Данные документы делегировали право на проведение набора либо самим предприятиям (государственным, общественным или частным), либо напрямую представителям государственной власти. Все прочие методы вербовки, включая деятельность частных посредников и прямую рассылку предложений о работе, были запрещены.

Усиливала принятые меры еще одна значительная трансформация в регулировании отхожих промыслов, принятая в конце 1920-х гг. Ключевым нововведением стало установление прямых связей между отходниками и предприятиями, которые получили широкие полномочия по самостоятельному найму и направлению крестьян на работу. Другим важным элементом этой политики стало закрепление определенных категорий сезонных рабочих за конкретными предприятиями и территориями. По завершении сезона формировались списки рабочих, обязанных вернуться на то же предприятие в следующем году. Данная мера, с одной стороны, существенно ограничивала свободу выбора места работы для крестьян, гарантируя им приоритетное трудоустройство, с другой – такая система «приписывания» обеспечивала сезонные отрасли стабильным и предсказуемым контингентом работников. Параллельно с этим происходило территориальное закрепление: районы, поставлявшие рабочую силу, прикреплялись к регионам, испытывавшим в ней потребность¹⁶. Важным следствием этих изменений стала утрата биржами труда их прежних функций по регулированию отхожих промыслов.

Принятые в стране меры имели частичный успех в вопросе регулирования мобильности трудовых потоков, хотя отходничество трудно поддавалось государственному контролю. Так, в 1927 г. в результате организованного найма по договорам на сахарные заводы, свекловичные плантации, торфяные работы, кирпичное производство, строительство, лесозаготовки и рыбные промыслы было принято 1,7 млн рабочих¹⁷, в то время как около половины не было вовлечено в эту систему. Кроме того, динамика роста организованного отходничества хорошо прослеживается в отчете Правительства СССР осени 1929 г. Согласно документу, доля строительных рабочих, ушедших на заработки в организованном порядке, демонстрировала устойчивый рост: если в мае 1927 г. этот показатель составлял лишь 11,1 %, то через год он увеличился вдвое, достигнув 22,8 %. К 1929 г. тенденция усилилась: в первой половине мая организовано вышли на работу уже 54,1 % рабочих, а во второй половине месяца – 47,6 %¹⁸.

Процесс коллективизации скорректировал складывающуюся систему управления миграционными потоками сельской рабочей силы. В условиях кадрового голода отказ от труда крестьян-отходников в индустриальной сфере не представлялся возможным. Сама кампания, связанные с ней репрессии и создаваемая в деревне система коллективного хозяйствования, требующая от местных властей выполнения производственных планов и подталкивающая последних препятствовать отходу крестьян на временные промыслы и сезонные работы,

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1033. Л. 178.

¹⁵ СЗ СССР. 1929. № 27. Ст. 288.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-532. Д. 1379. Л. 59–62.

¹⁷ Шмидт В. Ближайшие задачи Наркомтруда // Вопросы труда. 1926. № 4. С. 4.

¹⁸ Из материалов к отчету правительства СССР за 1928/29 г. [Электронный ресурс] // Проект «Исторические материалы» URL: <https://istmat.org/node/8768?ysclid=mgq5bkzgyd794649512> (дата обращения: 01.09.2025).

вероятно, привели к сокращению числа отходников. Данные об их численности в 1930 г. отсутствуют, но Наркомат труда СССР в 1929–1930 гг. сообщал, что спрос на рабочую силу удовлетворялся лишь на одну треть, видя главную причину такой нехватки в недостатке трудовых мигрантов. В проекте плана НКТ СССР на этот период ожидалось получение 782 тыс. чел. из деревни, но в реальности намеченная цифра не была достигнута, отмечалось, что село «не дало того количества рабочих, на которое строительство рассчитывало. Вербовка, предпринимаемая органами труда и хозорганами еще до начала полевых работ, не покрывала всей потребности в рабочей силе; в период уборочной кампании она повсеместно дала очень незначительные результаты»¹⁹.

Дефицит кадров в промышленной сфере требовал строгой регламентации от государства. Уже в марте 1930 г. было принято Постановление НКТ СССР, ВСНХ СССР, НКЗ СССР, НКТ РСФСР и Колхозцентра СССР «О порядке направления рабочей силы из колхозов на работы в сезонные отрасли народного хозяйства», на основании которого на колхозцентры возлагалась задача по выполнению планов по обеспечению промышленности и сезонных отраслей рабочей силой²⁰. Для этого необходимо было заключать договоры, с одной стороны, с НКТ СССР или хозяйственными органами, а с другой – с правлениями колхозов. По утвержденной процедуре колхозы за неделю должны были составить планы по выделению рабочих, затем в течение трех дней организовать их набор. Каждому колхознику выдавался наряд с указанием места и срока начала работ. При этом часть его заработной платы подлежала последующему отчислению в колхоз. Невыполнение такого наряда считалось нарушением постановления правления и внутреннего распорядка.

Помимо коллективной вербовочной системы, продолжало сохраняться индивидуальное отходничество, так как в условиях дефицита разнорабочих в промышленной сфере, в том числе в строительстве, на лесозаготовках, сплавах и т.д., отказ от труда сельских мигрантов в индустриальной сфере не представлялся возможным. Однако создаваемая в деревне система коллективного хозяйствования требовала от местных властей выполнения производственных планов, что заставляло последних препятствовать уходу крестьян на временные промыслы и сезонные работы. В сложившихся условиях власти сделали ставку на индустриальное развитие страны. В середине марта 1930 г. СНК СССР издало Постановление «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы». Данный документ не только запрещал создавать преграды для отходников, но и вводил уголовную ответственность для тех, кто пытался нарушить данное указание, ответственность за исполнение этого распоряжения возлагали на председателей окружных и районных исполнительных комитетов²¹. Принятая мера, по сути, легализовала процесс бегства крестьянства от политики коллективизации и раскулачивания под прикрытием отходнических промыслов. Как следствие, спустя лишь год последовала новая законодательная инициатива, направленная на исправление положений весеннего документа 1930 г.

Уже в июле 1931 г. И.В. Сталин на совещании хозяйственников рекомендовал местным властям пополнять промышленность кадрами из села через централизованную систему договоров между хозяйственными организациями и колхозами²². Через неделю после этого выступления вышло совместное Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. № 10/458 «Об отходничестве»²³. В очередной раз государство объявило о намерении бороться с бесконтрольной сельской миграцией как с целью найма на работу, так и с целью изменения места жительства. Партия предоставляла альтернативу в виде контролируемой и управляемой системы – систему организационного набора, участие в которой поощрялось льготами стимулирующего характера. Крестьяне, не заключавшие договор с хозяйственными

¹⁹ Из конъюнктурного обзора Наркомтруда СССР о выполнении плана по труду за 1929/30 г. // Проект «Исторические материалы» [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/8821?ysclid=mgq52sx16c138613205> (дата обращения 01.09.2025).

²⁰ Известия НКТ СССР. 1930. № 8. С. 164–165.

²¹ СЗ СССР. 1930. № 18. Ст. 206.

²² Правда. 1931. 5 июля.

²³ СЗ СССР. 1931. № 42. Ст. 286.

органами, не могли претендовать на их получение, а нарушение договорных обязательств рассматривалось как основание для лишения правительственных субсидий, к числу которых относилось освобождение от денежных отчислений, сельскохозяйственного налога. Также постановление гарантировало трудоустройство в колхозе после завершения срока договора с хозорганами, часть урожая по установленным ценам. Кроме того, семьи отходников также пользовались определенными преференциями. Так, например, местная администрация обязывалась обеспечить их продуктами питания в равном количестве с другими членами колхоза, дети отходников получали преимущество при поступлении в школы, на курсы и т.д. Льготы предоставлялись и единоличникам, но в меньшей степени. Для них вдвое уменьшался сельскохозяйственный налог с неземледельческих заработков.

Согласно июньскому Постановлению 1931 г., преференции предоставлялись и колхозам, активно содействовавшим отходничеству. Власти на уровне предприятий и республик должны были оказывать поддержку в культурно-бытовом и экономическом развитии тех сельских поселений, которые добросовестно выполняли договорные обязательства по найму и поставляли наибольшее число рабочих для промышленности. Формами такой поддержки выступало строительство объектов социальной инфраструктуры (школ, клубов, детских садов), преимущественное снабжение сельскохозяйственной техникой, организация пунктов общественного питания (столовых) и др.

Предполагалось, что новый документ решит две ключевые задачи: ликвидирует «кадровый голод» в промышленности за счет притока крестьян и остановит массовое бегство населения из деревень, поставив стихийную миграцию под государственный контроль. Традиционное отходничество тем самым превращалось в централизованную систему снабжения предприятий рабочей силой. Для стимулирования участия в этой системе на хозяйственные организации возлагались конкретные обязанности по материальной поддержке отходников. Они должны были обеспечивать их суточным содержанием, компенсировать расходы на жилье, питание и проезд. Особо оговаривалась ответственность по предоставлению жилья, что в условиях острейшего городского жилищного кризиса было ключевой мерой, защищавшей мигрантов от бездомности. Административная процедура также была четко регламентирована. При отправке на работу правление колхоза выдавало крестьянину специальную справку. Этот документ подтверждал его членство в колхозе и давал право на временное проживание в городе на срок действия трудового договора. Важно, что такая справка легализовывала въезд даже в закрытые для свободного перемещения местности, доступ в которые был ограничен Постановлением НКТ СССР 1927 г.

Тем не менее Постановление 1931 г. имело ряд ограничений. Сфера действия данного положения ограничивалась отраслями, наиболее важными для индустриализации и испытывавшими острую нехватку рабочей силы. К их числу относились лесозаготовки, сплав, торфоразработки, строительство, транспорт и др. В октябре и декабре 1931 г. вышли новые распоряжения Совнаркома, распространяющие Постановление от 30 июня 1931 г. на отходников-охотников, которые нанимались к заготовителям пушно-мехового сырья²⁴, а также на предприятия связи²⁵. Указанные отрасли не предъявляли высоких требований к квалификации персонала и могли комплектоваться за счет сельских трудовых ресурсов. Отдельный регламент устанавливался для работников, обладавших дефицитными специальностями (угольщик, торфодобытчик, плотник, каменщик и т.п.), в которых остро нуждалась промышленность. Для них создавались льготные условия, по сути освобождавшие от сельхозработ: директива обязывала колхозную администрацию оставлять таким специалистам лишь минимальный объем обязанностей в деревне.

Эффективность постановления, судя по всему, была ограниченной. Если в 1931 г. общая численность отходников достигла 5 454 тыс. чел. (включая заключивших хозяйственный договор)²⁶, а их доля среди колхозников по весенней переписи составила 10,9 %,

²⁴ СЗ СССР. 1931. № 63. Ст. 410.

²⁵ Там же. №. 72. Ст. 482.

²⁶ Вдовин А.И., Дробизhev В.З. Рост рабочего класса: 1917–1940 гг. М., 1976. С. 120.

что значительно превышало показатели 1928–1929 г. (7,2 %)²⁷, то уже в следующем году их количество резко сократилось почти в 1,5 раза – до 3,6 млн. Это падение, вероятно, стало прямым следствием введения в 1932 г. паспортной системы и связанных с ней ограничений на внутреннюю миграцию. С 1933 г. в официальной документации отображалась только численность крестьян, нанятых на работу через систему оргнаборов. Однако это не значит, что государству удалось полностью справиться с неорганизованным отходничеством. Кампания по паспортизации населения не означала уничтожения рассматриваемого феномена, хотя и были введены строгие наказания за нарушения режима. На протяжении 1930-х гг. советское правительство приняло ряд дополнительных мер, регулирующих отход сельского населения на заработки в условиях паспортизации²⁸.

Таким образом, на протяжении 1920–1930-х гг. государственная политика в отношении крестьянской трудовой миграции (отходничества) прошла сложную эволюцию – от попыток ограничения и упорядочивания до жесткого централизованного контроля, интегрированного в задачи форсированной индустриализации и коллективизации. В восстановительный период нэпа власти, столкнувшись с противоречием между ростом городской безработицы и потребностями экономики в сезонной рабочей силе, пытались регулировать стихийный отход через биржи труда, вербовку и систему информирования. Однако эти меры оказались малоэффективными и масштабы миграции продолжали расти. С началом индустриализации и коллективизации подход государства кардинально изменился. Из явления, которое стремились ограничить, отходничество было превращено в инструмент мобилизации трудовых ресурсов для нужд промышленности. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. окончательно закрепило переход к централизованной системе организованного набора (оргнабора). Эта система, основанная на договорах между колхозами и хозорганами и подкрепленная системой льгот для отходников, была призвана ликвидировать стихийную миграцию и обеспечить плановое распределение рабочей силы. Для ограничения массового бегства крестьян от коллективизации в 1932 г. была запущена кампания по паспортизации, которая административно ограничила передвижение сельчан, однако отходничество оставалось одним из каналов трудовой миграции. Введение таких документов можно рассматривать как один из этапов государственного регулирования отходничества, так как введенная ранее система оргнаборов не охватывала все стихийные потоки трудовых мигрантов. Данная мера не стала последней – на протяжении 1930-х гг. государство продолжало совершенствовать и ужесточать регламентирующие инструменты, стремясь полностью ликвидировать любые неучтенные перемещения.

Литература

Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. 464 с.

Вдовин А.И., Дробизhev В.З. Рост рабочего класса: 1917–1940 гг. М.: Мысль, 1976. 264 с.

Кесслер Х. Коллективизация и бегство из деревни – социально-экономические показатели. 1929–1939 гг. // Экономическая история. Обзор. М., 2003. Вып. 9. С. 77–79.

Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2004. 757 с.

Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 51–62.

Морозов С.Д. Особенности миграции населения России в 1897–1914 гг. // Траектория науки. Международный электронный научный журнал. 2016. Т. 2, № 6 (11). [Электронный ресурс]. С. 4.2. URL: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/188> (дата обращения: 10.08.2025).

²⁷ Колхозы весной 1931 года: статистическая разработка отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 года. М., 1932. С. 107–108.

²⁸ Potapova N.A. Soviet Migration in the Context of Passportization in the Early 1930s // Gumilyov Journal of History 2025. Vol. 151, № 2. P. 64–80.

Отходничество // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (дата обращения: 10.08.2025).

Потанова Н.А. Государственное регулирование отходничества в 1920-е годы (на материалах Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 178–185.

Рындзюнский П.Г. Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в. // Проблемы генезиса капитализма. М.: Наука, 1970. 245 с.

Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В.Н. Никулина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. 272 с.

Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917–1930). М.: Мысль, 1968. 258 с.

Potapova N.A. Soviet migration in the context of passportization in the early 1930s. // Gumilyov Journal of History 2025. Vol. 151, № 2. P. 64–80.

References

Andryushin, E.A. (2012). *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov* [From the History of USSR Labor Legislation and the Policy of the Soviet Government in the Field of Labor Resources]. Moscow, Novyy khronograf. 464 p.

Kessler, G. (2003). Kollektivizatsiya i begstvo iz derevni – sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 1929–1939 gg. [Collectivization and Flight from the Village – Socio-Economic Indicators. 1929–1939]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow. Vol. 9, pp. 77–79.

Kulisher, I.M. (2004). *Istoriya russkogo narodnogo khozyaystva* [History of the Russian National Economy]. Chelyabinsk, Sotsium. 757 p.

Moiseenko, V.M. (2017). Otkhod sel'skogo naseleniya na zarabotki v SSSR v 1920-e gody [The Departure of the Rural Population to Earn Money in the USSR in the 1920s]. In *Narodonaselenie*. No. 3 (77), pp. 51–62.

Morozov, S.D. (2016). Osobennosti migratsii naseleniya Rossii v 1897–1914 gg. [Features of Population Migration in Russia in 1897–1914]. In *Traektoriya nauki. Mezhdunarodnyy elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 6 (11), pp. 4.1–4.10. Available at: URL: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/188> (date of access 10.08.2025).

Nikulin V.N. (Ed.). (2008). *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii* [North-West in the Agrarian History of Russia]. Kaliningrad, Izdatel'stvo RGU imeny I. Kanta. 272 p.

Otkhodничество [Otkhodничество]. In *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (date of access 10.08.2025).

Potapova, N.A. (2023). Gosudarstvennoe regulirovanie otkhodnichestva v 1920-e gody (na materialakh Sibiri) [State Regulation of Otkhodnichestvo in the 1920s (Based on Materials from Siberia)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1 (27), pp. 178–185.

Potapova, N.A. (2025). Soviet migration in the context of passportization in the early 1930s. In *Gumilyov Journal of History*. No. 151 (2), pp. 64–80.

Ryndzyunsky, P.G. (1970). Krest'yanskiy otkhod i chislennost' sel'skogo naseleniya v 80-kh godakh XIX v. [Peasant Departure and the Number of Rural Population in the 1880s]. In *Problemy genезиса kapitalizma*. Moscow, Nauka, pp. 245–260.

Suvorov, K.I. (1968). *Istoricheskiy opyt KPSS po likvidatsii bezrabortitsy (1917–1930)* [The Historical Experience of the CPSU in Eliminating Unemployment (1917–1930)]. Moscow, Mysl'. 258 p.

Vdovin, A.I., Drobizhev, V.Z. (1976). *Rost rabocheго klassa: 1917–1940 gg.* [The Growth of the Working Class: 1917–1940]. Moscow, Mysl'. 264 p.

Т.А. Кискидосова*

**БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-9
УДК 94(571.513):316.74"1941/1945"*Выходные данные для цитирования:**Кискидосова Т.А. Бытовые условия эвакуированного населения в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 94–107. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-09.pdf>*

T.A. Kiskidosova*

**LIVING CONDITIONS OF THE EVACUATED POPULATION
IN KHAKASSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-9

*How to cite:**Kiskidosova T.A. Living Conditions of the Evacuated Population in Khakassia during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 94–107. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-09.pdf>]*

Abstract. The article describes the living conditions of the evacuated population in the Siberian rear during the Great Patriotic War. The Khakass Autonomous Region became one of the regions hosting evacuees from the western part of the country. The main problems that arose in the region with a large influx of people are considered. The mass migration of the population to Khakassia contributed to the creation of an unfavorable epidemiological situation. As a result of sanitary and medical measures, it was possible to prevent the spread of infectious diseases in the region in a timely manner. The evacuated population faced a lot of problems being away from home. In extreme conditions, adaptation to unsettled conditions and everyday difficulties took place. The article shows how local authorities solved the issues of accommodation, employment, fuel supply and food for evacuated families. The primary and difficult task in the case of a shortage of housing in the region was the resettlement of the arriving population. To accommodate the evacuees, authorities searched for all kinds of rooms, assigned living quarters to them in local residents' apartments, or built simple houses. In cases of indifference and bureaucratic attitude of government representatives, the evacuated population had to take the initiative when looking for housing or work. Despite the difficulties of wartime, as far as possible, the evacuees were provided with material and household assistance, both from the authorities and local residents. Through the combined efforts of local authorities, heads of enterprises and institutions, and the public, they managed to create the necessary conditions for the survival of the evacuated population.

Keywords: Great Patriotic War, Khakassia, evacuated population, living conditions, everyday life.

The article has been received by the editor on 23.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье охарактеризованы бытовые условия эвакуированного населения в сибирском тылу в годы Великой Отечественной войны. Хакасская автономная область стала одним из регионов размещения эвакуантов из западной части страны. Рассматриваются основные проблемы, возникшие в регионе с большим притоком людей. Массовая миграция населения в Хакасию способствовала созданию неблагоприятной эпидемиологической обстановки. В результате проведения санитарно-медицинских мероприятий удалось своевременно предотвратить распространение инфекционных заболеваний

* **Татьяна Александровна Кискидосова**, кандидат исторических наук, Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: tak_74@mail.ru
Tatyana Alexandrovna Kiskidosova, Candidate of Historical Sciences, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: tak_74@mail.ru

в области. Эвакуированному населению пришлось столкнуться с массой проблем, находясь вдали от дома. В экстремальных условиях проходила адаптация к неустроенности и бытовым трудностям. Показано, как местные власти решали вопросы размещения, устройства на работу, снабжения топливом и питанием эвакуированных семей. Первоочередной и сложной задачей при дефиците жилья в области было расселение прибывшего населения. Для размещения эвакуограждан изыскивали все возможные помещения, подселяли к местным жителям или строили дома простого типа. В случаях равнодушного и бюрократического отношения представителей властных органов эвакуантам приходилось проявлять инициативу при поиске жилья или работы. Несмотря на сложности военного времени, по мере возможности им оказывалась материально-бытовая помощь как со стороны органов власти, так и местных жителей. Объединенными усилиями удалось создать необходимые условия для выживания эвакуированного населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Хакасия, эвакуированное население, бытовые условия, повседневность.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025 г.

Массовая эвакуация гражданского населения стала серьезным испытанием в годы Великой Отечественной войны. В связи с прибытием огромного людского потока в тыловые районы страны возникли проблемы с приемом, размещением, трудоустройством и снабжением эвакуантов. Вопросы эвакуации и реэвакуации населения в военный период продолжают оставаться актуальными для исследователей.

В последние годы усилился интерес отечественных историков к социальным проблемам населения в военный период. История повседневной жизни советского тыла во время Великой Отечественной войны рассмотрена в ряде работ современных исследователей. Особый интерес в данном направлении представляют работы Н.П. Палецких, А.В. Шалака, Р.Р. Хисамутдиновой, А.Ш. Кабировой, М.С. Зинич¹ и др. Они обратили внимание на такие вопросы, как продуктовое снабжение, материально-бытовая помощь, решение жилищной проблемы, здравоохранение, культурно-массовая деятельность и т.д. С открытием значительной части архивных материалов в 1990-х гг. тема эвакуированного населения получила развитие в современной отечественной историографии. В работах М.Н. Потемкиной, Л.И. Снегиревой, М.Ю. Мухина, Н.В. Чернышевой, М.П. Беленко, О.А. Кошкиной и П.О. Леханова исследованы вопросы численности, размещения, адаптации, бытовых условий и социальной поддержки эвакуированного населения². М.Н. Потемкина, основываясь на анализе доку-

¹ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Челябинск, 1995; Шалак А.В. Условия жизни и быта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998; Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002; Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. Казань, 2011; Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны М., 2019; и др.

² Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002; Снегирева Л.И. Трудоустройство эвакуированного населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского гуманитарного университета. 2010. Т. 9, вып. 1. С. 204–211; Снегирева Л.И., Мухин М.Ю. Авиастроители в эвакуации: бытовые условия работников эвакуированных заводов в 1941–1945 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 86–98; Снегирева Л.И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в Западно-Сибирском тылу (1941–1943 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 143–156; Мухин М.Ю. Авиастроители в эвакуации: бытовые условия работников эвакуированных заводов в 1941–1945 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 86–98; Чернышева Н.В. Социальная поддержка эвакуированного населения в Кировской области в 1941–1945 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 45–50; Беленко М.П. Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 2. С. 81–85; Беленко М.П. Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/>

ментов, считает, что хотя в военных условиях все жители тыла испытывали бытовые трудности, но эвакуированных граждан необходимо выделить в особую социальную группу³.

История эвакуации и эвакуированного населения в региональном аспекте в годы войны продолжает активно изучаться. Демографические процессы в Сибири и в Хакасии в годы Второй мировой войны исследованы В.А. Исуповым и В.А. Кышпанаквым⁴. Авторы обратили внимание на проблемы, связанные с численностью, рождаемостью, смертностью, естественным приростом, мобилизацией трудовых ресурсов. Они затронули проблемы численности и размещения эвакуированного населения в регионе. Некоторые стороны повседневной жизни эвакуированных граждан в Красноярском крае и в Хакасской автономной области изучены Л.Э. Мезит⁵. В целом бытовые проблемы эвакуированных в Хакасию рассмотрены фрагментарно. Недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с приемом, размещением, жилищным обеспечением, трудоустройством и материально-бытовым обеспечением эвакуированных граждан в Хакасии. Цель статьи – охарактеризовать особенности бытовых условий эвакуированного населения в Хакасии в годы Великой Отечественной войны.

Основой работы стала делопроизводственная документация партийных органов власти Национального архива Республики Хакасия (НАРХ) – Ф. П-2 (Хакасская областная комитет КПСС), Ф. Р-39 (Исполнительный комитет Хакаского областного совета), Ф. П-4 (Черногорский городской комитет ВКП(б)) и др., а также материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК) – Ф. П-26 (Красноярский КК КП РСФСР). Материалы местной газеты «Советская Хакасия» стали дополнением к изучению бытовых условий эвакуированных граждан. Периодическая печать отразила бытовые проблемы повседневной жизни эвакуантов.

В годы Великой Отечественной войны массовая миграция населения в Поволжье, на Урал, в Сибирь и в Среднюю Азию способствовала переуплотнению населенных мест. К основным задачам политики советского государства в отношении эвакуированного населения относились: прием прибывших людей, обеспечение их жизнедеятельности, включение в производственный процесс тыловых регионов. Социальная политика сталинского режима в целом основывалась на утилитарном подходе к человеку. В условиях войны приоритет государственных интересов над личными проявился еще сильнее. Благодаря оказанной помощи со стороны разнообразных партийных структур, государственных органов, общественных организаций, руководителей предприятий и местных жителей удалось создать необходимые условия для выживания эвакуированных⁶.

С начала войны Хакасия стала одним из регионов размещения эвакуированного населения. Важнейшей задачей для местных властей стали прием и распределение эвакуируемых по городам и селам области. Заранее были утверждены пункты направления прибывающего людского потока. На данный момент определить точное количество эвакуантов в регионе не представляется возможным. В материалах статистики отсутствует подробная информация

data/2019/ISTKURIER-2019-4-09.pdf (дата обращения: 11.06.2026); Кошкина О.А., Леханов П.О. Проблемы быта и социальной адаптации жителей Москвы и Московской области в условиях эвакуации в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 55–62; и др.

³ Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны... С. 87.

⁴ Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008; Исупов В.А. Миграции населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Демографическая история России и регионов. Екатеринбург, 2018. С. 74–96; Кышпанак В.А. Хакасская автономная область накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны в протоколах и решениях облсовета // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 218–226. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-16.pdf> (дата обращения: 11.06.2026).

⁵ Мезит Л.Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского городского областного университета. Сер.: История и политические науки. 2010. № 2. С. 29–32; Мезит Л.Э. Повседневная жизнь эвакуированных ленинградских детских домов в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2021. № 9. С. 1801–1805; и др.

⁶ Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны... С. 83.

о прибывшем людском потоке. Согласно составленному списку, эвакуантов распределяли по городам в следующем порядке: в Абакан – 1 тыс. чел., в Черногорск – 500 чел. По районам они должны были направиться: в Усть-Абаканский – 800 чел., в Ширинский – 1 500 чел., в Саралинский – 800 чел., в Боградский – 700 чел., в Бейский – 700 чел., в Аскизский – 1 тыс. чел., в Таштыпский – 500 чел., в Шарыповский – 500 чел. В целом в 1941 г. предполагалось разместить в Хакасии не менее 8 тыс. чел. эвакуированных⁷.

Осенью 1941 г. в Хакасию стали прибывать эвакуированные граждане из прифронтовых областей страны. Некоторые из них, передвигаясь на поезде, попали под авиабомбардировку и потеряли вещи. Эвакуантов, прибывших на станцию Абакан, направляли на прохождение санобработки, затем размещали в городе по квартирам или направляли в другие населенные пункты Хакасии. Хакасский облисполком Совета депутатов трудящихся распорядился разместить эвакуограждан исходя из рода занятий и деятельности: сельское население – в колхозы и совхозы, рабочее население – на предприятия. Для перевозки людей в места размещения привлекали автомобильный и гужевой транспорт колхозов и совхозов. Всех эвакуированных нужно было обеспечить жильем, питанием, бытовыми предметами, теплой одеждой и обувью, устроить на работу, а детей – в школы и детские сады. Руководителям предприятий, организаций и учреждений разрешалось при приеме на работу выдавать эвакуантам единовременное пособие в размере 100 руб.⁸ Эвакуированные в основном были из Украины, Белоруссии, Москвы, Ленинграда, западных и южных областей РСФСР. Несколько сотен семей шахтеров из Донбасса и г. Шахты Ростовской области отправили в Черногорск. Там их как квалифицированных рабочих распределили на работу в Черногорские угольные копи⁹.

Согласно постановлению СНК СССР от 9 августа 1941 г. «Положение о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы», эвакуограждане обязывались прописать свои паспорта в органах милиции по месту распределения в течение 24 часов. Гражданам, прибывшим без паспортов, нужно было зарегистрироваться в городских или районных исполкомах Совета депутатов трудящихся, затем получить в органах милиции специальные удостоверения со сроком на три месяца. Эти удостоверения не являлись паспортом, но по ним эвакуированные могли прописаться и устроиться на работу¹⁰. По требованию краевых властей местные партийные органы власти обязывались вести учет тех эвакуированных по спискам, кто прибыл и продолжал прибывать после проведенного переучета эвакуантов. На прибывших граждан в организованном порядке (эшелоны и пароходы) списки предоставлялись через пять дней после прибытия в пункт назначения. Тех, кто добирался в одиночном порядке, вносили в список, подававшийся два раза в месяц¹¹.

30 декабря 1941 г. Хакасский облсовет, ссылаясь на постановление Красноярского крайкома партии от 17 декабря 1941 г., обязал всех местных председателей горкомов и райкомов партии обратить особое внимание на трудовое и бытовое устройство, снабжение топливом и питанием прибывшего населения. Для проведения переучета эвакуантов ответственным назначили председателя Абаканского горсовета А.Я. Балакчина и привлекли работников статистического управления. В экстремальных условиях переучет требовалось произвести в максимально короткие сроки – до 5 января 1942 г. Однако оперативно подготовить информацию о количестве прибывших в эвакуацию людей представлялось сложнейшей задачей и переучет продлили до 20 февраля 1942 г. Всех эвакуированных детей и подростков распределяли по школам в местах расселения. По мере возможности их обеспечивали учебниками, тетрадями и другими необходимыми учебными принадлежностями. Устроить всех детей по школам не удалось, поэтому 348 чел. временно не смогли влиться в учебный процесс¹². Детей, которые отстали от эшелонов и потеряли родителей, отправляли

⁷ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-9. Оп. 1. Д. 253. Л. 40.

⁸ НАРХ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 253. Л. 38.

⁹ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск, 1987. С. 154.

¹⁰ НАРХ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 253. Л. 42.

¹¹ Там же. Л. 42.

¹² НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 461. Л. 130.

в детские дома. Областному потребительскому союзу было поручено снабжать эвакуируемых питанием, одеждой и предметами домашнего обихода. Местные власти подчеркивали исключительную важность своевременного учета, приема, размещения и устройства всего эвакуированного населения¹³.

Массовый приток населения в регион создал благоприятные условия для возникновения различных инфекционных заболеваний. На Хакасский областной отдел здравоохранения возлагалась ответственность в организации и проведении профилактической работы среди эвакуируемого населения, противоэпидемической санитарной обработки при приеме на станциях и медицинского обслуживания в местах их расселения. В это время в городе не были предусмотрены все необходимые условия для прибытия и размещения внезапно образовавшегося большого потока людей. Первоначально отсутствовал санпропускник, необходимый для соблюдения всех санитарных норм. Со стороны городских властей не предпринимались меры по очистке нечистот, а острый дефицит самого элементарного предмета гигиены – мыла – способствовал возникновению серьезной угрозы эпидемической обстановки. Санитарные службы не были в полной мере готовы принять и контролировать поступавший поток людей¹⁴. Нехватка мыла, а порой его элементарное отсутствие, ощущалась даже в лечебных заведениях. Доходило до того, что в больнице у врача не было возможности помыть руки с мылом перед и после приема больных¹⁵.

В Абакане проводилась работа по профилактике эпидемических заболеваний в городе. Городские власти запретили хозяйственным организациям, имеющим заезжие дома, частным владельцам и жильцам коммунальных и хозяйственных домов принимать на временное или постоянное проживание лиц, прибывших в город по железной дороге или другим путем без предварительной санитарной обработки и справки о ее прохождении. Все граждане, приехавшие на поезде в Абакан, проходили санобработку в железнодорожной бане с 12 до 24 часов или в санитарном поезде круглосуточно. Прибывшие в город другими видами транспорта обязывались проходить санобработку в санитарном пропускнике по улице Чертыгашева с 10 часов утра до 24 часов ночи. Комендант города установил патруль на станции Абакан и всех прибывших военнослужащих подвергали немедленной санитарной обработке в бане № 2. В обязанности начальника станции входила разгрузка вокзала: не допускать скопления людей и пребывания их на вокзале более суток. На горздравотдел возлагалась проверка общежитий, заезжих квартир и частных домовладений на выявление и ликвидацию инфекционных заболеваний, а также организация санитарных постов по городу¹⁶. Городскому жилищному управлению запрещалось выдавать ордера и прописку без предъявления справки о санитарной обработке¹⁷.

Хакасский областной отдел здравоохранения предпринял все необходимые меры по предотвращению распространения инфекционных заболеваний в области. Все районы своевременно получили указания по проведению санитарных мероприятий. 7 декабря 1941 г. на заседании облисполкома специально рассматривался вопрос о санитарно-эпидемическом состоянии в Хакасии. Особую тревогу вызвало халатное отношение ряда районов (Таштыпский, Ширинский, Богградский, Шарыповский), где эвакуированное население, не пройдя специальной обработки, размещалось среди местных жителей. Это привело к тому, что в январе 1942 г. в этих районах возникли вспышки сыпного тифа. В срочном порядке на места выехали работники облздрава – облгоссанинспекция, эпидстанция, эпидемиолог и врачи. В районные центры Таштып, Аскиз, Шира, Богград и Усть-Абакан послали эпидемические отряды для поголового обследования на завшивленность и санитарной обработки людей и вещей. Врач-эпидемиолог поставил на учет все старые и новые эпидемические очаги для постоянного наблюдения и проведения санобработки¹⁸.

¹³ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 459. Л. 219; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 797. Л. 394.

¹⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 396. Л. 18.

¹⁵ НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

¹⁶ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 416. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 1 об.

¹⁸ НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 927. Л. 96.

Эвакуантов, прибывших на станцию Абакан, направляли на прохождение санобработки, затем размещали в городе по квартирам или направляли в другие населенные пункты Хакасии. К началу 1942 г. в Абакан прибыло 1 345 чел. Отсутствие необходимых помещений и сети гостиниц в городе для размещения большого количества людей создало критическую ситуацию¹⁹. Еще в довоенный период в Абакане остро стояла жилищная проблема. В 1940 г. на одного горожанина в среднем приходилось 1,8 кв. м²⁰. Индивидуальное строительство активизировалось в Абакане с конца 1930-х гг. Если в 1937 г. жилищный фонд в личной собственности абаканцев составлял 28,2 тыс. кв. м, то к 1940 г. – 50,7 тыс. кв. м. Строительство частных домов в Абакане существенно дополнило общегородской жилищный фонд. Наиболее простым и типичным способом выхода из критической ситуации стало строительство домов барачного типа. Большая часть горожан проживала в бараках и частных домах²¹.

В годы войны произошло резкое сокращение объема жилищного строительства. Местные власти были озабочены поиском свободных помещений, пригодных для жилья. В первую очередь рассматривались разнообразные варианты – от городских общежитий до частного сектора. Абаканский горисполком обязал председателя артели инвалидов «Абакан» Петелина выделить для прибывшего эвакуированного населения помещение в жилом доме инвалидов. Также под общежитие отводилась часть помещения «Хакзолота»²². 20 октября 1941 г. Хакасский обком партии принял решение в IV квартале 1941 г. начать строительство упрощенного или скоростного типа (бараков и землянок). Строительные работы предполагалось закончить не позднее 15 декабря этого же года. На строительство жилья в Абакане мобилизовали 40 чел., в Черногорске – 30 чел. из числа эвакуированного населения²³.

В 1942 г. план строительства жилья в Абакане удалось выполнить всего на 50 %, в Черногорске – на 25,3 %. Несмотря на отпущенные средства в 1942–1943 гг., городские коммунальные хозяйства не справились с поставленными перед ними задачами по жилищному строительству. Подобная ситуация сложилась и в районах области. Саралинский и Таштыпский районы вообще не проводили строительные работы и не смогли освоить выделенные средства. Еще хуже обстояла ситуация по жилищно-коммунальному строительству в Хакасии в следующем году. В первом полугодии 1943 г. план оказался фактически сорван. За это время в городах Абакане и Черногорске, а также в Шарыповском, Ширинском и Таштыпском районах не приступали к выполнению плана²⁴. В Черногорске строительство домов началось только со второй половины июля. В основном жилищное строительство осуществлялось за счет частного сектора. Из 72 построенных домов 67 были частными²⁵. Не лучше обстояло дело с проведением капитального ремонта жилого фонда. Выделенные на ремонтные работы деньги полностью не осваивались. В 1942 г. в Абакане план по ремонту был реализован всего на 10 %, в Черногорске – на 14 %. В Черногорске коммунальному отделу треста «Хакассуголь» удалось выполнить план на 52 %, по Горкомхозу – на 15,7 %. Совсем не приступили к ремонту жилого фонда организации ОРСа и Хакторга²⁶. В Абакане ремонт жилого фонда городского коммунального хозяйства оказался выполненным на 50 %, т.е. из отпущенных 81 тыс. руб. освоили только 40 тыс. руб. Подобное положение с ремонтом жилого фонда сложилось в ведомственных организациях и предприятиях²⁷. Расселение эвакуированных осуществлялось преимущественно за счет уплотнения местных жителей. Работники горжилуправления часто проводили подселение без специальной

¹⁹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 396. Л. 18.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 1496. Л. 14.

²¹ НАРХ. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 19. Л. 109; Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 339. Л. 56.

²² НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 416. Л. 36 об.

²³ Там же. Л. 7.

²⁴ Там же. Д. 459. Л. 7.

²⁵ Там же. Д. 429. Л. 11 об.

²⁶ Там же. Д. 467. Л. 7.

²⁷ Там же. Д. 416. Л. 58 об.

подготовки и договоренности с хозяевами квартир. Распределенные эвакуированные жильцы вселялись в квартиры порой без ведома владельцев жилищ. Наблюдались случаи, когда хозяев квартир выселяли из собственных домов²⁸.

Эвакуированному населению, получившему временный угол для проживания, далеко не всегда гарантировались нормальные жилищные условия. После расселения в Абакане 33 семьи обратились по поводу немедленной замены жилой площади, так как предоставленные сырые и холодные квартиры оказались совсем непригодны для проживания. Капитальный ремонт требовалось сделать в 18 квартирах. Однако городские власти часто не уделяли должного внимания проведению ремонтных работ²⁹.

Проблема размещения вынуждала людей в течение 10–15 суток самостоятельно ходить по Абакану в поисках квартиры. Некоторые эвакуированные семьи, получившие жилище, столкнулись с различными бытовыми трудностями. В Абакане по улице Октябрьской в двухэтажном доме, который отвели специально для размещения эвакуанаселения, ни одна кухня не отапливалась из-за полной непригодности печей. Сложившаяся неприглядная ситуация побудила специальную комиссию провести учет всей свободной жилплощади в частном секторе. Многие частники не располагали достаточной площадью для подселения к ним эвакуированных семей. Тем не менее комиссия обошла пять улиц частного сектора и выявила в отдельных домах свободной жилплощади для размещения более 100 чел. В 1942 г. в Абакане около 100 семей удалось устроить в квартирах городского жилуправления, а всех остальных расселили за счет уплотнения местных жителей³⁰.

Абаканский государственный учительский институт, заинтересованный в сохранении кадров научных работников и закреплении их в учебном заведении, испытывал большие затруднения с размещением эвакуированных в Хакасию ученых и преподавателей. В условиях отсутствия жилищной площади профессор Д.Е. Хайтун, доцент Я.А. Левицкий и заведующий кафедрой основ марксизма и ленинизма тов. Примаков были вынуждены временно разместиться в учебном здании института. В 1942 г. Наркомпрос РСФСР обратился с просьбой к председателю Хакасского облсовета Т.Н. Небезикову обязать Абаканский горисполком выделить этим работникам квартиры³¹. Решением городских властей всех преподавателей Абаканского государственного учительского института должны были обеспечить квартирами и в первую очередь предоставить отдельную квартиру профессору С.А. Токареву³².

В условиях жилищного кризиса в Черногорске эвакуированных из г. Шахты расселили в заранее подготовленные полуземлянки, которые оборудовали для каждой семьи. В 1942 г. общая площадь домов скоростного строительства составила 6 тыс. кв. м, но этого было явно недостаточно и поэтому часть эвакуантов разместили на квартирах черногорцев в порядке уплотнения³³. Семьи командного и офицерского состава Бирмской военной авиационной школы пилотов расположились в школе и Доме культуры. Всю свободную площадь передали под жилье и уплотнили часть населения. Часть семей разместили в домах частного сектора и квартир коммунального треста «Хакассуголь» (25,9 %) и Горкомхоза (43 %). Черногорский горисполком обязал трест «Хакассуголь» выделить 10 комнат для размещения оставшихся без жилья (5,9 %). По факту эвакуированным семьям комсостава должны были выдать 54 комнаты, то есть в 5,5 раза больше, чем требовалось прибывшим семьям военнослужащих³⁴. На деле помещение детского сада оказалось непригодным для жилья, ремонтные работы и отделка затянулись. Черногорский горсовет передал два недостроенных саманных дома, рассчитанных на 24 комнаты, все они предназначались офицерам. Но из-за нехватки рабочих рук и отсутствия горючего эти дома оставались недостроенными. Коман-

²⁸ НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 65. Л. 5.

²⁹ НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 38.

³⁰ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 396. Л. 20.

³¹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 425. Л. 13.

³² Там же. Д. 416. Л. 37.

³³ НАРХ. Ф. П-4. Оп. 19. Д. 3. Л. 3 об.; Д. 23. Л. 5.

³⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 138. Л. 165 об.

дование Бирмской военной авиашколы не предпринимало мер к расселению офицерского состава, что привело к самовольному занятию квартир. Например, в квартире, выделенной полковнику Чумаченко, поселился капитан Стрелецкий. Офицер штаба Каминский, не дождавшись отдельной комнаты, самовольно занял жилую площадь. Некоторые эвакуированные семьи военнослужащих проживали в скверных жилищных условиях³⁵.

Организация питания, снабжение топливом и предметами повседневного спроса, а также другие вопросы, связанные с обеспечением нормальных бытовых условий эвакуированных, входили в обязанности местных властей. В 1942 г. в Абакане обеспечили топливом 1206 чел. – каждой семье выдали по 350 кг угля на месяц. Проблему питания эвакуантов пытались решить через развитие сети общепита. В Абакане открылись специальные столовые, предназначенные для этой группы населения: столовая, рассчитанная на 400 семей, и детская столовая с охватом 600 чел. По распоряжению местных властей, эвакуантам дополнительно оказывалась материально-бытовая помощь. В качестве поддержки семьям с детьми периодически выдавали продукты первой необходимости: манную крупу, хлеб, овощи и др. Ремонт и реставрацией одежды и обуви занимались городские артели³⁶. Гораздо хуже в Абакане организовали снабжение эвакуированного населения одеждой и обувью. Впрочем, острый дефицит на товары широкого потребления испытывали практически все местные жители. В 1942 г. эвакуантскому населению удалось отремонтировать всего лишь 90 пар обуви, им выдали 35 ордеров на пошивку костюмов и 85 пар валенок³⁷.

Городские власти по мере возможности оказали поддержку эвакуантам: 107 семей обеспечили хозяйственным инвентарем, 105 человек трудоустроили и 34 семьи получили денежную помощь на общую сумму 3 500 руб. Детей из эвакуированных семей устроили в школы³⁸. Безусловно, оказанная помощь не могла решить всех проблем эвакуированных граждан и затронула далеко не всех. Однако следует, что партийные и советские органы власти, местное население не в силах были оказать большую помощь. В 1943 г. на очередной сессии облсовета депутатов трудящихся отмечалось, что, несмотря на тяготы войны, забота о материально-бытовых нуждах населения остается первостепенной задачей³⁹.

Несколько удалось обустроиться эвакуантам и как решались их материальные и социальные проблемы, устанавливали проверки, организованные местными властями. С 5 по 13 января 1942 г. в Абакане по заданию горкома партии специально созданная комиссия проводила проверку жилищных условий, обеспечения топливом, материального состояния эвакуированных с западной и восточной частей страны семей военнослужащих. Членам комиссии удалось проверить более 70 семей. В результате было установлено, что не у всех эвакуированных имелось жилье, некоторым приходилось скитаться в поисках постоянного угла. Эвакуированная семья Кириченко в течение 1,5 месяцев оставалась без квартиры. Многие жаловались на отсутствие топлива, учитывая, что больше месяца назад они выписали уголь и дрова. В холодных и сырых квартирах часто простывали и болели дети. Например, проживавшие в бараке две сестры Граповские с грудными детьми жаловались, что в течение двух дней им вообще нечем было топить квартиру и поэтому заболели их дети. Одна из сестер Граповских работала на мебельной фабрике, но из-за конфликта с директором Долиным ее уволили. Оставшись без работы, она оказалась в крайне тяжелом материальном положении. Среди эвакуантского населения семьям начсостава РККА отдавался приоритет в обеспечении и они находились в гораздо лучшем положении. Эвакуированные жены фронтовиков, работавшие на мебельной фабрике, согласно решению директора стабильно обеспечивались топливом. Семью Л.И. Кучеренко с четырьмя детьми и двумя сестрами эвакуировали из Ленинграда в Хакасию. Им предоставили отремонтированную квартиру и обеспечили топливом. Сама Кучеренко, удовлетворенная материально-бытовой поддержкой, предъявила претензии только на недостаточное медицинское обслуживание.

³⁵ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 138. Л. 166.

³⁶ НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 38 об.

³⁷ Там же. Л. 38.

³⁸ НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 64. Л. 34 об.

³⁹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 467. Л. 7.

Ее дети часто болели, а попасть на прием к врачу в поликлинике из-за больших очередей не представлялось возможным⁴⁰. Однако далеко не все эвакуированные семьи были своевременно и в полном объеме обеспечены топливом. При проверке шесть эвакуированных семей жаловались на прекращение снабжения их топливом, квартиры не отапливались по два-три дня. В остывших жилых помещениях несколько семей заболели воспалением легких и произошло несколько смертельных случаев грудных детей. Практически все жалобы затронули проблему недостаточного снабжения овощами и крупами⁴¹.

На особом положении находились эвакуированные семьи командного состава Красной армии. Им оказывалась дополнительная помощь через областные и районные военкоматы и горисполкомы. Все эвакуированные семьи командного состава находились в привилегированном положении, они прикреплялись к закрытой сети столовых и магазинов военторга. Поступавшие промышленные товары в большей степени распределялись среди семей командного состава. В январе 1942 г. почти все прибывшие в Абакан эвакуированные семьи командного состава РККА были обеспечены квартирами, кроме пяти семей, которым обещали в ближайшем будущем решить жилищную проблему. При помощи городских властей они получили возможность сделать необходимый запас продуктов. В связи с тем, что в это время даже с прилавков городского рынка исчезли такие продукты, как молоко, мясо и масло, они получили через Хакторг только овощи – картофель, капусту и морковь. В детской консультации молоко для детей отпускали в ограниченном количестве. Часть эвакуированных женщин нашла выход, отправившись на колхозные поля оказывать помощь в уборке урожая. Колхозники за поддержку на сельскохозяйственных работах обеспечили их необходимыми продуктами питания. При поддержке горисполкома семьи командного состава РККА, прибывшие с западной части страны, были обеспечены одеждой и постельными принадлежностями. Некоторые из них получили финансовую помощь⁴².

В состав комиссий, проводящих периодические проверки материально-бытовых условий семей военнослужащих, входили работники военкоматов, собесов, горсоветов, райсоветов, облсовета, обкома партии, профсоюза и др. Всем семьям, испытывавшим острую нужду в продуктах питания, топливе, промышленных товарах, старались оказать поддержку⁴³. 15 июля 1942 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) об устройстве и обеспечении эвакуированных семей начсостава РККА. В скором времени последовала проверка выполнения данного постановления, выявившая проблемы со снабжением семей командиров РККА. Начальник Черногорской авиашколы Богослов высказался о сложившейся ситуации в Черногорске: «Продовольственные и продуктовые фонды поступают в военторги с опозданием и разбазариваются. Многие семьи, прибывшие из западной части страны, попали под бомбежку и их вещи пропали. Выданные 20 полушубков для семей начсостава получили только 5 семей, а остальные отправлены неизвестно куда. Я вынужден был снять с довольства полтонны картофеля для питания детей. Положение семей командиров хуже, чем красноармейцев, о последних беспокоятся руководители организаций и предприятий, где они работали»⁴⁴.

В Черногорске большую часть эвакуированного населения удалось расселить в землянках и бараках, некоторым семьям достались отдельные комнаты и необходимый инвентарь: железные кровати, топчаны, стулья, табуретки и др. Для них специально выделили 15 т картофеля, 5 т капусты и 1 т огурцов. Выделенных овощей не хватило многим нуждавшимся эвакуированным, и поэтому трест «Хакассуголь» организовал специальные поездки в ближайшие колхозы с целью приобретения продуктов питания. На первое время их обеспечили топливом и бесплатно привозили воду. С января 1942 г. жилищно-коммунальные услуги для эвакуантов стали платными. Несмотря на предоставленную помощь, с их стороны поступали жалобы на различные бытовые неурядицы, неустроенность, материальные трудности.

⁴⁰ НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 28–28 об.

⁴¹ Там же. Л. 28 об.

⁴² Там же. Л. 68.

⁴³ Там же. Л. 118.

⁴⁴ Там же. Л. 40 об.

В землянках развелись в большом количестве клопы, тараканы и мыши. Многие эвакуированные рабочие жили в крайне стесненных жилищных условиях. Например, семья Зайцевых в количестве девяти человек ютилась в одной маленькой комнате. Привозная вода не удовлетворяла запросы, поступала в ограниченном количестве: на одного жильца полагалось 0,5 ведра воды в день. В условиях жилищного кризиса не было возможности расселить большие семьи. В Черногорске у эвакуированных возникли проблемы с получением денег от комбината «Ростовуголь». Эти и другие проблемы осложняли будни людей, вынужденно оказавшихся вдали от дома. Дошло до того, что среди эвакуированных получили распространение упаднические настроения⁴⁵.

Самый большой контингент эвакуированного населения сосредоточился в Абакане. Для того чтобы разгрузить областной центр от прибывшего потока людей, местные власти приняли решение вывезти 250 эвакуированных семей в сельскую местность. В основном туда отправляли лиц, которые не были связаны с работой предприятий и учреждений⁴⁶. В 1942 г. только в Шарыповском районе по колхозам и совхозам разместили 500 чел. эвакуантов с прифронтовой полосы западной части страны и приграничного Дальнего Востока. Председатели колхозов и совхозов обязывались заниматься доставкой людей из станции Ужур до мест размещения в районе, в течение трех дней подготовить хорошо оборудованные квартиры, создать комфортную обстановку и уют для эвакуантов. Специально назначенный инспектор отвечал за своевременную переброску эвакуированных, обеспечивал их расселение по квартирам и устройство на работу по специальности⁴⁷.

В сельской местности прибывшим эвакуантам оказывали помощь председатели колхозов, директора совхозов, партийные работники и сельские жители. Например, Саралинский райком партии оперативно решил основные вопросы обустройства эвакуированных: им предоставили квартиры, трудоспособным членам семьи предложили работу, обеспечили дровами и сеном. Дирекция Приисковского поселкового сельсовета выделила лошадей для подвоза сена и дров семьям красноармейцев. Представители районной власти проявили заботу в отношении эвакуированных, выдав им денежное пособие и вещи первой необходимости: матрацы, одеяла, пальто, кухонную утварь. Приисковский поселковый совет обеспечил всем необходимым 15 эвакуированных семей. Целью трудовой политики властей было достижение поголовного трудоустройства эвакуантов. В Саралинском районе руководители предприятий могли предложить в основном горные работы, где требовалась дополнительная рабочая сила. Однако эвакуированные отказывались работать на горных или поверхностных работах⁴⁸. Часто прибывшие граждане не могли найти работу в соответствии со своей профессией, их не устраивали предложенные варианты тяжелой работы, поэтому они не желали трудоустроиться. В летний период 1942 г. в Черногорске основная масса эвакуированных жен военнослужащих отказалась помочь совхозу и выйти на прополку. Несмотря на то, что им обещали выдать овощи, на работу вышли всего 8 женщин⁴⁹.

В годы военного лихолетья эвакуированные семьи периодически получали финансовую помощь. Суммы были небольшие, и поддержка касалась прежде всего остро нуждавшихся эвакуантов. Например, в 1944 г. на выдачу единовременных пособий выделили 32 тыс. руб. Эту сумму Хакасский облисполком распределил по городам и районам области, следующим образом: Абакану – 6 тыс. руб., Черногорску – 3 тыс. руб. и девяти районам – 13 тыс. руб.⁵⁰

Местные жители нередко проявляли отзывчивость и оказывали помощь эвакуантам: делились продуктами питания, одеждой, бытовыми предметами. Однако случаи недружелюбного отношения со стороны сельской администрации и отдельных граждан тоже имелись. В 1943 г. прибывшие из Астраханского округа в Абакан семьи красноармейцев

⁴⁵ НАРХ. Ф. П-4. Оп. 19. Д. 23. Л. 5.

⁴⁶ НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 38.

⁴⁷ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 417. Л. 3 об., 5.

⁴⁸ НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 33.

⁴⁹ Там же. Л. 118.

⁵⁰ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 476. Л. 39.

Пушека и Макеева были направлены в место размещения – Бейский район. В течение недели они не могли выехать из Абакана по причине отсутствия транспорта. Тогда эвакуированные женщины обратились к шоферу, который на грузовике направлялся в Бею, однако он запросил за доставку 2 тыс. руб. Пушек и Макеева, не имея денег, предложили ему полведра каспийской сельди и 9 кг хлеба, выданного им на дорогу. Но договориться с шофером не удалось. Позднее, дождавшись специально приехавшей машины, женщины смогли добраться до деревни Очуры Бейского района. Там они столкнулись с недружелюбием представителей местных властей. Тогда Пушек и Макеева обратились к председателю райисполкома Юрочкину и военкому Мартынову по вопросу выделения им квартиры, питания и др. Однако никакой поддержки они не получили. Отчаявшиеся эвакуированные женщины отправили жалобы в Бейский райком партии, но и оттуда не дождались ответа. И только после второй жалобы, отправленной в Хакасский обком партии, им оказали необходимую помощь⁵¹.

Эвакуированное население жаловалось на руководителей совхозов, колхозов, предприятий и учреждений, которые проявляли бюрократизм и равнодушие. В 1944 г. газета «Советская Хакассия» опубликовала присланное в редакцию письмо от женщин, эвакуированных в совхоз Октябрьский Богградского района. В письме они жаловались на директора совхоза Сизова, не откликнувшегося на просьбу о помощи и не проявившего заботу о снабжении и улучшении материального положения. Сизов даже не отреагировал, когда они попросили выделить им семенной картофель. Но равнодушие директора не остановило женщин, они продолжали просить и отмечали, «когда осенью сняли урожай, мы снова пришли за помощью к Сизову, но опять получили отказ». На отчаянные просьбы эвакуированных женщин о материальной помощи откликнулся заведующий райкоопом – участник войны Михайлов. Он выделил им крупу, соль и другие необходимые продукты⁵².

Постепенно большая часть эвакуированного населения смогла адаптироваться к новым условиям. Наиболее предприимчивым эвакуантам, обладавшим предприимчивостью, деловой хваткой и даже наглостью, удалось устроить свой быт намного лучше, чем у местных жителей. Показательна история эвакуированной гражданки Марии Давыдовны Фарбер. Оказавшись в сентябре 1941 г. в Абакане, испытывая крайнюю нужду, она устроилась закройщиком в Легпроме. В дальнейшем в условиях военной обстановки эта работа дала возможность ее семье жить в полном достатке. Гражданка Фарбер, используя свое служебное положение, занималась личным обогащением. Первым делом она обеспечила своих детей и мужа костюмами и платьями из материалов швейной мастерской без оформления документов и оплаты. Она пополнила личный гардероб, сшив демисезонное пальто, четыре платья из шерсти и шелка, костюм и коверкотовый костюм. На рынке ей удалось удачно сбыть шесть стеганых ватных курток, выполненных по фронтовому заказу. Мария Фарбер в полной мере почувствовала прирожденную тягу к предпринимательству. Мастерская стала прибыльным предприятием Фарбер, где ей удавалось через оформление фиктивных документов на заказы заниматься личным обогащением. За три года в эвакуации она приобрела кровать, гардероб, корову, швейную машину и даже имела домработницу⁵³.

В целом в годы Великой Отечественной войны в Хакасию, как и в другие тыловые регионы страны, прибыло большое количество эвакуированного населения. Неподготовленность местных властей и слабый учет прибывших осложняли процесс приема и размещения эвакуированных граждан. Острый дефицит, а порой отсутствие элементарных средств гигиены создавали неблагоприятную эпидемиологическую обстановку в области. В задачи местного областного отдела здравоохранения входило своевременное проведение необходимого комплекса медико-санитарных мероприятий. Перед партийными органами власти был поставлен комплекс проблем, связанный с обеспечением прибывших людей жильем,

⁵¹ НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 39.

⁵² Письма в редакцию. Плохо заботятся о семьях военнослужащих // Советская Хакассия. 1944. 3 марта. № 45. С. 2.

⁵³ Бабич В. Закройщица из Легпрома // Советская Хакассия. 1944. 19 июня. № 119. С. 2; НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 103. Л. 106.

работой, питанием, теплой одеждой и товарами первой необходимости. В условиях жилищного кризиса в Хакасии острой проблемой стало обеспечение эвакуантов жильем. Часто предоставленные квартиры были малопригодными и неприспособленными для проживания. Большую часть эвакуированных граждан расселили путем подселения. В годы военного лихолетья и острого дефицита сложнейшей задачей стало снабжение населения топливом и товарами повседневного спроса. Неустроенность и бытовые неурядицы сопровождали большую часть эвакуантов. Им пришлось принять военные реалии, осознать невозможность создания для себя комфортных условий и суметь адаптироваться к местному образу жизни. Порой эвакуограждане были вынуждены самостоятельно проявлять инициативу в поиске жилья или устройстве на работу. Немаловажную роль в поддержке эвакуантов сыграли местные жители, которые хоть и сами испытывали материально-бытовые трудности, но все же нередко проявляли отзывчивость и понимание, откликались и оказывали помощь.

Литература

Снегирева Л.И., Мухин М.Ю. Авиастроители в эвакуации: бытовые условия работников эвакуированных заводов в 1941–1945 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 86–98.

Беленко М.П. Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 2. С. 81–85.

Беленко М.П. Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-09.pdf> (дата обращения: 11.06.2026).

Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: Институт рос. истории РАН, Центр гум. инициатив, 2019. 349 с.

Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 376 с.

Исупов В.А. Миграции населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Демографическая история России и регионов. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. С. 74–96.

Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. Казань: Фэн АН РТ, 2011. 468 с.

Кошкина О.А., Леханов П.О. Проблемы быта и социальной адаптации жителей Москвы и Московской области в условиях эвакуации в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 55–62.

Кышпанаков В.А. Хакасская автономная область накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны в протоколах и решениях облсовета [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 218–226. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-16.pdf> (дата обращения: 11.06.2026).

Кышпанаков В.А., Исупов В.А. и др. Хакасия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Абакан: Хакаское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2025. Т. 2: Население и хозяйство. 448 с.

Мезит Л.Э. Повседневная жизнь эвакуированных ленинградских детских домов в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2021. № 9. С. 1801–1805.

Мезит Л.Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского городского областного университета. Сер.: История и политические науки. 2010. № 2. С. 29–32.

Мухин М.Ю. Авиастроители в эвакуации: бытовые условия работников эвакуированных заводов в 1941–1945 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 86–98.

Очерки истории Хакасской областной организации КПСС / сост. и науч. ред. П.Н. Мешалкин, С.П. Ултургашев. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1987. 359 с.

Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Челябинск: ЧГАУ, 1995. 184 с.

Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 265 с.

Снегирева Л.И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в Западно-Сибирском тылу (1941–1943 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 143–156.

Снегирева Л.И. Трудоустройство эвакуированного населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник НГУ. Т. 9, вып. 1. Новосибирск, 2010. С. 204–211.

Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.

Чернышева Н.В. Социальная поддержка эвакуированного населения в Кировской области в 1941–1945 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 45–50.

Шалак А.В. Условия жизни и быта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. 183 с.

References

Belenko, M.P. (2019). Evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v sredneaziatskie respubliki SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Evacuation of the Civilian Population to the Central Asian Republics of the USSR during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4 (6), Article 9. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-09.pdf> (date of access 11.06.2026).

Belenko, M.P. (2019). Istochniki po chislennosti grazhdanskogo naseleniya, evakuirovannogo v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Sources on the Number of Civilians Evacuated to Western Siberia during the Great Patriotic War]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 81–85.

Chernysheva, N.V. (2016). Sotsial'naya podderzhka evakuirovannogo naseleniya v Kirovskoy oblasti v 1941–1945 gg. [Social Support for the Evacuated Population in the Kirov Region in 1941–1945]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. No. 2, pp. 45–50.

Isupov, V.A. (2008). *Glavnyy resurs Pobedy. Lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.)* [The Main Resource of Victory. The Human Potential of Western Siberia during the Second World War (1939–1945)]. Novosibirsk, Sova. 376 p.

Isupov, V.A. (2018). Migratsii naseleniya Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Migration of the Population of Western Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov*. Yekaterinburg, UrO RAN, pp. 74–96.

Kabirova, A.Sh. (2011). *Voyna i obshchestvo: Tatarstan v 1941–1945 gg.* [War and Society: Tatarstan in 1941–1945]. Kazan', Fen, AN RT. 468 p.

Khisamutdinova, R.R. (2002). *Sel'skoe khozyaustvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Maloizvestnye stranitsy* [Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Little-Known Pages]. Orenburg, OGPU. 300 p.

Koshkina, O.A., Lekhanov, P.O. (2024). Problemy byta i sotsial'noy adaptatsii zhiteley Moskvyy i Moskovskoy oblasti v usloviyakh evakuatsii v Mariyskuyu ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Issues of Everyday Life and Social Adaptation of Moscow and Moscow Region Residents in the Conditions of Evacuation to the Mari ASSR during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. No. 3, pp. 55–62.

Kyshpanakov, V.A. (2023). Khakasskaya avtonomnaya oblast' nakanune i v pervye mesyatsy Velikoy Otechestvennoy voyny v protokolakh i resheniyakh oblsoveta [Khakass Autonomous Region on the Eve and in the First Months of World War II in the Protocols and Recisions of the Regional Council]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4 (30), pp. 218–226. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-16.pdf> (date of access 11.06.2026).

Kyshpanakov, V.A., Isupov, V.A. (2025). *Khakasiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945. Tom 2. Naselenie i khozyaystvo* [Khakassia during the Great Patriotic War 1941–1945. Vol. 2. Population and Economy]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdtel'stvo imeni V.M. Torosova. 448 p.

Meshalkin, P.N., Ultugashev, S.P. (Comp., Eds.). (1987). *Ocherki istorii Khakasskoy oblastnoy organizatsii KPSS* [Essays on the History of the Khakass Regional Organization of the CPSU]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 359 p.

Mezit, L.E. (2010). Usloviya zhizni naseleniya Krasnoyarskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Living Conditions of the Population of the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. No. 2, pp. 29–32.

Mezit, L.E. (2021). Usloviya zhizni naseleniya Krasnoyarskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Living Conditions of the Population of the Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War]. In *Manuscript*. No. 9, pp. 1801–1805.

Mukhin, M.Yu. (2012). Aviastroiteli v evakuatsii: bytovye usloviya rabotnikov evakuirovannykh zavodov v 1941–1945 gg. [Aircraft Manufacturers in Evacuation: Living Conditions of Workers of Evacuated Factories in 1941–1945]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. No. 3, pp. 86–98.

Paletskikh, N.P. (1995). *Sotsial'naya politika na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Social Policy in the Urals during the Great Patriotic War in 1941–1945]. Chelyabinsk, ChGAU. 184 p.

Potemkina, M.N. (2002). *Evakuatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na Ural: lyudi i sud'by* [Evacuation to the Urals during the Great Patriotic War: People and Destinies]. Magnitogorsk, MaGU. 265 p.

Shalak, A.V. (1998). *Usloviya zhizni i byta v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Living Conditions during the Great Patriotic War in 1941–1945]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGEA. 183 p.

Snegireva, L.I. (2010). Trudoustroystvo evakuirovannogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Employment of the Evacuated Population of Western Siberia during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 9, Iss. 1, pp. 204–211.

Snegireva, L.I. (2018). Priem i razmeshchenie evakuirovannykh detskih uchrezhdeniy v Zapadno-Sibirskom tylu (1941–1943 gg.) [Reception and Accommodation of Evacuated Children's Institutions in the West Siberian Rear in 1941–1943]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 5 (194), pp. 143–156.

Snegireva, L.I., Mukhin, M.Y. (2012). Aviastroiteli v evakuatsii: bytovye usloviya rabotnikov evakuirovannykh zavodov v 1941–1945 gg. [Aircraft Builders in Evacuation: Living Conditions of Workers of Evacuated Factories in 1941–1945]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. No. 3, pp. 86–98.

Zinich, M.S. (2019). *Povsednevnyaya zhizn' naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Daily Life of the People during the Great Patriotic War]. Moscow, Institut rosiyskoy istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 349 p.

А.И. Ганчар*

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСЫЛКИ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА УЧАСТИЕ В СОБЫТИЯХ
1863 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА КСЕНДЗА
И.И. СРЖЕДЗИНСКОГО)doi:10.31518/2618-9100-2025-5-10
УДК 930.1+929

Выходные данные для цитирования:

*Ганчар А.И. Организация высылки из Северо-Западного края Российской империи за участие в событиях 1863 года (на примере дела ксендза И.И. Сржедзинского) // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 108–122.*URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-10.pdf>

A.I. Hanchar*

ORGANISATION OF EXPULSION FROM
THE NORTH-WESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE
FOR PARTICIPATION IN THE EVENTS OF 1863
(ON THE EXAMPLE OF THE CASE OF KSENDZ
I.I. SRZHEDZINSKI)

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-10

How to cite:

Hanchar A.I. Organisation of Expulsion from the North-Western Region of the Russian Empire for Participation in the Events of 1863 (On the Example of the Case of Ksendz I.I. Srzhedzinski) // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 108–122.[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-10.pdf>]

Abstract. The article reveals the mechanism of the expulsion of the Roman Catholic clergy from the Northwestern Krai of the Russian Empire for their participation in the events of 1863, and provides an analysis of the associated administrative and judicial processes. The research is based on a systematic analysis of a vast body of statistical data drawn from archival materials and official reports, as well as a comparative-historical analysis of scholarly literature. The total number of convicted Roman Catholic priests in the six provinces of the North-western Krai was 290 (approximately 3 % of all convicts). The largest number of offenders was in the Kovno and Vilna provinces. The identified contradictions within the judicial-administrative system demonstrate that the decisions of military field courts (which sometimes acquitted the accused) were often ignored by provincial authorities, who carried out expulsions through administrative procedures. The case of Priest Ioseph Srzedzinski illustrates that the expulsion process was plagued by serious errors in documentation and logistics (destination and surname were mixed up), leading to his unlawful imprisonment and years of ordeal for the exile. The research also sheds light on the authorities' policies in the postwar period, including a partial amnesty in 1871 and a limited permission to return to service while remaining under police surveillance. The scholarly novelty of the work lies in its comprehensive approach, which combines a macro-analysis of the scale of the measures with a micro-historical study of a specific case, thereby revealing not only the general picture but also the internal mechanisms, flaws, and human consequences of the imperial policy.

Keywords: Russian Empire, prisoner, Roman Catholic priest, exile, rebellion, resettlement, North-Western region, Siberia.

The article has been received by the editor on 30.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Андрей Иванович Ганчар**, кандидат исторических наук, доцент, Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь, e-mail: gancharandre1@yandex.ru
Andrei Ivanovich Hanchar, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus, e-mail: gancharandre1@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыт механизм высылки римско-католического духовенства из Северо-Западного края Российской империи за участие в событиях 1863 г., а также проведен анализ связанных с этим административных и судебных процессов. В основе исследования положен системный анализ обширного массива статистических данных, почерпнутых из архивных материалов и официальных отчетов, а также сравнительно-исторический анализ научной литературы. Общее число осужденных римско-католических священников в шести губерниях Северо-Западного края составило 290 человек (около 3 % от всех осужденных). Наибольшее число нарушителей закона приходилось на Ковенскую и Виленскую губернии. Выявленные противоречия в судебно-административной системе демонстрируют, что решения военно-полевых судов (которые иногда оправдывали обвиняемых) часто игнорировались губернскими властями, которые проводили высылку в административном порядке. На примере дела ксендза Иосифа Сржедзинского показано, что процесс высылки сопровождался серьезными ошибками в документации и логистике (перепутаны место назначения и фамилия), что привело к незаконному помещению в тюрьму и многолетним мытарствам ссыльного. Исследование также освещает политику властей в послевоенный период, включая частичную амнистию 1871 г. и ограниченное разрешение вернуться к службе с сохранением полицейского надзора. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе, сочетающем макроанализ масштабов мероприятий с микроисторическим изучением конкретного случая, что позволяет вскрыть не только общую картину, но и внутренние механизмы, изъяны и человеческие последствия политики империи.

Ключевые слова: Российская империя, арестант, римско-католический священник, ссылка, мятеж, переселение, Северо-Западный край, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025 г.

В научной литературе, посвященной проблеме наказаний лиц за участие в антиправительственных событиях 1863 г., внимание в основном уделялось статистической информации. В труде С.М. Байковой (Самбук) находим следующие данные относительно духовенства, прямо или косвенно участвовавшего в незаконных действиях: в Гродненской губернии – 49 представителей духовенства, в белорусских уездах Виленской губернии – 35, в Минской – 47, в Могилевской – 16 и в Витебской губернии – 9 человек¹.

Впервые в советской историографии подробный сословный состав участников восстания 1863–1864 гг. на всей охваченной им территории и в пределах каждого региона был представлен В.М. Зайцевым. По его подсчетам, из 8 375 человек в Литве и Беларуси, привлекавшихся к судебной ответственности за участие и соучастие в восстании, 275 (3,35 %) человек составляло духовенство. Процентное соотношение их по губерниям следующее (от всего населения в губернии): Ковенская губерния – 4,34 %, Гродненская – 2,74 %, Виленская – 4,01 %, Минская – 1,35 %, Могилевская – 2 %, Витебская – 4,42 %. Исследователь не указывал их принадлежность к определенному вероисповеданию, отметив, что в этом числе была и одна настоятельница римско-католического монастыря. Источником данных послужили архивные материалы. На долю же римско-католического духовенства, составлявшего 0,16 % населения литовско-белорусских губерний, приходилось 3,35 % репрессированных, или 1 репрессированный на 16 служителей римско-католического клира. Далее В.М. Зайцев приводил уже иное количество репрессированных служителей Римско-католической церкви – 3,23 % населения Литвы и Беларуси при доле в общем количестве населения 0,16 %. Таким образом получалось, что каждый 15-й римско-католический

¹ Байкова С.М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии // Историко-социологические исследования. М., 1970. С. 238–239.

священник предстал перед следственно-судебными органами как участник восстания: 48,86 % служителей Римско-католической церкви являлись уроженцами Ковенской губернии, 20,99 % – Виленской, 14,89 % – Гродненской, 7,63 % – Витебской, 4,58 % – Минской и 3,05 % – Могилевской. Таким образом, около 70 % всех подвергшихся наказанию римско-католических священников приходилось на Ковенскую и Виленскую губернии, на территории которых было сконцентрировано свыше 78 % всего римско-католического духовенства. В.М. Зайцев также привел процентные данные по уездам литовско-белорусских губерний, заключив, что наибольший процент репрессированных римско-католических священников встречается в тех уездах, где численность репрессированных всех сословий являлась незначительной или ничтожной. На с. 141 В.М. Зайцев утверждает о 265 подвергшихся наказанию служителях римско-католического клира, из которых только четверо имели высший духовный сан². По подсчетам В.М. Зайцева, данные о сословном составе репрессированных повстанцев в пределах литовско-белорусских губерний показывают, что представители духовенства составляли 0,76 %: в Ковенской губернии – 1,34 %, в Гродненской – 0,34 %, в Виленской – 0,36 %, в Минской – 0,46 %, в Могилевской – 1,28 %, в Витебской – не участвовали. Данные конкретно по римско-католическому духовенству не приводились. В отношении повстанческой администрации В.М. Зайцев констатировал, что среди 253 репрессированных за нахождение в конспиративных организациях и повстанческой администрации 6 (2,37 %) человек представляли духовенство³.

Российский исследователь А.К. Тихонов вовсе не привел никаких статистических данных по участию в восстании 1863–1864 гг., хотя соответствующий раздел и был озаглавлен «Восстание 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Западном крае: правительственная политика в отношении католиков»⁴. О.Р. Айрапетов, ссылаясь на А.А. Комзолову⁵, привел данные о том, что к июлю 1864 г. из Северо-Западного края (далее – СЗК) было выслано 177 католических священников, все расходы на содержание арестованных и сосланных ксендзов возлагались на католическую церковь. Семь ксендзов были расстреляны. Далее автор ссылается на данные сборника «Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.»⁶.

Белорусские исследователи также уделили внимание поднятой в статье проблеме. В.В. Яновская привела данные из коллективного труда польских исследователей Е. Ключовского, Л. Миллеровой и Я. Скарбека⁷, а также лондонского издания «Голос времени» (1992 г.): среди тех, кто был призван к ответу за участие в восстании на территории Беларуси и Литвы, духовенство (римско-католическое. – А. Г.) составило 2,2 %; кроме расстрелянных 36 ксендзов были высланы на каторжные работы, 6 – на поселение в Сибирь, 19 – в «менее отдаленные места Сибири» с лишением личных прав; на костельные власти было наложено в размере 68 тыс. руб. на расходы по высылке ксендзов⁸. Автор отметила также, что всего в Беларуси и Литве приняли смерть 8 католических священнослужителей (Ишора, Земацкий, Дайлид, Гаргас, Фальковский, Нарейко, Рачковский, Мацкевич). Причем каждый второй был лишен жизни только за чтение манифеста (викарный ксендз Лидского уезда Ишора, настоятель Виварского костела Лидского уезда ксендз Земацкий)⁹. В.Н. Линкевич, ссылаясь на данные официальной статистики, ссылку на которые не предоставил, утверждал, что за участие в восстании в Беларуси были подвергнуты различным видам наказания 294 ксендза, из них 36 сосланы на каторжные работы, 25 – на поселение в Сибирь, 91 –

² Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 106–107, 115, 139–141.

³ Там же. С. 150, 169.

⁴ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 157–173.

⁵ Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 70–71.

⁶ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: материалы и документы. М., 1965. С. 106.

⁷ Kłoczowski J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce. Kraków, 1986. S. 236.

⁸ Яноўская В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мінск, 2002. С. 121.

⁹ Там же. С. 120.

во внутренние губернии России без лишения гражданских прав, 104 подвергнуты административным взысканиям, а за 28 священниками установлен надзор полиции¹⁰. В исследовании А.И. Ганчара отмечалось, что отсутствие единодушия в среде высшего руководства Российской империи по поводу высылки населения Царства Польского и СЗК, виновного или находившегося под подозрением за участие в антиправительственных действиях, не останавливало сам процесс отселения. Тысячи судеб стали заложниками не столько собственных действий или действий родителей, сколько желаний и устремлений главных начальников указанных территорий¹¹.

Цель настоящей статьи состоит в раскрытии механизма высылки из СЗК представителей римско-католического духовенства за участие в антиправительственных событиях 1863 г., а также анализ административных и судебных процессов, связанных с наказанием. Задачи исследования включают систематизацию статистических данных о наказании римско-католического духовенства, анализ судебных и административных решений в отношении участников восстания, включая различия в наказаниях по сословиям, изучение практики высылки духовенства, включая ошибки и бюрократические сложности при исполнении приговоров, оценку влияния государственной политики на судьбы сосланных священнослужителей и их дальнейшую интеграцию в новых местах проживания. Автор также выясняет, что наибольшее число высланных римско-католических священников приходилось на Ковенскую и Виленскую губернии, где была высокая концентрация римско-католического населения. Судебные и административные решения часто противоречили друг другу: военно-полевые суды иногда оправдывали обвиняемых, но губернские власти все равно высылали их. Ошибки в документации и логистике приводили к неправильной отправке арестантов.

В письме к военному министру Российской империи Д.А. Милютину М.Н. Муравьев 18 марта 1865 г. сообщал: к 1 января 1865 г. политических арестантов по делу участия в восстании состояло до 2 000 человек (к 1 марта 1865 г. в шести губерниях содержалось до 1 500 политических преступников), приговоренных к смертной казни – 128, сосланных на каторжные работы – 972, в Сибирь на поселение – 573, сосланных с лишением особых прав в Сибирь на жительство – 854 человека, определенных на военную службу рядовыми в отдаленные войска с лишением и без лишения прав – 345 человек, и простолюдинов, отправленных в арестантские роты гражданского ведомства, – 864 человека. Всех же выбыло из края 9 000 лиц, в том числе с полным лишением прав состояния и лишением только некоторых особых прав – 3 608 человек. Более 3 200 добровольно возвратившихся из «мятежных банд» было водворено на прежнем месте жительства, 6 000 лиц разных сословий было оставлено в крае под надзором полиции и с подтверждением многих из них, взамен высылки, административным взысканиям. В результате под особым наблюдением начальства в СЗК было оставлено более 9 000 человек, обвиняемых в участии в мятеже (табл. 1)¹².

Со дня открытия действий полевого аудиториата Виленского военного округа (19 октября 1863 г.) по 1 января 1865 г. поступило 1 863 военно-судных дела, из которых было решено 1 681 (180 дел оставались нерешенными). Подсудных и прикосновенных лиц по указанным делам состояло: по вступившим делам – 5 225 человек, по решенным – 4 491 человек, по оставшимся делам состояло 734 человека. В числе лиц по решенным делам состояло 135 ксендзов, 2 731 лицо привилегированных сословий и 1 625 простолюдинов (шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне). Из состава 4 491 человек предано военному суду 129 человек, в том числе 6 ксендзов, 95 лиц привилегированного сословия, 28 простолюдинов. О распределении остальных 4 362 подсудимых и прикосновенных лиц свидетельствует табл. 2¹³.

¹⁰ Линкевич В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси (1861–1914 гг.). Гродно, 2008.

¹¹ Ганчар А.И. Установление в Российской империи порядка высылки лиц из Царства Польского и Западного края за участие в восстании 1863 года // Философские и исторические исследования: сб. науч. ст. Вып. 4. Щедринск, 2019.

¹² ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 6 об.–7, 8 об., 9.

¹³ Там же. Л. 16–17.

Таблица 1

Количество лиц, обвинявшихся в политических преступлениях, разрешенных судебным и следственным порядком, а также административными распоряжениями начальства, со времени начала восстания в Северо-Западном крае и по 1 января 1865 г.¹⁴

Статья	Ксендзы	Лица привилегированных сословий	Шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне	Всего
Оставлено в крае лиц, обвинявшихся в политических преступлениях	–	–	–	9 229
I. Подвергнуто смертной казни	7	68	53	128*
II. Сослано на каторжную работу	37	622	313	972
III. Сослано на поселение в более или менее отдаленные места Сибири	7	450	116	573
IV. Сослано с лишением особенных прав состояния на жительство в менее отдаленные места Сибири	20	834	–	854
V. Определено на военную службу рядовыми и без лишения прав состояния по судебным решениям	–	162	183	345
VI. Сослано простолюдинов по судебным решениям в арестантские роты гражданского ведомства, из которых по окончании сроков, назначенных для их пребывания, они должны быть отправлены в Сибирь на водворение	–	–	864	864
VII. Выслано на жительство во внутренние губернии Российской империи, без лишения прав состояния:	91	1 438	–	1 529
а) по судебным и следственным решениям	77	1173	–	1 250
б) административным порядком вследствие представления губернаторов и военных начальников отделов по подозрению в участии в восстании и политической неблагонадежности	14	265	–	279
VIII. Выслано из СЗК простолюдинов на водворение на казенных землях во внутренние губернии империи:	–	–	–	4 096
а) по судебным и следственным решениям	–	–	–	3 774
б) добровольно явившихся из «мятежа», но не принятых обществами на поручительство	–	–	–	322
Всего выбыло из СЗК по политическим обвинениям	162	3 574	5 625	9 361**
IX. Оставлено на жительство в крае разного сословия лиц, обвинявшихся в политических преступлениях, которые по последовавшим о них судебным и следственным решениям были подвергнуты административным взысканиям с отдачей на благонадежное поручительство и под надзор полиции	104	1 688	1 063	2 855

¹⁴ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 12–14; Д. 60. Л. 134 об.–135.

Окончание табл. 1

Статья	Ксендзы	Лица привилеги- рованных сословий	Шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне	Всего
Х. Освобождено от ответственности, по судебным и следственным решениям	28	688	2 453	3 169
XI. Всемиловитейше прощено добровольно явившихся из «мятежа» и оставлено на жительстве в СЗК	3	591	2 611	3 205***

* В Виленской губернии – 28, в Ковенской – 55, в Гродненской – 21, в Минской – 14, в Могилевской – 7 и г. Динабурге – 3 человека.

** Кроме этой цифры, переселено из СЗК на водворение на казенных землях, по политической неблагонадежности, околичной шляхты – 629 семейств.

*** Всего оставлено в СЗК лиц, обвинявшихся в политических преступлениях, 9 229 человек.

Таблица 2

Подвергнуто суждению политических преступников в шести губерниях
Северо-Западного края Российской империи полевым аудиториатом
Виленского военного округа (с 19 октября 1863 г. по 1 января 1865 г.)¹⁵

Вид наказания	Сословие				Структура, %	
	ксендзы	привилеги- рованных сословия	шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне	всех	ксендзы к общему количеству	ксендзы к ксендзам
Предано военному суду	6	95	28	129	4,7	4,4
Подвергнуто смертной казни	1	22	18	41	2,4	0,7
Сослано на каторжную работу	20	376	140	536	3,7	14,8
Сослано в Сибирь на поселение	4	332	56	392	1	3
Сослано в Сибирь на жительство с лишением особых прав состояния	17	588	–	605	2,8	12,6
Выслано из края на жительство в империю без лишения прав	47	469	–	516	9,1	34,8
Подвергнуто административному взысканию с оставлением в крае	25	460	191	676	3,7	18,5
Освобождено от ответственности	15	389	294	698	2,1	11,1
Отдано в арестантские роты гражданского ведомства	–	–	520	520	–	–
Выслано из края на водворение внутри империи на казенных землях	–	–	378	378	–	–
Всего	135	2 731	1 625	4 491	3	100

¹⁵ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 17–18 об.

По окружному штабу Виленского военного округа (далее – ВВО) состояло на рассмотрении в 1863 г. до открытия полевого аудиториата (19 октября 1863 г.) 566 военно-судных политических дел, из которых было решено 390 дел, а 176 дел передано в полевой аудиториат (табл. 3)¹⁶.

Таблица 3

Подвергнуто суждению политических преступников в шести губерниях
Северо-Западного края Российской империи окружным штабом
Виленского военного округа в 1863 г. (до 19 октября 1863 г.)¹⁷

Вид наказания	Сословие				Структура, %	
	ксендзы	привилегированные сословия	шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне	всех	ксендзы к общему количеству	ксендзы к ксендзам
Подвергнуто смертной казни	3	20	5	28	10,7	12
Сослано на каторжную работу	14	159	41	214	6,5	56
Сослано в Сибирь на поселение	2	54	11	67	3	8
Сослано в Сибирь на жительство с лишением особых прав состояния	2	147	–	149	1,3	8
Выслано из края на жительство в империю без лишения прав	3	–	–	3	100	12
Подвергнуто административному взысканию с оставлением в крае		10	14	24	–	–
Освобождено от ответственности	1	31	57	89	1,1	4
Отдано на военную службу рядовыми:	–	149	133	282	–	–
а) с лишением прав	–	111	–	111	–	–
б) без лишения прав	–	38	–	38	–	–
Отданы в арестантские роты гражданского ведомства	–	–	153	153	–	–
Выслано из края на жительство в империю без лишения прав	–	105	–	105	–	–
Выслано из края на водворение внутри империи на казенных землях	–	–	64	64	–	–
Умерло до произведения в исполнение конфирмации	–	–	1	1	–	–
Всего	25	675	479	1 179	1,9	100

¹⁶ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 16–17.

¹⁷ Там же. Л. 18 об.–19 об.

Местными губернаторами в губерниях СЗК, командующими войсками в губерниях и военными начальниками в уездах по предоставленной им власти было подтверждено по военно-судным делам о политических преступниках 590 человек, в том числе 5 ксендзов, 224 лица привилегированных сословий, 361 простолюдин¹⁸ (табл. 4).

Таблица 4

Подвергнуто суждению политических преступников в шести губерниях Северо-Западного края Российской империи местными губернаторами, командующими войсками в губерниях и военными начальниками в уездах (по 1 января 1865 г.)¹⁹

Вид наказания	Сословие				Структура, %	
	ксендзы	привилегированные сословия	шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне	всех	ксендзы к общему количеству	ксендзы к ксендзам
Подвергнуто смертной казни	3	26	30	59	5,1	60
Сослано на каторжную работу	2	57	44	103	1,9	40
Сослано в Сибирь на поселение	–	28	17	45	–	–
Сослано в Сибирь на жительство с лишением особых прав состояния	–	71	–	71	–	–
Выслано из края на жительство в империю без лишения прав	–	4	–	4	–	–
Отданы на военную службу рядовыми:	–	9	29	38	–	–
а) с лишением прав	–	7	–	7	–	–
б) без лишения прав	–	2	–	2	–	–
Подвергнуто административному взысканию с оставлением в крае	–	–	3	3	–	–
Освобождено от ответственности	–	29	69	98	–	–
Отдано в арестантские роты гражданского ведомства	–	–	94	94	–	–
Выслано из края на водворение внутри империи на казенных землях	–	–	75	75	–	–
Всего	5	224	361	590	0,8	100

Общий итог политических преступников, осужденных в шести губерниях ВВО, со времени начала восстания в СЗК и по 1 января 1865 г., как по подтверждениям командующего войсками округа, последовавшими по окружному штабу и временному полевому аудиториату, так и по подтверждениям местных начальников в губернии, составлял 6 131 человек²⁰ (табл. 5).

¹⁸ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 21.

¹⁹ Там же. Л. 21–22 об.

²⁰ Там же. Л. 26 об.–27 об.

Таблица 5

Политические преступники, осужденные в шести губерниях СЗК (по 1 января 1865 г.)²¹

Вид наказания	Сословие				Структура, %	
	ксендзы	привилегированные сословия	шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне	всех	ксендзы к общему количеству	ксендзы к ксендзам
Подвергнуто смертной казни	7	68	53	128	5,5	4,4
Сослано на каторжную работу	36	592	225	853	4,2	22,6
Сослано в Сибирь на поселение	6	414	84	504	1,2	3,8
Сослано в Сибирь на жительство с лишением особых прав состояния	19	806	–	825	2,3	11,9
Высланы из края на жительство в империю без лишения прав состояния	50	578	–	628	8	31,4
Отданы на военную службу рядовыми:	–	158	162	320	–	–
а) с лишением прав	–	118	–	118	–	–
б) без лишения прав	–	40	–	40	–	–
Подвергнуто административному взысканию с оставлением в крае	25	470	208	703	3,6	15,7
Освобождено от ответственности	16	449	420	885	1,8	10,1
Отдано в арестантские роты гражданского ведомства	–	–	767	767	–	–
Выслано из края на водворение внутри империи на казенных землях	–	–	517	517	–	–
Умерло до произведения в исполнение конфирмации	–	–	1	1	–	–
Всего	159	3 535	2 437	6 131	2,6	100

Согласно отчету политического отделения г.-г. канцелярии о количестве лиц, подвергшихся взысканиям и освобожденных от ответственности по следственным делам, представляемым из Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской губерний и решенным Главным начальником края по 1 января 1865 г., было выслано из края на жительство и водворение без предания суду 1 112 человек, подвергнуто административным взысканиям с оставлением на жительство в крае 1 936 человек, освобождено от ответственности – 351 человек, всего – 3 399 человек. Количество шляхтичей и простолюдинов, высланных из СЗК на водворение на казенных землях во внутренние губернии России и Сибирь административным порядком и по решенным губернаторами и местными

²¹ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 28–29 об.

военными начальниками следственным политическим делам, с 1 мая 1863 г. по 1 января 1865 г. равнялось 6 590 человек. Оставлено в крае было 2 149 простолюдинов: 216 с под-
вержением административным взысканиям, 1 933 с освобождением от ответственности. Добровольно явилось из мятежа с повинной, которые, по выполнении присяги на верно-
подданство, были водворены на прежние места жительства с отдачей на поручительство, на основании циркуляра 3 ноября 1863 г., 3 205 человек: 3 ксендза, 591 лицо приви-
легированного сословия, 2 611 простолюдинов²² (табл. 6).

Таблица 6

Количество лиц, подвергшихся взысканиям и освобожденным от ответственности
в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской губерний
по делам, решенным Главным начальником края по 1 января 1865 г.²³

Вид наказания	Сословие				Структура, %	
	ксендзы	привилеги- рованные сословия	шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне	всех	ксендзы к общему количеству	ксендзы к ксендзам
Подвергнуто высылке из края	27	595	490	1 112	2,4	22,9
Подвергнуто административному взысканию с оставлением на жительство в крае	79	1 218	639	1 936	4,1	66,9
Освобождено от ответственности	12	239	100	351	3,4	10,2
Всего	118	2 052	1 229	3 399	3,5	100

По состоянию на февраль 1865 г. под следствием в Виленской, Ковенской, Гроднен-
ской и Минской губерниях (в Витебской и Могилевской губерниях не существовало след-
ственных комиссий) находилось 762 человека, в том числе 42 ксендза: в г. Вильно – 5 (1 по
оконченным делам и 4 по неоконченным), в г. Ковно – 6 (3 по оконченным делам и 3 по
неоконченным), в г. Шавли – 8 (5 по оконченным делам и 3 по неоконченным), в г. Тельши –
5 (все по оконченным делам), в г. Минске – 17 (14 по оконченным делам и 3 по нео-
конченным), в г. Мозыре – 1 (дело окончено). Под арестом в Виленской, Ковенской,
Гродненской, Могилевской, Витебской и Могилевской губерниях по состоянию на февраль
1865 г. содержалось 1 612 человек, в том числе 78 ксендзов: 1 в г. Свенцянах, 15 в г. Гродно,
2 в г. Пружанах, 44 в г. Ковно, 1 в г. Россиенах и г. Тельши, 2 в г. Шавли, 5 в г. Минске, 6
в крепости г. Динабург²⁴.

По отчетам о движении военно-ссудных и следственных политических дел по
окружному штабу и временному полевому аудиториату ВВО и по конфирмациям,
постановленным по военно-судным политическим делам местными губернаторами,
командующими войсками в губерниях и другими начальниками, общий итог подвергнутых
суждению политических преступников в шести губерниях СЗК «со времени открытия
мятежа»²⁵ и по 1 января 1866 г. составлял 9 735 человек²⁶ (табл. 7).

²² ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 48–48 об., 51, 54 об., 57 об., 59.

²³ Там же. Л. 48 об.–49.

²⁴ Там же. Л. 60–61, 63–64.

²⁵ В деле такой датой значится 16 мая 1863 г.

²⁶ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 71.

Таблица 7

Политические преступники, осужденные за участие в восстании 1863–1864 гг.
по военно-судным делам в шести губерниях СЗК (по состоянию на 1 января 1866 г.)²⁷

Вид наказания	Сословие				Структура, %	
	ксендзы	привилегированные сословия	шляхтичи, однодворцы, мещане, крестьяне	всех	ксендзы к общему количеству	ксендзы к ксендзам
Предано военному суду числившихся прикосновенными к делам	9	152	72	233	3,9	3,1
Подвергнуто смертной казни	7	69	62	138	5,1	2,4
Приговорено заочно к смертной казни, скрывшихся за границу	1	4	–	5	20	0,3
Сослано на каторжную работу	44*	675	362	1 081	4,1	15,2
Сослано в Сибирь на поселение	9	482	105	596	1,5	3,1
Сослано в Сибирь на жительство с лишением особых прав состояния	42	916	–	958	4,4	14,5
Выслано из края на жительство в империю без лишения прав состояния	76	670	–	746	10,2	26,2
Отдано на военную службу рядовыми:	–	158	162	162	–	–
а) с лишением прав	–	118	–	118	–	–
б) без лишения прав	–	40	–	40	–	–
Подвергнуто административному взысканию с оставлением в крае	60	1 001	533	1 594	3,8	20,7
Освобождено от ответственности	42	1 013	832	1 887	2,2	14,5
Отдано в арестантские роты гражданского ведомства	–	–	986	986	–	–
Выслано из края на водворение внутри империи на казенных землях	–	–	752	752	–	–
Умело до приведения в исполнение конфирмации	–	–	1	1	–	–
Всего	290	5 140	3 867	9 297**	3,1	100

* Из них один умер до решения дела.

** В отношении остальных 438 (9 735–9 297) человек точных сведений о распределении по видам статей в деле не имеется.

8 февраля 1866 г. политический преступник, настоятель Перлеевского римско-католического прихода Бельского уезда Гродненской губернии ксёндз (далее – кс.) Иосиф Иванович Сржедзинский в поданной на имя генерал-губернатора Западной Сибири Александра Осиповича Дюгамеля (13 (25) января 1861 – 28 октября (9 ноября) 1866) просьбе объяснил, что он 9 марта 1864 г. по конфирмации военного суда распоряжением Главного

²⁷ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 72–74 об.

начальника СЗК командующим войсками ВВО графа М.Н. Муравьева 5 декабря 1863 г. по обвинению в чтении народу возмутительной проповеди и в возбуждении к мятежу крестьян был отправлен из г. Гродно на жительство под надзор полиции без лишения прав и духовного сана в Оренбургскую губернию (г. Уфа), но из Казани вместо Уфы был отправлен в Томск (прибыл 28 июля 1864 г.), и что во время пути по партионному списку была переменена его фамилия. И.И. Сржедзинский ходатайствовал об отправлении его в Уфу по назначению или о дозволении жить в Томске и совершать в местном костеле богослужение вместе с другими сосланными на жительство священниками. Стоит отметить, что временный полевой аудиториат, рассматривавший дело кс. И.И. Сржедзинского, по совершенному неимению в деле доказательств не только к обвинению, но даже и к оставлению его в подозрении в указанных выше действиях лишь на основании заверения начальника военного отряда, командира 2-го батальона Софийского пехотного полка майора Корфа, участвовавшего 30 июня 1863 г. в экспедиции против находившейся около м. Семятич Бельского уезда шайки мятежников, на основании ст. 340 кн. 2 Военно-уголовного устава не находил нужным подвергать наказанию ксендза, освободив его от всякой ответственности по делу, но как начальник Гродненской губернии полагал кс. И.И. Сржедзинского выслать из края на жительство в отдаленные губернии России, это обстоятельство было представлено на окончательное усмотрение командовавшего войсками ВВО.

В результате переписки томского жандармского штаб-офицера майора Кротковского с гродненским жандармским штаб-офицером оказалось, что кс. И.И. Сржедзинский за неблагонадежность в политическом отношении действительно был сослан на жительство в Уфу без лишения прав. На запрос начальника 8-го округа корпуса жандармов – было ли какое-либо распоряжение о высылке кс. И.И. Сржедзинского в Уфу – уфимский жандармский штаб-офицер 31 марта 1866 г. отозвался, что никаких сведений о кс. И.И. Сржедзинском получено не было. Известно также, что гродненский губернатор 27 декабря 1863 г. за № 8384 уведомил оренбургского губернатора о содержании конфирмации. 14 марта 1866 г. тобольский жандармский офицер донес, что по справке в тобольском приказе о ссыльных оказалось, что 12 июля 1864 г. был отправлен из г. Тобольска на пароходе в г. Томск Осип Гродзинский, именовавший себя Сржедзинским, но на какого не имелось документов и который действительно был отправлен на жительство в г. Томск на основании партионного списка.

Сообщая 29 апреля 1866 г. на усмотрение министра внутренних дел Петра Александровича Валуева (23 апреля 1861 – 9 марта 1868) вышеизложенную информацию, генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель отметил, что в образе жизни кс. И.И. Сржедзинского ничего предосудительного не было замечено и что впредь, до разрешения его ходатайства об отправлении в г. Уфу, он сделал распоряжение о переводе просителя как не лишенного прав на жительство в г. Томск²⁸.

Как видно из материалов дела, 15 августа и 11 сентября 1864 г. из томского тюремного замка, посредством прокурора кс. И.И. Сржедзинский подавал два прошения на имя начальника Томской губернии, в которых изложил свою проблему, прося освободить его из острога и разрешить жить в городе на свободной квартире при Томском костеле. 25 сентября 1864 г. прокурору последовало уведомление об оставлении просьбы без уважения и направления 23 декабря 1864 г. на жительство в д. Уртам Томского округа, за 125 верст, куда по слабости здоровья и болезни ног ксендз не в состоянии был следовать. По приказу инспектора врачебной управы кс. И.И. Сржедзинский был направлен на излечение в больницу арестантской роты, из которой 29 декабря 1864 г. он направил прошение бывшему тогда в г. Томске чиновнику барону Фолькерзамбу, ответственному за распределение по губернии политических преступников, оставить проживать на время ожидания присылки документов из г. Гродно в г. Томске, поскольку доктор и лекарства были рядом. Не получив на просьбу никакой резолюции, кс. И.И. Сржедзинский обратился к томскому штаб-офицеру корпуса жандармов, который востребовал с места высылки копию статского списка, предоставив

²⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 1015. Л. 1–3, 13–13 об.

31 марта 1865 г. томскому гражданскому губернатору для соответствующего распоряжения. 5 мая 1865 г. кс. И.И. Сржедзинский просил милости у начальника губернии к его проблеме: как находящемуся в г. Томске с 28 июля 1864 г. и лишенному всех средств пропитания назначить пособие и дать разрешение на совершение богослужений в томском костеле. Не получив на просьбу никакой резолюции, 27 июля 1865 г. в волостном управлении ксендзу было объявлено о назначении пособия в 6 руб. в месяц с 3 мая 1865 г., а ходатайство о разрешении богослужений в Томском костеле не могло быть разрешено по неизвестным губернатору причинам²⁹.

19 января 1867 г. начальник 3-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, генерал-адъютант граф Пётр Андреевич Шувалов сообщил министру внутренних дел о справедливом переводе кс. И.И. Сржедзинского ежели не в сам г. Уфу, то по крайней мере в одну из русских, а не сибирских губерний.

Неудовлетворительное состояние отчетности по управлению арестантской частью в Казани не позволило, по утверждению казанского вице-губернатора, строго придерживаться условий конфирмации. Выбытие из службы лиц, заведовавших экспедицией, также не способствовало быстрому решению проблемы. Поскольку, на основании предписания министра внутренних дел от 31 марта 1864 г. за № 2564, всех пересыльных арестантов, застигнутых в Казани за разлитием рек и распутицей, назначенных во внутренние губернии, разрешено было направить в Томскую губернию, то по всей вероятности на этом основании кс. И.И. Сржедзинский и был отправлен из Казани 14 мая 1864 г. вместо Оренбурга в Томск³⁰.

По получении отзыва министра внутренних дел от 30 января 1867 г. за № 1019 по предмету ошибочной высылки в Сибирь в 1864 г. кс. И.И. Сржедзинского в то же время было сделано распоряжение о собрании по делу надлежащих сведений. По этим сведениям оказалось, что 12 июня 1864 г. прибыли в г. Тобольск без всяких документов при одном путевом именном списке тюменского губернатора два политических преступника – Войцех Воржбицкий и Осип Сродзинский. Оба они, вероятно на основании собственного показания, по алфавитам тобольского приказа о ссыльных значились под фамилией Сржедзинский. Из них Войцех Воржбицкий первоначально был оставлен, на основании сделанной в партийном списке Пермской экспедицией о ссыльных отметки, в Тобольской губернии, но потом, по получении уведомления гродненского губернатора от 22 февраля 1864 г. за № 1767 и статейного списка, составленного в управлении военного начальника г. Гродно от 7 марта 1864 г. за № 196, 17 ноября 1864 г. был отправлен в Томскую губернию в 58-й партии, а кс. И.И. Сржедзинский на основании подобной же отметки в пермском партийном списке был отправлен в Томск в июле 1864 г. и на том же самом пароходе, на котором прибыл в Тобольск 12 июля 1864 г. в 26-й партии. На этого ссыльного, как и на многих других, прибывших с ним в одной партии, состоявшей из 1 012 человек, в приказе о ссыльных никаких документов не было получено, и начальник Тобольский губернии вынужден был в распределении ссыльных, при огромной в то время их пересылке, руководствоваться соответствующими приказами. Так, в приказе начальника Тобольской губернии от 11 июля 1864 г. за № 1312, адресованном тобольскому приказу ссыльных в отношении распределения тех арестантов из числа показанных в партийном списке, о которых были получены в приказе предварительные уведомления, следовало поступить по существовавшему порядку. Арестантов, не именованных в партийных списках, но на которых было указано, что они следуют на водворение в Томскую губернию (без объяснения, были ли посланы статейные списки в приказ), надлежало оставить на пароходе и отправить в г. Томск. Всех прочих арестантов, о назначении которых не было никаких сведений ни в приказе, ни в партийных списках, отправить по составлении особого именного списка также в Томск, исключив ссыльных, отмеченных в партийном списке как следующих в Тобольскую губернию.

²⁹ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 4–5.

³⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 1015. Л. 9–14.

Получив же от томского губернатора донесение, что кс. И.И. Сржедзинский по всем приметам и есть тот самый, который 12 июля 1864 г. прибыл в Тобольск под именем Осипа Сржедзинского, председательствовавший в совете Главного управления Западной Сибири в марте 1868 г. предложил действительному статскому советнику Родзянко сделать распоряжение об отправлении кс. И.И. Сржедзинского, согласно состоявшейся о нем конфирмации командовавшего войсками ВВО, в г. Уфу, который туда и выбыл 24 июля 1868 г. (назначение состоялось 1 июня 1868 г.)³¹.

29 июня 1867 г. кс. И.И. Сржедзинский, по случаю данной высочайшей милости для административно сосланных, посылал прошение к начальнику Царства Польского, но ни о принятии его в Привислинский край, ни об отказе не было объявлено. 6 октября 1869 г. начальник Уфимской губернии Сергей Петрович Ушаков (19 февраля 1867 – 24 марта 1873) представил министру внутренних дел Александру Егоровичу Тимашеву (9 марта 1868 – 27 ноября 1878) прошение состоявшего в г. Бирске под надзором полиции кс. И.И. Сржедзинского о дозволении ему переселиться в Царство Польское, подписанное 29 сентября 1869 г. За все время нахождения его под надзором полиции ксендз ни в чем предосудительном замечен не был. 31 октября 1869 г. в прошении было отказано³².

В 1867 г. были прекращены все неоконченные дела по восстанию, а всем высланным административным путем из Царства Польского и СЗК разрешалось поселяться только в Царстве Польском. 18 мая 1871 г. высочайшим повелением разрешалось высланным ксендзам из СЗК снова приступить к приходским должностям. 15 декабря 1872 г. министр внутренних дел генерал-адъютант А.Е. Тимашев распорядился, чтобы лица эти не назначались на места настоятелей, а были определены викарными с учреждением за ними духовного надзора, а также секретного наблюдения полиции. На практике освобожденных ксендзов назначали подальше от края: в Черниговскую, Орловскую, Смоленскую губернии³³.

Вследствие отношения Департамента полиции исполнительной МВД (далее – ДПИ) от 10 июля 1873 г. за № 3102, по вопросу о дозволении освобожденному от надзора полиции кс. И.И. Сржедзинскому совершить обряд венчания Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее – ДДДИИ), усматривая, что в г. Екатеринославле не было другого римско-католического священника, 25 июля 1873 г. уведомил ДПИ, что так как по принятому порядку дозволялось даже состоявшим под надзором полиции ксендзам совершать крещение, бракосочетание и погребение, в неотложных случаях и при неимении других священников, с согласия каждый раз начальника губернии, то ДДДИИ полагал возможным предоставить губернатору разрешить кс. И.И. Сржедзинскому совершить бракосочетание. 1 августа 1873 г. управляющий МВД князь А.Б. Лобанов-Ростовский разрешил кс. И.И. Сржедзинскому совершить обряд венчания³⁴.

Таким образом, при осуществлении высылки арестантов из СЗК во внутренние губернии Российской империи были нередки ошибки, а сами пересыльные мероприятия могли осуществляться без необходимых документов, зачастую присылаемых вдогонку. Арестанты могли ходатайствовать на всем пути следования к месту назначения о решении возникавших трудностей, и их прошения рассматривались на самом высоком уровне. Частая смена ответственных лиц не позволяла эффективно принимать решения, внося дополнительные сложности в рассмотрение прошений по существу дела. Решения военно-полевых судов и конфирмовавших их лиц могли противоречить друг другу.

Литература

Байков С.М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии // Историко-социологические исследования. М.: Наука, 1970. 314 с.

³¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 1015. Л. 15–19.

³² Там же. Л. 21–24 об.

³³ Ганчар А.И. Римско-Католическая Церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Минск, 2015. С. 191.

³⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 1015. Л. 27–29 об.

Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: мат-лы и док-ты / редкол. В. Дьяков и др. М.: Наука, 1965. 586 с.

Ганчар А.И. Римско-Католическая Церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Минск: Медисонт, 2015. 582 с.

Ганчар А.И. Установление в Российской империи порядка высылки лиц из Царства Польского и Западного края за участие в восстании 1863 года // Философские и исторические исследования: сб. науч. ст. Вып. 4. Щадринск: ЩГПИУ, 2019. С. 109–137.

Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М.: Наука, 1973. 232 с.

Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 380 с.

Линкевич В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси (1861–1914 гг.): пособие. Гродно, 2008. 105 с.

Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 368 с.

Яноўская В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мінск: БДУ, 2002. 199 с.

Kłoczowski J., Müllerowa J., Skarbek J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce. Kraków: Znak, 1986. 470 s.

References

Baykova, S.M. (1970). O dvizhushchikh silah vosstaniya 1863 goda na territorii Belorussii [On the Driving Forces of the 1863 Uprising in Belarus]. In *Istoriko-sotsiologicheskie issledovaniya*. Moscow. 314 p.

Diakov, V. (Ed.). (1965). *Vosstanie v Litve i Belorussii 1863–1864 godov: materialy i dokumenty* [Uprising in Lithuania and Belarus 1863–1864: Materials and Documents]. Moscow, Nauka. 586 p.

Ganchar, A.I. (2015). *Rimsko-Katolicheskaya Tserkov' v Belarusi: obshchestvennoe soznanie i religioznaya praktika (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov)* [The Roman Catholic Church in Belarus: Public Consciousness and Religious Practice (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Minsk. 582 p.

Ganchar, A.I. (2019). Ustanovlenie v Rossiyskoy imperii poryadka vysylki lits iz Tsarstva Polskogo i Zapadnogo kraia za uchastie v vosstanii 1863 goda [Establishment in the Russian Empire of the Procedure for the Expulsion of Persons from the Kingdom of Poland and the Western Region for Participation in the Uprising of 1863]. In *Filosofskie i istoricheskie issledovaniya. Vypusk 4. Sbornik nauchnykh trudov*. Shadrinsk, pp. 109–137.

Kłoczowski, J., Myullerova, J., Skarbek, J. (1986). *Zarys deyuv Kos'tsela katolickego v Polstse* [Outline of the History of the Catholic Church in Poland]. Krakuv, 470 p.

Komzolova, A.A. (2005). *Politika samoderzhaviya v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform* [The Policy of Autocracy in the North-West Region during the Era of the Great Reforms]. Moscow. 380 p.

Linkevich, V.N. (2008). *Mezhkonfessionalnye otnosheniya v Belarusi (1861–1914 gody): posobie* [Interfaith Relations in Belarus (1861–1914)]. Grodno. 105 p.

Tikhonov, A.K. (2008). *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX veka* [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the Last Quarter of the 18th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg. 368 p.

Yanouskaya, V.V. (2002). *Khrystiyanskaya tsarkva u Belarusi 1863–1914 gady* [Christian Church in Belarus 1863–1914]. Minsk. 199 p.

Zaytsev, V.M. (1973). *Sotsial'no-soslovnyy sostav uchastnikov vosstaniya 1863 goda (Opyt statisticheskogo analiza)* [Social and Class Composition of the Participants in the 1863 Uprising (Experience of Statistical Analysis)]. Moscow. 232 p.

П.Е. Добрачев*

ОБРАЗ РАННЕСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ
В ОСВЕЩЕНИИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА»
В 1923–1924 ГОДАХdoi:10.31518/2618-9100-2025-5-11
УДК 94(47).084.8:343.83:05*Выходные данные для цитирования:**Добрачев П.Е. Образ раннесоветской политической ссылки в освещении «Социалистического вестника» в 1923–1924 годах // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 123–135. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-11.pdf>*

P.E. Dobrachev*

THE IMAGE OF EARLY SOVIET POLITICAL EXILE
IN THE REPRESENTATION OF THE “SOCIALIST COURIER”
IN 1923–1924

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-11

*How to cite:**Dobrachev P.E. The Image of Early Soviet Political Exile in the Representation of the “Socialist Courier” in 1923–1924 // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 123–135. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-11.pdf>]*

Abstract. Political exile was revived by the Bolsheviks in practice already at the end of 1921: former comrades of the Bolsheviks in revolutionary activity – Mensheviks, SRs, and anarchists – returned to their old places of exile. The post-revolutionary period of the functioning of the “anti-Soviet” parties remains a poorly studied topic, especially aspects of everyday life. This study reconstructs at the microhistorical level the life activity of the exiled society in 1923–1924 in the reflection of one of the most informative emigrant publications of the 1920s – “Socialist Courier”. The article defines the main aspects of everyday life of political exiles of the Mensheviks by means of content analysis method. P.A. Sorokin’s “sociology of disasters”, which explains various behavioral strategies under conditions of unfreedom, is used as a methodological basis. The author establishes a number of images that construct the discourse of exile in the space of Russian emigration: the archaic nature of repression; immanence to the tsarist regime; indefinite duration; doom; isolation, coupled with the culturedness and heroism of socialists in exile. The image of exile portrayed by Socialist Emigration was created to discredit the Communist Party by identifying the measures of the tsarist and Bolshevik regimes and demonstrating the brutality of repression (confrontational mobilization). At the same time, the “Socialist Courier” contained elements of consolidation mobilization, manifested in calls to fight for the freedom of the Mensheviks.

Keywords: “Socialist Courier”, Mensheviks, Social Democracy, exile, discourse, everyday life, mobilization, periodicals, emigration, GPU.

The article has been received by the editor on 07.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Политическая ссылка была возрождена большевиками на практике уже в конце 1921 г.: в старые места ссылки вернулись бывшие соратники большевиков по революционной деятельности – меньшевики, эсеры, анархисты. Послереволюционный период функционирования социалистических «антисоветских» партий остается слабо изученной темой, в особенности аспекты повседневности. В проведенном исследо-

* Павел Евгеньевич Добрачев, магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: p.dobrachev@g.nsu.ru

Pavel Evgenyevich Dobrachev, Master’s Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: p.dobrachev@g.nsu.ru

вании на микроисторическом уровне реконструируется жизнедеятельность ссыльного социума в 1923–1924 гг. в отражении одного из наиболее информативных эмигрантских изданий 1920-х гг. – «Социалистического вестника». В статье определяются основные аспекты повседневности политссыльных социал-демократов с помощью метода контент-анализа. В качестве методологической основы используется «социология бедствий» П.А. Сорокина, объясняющая различные поведенческие стратегии в условиях несвободы. Автором устанавливается ряд образов, конструирующих дискурс о ссылке в пространстве российской эмиграции: архаичность репрессии, имманентность царскому режиму, бессрочность, гибельность, изолированность вкупе с культуртрегерством и героизмом социалистов в ссылке. Образ ссылки, изображаемый социалистической эмиграцией, создавался с целью дискредитации РКП(б) посредством отождествления мер царского и большевистского режимов и демонстрации жестокости репрессии (конфронтационная мобилизация). В то же время в «Социалистическом вестнике» присутствовали элементы консолидационной мобилизации, проявлявшейся в призывах бороться за свободу социал-демократов.

Ключевые слова: «Социалистический вестник», меньшевизм, социал-демократия, ссылка, дискурс, повседневность, мобилизация, периодическая печать, эмиграция, ГПУ.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025 г.

Введение. Изучение истории репрессий большевиков в отношении социалистов и анархистов в послереволюционный период имеет ключевое значение для понимания складывания однопартийной диктатуры в России. Ликвидация небольшевистских партий, вопреки популярному мнению в советской историографии, не была связана с их «идеологическим», «внутренним» etc банкротством¹. Исследователи-историки продемонстрировали, что ключевую роль в уничтожении социалистической альтернативы сыграли именно ВЧК–ГПУ–ОГПУ, оперировавшие методами террора против социалистов и анархистов². Работы К.Н. Морозова, посвященные различным аспектам сопротивления социалистов состоянию несвободы, опираются в основном на тюремный и лагерный материалы³, в то время как ссылке как мере принудительной изоляции в историографии уделяется несколько меньшее внимание, хотя в ней тоже наблюдаются элементы борьбы социалистов за свободу. Ценность работы состоит не только в раскрытии жизнедеятельности политссыльного контингента, но и в рассмотрении символического использования образа ссылки в эмигрантском социалистическом дискурсе. Хронологические рамки обусловлены тем, что к 1923–1924 гг. подавляющее большинство социалистов было рассеяно по ссылкам и тюрьмам⁴. Основным источником выступает эмигрантское периодическое издание РСДРП – «Социалистический вестник» за 1923–1924 гг., а также делопроизводственные материалы ВЧК–ГПУ и РСДРП, опубликованные в тематических сборниках. Цель работы заключается в выявлении образа политической ссылки в 1923–1924 гг. на страницах газеты «Социалистический вестник». Для этого требуется установить фактологические подробности жизнедеятельности ссыль-

¹ Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. С. 79.

² Об этом см.: Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к НЭПу. Новосибирск, 1995.

³ Морозов К.Н. Тюремное сопротивление и борьба за политрежим социалистов (1918–1930-е): сущность явления, формы и парадоксы // История сталинизма: репрессированная российская провинция: мат-лы междунар. науч. конф. М., 2011. С. 451–452.

⁴ Уже в апреле 1924 г. чекисты констатировали уменьшение числа социал-демократических организаций в СССР с 65–67 (в апреле 1923 г.) до 12–15 и общую слабость партийной работы РСДРП (Из доклада СО ОГПУ об итогах работы по ликвидации меньшевистских организаций // Меньшевики в советской России: сб. док-тов. Казань, 1998. С. 112). К 1925 г. были ликвидированы последние организации РСДРП и ПСР (Павлов Д.Б. Большевистская диктатура... С. 92).

ного социума, эмоциональные оценки ссылки в освещении «Соцвестника» и интенции авторов в конструировании этого образа.

В статье применяется метод контент-анализа, заключающийся в выявлении определенных маркеров внутри текста «Социалистического вестника», на основе которых устанавливаются наиболее часто встречаемые аспекты жизнедеятельности ссыльного социума. Ссылка рассматривается в контексте «социологии бедствий» П. Сорокина⁵. Объектом исследования является образ раннесоветской политической ссылки на страницах «Социалистического вестника», предметом – дискурс российских эмигрантов-социалистов.

Социал-демократы и большевики. За короткий промежуток времени с 1917 г. по середину 1920-х гг. была фактически уничтожена сначала легальная, а затем и подпольная деятельность оппозиционных большевизму партий – ПСР и РСДРП. Если осенью 1917 г. в РСДРП насчитывалось до 200 тыс. членов, то осенью 1921 г. эта цифра составляла лишь 4 тыс. человек⁶. Репрессии в отношении социал-демократов применялись большевиками фактически с ноября 1917 г., что обуславливалось их хронической неприязнью к различным межпартийным союзам и коалициям, хотя исследователи выделяют некоторый период «оттепели» в отношении к социал-демократам в годы Гражданской войны⁷. Еще в июле 1920 г. Секретный Отдел ВЧК предлагал собирать обвинительный материал в отношении меньшевиков на основании спекуляции, подстрекательства, забастовок и т.д., а не по факту партийной принадлежности⁸. В феврале 1921 г. начальник Секретного Отдела ВЧК Т.П. Самсонов и Управделами ВЧК Г.Г. Ягода в циркулярном письме выражали идею о том, что «...самая принадлежность к партии меньшевиков не дает оснований к преследованию их...», но в то же время они предписывали чекистам развивать агентурную работу и мотивировать репрессии «не принадлежностью к с.д. партии, а конкретными определенными деяниями»⁹. В дальнейшем, однако, такая риторика сменилась повальными арестами не только «активных» социал-демократов, но и лиц, которые были или слабо связаны с партией меньшевиков, или вовсе отошли от партийной работы до октября 1917 г.

Окончание Гражданской войны поставило РКП(б) в трудную ситуацию – именно большевики обвинялись в методах «красного террора», что проявилось на примерах Тамбовского, Кронштадтского, Западно-Сибирского и других восстаний, жестоко подавлявшихся новым режимом («...социалистическая идея, не имея сил к сопротивлению, подчинилась требованиям кронштадтских матросов и тамбовских крестьян»)¹⁰. Впрочем, хотя причины данных восстаний лежали в политике «военного коммунизма» и носили в немалой степени стихийный характер, тем не менее не только эсеры, но и меньшевики были обвинены в организации упомянутых восстаний, после чего последовали массовые аресты социалистов¹¹. В то же самое время программа НЭПа, провозглашенная на X съезде РКП(б), как считают современные исследователи, во многом представляла собой кальку с меньшевистских теоретических разработок¹². Недаром после окончания Гражданской войны большевики опасались социалистической альтернативы куда больше, чем возвращения белых. Ленин вплоть

⁵ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. М., 2022.

⁶ Павлов Д.Б. Большевистская диктатура... С. 64.

⁷ «Потепление» отношения большевиков к меньшевикам осенью 1918 г. связывают с государственным переворотом в Омске 18–19 ноября. Военная диктатура на востоке России мобилизовала большинство социалистов на поддержку большевиков. К этому добавлялось ожидание революции в Германии, где были сильны позиции социал-демократов, тесно связанных с российскими меньшевиками (Павлов Д.Б. Большевистская диктатура... С. 38; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 490–492).

⁸ Циркуляр ВЧК № 5 от 1 июля 1920 г. «О борьбе с антисоветскими партиями» // Меньшевики в советской России: сб. док-тов. Казань, 1998. С. 66–67; Павлов Д.Б. Большевистская диктатура... С. 158–159.

⁹ Циркулярное письмо ВЧК об отношении к меньшевикам // Меньшевики в советской России... С. 81.

¹⁰ Цит. по: Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 370; Окончание Гражданской войны и войны с Польшей оставило большевиков наедине с озлобленным большинством населения, которое обвиняло в кризисе именно их (Коткин С. Сталин: в 3 т. Т. 1: Парадоксы власти. 1878–1928: в 2 кн. Кн. 1. М., 2025. С. 521).

¹¹ Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). М., 2017. Ч. 7: Меньшевики в Советской России и последней эмиграции 1920–1960 гг. С. 80.

до своей смерти считал именно меньшевиков главными политическими противниками, к которым следовало применять методы террора¹³.

По свидетельству Ю.Х. Лутовинова, одного из представителей «рабочей оппозиции», восстановление административной ссылки относилось к декабрю 1921 г.: «Тогда коллегия ВЧК вынесла решение о ссылке в Туркестан группы с.д. Мера была новая, – ссылку до тех пор применяли лишь изредка к беспартийным...»¹⁴. Комитет Московской организации РСДРП в своем обращении 1921 г. к московским рабочим сообщал, что к годовщине Октябрьской революции большевики восстановили «славной памяти» царскую административную ссылку, и свыше 20 тысяч социал-демократов, отбывших сроки тюремного заключения, направлялись в Туркестан отбывать ссылку¹⁵. Прием отождествления большевистской и царской России в сфере репрессивной системы стал излюбленным инструментом дискредитации РКП(б) в дискурсе социалистов-эмигрантов, что в дальнейшем мы и проиллюстрируем на примере «Социалистического вестника».

1922 г. продолжил намеченную тенденцию по уничтожению социалистов в России. Пик травли социалистов пришелся на лето 1922 г. – время проведения судебного процесса над социалистами-революционерами. На XII партконференции, проходившей в последние дни эсеровского процесса, был подтвержден курс на окончательную ликвидацию эсеров и меньшевиков¹⁶. И.Х. Урилов констатировал, что наиболее категоричные высказывания В.И. Ленина в отношении социал-демократов были приурочены к Кронштадту и XII партконференции¹⁷, что соответствует волнам террора против социал-демократов. Таким образом, серьезное ужесточение в отношении социал-демократов просматривается с марта 1921 г., с ноября-декабря 1921 г. была восстановлена административная политическая ссылка. И хотя под контролем чекистов в 1922–1923 гг. состоялись так называемые ликвидационные съезды, организованные группами бывших членов партий эсеров и меньшевиков, тем не менее к 1924 гг. значительная часть установленных чекистами социалистов как представлявших опасность новому режиму (кроме «ликвидаторов») уже находилась в тюрьмах, лагерях и ссылках.

«Социалистический вестник». Первый номер «Социалистического вестника» был выпущен в феврале 1921 г. в Берлине Заграничной делегацией РСДРП. У истоков журнала стояли Ю. Мартов, Р. Абрамович, Д. Далин, Е. Бройдо, но до апреля 1923 г. практически все признавали, что это был личный орган Ю. Мартова¹⁸. Журнал выходил два раза в месяц, всего за период 1923–1924 вышло 48 выпусков, а также экстренный выпуск от 10 апреля 1923 г., посвященный смерти Мартова. Помимо «Соцвестника», выпускались и другие меньшевистские журналы: внутрироссийский «Социал-демократ», нелегально выпускавшийся в 1923–1924 гг., и «Заря», издававшаяся правым крылом российской социал-демократии. «Социалистический вестник» признавался главнейшим журналом российской социал-демократии, и он, как правило, освещал внутри- и внешнеполитические события в больше-

¹² Программа меньшевиков «Что делать?» предвосхитила НЭП еще в 1919 г. Примечательно, что большевики позаимствовали только экономические положения, тогда как политическая демократизация, отраженная в меньшевистской программе, так и не была принята: *Тютюкин С.В. Меньшевизм...* С. 501–502.

¹³ *Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма)...* Ч. 7... С. 56.

¹⁴ Цит. по: *Социалистический вестник*. 1924. № 11. Май. С. 13. В статье анонимного автора, приуроченной к самоубийству Ю.Х. Лутовинова, фигурирует информация о его контактах и личных встречах с автором – членом РСДРП. Более того, анонимный автор приводит информацию о хлопотах Ю.Х. Лутовинова за репрессированных социал-демократов и о его согласии с курсом «Соцвестника» «во внутрирусских делах»: Там же. С. 13–14.

¹⁵ Обращение РСДРП // *Меньшевики в советской России...* С. 86. Кроме того, самый первый проект «Инструкции о порядке высылки и содержания политических административно-ссылных на местах ссылки» датируется 28 ноября 1921 г. Таким образом, данный документ является самой первой полноценной разработкой регулирования административной ссылки, а не декрет ВЦИК «Об административной высылке», как ранее считалось в историографии: *Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг.* М., 2010. С. 19–21. Проект выглядит значительно более жестким и подробным в сравнении с декретом 10 августа 1922 г.

¹⁶ *Павлов Д.Б. Большевистская диктатура...* С. 79.

¹⁷ *Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма)...* Ч. 7... С. 76.

¹⁸ Там же. Ч. 1: Источниковедение. М., 2000. С. 264.

вистской России наиболее профессионально и объективно по сравнению с другими эмигрантскими изданиями – эсеровскими или анархистскими¹⁹. Редакция «Соцвестника» в большинстве выпусков формировала рубрики, посвященные террору против социал-демократов в СССР, их положению и формам борьбы с несвободой. Из 48 выпусков «Социалистического вестника», выпущенных в течение 1923–1924 гг., тематика советской ссылки фигурирует в 43 номерах (89,5 %). При этом распределение указанной информации весьма неоднородно: в некоторых выпусках встречаются крупные головные статьи, посвященные положению социалистов в ссылке, в других лишь скромные записи об отправке ссыльных на этап с указанием фамилий. «Соцвестник» занимал важное место в конструировании зарубежного мнения о СССР. По мнению некоторых исследователей, именно эмигрировавшие меньшевики и эсеры положили начало будущей советологии²⁰. Информация о репрессиях внутри СССР поставлялась в «Соцвестник» по нескольким каналам: прежде всего непосредственно от корреспондентов в местах заключения и ссылках²¹; от иных социалистических партий – «Соцвестник» перепечатывал информацию от эсеров; по линии большевиков – некоторые члены РКП(б) делились подробностями, как, например, Ю.Х. Лутовинов. Конкретные сюжеты о ссылке описывались непосредственно ссыльными, в то время как мобилизационные по своей функции статьи, наполненные художественными образами ссылки, создавались уже редакцией «Социалистического вестника» за границей. Хотя журнал и имел очень широкую корреспондентскую сеть, тем не менее он создавался в контексте идейно-политического противостояния большевизму, поэтому во многом негативная информация гиперболизировалась и отбиралась с учетом дискредитации РКП(б)²². Эмигрантский меньшевистский дискурс о ссылке вступал в противоречие с попытками большевиков представить СССР «социалистическим раем» посредством отождествления «социалистического эксперимента» с «архаическим» царским режимом.

Ссылный социум. «Социалистический вестник» позволяет весьма подробно реконструировать круг проблем, окружавших ссыльных социал-демократов в местах водворения. Зачастую репрессивная тематика «Соцвестника» затрагивала именно меньшевиков, но на страницах номеров можно установить в меньшем количестве также судьбы социалистов-революционеров и анархистов. Аспект претерпевания ссылки рассматривался скорее во внепартийном смысле – приводились данные о положении социалистов вообще, нежели исключительно членов РСДРП. Ниже перечисляются те категории учета при осуществлении контент-анализа (всего девять), которые позволяют конкретизировать аспекты, связанные с отражением повседневности политссылки

Так, к числу наиболее актуальных в освещении изданием относились проблемы с трудоустройством, проявлявшиеся как в безработице, так и рестрициях со стороны местных властей. Большевистское руководство старалось найти баланс между строго утилитарным использованием ссыльных меньшевиков и недопущением их политического влияния в местах ссылки²³. Проблемы занятости ссыльных меньшевиков порождали потребность в компенсаторных инструментах: кассах взаимопомощи внутри ссыльных колоний и денежных сборах. Кроме того, на протяжении данного периода существовал легальный фонд «Помощь

¹⁹ Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма)... Ч. 1... С. 265. И.Х. Урилов подчеркивает, что «Соцвестник» имел налаженную коммуникацию с большинством мест заключения и ссылок в СССР, что позволяло весьма полно освещать положение меньшевиков.

²⁰ Сулов А.Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии. Казань, 2013. С. 367.

²¹ «О степени связи редакции журнала с корреспондентами на местах свидетельствует точность его информации, например, о 117 местах заключения и ссылок российских меньшевиков» (Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма)... Ч. 1... С. 279). Большинство сюжетов о ссылке описано в статьях типа «Письма их Нарымской ссылки», «Положение туркестанских ссыльных» и т.д.

²² И.Х. Урилов считает, что утверждение о том, что пресса не может быть свободной и объективной, не относится к периодике российских социал-демократов (Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма)... Ч. 1... С. 267).

²³ Пинкин В.И. Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 177–179. Автор писал о высоком интеллектуальном багаже политссыльных, что приводило к их засилью в сибирских совучреждениях и периодическим «чисткам» этих же учреждений от «нежелательных элементов».

политическим заключенным» (Помполит) Е.П. Пешковой, который материально содействовал ссыльным «политикам». Жалобы на трудоустройство с постоянством фиксируются в значительной части номеров «Соцвестника». Проблемы, касавшиеся пособия, фигурируют лишь в единичных номерах издания. Пособия можно было назвать привилегией для «политических»²⁴ с большой натяжкой, так как сумма была чисто символической (в среднем около 6 руб.), однако, даже несмотря на скромный характер этой «помощи», встречались примеры задержек, невыплат и недоплат. Также в некоторых случаях пособие выплачивалось в натуральном виде – мукой, хлебом и т.д. Следующий маркер – операции по высылке и ссылке – подразумевает конкретные факты, упомянутые редакцией «Соцвестника» о высылке и ссылке лиц, имевших отношение к РСДРП. Данные факты иллюстрируют высокую осведомленность Заграничной делегации РСДРП о происходивших в СССР репрессиях.

Голод ссыльных напрямую был связан с проблемами занятости. В местах ссылки (Нарымский, Туруханский края, Европейский Север) зачастую местное население существовало за счет привозного продовольствия, что увеличивало стоимость пропитания на рынках во много раз, а доступ ссыльным в кооперативы на практике был закрыт. Проблема голода имела одно из ключевых значений для понимания мотивации ссыльных меньшевиков в местах водворения. По точному выражению П.А. Сорокина, вся воля и стремления людей, попавших в бедствие, направлены на минимизацию страданий, и, следовательно, это приводило к минимизации стремлений, противоположных утолению голода²⁵. По этой причине голод мог сделать пламенного революционера царского периода конформистом, работающим в советских учреждениях, или хуже – вынудить его на сотрудничество с ГПУ в качестве сексота. В то же время чрезвычайные бедственные условия порою раскрывают героические стороны личности²⁶. Отсюда П.А. Сорокин выводит закон социальной поляризации, в соответствии с которым в бедственных условиях одни могут отринуть моральные и религиозные нормы, утолив свои потребности, тогда как другие – совершить волевой акт в виде неповиновения противнику (в нашем случае это голодовки, самоубийства и др.). При этом чем более низким представляется проступок, тем меньше вероятность того, что он произойдет²⁷ (к примеру, куда вероятнее внешнее признание меньшевиком большевистской власти, чем его вступление в осведомители).

Деятельность ГПУ по осуществлению режима в ссылке также фиксировалась на страницах «Соцвестника». Согласно законодательству, в отношении высланных и ссыльных применялись методы гласного и негласного надзора. Гласный надзор подразумевал регулярную, как правило, еженедельную явку в ГПУ или милицию. Если в отношении «уголовников» таких мер было достаточно, к «политикам» старались применять дополнительно негласные формы надзора – перлюстрацию, осведомление, слежку, обыски и др. Поскольку в 1923–1924 гг. социал-демократы еще существовали в стране как партия, пусть и загнанная в глубокое подполье, обыски часто давали плоды: чекисты обнаруживали партийную печать, переписку, запрещенную литературу. В 1923 г. в «Циркулярном письме ГПУ об отношении к меньшевикам» под авторством Менжинского и Дерибаса фигурировала директива «Установить бдительное наблюдение за ссыльными меньшевиками, за их перепиской и взять на учет всех приезжающих к ним, подвергая подозрительных обыскам»²⁸. В качестве санкции часто следовал арест с последующим наказанием. Для продления ссылки обычно не требовалось формального повода – Комиссия НКВД или ОСО ОГПУ²⁹ альбомным методом продлевали ссылку, как только сроки нынешней подходили к концу. Это порождало феномен «вечной»

²⁴ В ссылке в 1920-е гг. сохранялось разделение на «политических» и «уголовников», которое уходило корнями еще в дореволюционный неформальный репрессивный дискурс.

²⁵ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий... С. 51.

²⁶ Там же: «...воля непоколебима или даже становится сильнее благодаря обрушившейся на человека напасти, так, например, политзаключенные нередко предпочитали умереть во время голодовки, чем пойти на уступки своим противникам».

²⁷ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий... С. 86–88.

²⁸ Циркулярное письмо ГПУ об отношении к меньшевикам // Меньшевики в советской России... С. 110.

²⁹ С 10 августа 1922 г. адмссылка осуществлялась внесудебным органом – комиссией НКВД, с 28 марта 1924 г. – Особым совещанием ОГПУ.

ссылки – те, кто попадал в нее, уже свободы не видели, или же, попав на свободу, сразу же возвращались в ссылку. Сборы на помощь ссыльным относятся к числу наиболее часто встречаемых фактов – около 2/5 всех номеров «Соцвестника» содержали информацию о сборах в кассы заключенных и ссыльных. Как правило, в конце номера размещались названия организаций и имена меценатов (часто анонимные аббревиатуры) с суммами пожертвований за определенный период (около месяца). «Подписки» и «покаяния» подразумевают нарушение «этики революционера». Как правило, «покаяния» заключались в осуждении ссыльным своей партии и отречении от нее в газетах типа «Правды».

Таблица 1

Аспекты повседневности политссыльных

Использование фактов	Пример употребления	Кол-во упоминаний ³⁰
Проблемы с трудоустройством	«Но мест мало, а ссыльных много. Значительная их часть сидит без работы – в самом тяжелом материальном положении. Особенно – в г. Нарыме» ³¹ . «Сначала нам уменьшили жалование до 15 рублей, а затем и совсем уволили» ³² . «Ссыльных в Чердыни сейчас 16 человек. На службе из них только один – инженер, остальным под давлением ГПУ служить не дают » ³³ .	10 (20 %) ³⁴
Жалобы на пособие	«Теперь они голодают, так как им не разрешают работать, а пособие задерживают месяцами... Кончается ноябрь, а многие еще не получили казенного “пособия” за сентябрь и все за октябрь» ³⁵ . «Ссылное пособие не выдается . За все время только несколько товарищей получили по 1–2 р. (за все шесть месяцев), считая и наличные деньги, и муку, и пшено» ³⁶ .	2 (4 %) ³⁷
Операции по высылке и ссылке	«...А.Р. Михайлова, после предварительного заключения на Шпалерной, выслана на два года в Енисейскую губ., в Минусинск. Студент Технологического Института, Борис Чернов (сын Виктора Чернова), высылается на два года в Нарымский край» ³⁸ . «М.И. Либер освобождается из Суздальской тюрьмы и высылается под надзор в Семипалатинск» ³⁹ .	22 (46 %) ⁴⁰
Голод ссыльных	«В итоге – наши ссыльные голодают, живут в тяжелых условиях » ⁴¹ . «В ссылке пользуются старыми способами царской охраны. Занимаются перлюстрацией писем. Живем в ужасных условиях. Работы нет. Буквально голодаем . Но дух бодр» ⁴² .	7 (15 %) ⁴³

³⁰ Единицей измерения является один номер «Соцвестника».

³¹ Цит. по: Социалистический вестник. 1924. № 1. Янв. С. 10.

³² Цит. по: Там же. 1924. № 9. Апр. С. 16.

³³ Цит. по: Социалистический вестник. 1924. № 23–24. Дек. С. 13

³⁴ Там же. 1923. № 3. Янв. С. 11; № 4. Февр. С. 1; № 11. Июнь. С. 16; № 17–18. Окт. С. 17; № 23–24. Дек. С. 16; 1924. № 1. Янв. С. 9; № 9. Апр. С. 16; № 21. Нояб. С. 16.

³⁵ Цит. по: Социалистический вестник. 1923. № 3. Янв. С. 11.

³⁶ Цит. по: Там же. 1924. № 9. Апр. С. 15.

³⁷ Там же. 1923. № 3. Янв. С. 11; 1924. № 9. Апр. С. 15.

³⁸ Цит. по: Там же. 1924. № 10. Май. С. 14.

³⁹ Цит. по: Там же. 1924. № 2. Янв. С. 12.

⁴⁰ Там же. 1923. № 3. Янв. С. 12; № 5–6. Март. С. 15–16; № 7. Апр. С. 1; № 10. Май. С. 18; № 12. Июль. С. 15; № 13. Июль. С. 15; № 19. Окт. С. 15; № 20. Нояб. С. 15; № 23–24. Дек. С. 16; 1924. № 1. Янв. С. 10; № 2. Янв. С. 14; № 9. Апр. С. 15–16; № 10. Май. С. 14; № 14. Июль. С. 14; № 16. Авг. С. 13; № 18. Сент. С. 12; № 19. Окт. С. 8; № 20. Окт. С. 13; № 22–23. Дек. С. 24.

⁴¹ Цит. по: Социалистический вестник. 1924. № 1. Янв. С. 10.

⁴² Цит. по: Там же. 1924. № 21. Нояб. С. 16.

⁴³ Социалистический вестник. 1923. № 7. Апр. С. 1; № 17–18. Окт. С. 17; 1924. № 1. Янв. С. 10; № 17. Сент. С. 16; № 19. Окт. С. 11; № 21. Нояб. С. 16.

Окончание табл. 1

Использование фактов	Пример употребления	Кол-во упоминаний
Борьба за права	«Из России получено известие, что в ссылке в Кеми повесился т. Аронович , юноша 18 лет, член социал-демократического союза молодежи» ⁴⁴ . «Нас пробовали и тут утешить целканием ружейных затворов “чона”, но мы не поддались и, в результате, нас поселили в Колпашево» ⁴⁵ . «В Пертоминске анархисты, обложив себя соломой, пытались поджечь себя , но были вовремя спасены. Тогда ими была объявлена голодовка , продлившаяся 11 дней» ⁴⁶ .	11 (23 %) ⁴⁷
Деятельность ГПУ	«К этому присоединяется превосходящая все возможное обстановка самого жалкого сыска и шпионажа . Вся переписка ссыльных попадает в ГПУ» ⁴⁸ .	5 (10 %) ⁴⁹
Арест и последующая репрессия	«Все арестованные в день юбилея партии ссыльные с.-д. получили по 2 года дополнительной ссылки » ⁵⁰ . «Окончивших срок ссылки в Туркестане отправили в Соловки, Нарым и Туруханский край. Положение высланных тяжёлое» ⁵¹ . «Группе ссыльных в Самарканде объявлено, что им срок ссылки продлен еще на 2 года » ⁵² .	17 (35 %) ⁵³
Сборы на помощь ссыльным	«Для спасения от гибели заброшенных в концлагери Крайнего севера ссыльных нужна немедленная помощь . Для удовлетворения самых неотложных нужд нужны две-три тысячи долларов. Производите немедленные сборы » ⁵⁴ .	20 (42 %) ⁵⁵
«Покаяния» и «подписки»	«В Чердынь пригнали летом 80 грузин. Из них 8 чел. вскоре покаялись и были возвращены » ⁵⁶ . «Арестованному в Петрограде рабочему А.Н. Смирнову предложено было следователем Кожевниковым возглавить движение “бывших”. “ Подпишите только эти пять строк и вы будете на свободе, иначе мы вас будем держать”. Смирнов отклонил эту жандармскую милость. Результат – 3 года ссылки в Вятскую губернию» ⁵⁷ .	5 (10 %) ⁵⁸

Дискурс о советской ссылке формировался из ряда образов, которые с заметной частотой встречались в «Соцвестнике». Продемонстрируем показательные фрагменты:

«В 1922 году впервые изобрели, – вернее **извлекли из архивов полицейских департаментов** – способы и системы ссылки в отдаленные места, и русским социалистам –

⁴⁴ Цит. по: Там же. 1923. № 21–22. Ноябрь. С. 1.

⁴⁵ Цит. по: Там же. 1924. № 9. Апрель. С. 15.

⁴⁶ Цит. по: Там же. 1923. № 10. Май. С. 18.

⁴⁷ Там же. 1923. № 8–9. Апрель. С. 22; № 12. Июль. С. 15; № 16. Сент. С. 13; № 21–22. Ноябрь. С. 1; 1924. № 1. Январь. С. 8; № 9. Апрель. С. 15; № 15. Июль. С. 14; № 21. Ноябрь. С. 16.

⁴⁸ Цит. по: Там же. 1923. № 17–18. Октябрь. С. 17.

⁴⁹ Там же. 1923. № 10. Май. С. 18; № 15. Сент. С. 15; № 17–18. Октябрь. С. 17; № 20. Ноябрь. С. 15.

⁵⁰ Цит. по: Социалистический вестник. 1923. № 17–18. Октябрь. С. 17.

⁵¹ Цит. по: Там же. 1923. № 21–22. Ноябрь. С. 19.

⁵² Цит. по: Там же. 1924. Апрель. № 9. С. 14–15.

⁵³ Там же. 1923. № 11. Июнь. С. 15; № 13. Июль. С. 15; № 15. Сент. С. 15; № 16. Сент. С. 13; № 17–18. Октябрь. С. 17; № 21–22. Ноябрь. С. 19; 1924. № 1. Январь. С. 9; № 4. Февраль. С. 16; № 6. Март. С. 10; № 9. Апрель. С. 14–15; № 15. Июль. С. 16; № 16. Август. С. 12; № 17. Сент. С. 16; № 18. Сент. С. 14; № 21. Ноябрь. С. 5.

⁵⁴ Цит. по: Там же. 1923. № 21–22. Ноябрь. С. 7.

⁵⁵ Там же. 1923. № 1. Январь. С. 23; № 3. Январь. С. 15; № 10. Май. С. 20; № 11. Июнь. С. 20; № 13. Июль. С. 16; № 15. Сент. С. 16; № 17–18. Октябрь. С. 20; № 19. Октябрь. С. 16; № 21–22. Ноябрь. С. 7; № 23–24. Декабрь. С. 20; 1924. № 2. Январь. С. 16; № 3. Февраль. С. 15; № 6. Март. С. 14; № 11. Май. С. 16; № 15. Июль. С. 16; № 22–23. Декабрь. С. 22.

⁵⁶ Цит. по: Социалистический вестник. 1923. № 20. Декабрь. С. 16.

⁵⁷ Цит. по: Там же. 1924. № 14. Июль. С. 14.

⁵⁸ Там же. 1923. № 20. Ноябрь. С. 15; № 23–24. Январь. С. 16; 1924. № 14. Июль. С. 14; № 20. Октябрь. С. 15.

одним только социалистам! – **пришлось вернуться** в знакомые места: на Урале, в Средней Азии, на Архангельском севере»⁵⁹.

Во фрагменте автор намеренно выставляет ссылку как меру архаичную, тесно связанную с прошлым. Подчеркивается ее связь с царским реакционным режимом. Социалисты, как борцы за справедливость, возвращаются в места ссылки, а их противники, большевики, начинают ассоциироваться с бывшими охранителями – полицейскими. Целенаправленные действия редакции «Соцвестника» были направлены на конфронтационную мобилизацию⁶⁰ постреволюционного эмигрантского социалистического пространства – всех тех, кто отбыл сроки в царских ссылках, против большевиков. Рассмотрим другой фрагмент:

«Наконец, ныне и старые места ссылки ликвидируются, и на сцену вновь выступают те самые **гиблые** места – Печорский край, **Сибирь**, – куда **царское правительство** загоняло своих врагов – **болотистый** Нарымский и Туруханский край. Целые группы социалистов, у которых закончился срок ссылки, вместо освобождения направлены в эти места, где не может быть у них ни собственных заработков, ни регулярных сношений с родными, где никакие деньги ныне не ходят, где многих ждут **болезни, голод и холод** – и те страшные, мысли, которые привели Ароновича к роковому концу»⁶¹.

Риторика о преемственности репрессивных мер царской и большевистской России вновь повторяется. Появляется образ Сибири, а именно мифологемы сибирской ссылки⁶². Авторы «Соцвестника» действовали в рамках уже сформировавшегося в конце XIX – начале XX в. дискурса сибирской ссылки, устоявшегося во многом благодаря нелегальной печати общественно-политических движений. Болотистость Нарымского и Туруханского краев предстает олицетворением удаленности и незаселенности. Болезни, голод и холод подчеркивают общую тяжесть положения ссыльных.

«Нас стали **снова** ссылать в такие пункты, которые в **старой** нарымской ссылке и не значились: **малярийные, инородческие и отстоящие далеко от почты**»⁶³.

Видим актуализацию феномена «бессрочной» ссылки, повторяемость. Прямое сравнение со старой царской нарымской ссылкой указывает на утяжеление положения ссыльного социума. Подчеркивается удаленность, изолированность. Как правило, тексты, посвященные сибирской и североазиатской ссылке, пестрят художественными формами исключительно мрачных оттенков, в случае Туркестана – большая концентрация фактологических подробностей (численность ссыльных по колониям, этапы и т.д.), тяжесть и долготы этапа, подчеркнутая темпоральность: «Неудивительно, что **Нарыма ждали** как обетованной земли»⁶⁴.

Очень интересен феномен **героизации ссыльных**. Он получил серьезное развитие в советской культуре применительно к этапу борьбы с царизмом, особенно в 1905–1917 гг. Герой в данном контексте – борец за народные массы, пользующийся популярностью у местного населения в ссылке, культуртрегер и просветитель. Неслучайно «Каторга и ссылка»⁶⁵ изобиловала героическими образами социалистов, ведущих борьбу с несправедливостью и помогающих населению. Примечательны отклики народа на деятельность политических в ссылке:

⁵⁹ Цит. по: Социалистический вестник. 1923. № 21–22. Нояб. С. 1.

⁶⁰ Конфронтационная мобилизация – канализирование социальной энергии против чего-либо. Об этом см: Красильников С.А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима (природа, формы, функции) // Переосмысливая радикальные трансформации раннесоветской эпохи: Избранные статьи 1995–2024. М., 2024. С. 85.

⁶¹ Цит. по: Социалистический вестник. 1923. № 21–22. Нояб. С. 1.

⁶² Сибирская ссылка предстает как весьма значимая часть (мифологема) «Сибирского мифа». Об этом см.: Руцинская И.И. Мифологема сибирской ссылки в русском искусстве XIX – середины XX века // Философия и культура. 2019. № 12. С. 12–13.

⁶³ Цит. по: Социалистический вестник. 1924. № 9. Апр. С. 15.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «Каторга и ссылка» – исторический журнал, выпускавшийся в 1921–1935 гг. Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Заметную часть его материалов составляли воспоминания бывших борцов с царским режимом, в том числе и побывавших в ссылках.

Перед зеркалом стою –
Сама себя вижу,
Я политика люблю –
Мужа ненавижу⁶⁶.

Поиск и разработка героического прошлого служили инструментом легитимации большевистской властью претензии на народную поддержку. Если большевики опрокидывали в прошлое героические образы, а ссылка 1920-х гг. оставалась для них фигурой умолчания (по вполне понятным причинам), то социал-демократы применяли этот инструмент на страницах «Социалистического вестника» в настоящем – в номерах встречаются свидетельства о народной поддержке политссыльных: «Иванкинцы, скрепя сердце, согласились, но устно потребовали тут же на сходе, **чтобы учитель был не какой-нибудь, а из ссыльных**, а то пришлете такого, что ничему не научит детей и будут бегать, как сейчас»⁶⁷; «**Но крестьяне очень быстро разобрались**, где здесь “политика” и, к чести ссылки, нужно добавить, что **авторитет ее в Нарыме высок**, чего нельзя сказать об авторитете коммунистов»⁶⁸. Помимо любви местного населения, героический образ конструировался с помощью фактов борьбы ссыльных за свои права, которые приведены в табл. 2.

Таблица 2

Интенции редакции «Социалистического вестника»

Интенции коммуникатора	Пример употребления	Кол-во использований
Мобилизация сторонников (консолидационная)	«Путь напряженной борьбы, лежавший через тюрьмы и ссылки, в которых до сих пор десятки наших соратников высоко держат знамя РСДСРМ; Спасайте жизни погибающих в Соловках, Нарыме и Печоре! Требуйте общей амнистии социалистов!»⁶⁹. «Тысячи наших товарищей и сейчас гибнут под ударами этого террора в глухих углах ссылки, в тюрьмах и концлагерях, на далеких Соловецких островах. Мы никогда не переставали и сейчас не перестаем бороться против режима террора и клеймить его преступления»⁷⁰. «Помнить об этом – значит для всякого честного человека признать своим долгом – сделать все для защиты пленных социалистов от физической и моральной гибели, для облегчения их положения, для всесторонней помощи ссыльным и заключенным и их голодающим семьям!»⁷¹. «Дорогие товарищи! Мы, группа социал-демократов, высылаемых в концлагеря и дальние ссылки, ишем горячий привет Бюро ЦК РСДРП и всем работникам партии, продолжающим наше общее дело под все увеличивающимся гнетом жестокого и слепого террора и сгущающейся реакции»⁷².	11 (23 %) ⁷³

⁶⁶ Тетерин Н.И. Политическая ссылка в народной поэзии Киренского уезда // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 202. Помимо литературы, феномен героической ссылки революционеров получил развитие в живописи. Об этом см.: Руцинская И.И. Мифологема сибирской ссылки в русском искусстве... С. 11–16.

⁶⁷ Цит. по: Социалистический вестник. 1924. № 5. Март. С. 15.

⁶⁸ Цит. по: Там же. № 9. Апр. С. 15.

⁶⁹ Цит. по: Там же. 1923. № 17–18. Окт. С. 1.

⁷⁰ Цит. по: Там же. 1923. № 20. Нояб. С. 3.

⁷¹ Цит. по: Там же. 1924. № 1. Янв. С. 8.

⁷² Цит. по: Там же. 1924. № 14. Июль. С. 16.

⁷³ Там же. 1923. № 10. Май. С. 15; № 11. Июнь. С. 19; № 14. Авг. С. 1; № 16. Сент. С. 16; № 17–18. Окт. С. 1; № 20. Нояб. С. 3; 1924. № 1. Янв. С. 8; № 4. Февр. С. 11; № 6. Март. С. 13; № 14. Июль. С. 16.

Окончание табл. 2

Интенции коммуникатора	Пример употребления	Кол-во использований
Дискредитация политических противников	«За 1,5 года пройден путь от простых примитивных форм ссылки “неблагонадежных” до самых изодренных , самых жесточких , самых убийственных форм истребления своих политических врагов » ⁷⁴ . «И кто знает, какой еще кровавый мартиролог понадобится, чтобы принудить их положить конец хотя бы самым циничным формам морального мучительства и физического истребления социалистов в застенках советских бастилий и глухих закоулках административной ссылки! » ⁷⁵ .	19 (40 %) ⁷⁶

Заключение. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что тематика ссылки в «Социалистическом вестнике» на протяжении 1923–1924 гг. играла значительную роль. Были выявлены основные аспекты повседневности политссылных. Социал-демократы, попавшие во внесудебную ссылку, могли находиться там бессрочно вплоть до 1930-х гг. Их судьбы с точки зрения сопротивления нарождающемуся тоталитарному режиму ставят вопросы о сопротивлении/конформизме русской интеллигенции. Рассматриваемый период сквозит актами борьбы социалистов за свои права. По меткому выражению К.Н. Морозова, политрежим (который существовал и в ссылке) представлял собой «пространство свободы в несвободе, созданное внутренне свободными людьми»⁷⁷. «Социология бедствий» П. Сорокина позволяет увязать мотивацию действий «политических» с их тяжелым материальным положением особенно в Сибири.

Дискурс о ссылке, отражаемый журналом меньшевиков, не являлся исключительно их изобретением – он формировался в течение нескольких столетий использования ссылки Российским государством вообще, прежде чем социал-демократы взяли его на вооружение для своих политических целей. К числу наиболее значимых символических элементов образа ссылки относилась ее архаичность в качестве репрессии, имманентность царизму, повторяемость или бессрочность, изолированность и удаленность, гибельность, холод и болезненность, тяжесть этапа и, среди прочего, элементы романтизма – героизм «политических» вкупе с их культуртрегерской ролью.

Борьба между социалистами и большевиками проходила не только на арене физического сопротивления – велось соперничество за обладание революционным имиджем. Там, где социал-демократы обвиняли большевиков в возрождении методов царской охраны (говоря про восстановление административной ссылки), у большевиков господствовало умолчание. Примечательно, что образ ссылки раннесоветского времени, изображаемый меньшевистским «Соцвестником», не сильно отличался от того, что рисовало разрешенное большевиками издание «Каторга и ссылка» о борьбе революционеров против самодержавия. Зачастую и там и там встречались герои-революционеры-культуртрегеры, окруженные либо жандармами, либо чекистами и ведущие борьбу за свободу в ужасающих условиях ссылки. Отличались лишь временные рамки и действующие лица. В данном случае ключевое значение имел физический доступ к информации или же, по выражению М. Фуко, господствовала политическая область запрещения⁷⁸. В реальности «Соцвестник» в данный период уже практически не мог попасть в руки среднестатистического жителя СССР, поэтому область влияния указанного журнала распространялась на русскоязычное зарубежье и отдельные «островки» социал-демократов, загнанных в глубокое подполье.

⁷⁴ Цит. по: Социалистический вестник. 1923. № 14. Авг. С. 1.

⁷⁵ Цит. по: Там же. 1924. № 2. Янв. С. 2.

⁷⁶ Там же. 1923. № 12. Июль. С. 15; № 14. Авг. С. 1; № 17–18. Окт. С. 1; № 21–22. Нояб. С. 19; 1924. № 1. Янв. С. 9; № 2. Янв. С. 2; № 4. Февр. С. 15; № 5. Март. С. 15; № 9. Апр. С. 15–16; № 11. Май. С. 5; № 12–13. Июнь. С. 16; № 14. Июль. С. 14; № 16. Авг. С. 6; № 20. Окт. С. 15; № 21. Нояб. С. 16; № 24. Дек. С. 12.

⁷⁷ Морозов К.Н. Тюремное сопротивление и борьба за политрежим социалистов... С. 452.

⁷⁸ Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 51–52.

Изображенный образ ссылки конструировался, ориентируясь на мобилизацию определенных слоев общества. В большей степени он был направлен на российское эмигрантское социалистическое зарубежье и сочувствующих европейских социалистов (чаще всего германских). При этом среди идеологически плюралистской эмиграции он не пользовался спросом у национально-консервативных сил по очевидным причинам. В меньшей степени влияние «Соцвестника» касалось пытавшихся вести подпольную партийную борьбу представителей РСДРП внутри России, что было обусловлено нелегальностью его распространения и чекистским террором. Вряд ли можно утверждать о том, что журнал мог мобилизовать широкие массы: марксистский язык был слишком сложен для восприятия преимущественно крестьянского населения в России. Его влияние ограничивалось прослойкой эгалитарно ориентированных российских интеллектуалов-эмигрантов и европейских социалистов (круг которых замыкался на владении русским языком и личным знакомством с российскими социал-демократами). Мобилизация носила и конфронтационный, и консолидационный характер. Конфронтационный аспект заключался в дискредитации действий политических оппонентов посредством акцентирования на жестокости репрессивных мер и отождествления большевистского и царского режимов. Консолидация была представлена призывами к общественности не сидеть сложа руки: принимать участие в денежных сборах, «делать все возможное», «помнить», «не забывать».

Литература

Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М.: Археогр. центр, 1997. 450 с.

Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к НЭПу. Новосибирск: Новосибирский университет, 1995. 97 с.

Коткин С. Сталин: в 3 т. М.: Издательство Института Гайдара, 2025. Т. 1: Парадоксы власти. 1878–1928: в 2 кн. Кн. 1. 712 с.

Красильников С.А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима (природа, формы, функции) // Переосмысливая радикальные трансформации ранне-советской эпохи: Избранные статьи 1995–2024. М.: РОССПЭН, 2024. С. 76–87.

Морозов К.Н. Тюремное сопротивление и борьба за политрежим социалистов (1918–1930-е): сущность явления, формы и парадоксы // История сталинизма: репрессированная российская провинция: мат-лы междунар. науч. конф. (Смоленск, 9–11 октября 2009 г.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 451–460.

Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. 232 с.

Пинкин В.И. Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 274 с.

Руцинская И.И. Мифологема сибирской ссылки в русском искусстве XIX – середины XX века // Философия и культура. 2019. № 12. С. 11–16.

Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. М.: Академический проект, 2022. 399 с.

Суслов А.Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. 488 с.

Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.

Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 7: Меньшевики в Советской России и последней эмиграции 1920–1960 гг. М.: Собрание, 2017. 384 с.

Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1: Источниковедение. М.: Раритет, 2000. 288 с.

Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 47–97.

References

- Bukov, V.A. (1997). *Ot rossiyskogo suda prisyazhnykh k proletarskomu pravosudiyu: u istokov totalitarizma* [From Russian Jury Trial to Proletarian Justice: At the Origins of Totalitarianism]. Moscow, Arheograficheskiy Tsentr. 450 p.
- Dobrovolsky, A.V. (1995). *Esery i men'sheviki Sibiri v usloviyakh perekhoda k NEPu* [Social Revolutionaries and Mensheviks of Siberia in the Conditions of Transition to NEP]. Novosibirsk, Novosibirskiy universitet. 97 p.
- Foucault, M. (1996). Poryadok diskursa [The Order of Discourse]. In *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti*. Moscow, Kastal, pp. 47–97.
- Kotkin, S. (2025). *Stalin: v 3 t. T. 1: Paradoksy vlasti. 1878–1928: v 2 kn. Kn. 1* [Stalin: in 3 vol. Vol. 1: Paradoxes of Power. 1878–1928: in 2 books. Book 1]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 712 p.
- Krasilnikov, S.A. (2024). Sotsial'naya mobilizatsiya kak sistemnaya kharakteristika stalin-skogo rezhima (priroda, formy, funktsii) [Social Mobilization as a Systemic Characteristic of Stalin's Regime (Nature, Forms, Functions)]. In *Pereosmyslivaya radikal'nye transformatsii rannesovetskoy epokhi: Izbrannye stat'i 1995–2024*. Moscow, ROSSPEN, pp. 76–87.
- Morozov, K.N. (2011). Tyuremnoe soprotivlenie i bor'ba za politrezhim sotsialistov (1918–1930-e): sushchnost' yavleniya, formy i paradoksy [Prison Resistance and the Struggle for Socialist Political Regime (1918–1930s): The Essence of the Phenomenon, Forms and Paradoxes]. In *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyskaya provintsiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Smolensk, 9–11 oktyabrya 2009 g.)*. Moscow, ROSSPEN, Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. Yeltsina", pp. 451–460.
- Pavlov, D.B. (1999). *Bol'shevistskaya diktatura protiv sotsialistov i anarkhistov. 1917 – seredina 1950-kh godov* [Bolshevik Dictatorship against Socialists and Anarchists. 1917 – Mid-1950s]. Moscow, ROSSPEN. 232 p.
- Pinkin, V.I. (2002). *Ssylka i vysylka v sibir' v 1920-e gg.* [Exile and Expulsion to Siberia in the 1920s], Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk. 274 p.
- Rutsinskaya, I.I. (2019). Mifologema sibirskoy ssylki v russkom iskusstve XIX – serediny XX veka [Mythologeme of Siberian Exile in Russian art of the 19th – Mid-20th Century]. In *Filosofiya i kul'tura*. No. 12, pp. 11–16.
- Sorokin, P.A. (2022). *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh bedstviy. Vliyanie voyny, revolyutsii, goloda, epidemii na intellekt i povedenie cheloveka, sotsial'nuyu organizatsiyu i kul'turnuyu zhizn'* [Man and Society in the Conditions of Disasters. Influence of War, Revolution, Famine, Epidemic on Human Intelligence and Behavior, Social Organization and Cultural Life]. Moscow, Akademicheskii proekt. 399 p.
- Suslov, A.Yu. (2013). *Rossiyskie sotsialisty posle oktyabrya 1917 goda v otechestvennoy istoriografii* [Russian Socialists after October 1917 in Russian Historiography]. Kazan, Izdatelstvo KNITU. 488 p.
- Tyutyukin, S.V. (2002). *Men'shevizm: Stranitsy istorii* [Menshevism: Pages of History]. Moscow, ROSSPEN. 560 p.
- Urilov I.H. (2000). *Istoriya rossiyskoy sotsial-demokratii (men'shevizma). Ch. 1: Istoch-nikovedenie* [History of Russian Social Democracy (Menshevism). Vol. 1: Source Study]. Moscow, Raritet. 288 p.
- Urilov, I.H. (2017). *Istoriya rossiyskoy sotsial-demokratii (men'shevizma). Ch. 7: Men'sheviki v Sovetskoy Rossii i posledney emigratsii 1920–1960 gg.* [History of Russian Social Democracy (Menshevism). Vol. 7: Mensheviks in Soviet Russia and the Last Emigration 1920–1960]. Moscow, Sobranie. 384 p.

Е.В. Полянский*

**СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИГАРКИ:
ПОДХОДЫ И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ
В 1930-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-12
УДК 94(571)-054.7

Выходные данные для цитирования:
Полянский Е.В. Спецпереселенцы Игарки: подходы и механизмы управления в 1930-е годы // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 136–149.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-12.pdf>

E.V. Polyanskiy*

**SPECIAL SETTLERS IN IGARKA:
ADMINISTRATIVE APPROACHES AND GOVERNANCE
MECHANISMS IN THE 1930S**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-12

How to cite:
Polyanskiy E.V. Special Settlers in Igarka: Administrative Approaches and Governance Mechanisms in the 1930s // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 136–149.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-12.pdf>]

Abstract. The article examines the mechanisms of governance over special settlers in Igarka during the 1930s as a local case study that reveals the specific features of administrative logic and power relations on the Soviet periphery. The focus is on the distribution of functions and authority among four key actors: the local civil administration, party structures, the OGPU–NKVD bodies, and major union-level economic organizations, which oversaw all of the town’s principal economic assets. Particular attention is given to the emergence of stable practices for managing the special contingent under conditions of institutional fragmentation, resource scarcity, and multi-tiered accountability. Drawing on archival sources, the article analyzes not only formal administrative structures but also everyday managerial decisions that shaped the regulation of labor, living conditions, and resource distribution among special settlers. Igarka is examined as a space of “urban exile”, where the special contingent made up a significant portion of the population and, in effect, defined the town’s social landscape—despite the fact that their special status was rarely emphasized in official documents. The analysis of the Igarka case reveals the contradictions between the repressive nature of special resettlement and the necessity of integrating settlers into economic processes. This perspective offers new insight into the functioning of Soviet power under the pressures of modernization and local constraints, while also clarifying the boundaries of regional actors’ autonomy within a centralized system of governance.

Keywords: Igarka, special settlers, Main Administration of the Northern Sea Route (GUSMP), Komseverput’, governance, Soviet periphery, 1930s, economic agencies, administrative practices, party control.

The article has been received by the editor on 23.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена исследованию механизмов управления спецпереселенцами в Игарке в 1930-е гг. как локального кейса, позволяющего раскрыть особенности административной логики и взаимодействий власти на советской периферии. В центре внимания – распределение функций и полномочий между четырьмя

* Евгений Валерьевич Полянский, аспирант, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, e-mail: lebrovski@gmail.com
Evgeny Valerievich Polyansky, Postgraduate Student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: lebrovski@gmail.com

основными акторами: местной гражданской администрацией, партийными структурами, органами ОГПУ–НКВД и крупными союзными хозяйственными организациями, в подчинении которых находились все основные хозяйственные объекты города. Особое внимание уделяется тому, как в условиях ведомственной фрагментации, дефицита ресурсов и многоуровневой подотчетности складывались устойчивые практики управления спецконтингентом. На основе архивных источников в статье проанализированы не только формальные управленческие структуры, но и повседневные административные решения, отражавшие специфику регулирования труда, быта и распределения ресурсов среди спецпереселенцев. Игарка рассмотрена как пространство «городской ссылки», где спецконтингент составлял значительную часть населения и фактически определял социальный ландшафт, несмотря на то, что его особый статус редко акцентировался в официальных документах. Через анализ кейса Игарки раскрыты противоречия между репрессивным характером спецпереселения и необходимостью интеграции переселенцев в хозяйственные процессы. Это позволяет по-новому взглянуть на функционирование советской власти в условиях модернизационного давления и локальных ограничений, а также уточнить границы автономии региональных акторов в рамках централизованной системы управления.

Ключевые слова: Игарка, спецпереселенцы, ГУСМП, Комсверпуть, управление, советская периферия, 1930-е гг., хозяйственные ведомства, административная практика, партийный контроль.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025 г.

Введение. Задачи модернизации, поставленные советским государством в 1920–1930-е гг., требовали масштабного привлечения трудовых ресурсов. В условиях острого дефицита рабочей силы власть прибегала к различным формам принудительной мобилизации – от миграционных кампаний до административной высылки. Особое место среди них занимало спецпереселение – перемещение определенных категорий граждан с запретом на смену места жительства. Оно сочетало элементы наказания и хозяйственного использования, становясь важным инструментом реализации задач сталинской модернизации.

История спецпереселения получила широкое освещение в историографии. Изучены как масштабы репрессий, так и особенности административной организации. В.А. Бердинских проанализировал формирование инфраструктуры спецпоселений и подчеркнул их правовую неопределенность; С.А. Красильниковым изучены практики крестьянской ссылки в Западной Сибири и динамика правового положения спецконтингента; Л. Виола рассмотрела спецпоселения как самостоятельную систему принудительного труда, сопоставимую с лагерями ГУЛАГа и связанную с освоением Севера¹. Современные исследования все чаще сосредоточены на повседневной жизни переселенных, региональной специфике и последствиях репрессивной политики². Особое внимание уделяется адаптации переселенных в условиях

¹ Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. М., 2017; Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении. Итоги «первой пятилетки» (1931–1935 гг.) // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. С. 72–86; Красильников С.А. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М., 2010; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). М., 2017; Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М., 2010.

² Лобченко Л.Н., Панкратова М.Е., Яшина А.Н. Особенности формирования, организации и развития сельского хозяйства в спецпоселках Северного края в 1930-х гг. // Вопросы истории. 2023. № 12. С. 82–95; Alagozkyzy G. A policy of 'dekulakization' and deportations from the republic: on the example of special resettles // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. Vol. 140, № 3. P. 122–135; Игнатова Н.М. Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2023. № 8. С. 52–60.

спецпоселения и после снятия ограничений³. Все чаще спецпереселение трактуется как часть широкой миграционной и колонизационной политики советского государства⁴. В работах А.С. Иванова акцент сделан на мобилизационном характере спецпереселений, их ведомственной направленности и роли в обеспечении отраслей (в частности рыбной промышленности) трудовыми ресурсами, а также на формировании «режимного пространства» и идентичности переселенных в условиях северных городов⁵.

В целом большинство исследований сосредоточено на общих характеристиках системы. Между тем обращение к конкретным примерам позволяет увидеть, как работали механизмы подчинения, адаптации и повседневного управления в рамках заданной модели. Настоящая статья посвящена Игарке – северному промышленному городу, где спецпереселенцы в 1930-е гг. стали ключевым элементом социального и административного устройства.

В отличие от регионов, где спецконтингент оставался изолированной группой, в Игарке он составлял большинство постоянного населения⁶. Это определяло не только социальную структуру, но и характер управления: значительная часть решений была ориентирована именно на переселенных.

Спецпереселенцы, прикрепленные к территории, не имели права выезда за пределы Игарского горсовета. Тогда как сезонные и контрактные рабочие покидали город, переселенные составляли его стабильное население и основной трудовой ресурс. Уже в начале 1930-х гг. местные власти отмечали высокий уровень текучести среди временных работников и острый кадровый дефицит, что делало спецпереселенцев основой социальной и производственной структуры города⁷.

Это порождало специфическую управленческую ситуацию: хотя особый статус переселенных редко фиксировался в документах, решения в области снабжения, строительства, организации труда и культурной политики в первую очередь касались именно их. В связи с этим акцент в статье сделан на ситуациях, когда статус спецпереселенцев артикулировался и становился предметом административного или политического решения. Такой подход позволяет рассматривать Игарку как пространство пересечения режимного и «нормального» порядка.

Административные практики управления спецпереселенцами на примере Игарки.

В 1930-е гг. практика массового принудительного переселения крестьян приобрела беспрецедентный масштаб и черты институциональной устойчивости. При этом многие исследователи подчеркивают, что на начальном этапе система развивалась в условиях правовой и терминологической неопределенности.

До середины 1931 г. нормативное обеспечение высылки оставалось фрагментарным: не существовало единого корпуса актов, определявших правовой статус переселенных, их права и ограничения. Не был установлен и порядок взаимодействия между ОГПУ, наркоматами, хозяйственными и исполнительными структурами, ответственными за размещение и трудовое использование спецконтингента. Система функционировала на основе ситуа-

³ Красильников С.А. Четверть века крестьянской ссылки: итоги репрессированного раскрестьянивания (1930–1954) // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: мат-лы XV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г. М., 2023. С. 312–320.

⁴ Чернышева Н.В., Буцких М.В. Сельскохозяйственные переселения в СССР середины 1920-х – начала 1950-х годов: основные этапы, масштабы и результаты // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 63–73.

⁵ Иванов А.С., Михалев Н.А. «Ведомственные» спецпереселения в годы Великой Отечественной войны: механизм проведения и значение (на материалах Северо-Западной Сибири) // Новейшая история России. 2023. № 1. С. 39–55; Иванов А.С. Режимная идентичность спецпереселенцев (1930–1950-е гг.): базовые характеристики // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 4. С. 40–46.

⁶ См. например: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9570. Оп. 1. Д. 390. Л. 70

⁷ Остроумова В.П. Дело освоения Севера двигать вперед! // Красноярский рабочий. 1935, № 149. С. 1; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-21. Оп. 1. Д. 38. Л. 10; Д. 83. Л. 4; Оп. 2. Д. 10. Л. 11 об; Оп. 3. Д. 4. Л. 21–22.

тивных решений и внутриведомственных инструкций, не имевших общегосударственного статуса, что сохраняло состояние правовой неопределенности⁸.

Как отмечают С.А. Красильников и С.Н. Ушакова, «сталинский режим сознательно не придавал репрессиям четко очерченных законодательных рамок». Депортация как внесудебная мера не вписывалась в нормы традиционной ссылки: она была бессрочной, применялась к семьям и сопровождалась обязательным трудом⁹.

Централизация системы спецпереселения началась в 1931 г., когда спецпоселки были выведены из-под контроля краевых органов и включены в вертикаль ОГПУ. Приказами ведомства был создан специальный отдел при ГУЛАГе и закреплено двойное финансирование спецпоселений через договоры с хозяйственными организациями¹⁰.

По постановлению СНК СССР от 1 июля 1931 г. ОГПУ получило контроль над размещением, снабжением и финансированием спецпереселенцев, тогда как земельные органы отвечали за обеспечение земель, инвентарем и семенами. Принятые в этом же году положения регламентировали режим проживания и дисциплинарную практику, а постановление ЦИК от 3 июля 1931 г. вводило условное восстановление гражданских прав через пять лет безупречного поведения, что придавало ссылке форму управляемого «социального контракта»¹¹. Эти меры частично устранили правовую неопределенность и оформили спецпоселения как централизованную карательно-трудовую систему.

Постановление «Об устройстве спецпереселенцев» и циркуляры ОГПУ кодифицировали нормы размещения: предписывалось селить переселенцев вне зон коллективизации и вдали от транспортных артерий – в «наиболее глухих и отдаленных местах». Это, однако, затрудняло снабжение и управление. Полномочия делились между «переселенческим самоуправлением», комендатурами ОГПУ, местными исполкомами и ведомствами, использовавшими труд переселенных¹².

Спецпоселки подразделялись на промышленные, лесные, сельскохозяйственные и промысловые, в зависимости от производственной специализации. Часто встречались смешанные формы, особенно в лесных районах, где сочетались трудовая занятость и подсобное хозяйство. Одна комендатура могла охватывать десятки поселков разных типов, что осложняло контроль и управление¹³.

Закрепленная в 1931 г. система представляла собой лишь усредненную модель. На практике организация спецпоселков различалась в зависимости от географии, ведомственной принадлежности и подходов конкретных исполнителей. Нормативные положения часто оставались на бумаге, а реальные условия жизни не соответствовали установленным стандартам.

Кодификация придавала системе не только карательно-трудовой, но и пространственный характер. Поселки, размещенные вдали от транспортных артерий, становились опорными

⁸ Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 69, 86, 88–89; Красильников С.А. Серп и Молох... С. 76, 116.

⁹ Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении... С. 72.

¹⁰ Корсакова О.В. Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы // Проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 13–14; Тепляков А.Г. «Охранное отделение» режимной экономики: комендантский корпус спецпоселений в Сибири (1930–1940-е гг.) // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М., 2013. С. 451–452; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 201, 256–257; Раков А.А. Спецпереселенцы на Урале в 1930-е гг.: генезис и динамика региональной подсистемы принудительного труда // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М., 2013. С. 427.

¹¹ Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 257–258; Красильников С.А. Серп и Молох... С. 119; Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении... С. 72.

¹² Корсакова О.В. Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы... С. 13; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 202; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 48, 198, 202, 307–308, 345; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 63, 366–367; Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 74.

¹³ Политбюро и крестьянство... Кн. 1... С. 359; Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 205; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 309–310.

точками освоения малонаселенных территорий. Постановления СНК и договоры ОГПУ с хозорганизациями превратили изоляцию в механизм трудовой мобилизации: переселенцев направляли на строительство, лесозаготовки, добычу ресурсов. Спецпереселение стало каналом перераспределения рабочей силы в рамках сталинской модернизации. В Игарке – международном порту Енисейского Заполярья – эта логика проявилась особенно наглядно: переселенные стали ядром трудового контингента лесокомбината и базы Северного морского пути.

С самого начала Игарка была ключевым пунктом советского Арктического проекта – «воротами в Арктику». В конце 1920-х гг. перед Всесоюзным объединением «Комсеперпуть» (КСМП)¹⁴ стояла задача увеличить вывоз сибирского леса по Севморпути и активизировать Карские экспедиции. В рамках этой программы начались поиски места для перевалки грузов с речного на морской транспорт¹⁵. В 1928 г. в Игарской протоке прошла пробная загрузка судов, а в 1929 г. сюда доставили стройматериалы, оборудование, продовольствие и более 200 строителей-зимовщиков. Началось строительство порта, лесозавода и рабочего поселка, позднее ставшего городом¹⁶.

Несмотря на суровые условия, Игарка стала ярким примером быстрой урбанизации и индустриального роста 1930-х гг. С конца 1929 по май 1931 г. было запущено три лесозавода¹⁷. Население выросло с 252 человек до 15 000 к 1934 г. и более 23 000 к 1939 г.¹⁸ Уже в 1933 г. через порт экспортировали 23 000 стандартов пиломатериалов¹⁹, а в Карской операции он принял 25 из 30 судов²⁰. Город стал ключевым пунктом освоения Восточного Севморпути и единственным в своем секторе, отмеченным на карте «Крупнейших строек второй пятилетки»²¹. Согласно трудам Н.Ю. Замятиной, Игарка была не просто производственным узлом, а комплексной «базой освоения» – с административной, технической, культурной и бытовой функциями²². Дж. МакКеннон называл ее «одной из самых ярких драгоценностей» Советской Арктики²³. Город был символом советского «арктического проекта» и воплощал курс на модернизацию и инфраструктурное закрепление в Заполярье²⁴.

С момента основания Игарка – это ведомственный город – проект Комсеперпути, созданный для обеспечения СМП, внешней торговли и перевалки грузов²⁵. Все крупные предприятия города входили в Северо-Енисейский комбинат КСМП, который был основным «работодателем» спецпереселенцев. Уже в 1930 г. Сибирское краевое управление рассматривало Нижний Енисей как приоритетную зону переселенческой колонизации²⁶. В декабре того же года к игарским предприятиям было приписано 240 семей, а к октябрю 1931 г. – почти 14 000 человек, что составляло 16 % всех спецпереселенцев Восточно-Сибирского края²⁷.

¹⁴ Всесоюзное экспортно-импортное и транспортно-промышленное объединение «Комсеперпуть» – это ведомство при Наркомате внешней и внутренней торговли, существовавшее с 1931 по 1933 гг. Главными задачами Комсеперпути были: обеспечение судоходства и экспортной торговли по СМП, эксплуатация промышленных предприятий, развитие промысловой деятельности, научное изучение арктических территорий СССР.

¹⁵ Сибирцев Н., Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции. Новосибирск, 1936. С. 75–78.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 999. Оп. 1. Д. 6. Л. 150.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Крайний Север к 1934 г.: сб. мат-лов по хозяйственному и культурному строительству. М., 1934. С. 11; Josephson P.R. The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge 2014. P. 281.

¹⁹ Стандарт – коммерческая, нормативная единица объема древесины или пиломатериалов укладываемой в определенную стандартную упаковку или штабель. Был равен приблизительно 8,12 м³.

²⁰ Карские операции 1920–1930-х годов: сб. док-тов из архива компании «Совфрахт». М., 2019. С. 38.

²¹ Северные морские пути России. М., 2023. С. 150, 163.

²² Замятина Н.Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2. С. 6

²³ McCannon J. Red Arctic: polar exploration and the myth of the north in the Soviet Union. New York, 1998. P. 89.

²⁴ Schweitzer P, Povorozhuyk O, Schiesser S. Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and the built environmental in the Russian North // The Polar Journal. 2017. Vol. 7, No 1. P. 64.

²⁵ Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI вв. сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск, 2011. С. 125.

²⁶ Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 195.

²⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док-тов в 7 т. М., 2004. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 132; Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 320, 326.

Хотя переселенные распределялись также на рыбозаводы Усть-Порта, графитовые рудники Курейки и совхозы КСМП, основная их масса была сконцентрирована в Игарке²⁸.

По архивным и мемуарным свидетельствам, в начале 1930-х гг. спецпереселенцы составляли значительную часть населения. Оргбюро крайкома ВКП(б)²⁹ напрямую указывало на их численное преобладание³⁰. В 1936 г. британский журналист Питер Смолка оценивал их число в 4 000 и отмечал: они были повсюду, неотличимы от остального населения³¹. Американская журналистка Рут Грубер также писала, что переселенные свободно передвигались по улицам, носили обычную одежду и ничем не выделялись³². Это объясняется тем, что они работали на основных предприятиях КСМП, а их жилье располагалось в центре города, рядом с рабочими кварталами³³. Об этом же вспоминала Евфалия Палеева: их бараки находились у биржи пиломатериалов и в самом центре «нового города»³⁴.

Таким образом, Игарка 1930-х гг. была не просто ведомственным городом на периферии, но и пространством пересечения режимного и «нормального» порядка. Массовое включение спецпереселенцев в повседневную жизнь размывало границы между принудительной и свободной мобилизацией. В этом контексте анализ их положения, основанный на учете общих социальных условий, позволяет рассматривать Игарку как точку соприкосновения ГУЛАГа и не-ГУЛАГа – в трактовке О. В. Хлевнюка³⁵.

В 1930-е гг. спецпереселенцы в Игарке были не маргинальной, а ключевой частью трудового и социального ландшафта. Это ставит вопрос о конфигурации власти, регулировавшей их положение. Формально управление осуществляли три актора: Комсеверпуть, советско-партийная администрация и органы ОГПУ–НКВД. На практике же власть формировалась в условиях ведомственной фрагментации и отсутствия единого центра – через ситуативные договоренности, партнерство и локальную инициативу. В Игарке такая модель проявилась особенно отчетливо, создав сложную и противоречивую систему, в рамках которой решались и вопросы, связанные со спецпереселенцами.

Город изначально возник как рабочий поселок Комсеверпути. По отчетам комиссии Сибирского РКК, обследовавшей Игарку летом 1930 г., КСМП контролировал все: от строительства и снабжения до медицины и культурной сферы³⁶. Он стал основным заказчиком труда спецпереселенцев и нес полную ответственность за их обеспечение жильем, продуктами и предметами первой необходимости. Такая модель соответствовала общесоюзной норме: постановление СНК СССР от 10 апреля 1930 г. и протокол августовского совещания в Сибкрайисполкоме прямо возлагали заботу о «второй категории кулаков» на хозорганизации, заключившие договоры на использование их труда³⁷.

При этом КСМП не проявлял инициативы в приеме переселенных. По данным информотдела ОГПУ, руководство Комсеверпути затягивало «приемку», ссылаясь на нехватку жилья, продовольствия и транспорта, а вопросы финансирования переадресовывало в Москву. Председатель правления Б.В. Лавров прямо заявлял: «Кулаки перевозятся не за

²⁸ Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 195.

²⁹ Оргбюро Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) по организации Игарского горкома было создано в момент присвоения Игарке статуса города в 1931 г. Оно выполняло функцию временного партийного органа, с одной стороны, подменяя полноценный горком на переходный период, с другой – регулировало процесс формирования городской парторганизации.

³⁰ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 35–36.

³¹ Smolka H.P. Forty Thousand against the Arctic: Russia's Polar Empire. London, 1938. P. 195–196.

³² Gruber R. I went to the Soviet Arctic. New York, 1944. P. 93–94.

³³ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 3. Л. 30б; ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

³⁴ Воспоминания записаны Е.А. Палеевой и опубликованы игарским краеведом Валентиной Анатольевной Гапеенко 11.02.2017: История Игарки как хроника жизни / Публикация Е.А. Палеевой с комментариями В.А. Гапеенко // Блог Валентины Гапеенко [Электронный ресурс]. URL: <https://gapeenko.net/persons/7023-istoriya-igarki-kak-xronika-zhizni-semi.html> (дата обращения : 01.07.2025)

³⁵ Хлевнюк О.В. ГУЛАГ – не-ГУЛАГ. Взаимодействие единого // Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст. СПб., 2020. С. 54, 58

³⁶ РГАЭ. Ф. 743. Оп. 1. Д. 354. Л. 52–64.

³⁷ Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ... С. 47–48; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 292; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 242–243.

наш счет»³⁸. Между тем распределение спецпереселенцев происходило по решению центра в рамках системы, где формальные заявки предприятий сочетались с директивной логикой ОГПУ. В результате хозяйственные организации часто оказывались не готовы к их приему, а возникавшие противоречия и трудности ложились на местные советы и партийные органы³⁹.

Согласно постановлениям ВЦИК от 1931 и 1933 гг., Игарка получила статус города краевого подчинения, а ее горсовет стал высшим органом власти на подведомственной территории⁴⁰. По аналогии с райисполкомами, он курировал широкий круг вопросов – от коллективизации и реконструкции хозяйства до составления бюджета и снабжения⁴¹. В этой логике он участвовал и в регулировании положения спецпереселенцев: утверждал сметы на нужды спецпоселков, обеспечивал доступ к учреждениям общего пользования и, несмотря на формальный запрет, санкционировал их участие в самообложении⁴².

Однако это положение порождало коллизию: при высоком формальном статусе горсовет не имел административного контроля над предприятиями, подчиненными центральным ведомствам или напрямую СНК. Его полномочия ограничивались координацией, согласованием и надзором, не включая оперативное управление⁴³.

Отношения между КСМП и городской администрацией можно охарактеризовать как напряженное партнерство. Предприятия регулярно критиковались за срывы планов, перебои в снабжении, неучтенное жилье и неравномерное распределение ресурсов. Однако сама администрация зависела от КСМП, контролировавшего завоз продовольствия, стройматериалов и топлива. В условиях ограниченной навигации это давало Комсеверпути фактическую монополию и делало его эффективность критически важной – как для выполнения планов, так и для выживания населения, включая спецпереселенцев⁴⁴. При этом представление об асимметричной конкуренции справедливо лишь при взгляде через призму ресурсного доступа, в реальности баланс сил был подвижен и зависел от конкретной ситуации.

При ограниченных полномочиях городских органов ключевую роль играли партийные и ревизионные структуры – прежде всего контрольная комиссия РКИ и Игарский горком ВКП(б). В политизированной системе управления именно горком фактически выступал главным контролирующим звеном и посредником между ведомствами. В 1932 г. РКК РКИ утвердила перечень должностей, закрытых для административно высланных и спецпереселенцев⁴⁵. При горкоме был создан сектор по работе со спецконтингентом (11 человек), занимавшийся не только идеологией и культурой, но и распределением переселенных по предприятиям, контролем заключения договоров, ведением учета и надзором за строительством объектов для спецпереселенцев⁴⁶.

Одним из инструментов влияния горкома были «добровольные» объединения, прежде всего женские. Они занимались просвещением, вовлекали женщин в массовую и городскую жизнь, обеспечивали участие переселенных в работе культурно-бытовых учреждений и содействовали заключению трудовых договоров⁴⁷. Несмотря на формальное подчинение горкому и комендатуре, эти объединения предоставляли переселенным ограниченный,

³⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 97-98.

³⁹ Красильников С.А. Серп и Молот... С. 92.

⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1931 г. № 55-73. Отдел первый. М., Б.г. С. 648.

⁴¹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановления Правительства РСФСР. М., 1959. Т. 2: 1929-1939 гг. С. 257-265.

⁴² Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 198.

⁴³ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановления Правительства РСФСР... С. 258

⁴⁴ Полянский Е.В. Деятельность государственных комплексных организаций в 1920-1930 гг. по организации арктического судоходства на Енисее // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 187-198.

⁴⁵ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 17. Л. 69-69 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 10 Л. 5-8.

⁴⁷ Там же. Д. 117. Л. 20, 21, 22, 25 об.

но реальный канал взаимодействия с местной властью. На женских собраниях могли обсуждаться вопросы снабжения или организовываться встречи с официальными ответственными лицами. Эти практики были не только элементом мобилизации «сверху», но и формой артикуляции интересов «снизу»⁴⁸.

Положение спецпереселенцев, как и остального населения Игарки, определялось не столько логикой особого режима, сколько балансом между хозяйственным монополистом и партийно-административной структурой. Эта двойственность порождала характерную для советской периферии модель власти без четкого центра, основанную на ситуативных соглашениях, компромиссах и локальных инициативах. Такая система была эффективна в условиях кризиса, но оставалась слабо институционализированной: каждый управленческий ответ был результатом импровизации, а не следованием устойчивому алгоритму.

После ликвидации Комсеверпути 11 марта 1933 г. его предприятия на Севере, включая Игарку, были переданы в ведение Главного управления Северного морского пути (ГУСМП)⁴⁹. Лесозаводы и биржа пиломатериалов отошли Наркомату лесной промышленности, в трест «Севполярлес», на предприятиях которого была сосредоточена основная масса спецконтингента⁵⁰. На базе расформированного Северо-Енисейского комбината был создан Таймырский трест, позднее преобразованный в Красноярское территориальное управление⁵¹. Эти структуры функционировали как формально автономные агенты, что породило сложную систему согласований с местной властью. Реальное распределение полномочий оставалось подвижным и зависело от ситуации, усиливая фрагментарность управления.

Реорганизация нарушила цепочки снабжения. В апреле 1933 г. коллегия ГУСМП утвердила стратегию, исключавшую предприятия, переданные другим наркоматам, из системы централизованного завоза. Игарка должна была перейти на снабжение через кооперативные каналы (за исключением объектов, оставшихся под контролем ГУСМП)⁵². Одновременно было прекращено продовольственное обеспечение около 16 тыс. спецпереселенцев, трудившихся в системе Наркомлеса; ГУСМП рекомендовало последнему заключить договор с лагерным управлением ОГПУ⁵³.

К августу 1933 г. горком констатировал, что снабженческая контора Таймыртреста не готова к приему грузов, а план завоза предусматривал сокращение норм – как для рабочих, так и иждивенцев⁵⁴. Администрация направила в Москву представителя «Северстроя» в роли «толкача». Кризис был настолько острым, что обсуждалось предложение вывезти нетрудоспособных и спецпереселенцев из города ради сохранения продовольственных фондов⁵⁵. В 1933–1934 гг. горком фактически сосредоточил контроль над распределением ресурсов, пытаясь минимизировать последствия. Однако уже к зиме 1934 г. в Игарке зафиксировали вспышку цинги, особенно среди детей рабочих, чьи нормы питания были изначально снижены⁵⁶.

До середины 1930-х гг. статус Игарского горкома как центрального органа партийного контроля позволял ему влиять на деятельность предприятий, формально ему неподчиненных. На заседаниях бюро регулярно рассматривались вопросы снабжения, строительства, перевозок и распределения ресурсов, в том числе затрагивавшие положение спецпересе-

⁴⁸ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 117. Л. 23.

⁴⁹ Главное управление Северного морского пути – это союзный хозяйственно-административный орган СССР, руководивший освоением Арктики, организацией судоходства и снабжением по Северному морскому пути. В 1930-е гг. ГУСМП был непосредственно подчинен Совету Народных Комиссаров и действовал на уровне самостоятельного народного комиссариата.

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–4.

⁵¹ Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Ленинград, 1969. Т. 4. Научное и хозяйственное освоения Советского Севера. 1933–1945. С. 163; ГАКК. Ф. П-32. Оп. 1. Д. 8. Л. 180.

⁵² РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 6. Л. 211, 212.

⁵³ Там же. Л. 179–180.

⁵⁴ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Л. 7.

⁵⁶ Там же. Д. 90. Л. 63, 64, 65.

ленцев⁵⁷. Однако ситуация изменилась после постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 20 июля 1934 г. «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства», которым предусматривалось создание системы территориальных политотделов ГУСМП во главе с Политуправлением⁵⁸. Это привело к централизации партийного контроля и фактическому выводу предприятий Главсевморпути из-под ведения местных партийных структур.

Игарка – показательный пример: политотдел охватывал все подразделения ГУСМП на Енисее и Таймыре, а с марта 1935 по май 1937 г. его начальник одновременно возглавлял и городской комитет ВКП(б)⁵⁹. Эта связка усиливала влияние ГУСМП на местную власть и легитимировала ранее неформальные формы взаимодействия. В то же время она радикально изменила баланс партийного влияния, в том числе в сфере управления и обеспечения спецпереселенцев.

Особый интерес представляет кейс первого начальника игарского политотдела В.П. Остроумовой, которая в 1935–1937 г. фактически сосредоточила в своих руках местную партийно-административную власть. Несмотря на короткий срок, ее деятельность демонстрировала, как в условиях ведомственной разобщенности могла формироваться устойчивая политическая инициатива. Она координировала разнородные структуры, лоббировала интересы Игарки в центре, занималась вопросами снабжения и кадров, действуя, скорее, как представитель города и региона, чем как представитель ведомства⁶⁰.

Остроумова открыто артикулировала проблему «оседания» кадров и видела в спецпереселенцах не угрозу, а точку опоры для освоения Севера. Летом 1935 г. на краевой партийной конференции она подчеркивала, что условия жизни мешают закреплению работников: неорганизованность, нехватка жилья, сбои в завозе⁶¹. В письме к И.В. Сталину (октябрь 1935 г.) она отмечала, что до 70 % населения города составляют спецпереселенцы: «наша основная обязанность – перековать, перевоспитать этих людей, сделать именно из “чуждых” не “чуждых”». Однако ее подход вызывал критику даже внутри Игарского бюро, включая представителей НКВД⁶².

Обозначенная позиция получила развитие в письме В.П. Остроумовой к И.В. Сталину и В.М. Молотову от 25 мая 1936 г., переданном через первого секретаря крайкома П.Д. Акулинушкина. В нем предлагалась институционализация нового подхода к спецпереселенцам: допуск надежной молодежи в комсомол, частичная свобода передвижения для восстановленных в правах (в пределах Севера), доступ к высшему образованию. Ключевым было предложение передать Игарскому горсовету право восстанавливать в правах детей спецпоселенцев – ранее это относилось к компетенции карательных органов⁶³. П.Д. Акулинушкин выразил поддержку ряду этих инициатив, отметив, что некоторые из них уже реализуются на краевом уровне⁶⁴. Это подтверждает: предложения Остроумовой не были изолированной самостоятельностью, а отражали попытку выстроить иную модель интеграции спецконтингента.

Однако ее проект противоречил действующему правовому режиму. Постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. и циркуляр НКВД от 15 марта запрещали восстановленным выезд из мест поселения⁶⁵. В том же году спецпереселенцы были лишены всех льгот, включая предоставленные работникам Крайнего Севера⁶⁶. Таким образом, Остроумова ставила под вопрос саму логику правового режима: предлагала расширить статус пересе-

⁵⁷ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 4. Л. 1, 4, 7-7об; ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 1. Л. 2, 5, 8.

⁵⁸ Изучение и освоение Арктической зоны России... С. 220–225.

⁵⁹ ГАКК. Ф. П-32. Оп. 1. Д. 8. Л. 184–185.

⁶⁰ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 3. Д. 30. Л. 70–74; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 128. Л. 9–36.

⁶¹ Остроумова В.П. Дело освоения Севера двигать вперед! ... С. 1.

⁶² РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 781. Л. 85–86.

⁶³ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 3. Д. 3. Л. 44–46.

⁶⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 188. Л. 1.

⁶⁵ Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении... С. 76; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 356.

⁶⁶ Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 356.

ленных и передать часть полномочий от центра к местной власти. Это подчеркивало не ведомственную инициативу, а автономию политического мышления, опиравшегося на повседневный опыт Игарки.

Тем не менее 22 июня 1936 г. ЦК ВКП(б) одобрил инициативы, а 10 июля президиум ВЦИК наделил Игарский горсовет исключительными полномочиями⁶⁷. Локальная модель, сначала вызвавшая споры, была признана и закреплена. Тем самым спецпереселенцы превращались из пассивного ресурса в участников арктического проекта, а местная власть – в посредника, адаптирующего репрессивные инструменты к задачам территориального освоения. Однако, на фоне ужесточения курса и централизации партийного контроля, в 1937 г. Остроумова была освобождена от должности. В числе причин упоминалась ее «излишне мягкая» позиция в отношении спецконтингента, хотя совокупные мотивы принятого решения остаются не ясными до сих пор. В 1939 г. Игарка стала пунктом депортации по национальному признаку и частью системы лагерей ГУЛАГа. В условиях нарастания международной напряженности и подготовки к войне, при остром дефиците времени и ресурсов, труд заключенных воспринимался как наиболее эффективный. Попытка Остроумовой осталась исключением – кратким эпизодом локальной инициативы в условиях жесткой вертикали власти.

Заключение. Случай Игарки не охватывает всей сложности системы крестьянского спецпереселения 1930-х гг., но ярко иллюстрирует ее локальное измерение. В сопоставлении с катастрофами масштаба Назино или массовой смертности в д. Клюквенской он демонстрирует противоположный вектор – частичную и сравнительно успешную интеграцию переселенных в структуру города, тесно связанную с задачами индустриального освоения Севера⁶⁸.

Этот кейс показывает, как общие принципы репрессивной политики реализовывались в конкретных условиях: система адаптировалась к задачам территориального развития, а местные органы и ведомства играли в этом ключевую роль. В условиях ведомственной фрагментации и отсутствия единого центра власть складывалась не как вертикаль, а как поле ситуативных взаимодействий – гибкая противоречивая конфигурация, основанная на координации, конкуренции и зависимости.

Подобная структура была не уникальной, но в Игарке она проявилась особенно отчетливо – из-за масштабов спецконтингента, стратегического статуса города и наличия политических акторов, действовавших с опорой на местные интересы. Здесь власть становилась не просто исполнением предписаний, а балансом между нормативной рамкой и реальностью: решения рождались в процессе многоуровневых переговоров, часто инициированных снизу.

Пример Игарки выражает крайнюю степень проявления имманентных свойств советской системы управления – ситуативности, множественности центров и зависимости от контекста. Он не универсален, но позволяет зафиксировать важную особенность власти на местах: как поля возможных, а не заранее предписанных решений.

Литература

Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 503 с.*

Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Ленинград: Гидрометеиздат, 1969. Т. 4: Научное и хозяйственное освоения Советского Севера. 1933–1945. 616 с.

Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 335 с.

Замятина Н.Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2. С. 4–17.

⁶⁷ ГАКК Ф. П-21. Оп. 3. Д. 3. Л. 93; Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 111.

⁶⁸ Назинская трагедия подробно освещена в документах, опубликованных в сборнике: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994. С. 76–118; Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 101–102.

Иванов А.С. Режимная идентичность спецпереселенцев (1930–1950-е гг.): базовые характеристики // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 4. С. 40–46.

Иванов А.С., Михалев Н.А. «Ведомственные» спецпереселения в годы Великой Отечественной войны: механизм проведения и значение (на материалах Северо-Западной Сибири) // Новейшая история России. 2023. № 1. С. 39–55.

Игнатова Н.М. Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2023. № 8. С. 52–60.

Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI вв.: сб. док-тов и мат-лов / сост. С.И. Боякова, Е.В. Комлева и др. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2011. 329 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док-тов в 7 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / под. ред. Т.В. Тцаревской-Дякиной. 824 с.*

Карские операции 1920–1930-х годов: сб. док-тов из архива компании «Совфрахт» / авт. сост. Е. Емелина, М. Сфвинов, П. Филин. М.: Паульсен, 2019. 296 с.

Корсакова О.В. Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы // Проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. ст. Красноярск: Универс, 2002. С. 12–21.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 228 с.

Красильников С.А. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 327 с.*

Красильников С.А. Четверть века крестьянской ссылки: итоги репрессированного раскрестьянивания (1930–1954) // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: мат-лы XV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2023. С. 312–320.**

Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении. Итоги «первой пятилетки» (1931–1935 гг.) // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2003. С. 72–86.

Лобченко Л.Н., Панкратова М.Е., Яшина А.Н. Особенности формирования, организации и развития сельского хозяйства в спецпоселках Северного края в 1930-х гг. // Вопросы истории. 2023. № 12. С. 82–95.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы) / отв. ред. С.А. Красильников. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 600 с.*

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 440 с.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 912 с.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 1120 с.

Полянский Е.В. Деятельность государственных комплексных организаций в 1920–1930 гг. по организации арктического судоходства на Енисее // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 187–198.

Раков А.А. Спецпереселенцы на Урале в 1930-е гг.: генезис и динамика региональной подсистемы принудительного труда // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 28–29 октября 2011 г.) М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 417–432.

Северные морские пути России / коллект. монограф. под ред. В.В. Васильевой и К.А. Гавриловой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 672 с.

Сибирцев Н., Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1936. 231 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова и др. Новосибирск: Сибирская издательская фирма, 1992. 283 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова и др. Новосибирск, ЭКОР, 1994. 310 с.

Теляков А.Г. «Охранное отделение» режимной экономики: комендантский корпус спецпоселений в Сибири (1930-1940-е гг.) // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 450-468.

Хлевнюк О.В. ГУЛАГ – не-ГУЛАГ. Взаимодействие единого // Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст. СПб.: Academic Studies Press/БиблиоРос-сика, 2020. С. 49-80.

Чернышева Н.В., Буцких М.В. Сельскохозяйственные переселения в СССР середины 1920-х – начала 1950-х годов: основные этапы, масштабы и результаты // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 63–73.

Alagozkyzy G. A policy of 'dekulakization' and deportations from the republic: on the example of special resettles // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. Vol. 140, № 3, pp. 122–135.

Gruber R. I went to the Soviet Arctic. New York: The Viking Press, 1944. 285 p.

Josephson P.R. The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 441 p.

McCannon J. Red Arctic: polar exploration and the myth of the north in the Soviet Union. New York: Oxford University Press, 1998. 234 p.

Schweitzer P, Povorozhuyk O, Schiesser S. Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and the built environmental in the Russian North // The Polar Journal. 2017. Vol. 7, No 1, pp. 58–85.

Smolka H.P. Forty Thousand against the Arctic: Russia's Polar Empire. London: Hutchinson & Co, 1938. 288 p.

References

Alagozkyzy, G.A (2022). Policy of 'Dekulakization' and Deportations from the Republic: On the Example of Special Resettles. In *Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. Vol. 140, No. 3, pp. 122–135.

Belov, M.I. (1969). *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti*. T. 4: Nauchnoe i khozyaystvennoe osvoenie Sovetskogo Severa. 1933–1945 [History of Discovery and Development of the Northern Sea Route. Vol. 4. Scientific and Economic Development of the Soviet North]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 616 p.

Berdinskikh, V.A. (2017). *Sistema spetspereseleniy v Sovetskom Soyuze, 1930–1950-kh godov* [The System of Special Resettlements in the Soviet Union in the 1930s–1950s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 503 p.*

Boyakova, S.I., Komleva, E.V. (Eds.). (2011). *Izuchenie i osvoenie Arkticheskoy zony Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: sbornik dokumentov i materialov* [Study and Development of the Arctic Zone of Russia in the 18th – Early 21st Centuries: Collection of Documents and Materials]. Novosibirsk, Sibirskoye nauchnoe izdatel'stvo. 329 p.

Chernysheva, N.V., Butskikh, M.V. (2025). Selskokhozyaystvennye pereseleniya v SSSR serediny 1920-kh – nachala 1950-kh godov: osnovnye etapy, masshtaby i rezul'taty [Agricultural Resettlement in the USSR in the Mid-1920s – Early 1950s: Main Stages, Scale and Results]. In *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal*. No. 1, pp. 63–73.

Emelina, E., Sfinov, M., Filin, P. (Eds.). (2019). *Karskie operatsii 1920–1930-kh godov. Sbornik dokumentov iz arkhiva kompanii "Sovfrakht"* [Kara Operations of 1920–1930s. Collection of Documents from the Sovfracht Archive]. Moscow, Paul'sen. 296 p.

Gruber, R. (1944). *I went to the Soviet Arctic*. New York, The Viking Press. 285 p.

Ignatova, N.M. (2023). Spets(trud)poselki kak naselennye punkty v 1930-e gody (na materialakh Respubliki Komi) [Special (Labour) Settlements as Settlements in the 1930s (On the Materials of the Komi Republic)]. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 8, pp. 52–60.

Josephson, P.R. (2014). *The Conquest of the Russian Arctic*. Cambridge, Harvard University Press. 441 p.

Khlevnyuk, O.V. (2020). GULAG – ne-GULAG. Vzaimodeystvie edinogo [GULAG – Non-GULAG. Interaction of the Unified]. In *Fenomen GULAGa: interpretatsii, sravneniya, istoricheskiy kontekst*. St. Petersburg, Academic Studies Press / BiblioRossika, pp. 49–80.

Korsakova, O.V. Pravovoe polozhenie krest'yan-spetspereselentsev v 1930-e gody [Legal Status of Special Resettlement Peasants in the 1930s]. In *Problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh statey*. Krasnoyarsk, Univers, pp. 12–21.

Krasil'nikov, S.A. (2003). *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 228 p.

Krasil'nikov, S.A. (2010). *Korni i shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri v 1930-kh – nachale 1950-kh gg* [Roots and Splinters. Peasant Family on Special Settlement in Western Siberia in the 1930s – Early 1950s]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 327 p.

Krasil'nikov, S.A. (2023). Chetvert' veka krest'yanskoy ssylki: itogi repressirovannogo raskrest'yanivaniya (1930–1954) [A Quarter of a Century of Peasant Exile: Results of Repressed Peasantisation (1930–1954)]. In *1953-y. Podvedenie itogov i vybor puti: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Yekaterinburg, 21–24 iyunya 2023 g.)*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina, pp. 312–320.

Krasil'nikov, S.A., Golikov, Yu.I., Pinkin, V.I. (2017). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginalised People in Society. Marginalised People as a Society. Siberia (1920s–1930s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 600 p.

Krasil'nikov, S.A., Kuznetsova, V.L. (Eds.). (1992). *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1930 – vesna 1931 g.* [Special Settlers in Western Siberia. 1930 – Spring 1931]. Novosibirsk, Sibirskaya izdatel'skaya firma. 283 p.

Krasil'nikov, S.A., Kuznetsova, V.L. (Eds.). (1994). *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1933–1938 gg.* [Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1933–1938]. Novosibirsk, EKOR. 310 p.

Krasil'nikov, S.A., Ushakova, S.N. (2003). Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii. Itogi “pervoy pyatiletki” (1931–1935 gg.) [Peasant Family on Special Settlement. The Results of the “First Five-Year Plan” (1931–1935)]. In *Adaptatsiya naseleniya v Sibiri: etapy, mekhanizmy, rezul'taty*. Novosibirsk, GUP RPO SO RASKhN, pp. 72–86.

Lobchenko, L.N., Pankratova, M.E., Yashina, A.N. (2023). Osobennosti formirovaniya, organizatsii i razvitiya selskogo khozyaystva v spetsposelkakh Severnogo kraya v 1930-kh gg. [Features of Formation, Organisation and Development of Agriculture in Special Settlements of the Northern Territory in the 1930s]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 82–95.

McCannon, J. (1998). *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union*. New York, Oxford University Press. 234 p.

Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 440 p.

Pokrovskaya, N.N. (Ed.). (2005). *Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: v 2 knigakh. Kniga 1* [Politburo and the Peasantry: Expulsion, Special Settlement. 1930–1940: In 2 books. Book 1]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 912 p.

Pokrovskaya, N.N., Danilov, V.P., Krasil'nikov, S.A., Viola, L. (Eds.). (2006). *Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: v 2 knigakh. Kniga 2* [Politburo and the Peasantry: Expulsion, Special Settlement. 1930–1940: In 2 books, Book 2]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 1120 p.

Polyanskiy, E.V. (2021). Deyatel'nost' gosudarstvennykh kompleksnykh organizatsiy v 1920–1930 gg. po organizatsii arkticheskogo sudokhodstva na Yenisee [Activities of State Complex Organisations in 1920–1930 to Organise Arctic Navigation on the Yenisei]. In *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal*. No. 1, pp. 187–198.

Rakov, A.A. (2013). Spetspereselentsy na urale v 1930-e gg.: genezis i dinamika regional'noy podsystemy prinuditel'nogo truda [Special Settlers in the Urals in the 1930s: Genesis And Dynamics of the Regional Subsystem of Forced Labour]. In *Istoriya stalinizma: prinuditel'nyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat': materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moscow, 28–29 oktyabrya 2011 g.)*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 417–432.

Schweitzer, P, Povorozhuyk, O, Schiesser, S. (2017). Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environmental in the Russian North. In *The Polar Journal*. Vol. 7, No. 1, pp. 58–85.

Sibirtsev, N., Itin, V. (1936). *Severnyy morskoy put' i Karskie ekspeditsii* [Northern Sea Route and the Kara Expeditions]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe kraevoe izdatel'stvo. 231 p.

Smolka, H.P. (1938). *Forty Thousand against the Arctic: Russia's Polar Empire*. London, Hutchinson & Co. 288 p.

Teplyakov, A.G. (2013). “Okhrannoe otделение” rezhimnoy ekonomiki: komendantskiy korpus spetsposeleniy v Sibiri (1930–1940-e gg.) [The “Security Department” of the Regime Economy: The Commandant Corps of Special Settlements in Siberia (1930s–1940s)]. In *Istoriya stalinizma: prinuditel'nyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat': materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moscow, 28–29 oktyabrya 2011 g.)*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 450–468.

Tsarevskaya-Dyakina, T.V. (Ed.). (2004). *Istoriya Stalinskogo GULAG. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sobranie dokumentov v 7 tomakh. Tom 5: Spetspereselentsy v SSSR* [History of Stalin's GULAG. The End of the 1920s – the First Half of the 1950s: Collection of Documents in 7 Vols. Vol. 5. Special Resettlers in the USSR]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 824 p.

Vasil'eva, V.V., Gavrilova, K.A. (Eds.). (2023). *Severnye morskoe puti Rossii* [Russia's Northern Sea Routes]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 672 p.

Viola, L. (2010). *Krest'ianskiy GULAG: mir stalinskikh spetsposeleniy* [Peasant GULAG: The World of Stalin's Special Settlements]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 335 p.

Zamyatina, N.Yu. (2020). Severnyy gorod-baza: osobennosti razvitiya i potentsial osvoeniya Arktiki [Northern Base City: Peculiarities of Development and Potential for Arctic Exploration]. In *Arktika: ekologiya i ekonomika*. No. 2, pp. 4–17.

* Материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом Юрием Сергеевичем Пивоваровым либо касается деятельности иностранного агента Юрия Сергеевича Пивоварова.

** Материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом Яном Збигневичем Рачинским либо касается деятельности иностранного агента Яна Збигневича Рачинского.

Т.П. Тетеревлева
Е.Е. Шурупова*

«...ХЛЕБОРОБЫ, НЕЗНАКОМЫЕ НИ С МОРЕМ,
НИ С ЛЕСОМ»: СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
И РАЗВИТИЕ ЙОДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В СЕВЕРНОМ КРАЕ В 1930-Х ГОДАХ

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-13
УДК 94(47).084.6

Выходные данные для цитирования:
Тетеревлева Т.П., Шурупова Е.Е. «...Хлеборобы, незнакомые ни с морем, ни с лесом»: спецпереселенцы и развитие йодной промышленности в Северном крае в 1930-х годах // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 150–162.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-13.pdf>

T.P. Teterevleva
E.E. Shurupova*

“...FARMERS UNFAMILIAR WITH SEA
OR FOREST”: SPECIAL SETTLERS
AND THE DEVELOPMENT OF THE IODINE INDUSTRY
IN THE NORTHERN REGION IN THE 1930S

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-13

How to cite:
Teterevleva T.P., Shurupova E.E. “...Farmers Unfamiliar with Sea or Forest”: Special Settlers and the Development of the Iodine Industry in the Northern Region in the 1930s // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 150–162.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-13.pdf>]

Abstract. The article explores the role of special settlers (spetsposelentsy) in the development of the iodine industry in the Northern Region (Severnyy Krai) during the 1930s – an important yet insufficiently studied aspect of Soviet industrialization and natural resource exploitation in the Arctic region. Based on a comprehensive analysis of archival sources, the authors reconstruct the socio-economic conditions and organizational mechanisms that shaped the operation of the special settlement system within the distinctive natural and climatic environment of the Northern Krai. The study focuses primarily on the utilization of special settlers’ labor – mainly dekulakized peasants from the southern and central regions of the USSR – for the harvesting and processing of seaweed, the essential raw material for iodine production. The labor of special settlers was characterized by pronounced seasonality, harsh living conditions, and inadequate provision of production means, which reduced overall productivity. The authors analyze infrastructural shortcomings, including shortages of housing, food supplies, clothing, tools, and transportation. The article also assesses the economic efficiency of the Northern Krai’s iodine industry, noting that despite substantial state investments and the mobilization of special settler labor, the sector faced chronic difficulties related to logistics, the seasonal nature of the raw material base, and insufficient workforce qualifications. The authors identify an evolution in the organizational model of special settlements within the industry – from a “hybrid” system combining features of special settlements and workers’ villages to informal artel associations based on elements of self-sufficiency and agricultural production. This transformation is interpreted as an attempt to adapt the special settlement system to the specific needs of the iodine industry and to improve the living and working conditions of special settlers. Ultimately, the study demonstrates that the iodine industry of the Northern Krai in the 1930s constituted a complex socio-economic phenomenon situated at the intersection of industrialization challenges, special settlement policies, and resource development under extreme environmental conditions.

* **Татьяна Павловна Тетеревлева**, кандидат исторических наук, доцент, Северный (Арктический) государственный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: t.teterevleva@narfu.ru

Tatyana Pavlovna Teterevleva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: t.teterevleva@narfu.ru

Елена Евгеньевна Шурупова, кандидат исторических наук, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, Соловки, Россия, e-mail: shurupova_el@rambler.ru

Elena Evgenievna Shurupova, Candidate of Historical Sciences, Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve, Solovki, Russia, e-mail: shurupova_el@rambler.ru

Keywords: special settlers, iodine industry, Northern Region, 1930s, Soviet industrialization, forced labor, involuntary migration.

The article has been received by the editor on 05.08.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается роль спецпереселенцев в развитии йодной промышленности Северного края в 1930-х годах – важного, но недостаточно исследованного направления советской индустриализации и освоения природных ресурсов в Арктическом регионе. На основе комплексного анализа архивных источников авторы реконструируют социально-экономические условия и организационные механизмы, определявшие функционирование системы спецпоселений в специфических природно-климатических условиях Северного края. Основное внимание уделено использованию труда спецпереселенцев, в основном раскулаченных крестьян из южных и центральных районов СССР, для заготовки и переработки водорослей – необходимой сырьевой базы для производства йода. Трудовая деятельность спецпереселенцев характеризовалась высокой сезонностью, тяжелыми бытовыми условиями и недостаточным обеспечением средствами производства, что снижало производственную эффективность. Авторы анализируют инфраструктурные проблемы: дефицит жилья, продовольствия, одежды, инструментов и транспортных средств. Авторы также анализируют экономическую эффективность йодной промышленности Северного края, отмечая, что, несмотря на значительные государственные инвестиции и мобилизацию спецпереселенческого труда, отрасль испытывала хронические трудности, связанные с логистикой, сезонностью сырьевой базы и недостаточной квалификацией рабочей силы. В статье выявляется эволюция организационной модели спецпоселений в отрасли – от «гибридной» системы, сочетающей черты спецпоселений и рабочих поселков, к неуставным артельным объединениям, основанным на элементах самообеспечения и сельскохозяйственного производства. Эта трансформация рассматривалась как попытка адаптировать систему спецпоселений к специфике йодной промышленности и улучшить условия жизни и труда спецпереселенцев. В результате исследование демонстрирует, что йодная промышленность Северного края 1930-х гг. была сложным социально-экономическим феноменом на пересечении проблем индустриализации, политики спецпереселений и освоения природных ресурсов в экстремальных условиях.

Ключевые слова: спецпереселенцы, йодная промышленность, Северный край, 1930-е годы, советская индустриализация, принудительный труд, вынужденная миграция.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025 г.

Актуальность исследования, посвященного развитию йодной промышленности в Северном крае в 1930-х гг. с использованием труда спецпереселенцев, обусловлена несколькими важными факторами. Тема принудительных миграций и их роль в экономическом освоении отдаленных регионов Советского Союза остается одной из значимых в современной отечественной исторической науке, однако до настоящего времени внимание исследователей сосредоточивалось преимущественно на лесозаготовительной и лесоперерабатывающих отраслях, в то время как использование труда спецпереселенцев в йодной промышленности практически не изучено. Йодное производство на Севере, являвшееся стратегически важным направлением развития советской промышленности, создавалось в сложных природно-климатических условиях, что представляет особый интерес для историков труда и экономики, а также для изучения адаптации спецпереселенцев к новым

условиям. Спецпереселенцы, в основном раскулаченные крестьяне, были депортированы в отдаленные регионы с ограничением свободы передвижения и лишением ряда гражданских прав, что формировало особый социальный статус данной категории населения¹. Они проживали в специально организованных поселениях, находясь под постоянным надзором органов НКВД и спецкомендатур. Условия перевозки и размещения спецпереселенцев были тяжелыми: высокая смертность в пути, недостаток продовольствия и жилья, а также необходимость начинать хозяйственную деятельность «с нуля» на необжитых местах, что дополнительно осложняло процесс освоения и использования их труда в промышленности.

Историография и источники. Исследование принудительных миграций и экономики, основанной на принципах мобилизации трудовых ресурсов и использовании принудительного труда, занимает важное место в современной отечественной и зарубежной историографии. Научный интерес к данной проблематике значительно возрос с момента рассекречивания архивных фондов в конце XX – начале XXI в., что позволило получить обширный эмпирический материал, прежде всего по истории ГУЛАГа, именно поэтому в центре внимания историков оказывалась в первую очередь «лагерная» экономика.

Историки единодушны в признании принудительного труда как неотъемлемой части советской индустриализации в межвоенный период. Однако интерпретации его экономической эффективности и роли в развитии народного хозяйства остаются предметом дискуссий. Одни исследователи, включая Р.А. Медведева и представителей более поздних поколений, таких как О.В. Хлевнюк и Г.М. Иванова, указывают на огромные экономические издержки и низкую производительность экономики, основанной на принудительном труде, подчеркивая, что использование подневольного труда сопровождалось значительными потерями человеческих ресурсов и материальными затратами². С другой стороны, ряд отечественных и зарубежных исследователей (А.Б. Суслов, С.А. Красильников, И.Н. Федотова, М. ван дер Линден и др.³) рассматривают принудительный труд как инструмент достижения политико-экономических целей, главным образом форсированной индустриализации и освоения ресурсов отдаленных регионов страны. В данном случае эффективность экономики, построенной на принудительном труде, рассматривается не только через призму экономической целесообразности, но и с учетом мобилизационного потенциала такого труда: высокой подвижности рабочей силы, низкой стоимости и способности сосредоточивать ресурсы на стратегически значимых объектах в суровых природно-климатических условиях. Такой подход позволяет понять, что государство ставило во главу угла достижение производственного эффекта и выполнение планов, а не повышение экономической эффективности в классическом понимании.

Современные исследователи предлагают рассматривать эффективность экономики принудительного труда в политико-экономическом контексте, учитывая приоритеты советского руководства, ориентировавшегося на скорейшее достижение индустриальных

¹ Терминология менялась: до 1934 г. – «спецпереселенцы», в 1934–1944 гг. – «трудпоселенцы», с 1944 г. – «спецпоселенцы». Все эти термины обозначали примерно одинаковый контингент – депортированных, которых высылали в специально организованные спецпоселения с ограничением свободы передвижения и некоторых гражданских прав, хотя формально они не были заключенными. Система спецпоселений существовала с начала 1930-х до начала 1950-х гг. и была уникальным явлением, характеризующимся сочетанием массовых депортаций, лишения гражданских прав и использования принудительного труда.

² Медведев Р.А. К вопросу о природе и роли ГУЛАГа в советской экономике // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 45–67; Хлевнюк О.В. ГУЛАГ и советская индустриализация. М., 2004. С. 123–150; Иванова Г.М. Экономика принудительного труда в СССР: бухгалтерско-финансовый анализ // Архивы России. 2008. № 2. С. 78–102; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008; и др.

³ Суслов А.Б. Принудительный труд и индустриализация СССР // Исторический журнал. 2010. № 4. С. 33–58; Суслов А.Б. Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных концепциях 1930-х гг. // Отечественная история. 2004. № 5. С. 81–96; Красильников С.А. ГУЛАГ как экономический феномен // Вестник истории. 2012. № 1. С. 12–40; Федотова И.Н. Принудительный труд как инструмент форсированной индустриализации советской экономики: на примере создания Северной топливной базы СССР в конце 1920-х – начале 1940-х гг. // Преступление, наказание, исправление: сб. тез. Рязань, 2019. Т. 10. С. 153–159; Van der Linden M. Forced Labour and Non-Capitalist Industrialization: The Case of Stalinism (1929–1956) // Free and Unfree Labour. The Debate Continues. Bern, 1997. P. 351–362; и др.

и военно-промышленных целей. В этой связи подневольный труд рассматривался как инструмент мобилизации ресурсов, незаменимый в условиях дефицита свободной рабочей силы, инфраструктуры и времени.

Экономической стороне системы спецпереселений в данном контексте уделялось меньше внимания. Исключение составляют труд В.Н. Земскова и коллективная монография В.А. Бердинских, И.В. Бердинских и В.И. Веремьева – фундаментальные исследования эволюции системы спецпоселений в СССР 1930–1950-х гг., впервые комплексно анализирующие ее инфраструктуру и экономические параметры⁴.

Вместе с тем вопрос о том, в какой мере труд спецпереселенцев может быть квалифицирован как принудительный, до сих пор остается дискуссионным. Дело в том, что, по справедливому замечанию С.А. Красильникова, «трагедия спецпереселенцев была в том, что формально они не считались репрессированными и не лишались свободы, но фактически являлись таковыми, поскольку утрачивали гражданское право (поражение в избирательных правах) и права на передвижение (запрещение покидать спецпоселки)»⁵. При этом система распределения спецпереселенцев рассматривалась как источник дешевой и мобильной рабочей силы, необходимой для освоения отдаленных и труднодоступных территорий, включая Север и Сибирь, что было важным для реализации стратегических экономических задач государства⁶. Что касается развития водорослевой промышленности и йодного производства на Севере, то их история освещалась фрагментарно⁷, при этом использование труда спецпереселенцев на йодном производстве не было предметом отдельного исследования⁸.

Таким образом, историография вопроса демонстрирует широкий спектр подходов – от критики экономической неэффективности принудительного труда и социальных издержек спецпереселений до признания важности системы принудительного распределения трудовых ресурсов как мобилизационного механизма форсированной индустриализации. Важным остается комплексное рассмотрение данного феномена с учетом политических, экономических и социальных факторов эпохи, а также отраслевой и региональной специфики. Это определило цель и задачи данной статьи – выявить масштабы и особенности использования труда спецпереселенцев в развитии йодной промышленности Северного края в 1930-х гг., проанализировать социально-экономические и организационные условия труда и оценить их влияние на эффективность йодного производства в сложных природно-климатических условиях региона.

Источниковой основой исследования стали документы из Государственного архива Архангельской области (ГААО), а именно фондов Жижгинского йодного завода, Северного краевого института промышленных изысканий, Северного краевого совета народного хозяйства, Плановой комиссии Северного краевого исполнительного комитета, Северной краевой рабоче-крестьянской инспекции, Северного краевого исполнительного комитета и т.д. В этих фондах отложилась в основном делопроизводственная документация, при этом ее анализ

⁴ Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Сыктывкар, 2015.

⁵ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 118.

⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003; Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе...

⁷ О добычании йода на Мурмане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 9. С. 380–381; Марциновский И.В. Йодное дело на Севере // Хозяйство Севера. 1930. № 2. С. 80–98; Виноградов В.А. Йод и его получение в Северном крае. Архангельск, 1933; Гемп К.П., Кулебякин А.С. Водорослевая промышленность на Белом море за 40 лет // Бюллетень технико-экономической информации. 1958. № 1. С. 7–8; Чирцова М.Г. Организация производства йода из беломорских водорослей в период Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: мат-лы Междунар. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)». Архангельск, 2014. С. 282–284; Шабалина О.В. Из истории йодного производства в Кольском Заполярье // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 6 (25). С. 43–54; Шурупова Е.Е. Добыча и переработка водорослей на Севере в 1920-х годах: деятельность товарищества «Беломорское йодное производство» и Беломорской йодной экспедиции // Соловецкий сборник. Вып. 19. Архангельск, 2023. С. 149–167.

⁸ Воспоминания о труде спецпереселенцев на заготовке водорослей приводятся в работе: Излом. Книга памяти спецпереселенцев Онежского полуострова. Архангельск, 2023.

выявляет преобладание плановой документации над отчетной, что требует критического подхода и сопоставления с другими источниками. Персональный состав спецпереселенцев, занятых на йодном производстве, отчасти возможно установить на основе документов ведомственных архивов, прежде всего Информационного центра Управления МВД по Архангельской области и Регионального управления ФСБ России по Архангельской области.

Анализ архивных документов позволяет выявить социально-экономические и организационные проблемы, связанные с расселением и использованием труда спецпереселенцев в новых отраслях промышленности, что вносит вклад в понимание механизмов функционирования советской системы принудительной миграции и принудительного труда и способствует более глубокому осмыслению процессов индустриализации, а также социально-демографических трансформаций в Северном крае в 1930-е гг.

Добыча водорослей и производство йода на Севере России. Становление йодной промышленности на Белом море проходило в сложных условиях. Одной из главных проблем была заготовка золы, полученной путем пережигания водорослей, выброшенных на берег штормом. С одной стороны, это было довольно просто, подсушивать и сжигать водоросли могли даже старики, женщины и подростки. Но, с другой стороны, при пережигании необходимо было соблюдать ряд условий, а заготовщиков золы не хватало в силу малой заселенности берегов Белого моря.

Первый йодный завод открылся в 1918 г. в Архангельске, расположенном довольно далеко от Белого моря. Такое местоположение завода было выбрано из соображений безопасности. И транспортная проблема проявила себя в полной мере: наладить надежную логистику доставки золы с побережья в город не удалось. Вскоре предприятие закрылось в связи с отсутствием сырья и дороговизной получаемого продукта.

В разгар нэпа к идее получения йода из водорослей Белого моря вернулись. Бывшие работники Архангельского йодного завода организовали Товарищество беломорских водорослей и перенесли производство на остров Жижгин, на котором ранее были печи для пережога водорослей⁹. Сам остров небольшой, с изрезанной береговой линией, глубокими бухтами, куда, согласно многолетним наблюдениям, во время штормов море выбрасывает массу водорослей, что позволяло надеяться на большой объем заготавливаемого сырья. Учредители Товарищества рассчитывали получить значительную прибыль, поскольку проблема обеспечения отечественным йодом все еще стояла остро.

Водоросли заготавливали как на Жижгине, так и на материковом побережье Белого моря. Большую часть золы получали так называемым коммерческим способом – скупая ее у местного населения. Для жителей побережья была разработана небольшая памятка с подробными разъяснениями того, как правильно организовать сбор и пережог водорослей. В беломорские деревни были отправлены инструкторы, которым предстояло обучить местных жителей заниматься заготовкой золы и примерно рассчитать, сколько может быть поставлено золы на заводы¹⁰.

Однако местное население неохотно откликалось на предложения о заготовке водорослей. Для получения 1 кг йодсодержащей золы нужно было сжечь около 500 кг водорослей. Если водоросли после шторма несколько дней лежали на берегу, а потом шли дожди, то в них йода почти не оставалось. При этом приемка золы на Жижгине была строгой: зола должна была содержать не менее 0,2 % йода. Местные крестьяне, потратив время, силы, дрова, могли вообще не получить денег за сданную золу. Проверить золу на наличие в ней йода в домашних условиях было сложно. В итоге освоить тонкости процесса заготовки и пережога водорослей оказалось под силу лишь единицам. Большинство же местных жителей предпочитали другие виды дополнительного заработка, например на лесозаготовках или на рыбных промыслах.

⁹ Шурупова Е.Е. Добыча и переработка водорослей... С. 149–167.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. Р-603. Оп. 1. Д. 309. Л. 4.

Неоднократно предпринимались попытки организовать сбор водорослей и пережигание их на золу силами заключенных Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН). Однако руководство лагеря считало заготовку сырья для йодных заводов делом нерентабельным по затратам рабочей силы в летний сезон по сравнению с расценками на золу, которые зависели от процента содержания йода¹¹. Зола, которую поставляли Соловки, была низкого качества, содержала 0,166 % йода в золе (средний – 0,25 %) и около 6,4 % примесей – песка, камней и пр.¹²

Несмотря на это, проводились научные исследования штормовых выбросов на Соловецких островах: Архангельский институт промышленных изысканий, в который перешли работать члены Товарищества беломорских водорослей, смог договориться с представителями Соловецкого общества краеведения о проведении необходимых замеров. Острова были разбиты на участки, куда направили наблюдателей. В их задачи входило составление карт и регулярные замеры куч выброшенных водорослей.

Себестоимость кристаллического йода по-прежнему оставалась высокой, из-за этого производство не окупалось. В условиях перехода к индустриализации появилась идея перехода от кустарной добычи водорослей и производства йода к промышленному и усиления роли в них государственных структур. Членам Беломорского йодного товарищества в конце 1920-х гг. удалось вывести решение вопроса производства йода и на уровень губернии, и на уровень центра. Но Архангельский губернский Производсоюз, в ведении которого было руководство всеми производственными кооперативами и кустарями, не мог выделить достаточно кредитов, чтобы поддержать развитие йодной промышленности. Вопрос решился в Москве: в феврале 1929 г. состоялось заседание ЭКОСО РСФСР «О производстве йода в СССР», на котором была утверждена невиданная прежде норма выработки в 1930/1931 г. – 115 тонн йода, создано Йодное бюро, производство йода передано тресту Госмедторгпром и выделены средства¹³.

К началу 1930-х гг. выявился основной круг проблем, которые следовало решить, чтобы сделать добычу йода рентабельным производством: усовершенствовать конструкцию водорослесжигательных печей; построить печи в местах, где бывает много штормовых выбросов; не рассчитывать только на шторма, добывать водоросли драгами. Для этого планировалось строить небольшие морские суда – боты и ёлы, оборудовать причалы лебедками, чтобы принимать драгированные водоросли, механизировать доставку их к печам. К тому времени йодный завод перешел на метод брожения, который был более энергоемким (дрова), но позволял сохранять больший процент йода.

Печной метод заготовки золы по сравнению с костровым давал лучший результат с меньшим процентом примесей, однако для постройки печей требовался огнестойкий кирпич, который в Северном крае был в большом дефиците. Было несколько конструкций печей, которые постоянно совершенствовались, проходили испытания. Все печи должны были позволять сжигать даже сырые водоросли с минимальным количеством топлива (дров).

Нерешенной при этом оставалась проблема обеспечения заготовки водорослей рабочей силой. Колоссальный объем сырья, который требовался для производства запланированного количества йода, заготовить силами местного населения, привлекаемого на добровольной основе, было невозможно.

Формирование и функционирование спецпоселений в йодной промышленности Северного края в начале 1930-х гг. В начале 1930-х гг. в ходе раскулачивания большие партии крестьян из центральных и южных районов страны депортировали на Север, в Сибирь и другие малоосвоенные регионы. Труд спецпереселенцев начал активно использоваться в советской экономике.

Большая часть прибывших на Север раскулаченных работоспособных мужчин была отправлена на лесозаготовки. Вместе с тем по заявкам отдельных учреждений и ведомств

¹¹ ГААО. Ф. Р-737. Оп. 2 Н. Д. 4. Л. 128–128 об.

¹² Виноградов В.А. Йод и его получение в Северном крае. Архангельск, 1932. С. 11.

¹³ ГААО. Ф. Р-659. Оп. 2. Д. 106. Л. 151.

их направляли и в другие отрасли промышленности края. Так, в 1929 г. Товарищество беломорских водорослей отправило в Переселенческое бюро заявку сначала на 1 500 семей спецпереселенцев, потом заявку уменьшили до 800 семей, которых предполагалось использовать в качестве рабочей силы на заготовке водорослей. Можно предположить, что цифра была снижена почти вдвое из-за того, что для размещения спецпереселенцев практически ничего не было сделано: не построены бараки, не оборудованы места проживания и даже не было еще работы по заготовке золы, так как не были построены печи. Семейный коэффициент считался равным 5¹⁴, т.е. к йодному производству приписывалось около 4 000 человек, 2–3 поколения – от младенцев до стариков. При этом большую часть переселенцев составляли нетрудоспособные, дети, женщины, пожилые люди. Как сообщалось в секретной докладной записке на имя Сталина и Молотова, в целом по Северному краю «прибывшие в текущем году семьи спецпереселенцев в большинстве своем нетрудоспособные, т.к. трудоспособные главы этих семей заключены в концлагеря»¹⁵.

Условия договора с Переселенческим бюро предусматривали постройку к 1 сентября 1930 г. 100 домов на 8 квартир в местах заготовки золы. К 1 октября было построено только три дома, более того, из 40 тыс. бревен, необходимых для построек, было заготовлено только 10 тыс. Предполагалось, что заготовка всего необходимого для строительства (бревна, доски, кирпич) будет произведена силами спецпереселенцев, но зарплату за труд на строительстве поселков спецпереселенцам не платили и также не смогли эти работы организовать.

Плотников для строительства бараков набрали из местного населения, их не хватало, часто они отказывались работать, так как им обещали снабжение по высоким нормам Убеко-Север, но этого обещания не выполнили. Найти плотников среди спецпереселенцев не удалось: «Плотников среди переселенцев нет, так как контингент составляют в большинстве жители юга, степей, хлебоборы, незнакомые ни с морем, ни с лесом. Хотя при представлении заявки и заключении договора речь шла о приморских рыбаках и жителях больших сплавных рек. Эти обещания Переселенческим управлением не выполнены»¹⁶. Судя по отложившимся в архивах спискам работников йодных заводов, переселены на Север были в основном татарские (крымские и астраханские) и немецкие семьи.

Специфика труда спецпереселенцев на йодном производстве на островах Белого моря заключалась в выраженной сезонности работ и связанной с этой проблемой организации работы вне сезона заготовок водорослей. Непосредственно на йодном заводе работало не более двух десятков человек. При этом работа на йодном производстве не считалась вредной для здоровья, не предполагала дополнительной оплаты или повышенной нормы снабжения. Труд и на добыче водорослей, и на производстве йода был ручным и тяжелым с высокими нормами выработки.

В проекте, адресованном наркому пищевой промышленности РСФСР и содержащем предложения о комплексной переработке водорослей, указывалось: «...на Летнем берегу Белого моря, около острова Жижгин, в центре сырьевой базы водорослей построено четыре поселка, которые заселены переселенцами <...> в количестве 1 500 человек, из которых в производстве заготовок сырья – водорослей принимают участие до 1 000 человек, включая стариков и подростков. В зимнее время (с ноября по май) эта рабочая сила, ввиду отдаленности района о-ва Жижгина, остается неиспользованной, так как перебросить ее в другие районы очень трудно. На существующем теперь Жижгинском заводе зимой работает ничтожное количество – 20 человек»¹⁷.

Заготовка штормовых водорослей была возможна только в период с мая по начало ноября, т.е. в течение 6–7 месяцев года. Сезонность заготовки сохранялась и после перехода к драгированию¹⁸. В начале 1930-х гг. на период поздней осени и зимы «избыточное количе-

¹⁴ Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 114, 122.

¹⁵ ГААО. Ф. Р-1322. Оп. 2. Д. 17. Л. 21.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 43.

¹⁷ ГААО. Ф. Р-1457. Оп. 1. Д. 33. Л. 22–22 об.

¹⁸ Драгирование – процесс извлечения водорослей с морского дна, обычно с использованием специального оборудования, называемого драгой.

ство рабочих» в связи с прекращением заготовительного периода передавали в ведение спецпоселков, где рабочие трудились в мастерских (столярно-бондарной, пошивочной и др.). Весной золозаготовители должны были возвращаться на свои фабрики – места заготовки водорослей.

Таким образом, изначально в йодной промышленности на Белом море сложилась модель организации труда спецпереселенцев, представлявшая собой «гибрид спецпоселения и рабочего поселка, профиль хозяйственной деятельности в котором определялся сферами промышленного производства, строительства, транспорта и других неаграрных отраслей экономики»¹⁹. В данной модели всю ответственность за состояние, обеспечение и результаты производственной деятельности несла хозяйственная организация, эксплуатировавшая труд спецпереселенцев²⁰. В случае с Йодпромом это создавало серьезные сложности с обеспечением спецпоселков продуктами и товарами первой необходимости.

За Жижгинским йодным заводом было закреплено пять поселков: Кега, Лопатка, Конюхово, Сосновка и Кислуха. В 1932 г. спецпоселки Сосновка и Кислуха были переданы в ведение Севлеса²¹. Местная потребительская кооперация должна была обеспечивать переселенцев продовольственными и промышленными товарами, что, однако, оказалось серьезной проблемой. Переселенцам предоставлялись лошади, но не выделялся фураж. В отдельных случаях имелись и лошади, и фураж, однако отсутствовала упряжь, рамы с колесами («ходы»)²², и возможности их приобрести не было, поскольку, согласно законодательству, спецпоселения размещались в районах, удаленных от крупных населенных пунктов и дорог²³.

В конце апреля 1930 г. на заседании Краевой комиссии по расселению кулачества рассматривался вопрос о снабжении высланных на Север. Участники заседания отмечали, что нет ясности в системе и формах снабжения. Нормы снабжения, утвержденные наркоматом торговли, малы. Зарплата переселенцам была установлена в 75 % от их фактического заработка, а это в свою очередь снижало продпаяк. Но на сам продпаяк производилась 15%-ная наценка. Для неработающих норма продпаяка установлена 1 300 кал, для работающих – в зависимости от заработка²⁴. К тому же продовольствием спецпереселенцы снабжались через местную потребкооперацию, а поскольку поселки строились вдали от и без того малочисленных населенных пунктов, не было ясности в вопросе о том, кто будет строить торговые лавки. Кредитов на это потребкооперации не отпускали, а своих оборотных средств на капитальное строительство кооперация не имела. Вопрос решался преимущественно путем заброски в места расселения продовольствия из целевых фондов²⁵. Сплошь и рядом встречались нарушения и в торговле из лавок – когда поступившие товары распределяли «по своим», т.е. по местным жителям, а раскулаченным ничего не перепало.

Увеличивалась смертность среди спецпереселенцев от голода, в особенности среди детей. Подобная ситуация складывалась не только в йодной промышленности, но и в лесозаготовках. При выпечке хлеба в муку подмешивали опилки, мох, березовую кору, молотые кости. Ели кошек, собак и павших лошадей (которых все равно было нечем кормить). Ухудшилась криминальная ситуация, участились побегі, бродяжничество среди детей, кражи и даже убийства с целью грабежа²⁶. При этом стоит отметить, что никаких свидетельств о том, что водоросли использовались в пищу, не обнаружено ни в воспоминаниях,

¹⁹ Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 112.

²⁰ Там же.

²¹ Секретное соглашение было подписано между Полномочным представительством ОГПУ и трестом Севлес. Северйоду за это полагалась компенсация. ГААО. Ф. Р-1126. Оп. 2. Д. 21. Л. 198. Видимо, полная передача поселков не состоялась, так как в более поздних документах эти спецпоселки фигурируют как относящиеся к водорослевой промышленности.

²² ГААО. Ф. Р-621. Оп. 4. Д. 5. Л. 113.

²³ Постановление СНК РСФСР «О трудовом устройстве кулацких семей, выселенных в отдаленные местности и о порядке организации и управления специальными поселками». 13 октября 1930 г.

²⁴ ГААО. Ф. Р-621. Оп. 4. Д. 1. Л. 40.

²⁵ Там же. Л. 40 об.

²⁶ ГААО. Ф. Р-1322. Оп. 2. Д. 17. Л. 22–23.

ни в документах архива, хотя в начале 1930-х гг. в связи с недостатком поставки овощей в рыбокоопы предпринимались попытки внедрить в качестве «универсальной овощи» ламинарию – морскую капусту людям и в качестве корма молочному скоту: «...введение в практику питания населения морской капусты благоприятно отразится на общем здоровье этого населения»²⁷. В 1932 г. были проведены наблюдения за животными, в корм которых добавляли размолотые водоросли, в ходе них было установлено, что «животные, кормящиеся водорослями, проявляют не замечавшуюся за ними ранее игривость, выглядят бодрее»²⁸.

Для обеспечения бытовых нужд спецпереселенцев Йодное бюро формировало обширные заявки на пилы, топоры, чайники, кастрюли и аналогичные предметы. При этом полностью отсутствовало белье – как нательное, так и постельное. Одежды для защиты от сырости не предоставлялось, вследствие чего люди вынуждены были работать в промокшей одежде и обуви, не имея возможности должным образом их просушивать. В отчете отмечается, что зачастую отсутствовали даже самые элементарные предметы: «порой на Жижгине не бывает ни одной коробки спичек». В связи с невозможностью обеспечить работников резиновой обувью лапти были признаны специальной обувью для йодного производства и вопрос о поставках 25 тыс. пар решался через Москву²⁹.

Сложности с организацией труда и снабжения спецпереселенцев, занятых на добыче и переработке водорослей, объяснялись, в том числе, неясной отраслевой принадлежностью нового водорослевого производства. Выработка йода из водорослей исключительно по зольному методу не оправдывала себя экономически даже при наличии дешевой рабочей силы. Водорослевая лаборатория при Архангельском институте промышленных изысканий, позднее ставшая самостоятельным научно-исследовательским учреждением, настаивала на том, что нужно переходить на комплексный метод переработки водорослей – производство не только йода для медицинских нужд, но и другой продукции, в том числе пищевого агар-агара, что сближало йодное производство с аграрными отраслями экономики. В результате бюрократических перипетий из ведения Госмедторгпрома в 1933 г. завод был передан тресту «Костеобработка» Наркомата легкой промышленности, а затем в ведение Наркомпищепрома. В выписке из постановления СНК РСФСР от 3 февраля 1937 г. № 56 о составе трестов и предприятий республиканского значения, находящихся в ведении главных отраслевых управлений Наркомпищепрома РСФСР, перечислены среди прочих Архангельский водорослевый (агаровый) и Жижгинский водорослевый (йодный) заводы³⁰.

Одновременно с этим меняется модель организации труда спецпереселенцев, занятых на водорослевых заводах: происходит переход от «гибридной» модели к той, что предусматривала создание неуставных артелей и самообеспечение на основе занятий сельским хозяйством и близкими промыслами³¹. Создание таких артелей формально было добровольным, при этом предусматривалось «100 % использование всего трудоспособного населения артели и максимальное использование неполноценной рабочей силы из членов семейств в течение круглого года как на работах в артели, так и вне ее путем выделения свободной рабочей силы для нужд комендатур по строительству и организации трудпоселений»³²; в кооперативно-промысловых артелях никто из членов был «не вправе отказаться от порученной ему работы»³³.

²⁷ ГААО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 140. Л. 252.

²⁸ Там же. Д. 281. Л. 162.

²⁹ ГААО. Ф. Р-621. Оп. 4. Д. 5. Л. 50–54.

³⁰ ГААО. Ф. Р-737. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.

³¹ Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе... См. также: Хакимов Р.Ш. «Кулацкий колхоз» как экономический парадокс сталинской колхозной системы // Вестник ЧелГУ. 2020. № 6 (440). С. 169–177.

³² Инструкция ГУЛага ОГПУ и Наркомзема по организации неуставных сельскохозяйственных артелей из трудпоселенцев. Не позднее начала декабря 1933 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994. С. 49.

³³ Инструкция об организации неуставных кооперативно-промысловых артелей спецпереселенцев. 19 марта 1932 г. // Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Кн. II. М., 2006. С. 699.

В 1933 г. Краевой комитет партии и Крайисполком для устранения «крайне ненормальных и тяжелых явлений» в спецпоселениях отправили заявки на безвозвратные ссуды для освоения земель под сенокосы и огороды для спецпереселенцев³⁴. В сводной таблице «Показатели сельско-хозяйственного устройства по спецпоселкам Северного края» 1933 г. указано, что в подчинении Северохода находятся пять поселков с населением 1 561 человек (400 семей). Трудоспособными из них было 872 человека, детей 428, остальные – нетрудоспособные. При этих поселках было 27 га пашни, при том что по нормам обеспечения спецпереселенцев, определенным Краевым комитетом ВКП(б) и Краевым исполкомом, дополнительно требовалось 69,8 га, сенокосов 65 га (не хватало 153,3 га). Рабочих лошадей было всего 3, коров 17 (не хватало 41 коровы и 37 лошадей)³⁵. В 1934 г. на Жижгине была организована партячейка, взявшая под контроль обеспечение спецпереселенцев семенами, кроликами, телятами, кормами для животных³⁶.

Переход на новую модель организации труда спецпереселенцев, занятых на йодном производстве, породил и новые проблемы. Дело в том, что сезон заготовки водорослей совпадал с сезоном полевых работ, и спецпоселенцы с йодного завода как члены неуставных сельскохозяйственных артелей отвлекались на посевную, заготовку сена, уборку урожая. Так, летом 1939 г. правление колхоза поселка Кега просило отпустить на сенокос девять рабочих завода, которые закреплены в качестве рабсилы за колхозом, и выделить лошадей³⁷.

Кроме того, перед руководством йодного завода вставали многочисленные вопросы, связанные с неопределенностью статуса трудпоселенцев, работавших в неуставных артелях («кулацких колхозах»), но сезонно занятых на промышленном йодном производстве: как считать трудовой стаж сезонных работников, следует ли оплачивать отпуска, выплачивать пособия по болезни, по беременности и родам и другие социальные пособия³⁸.

Сложно решалась проблема финансирования «культурно-бытового обслуживания» спецпереселенцев. Из наркомата просвещения в январе 1932 г. пришло сообщение о том, что эти расходы должны ложиться на местный бюджет, на что Севкрайисполком ответил протестом в силу «чрезвычайной напряженности» финансовой ситуации в крае и 10 апреля 1932 г. направил ходатайство в Совнарком и Наркомпрос о выделении дополнительно из госбюджета 570 606 руб.³⁹ Были выделены запрашиваемые средства или нет, выяснить пока не удалось.

Летом 1933 г. по йодному заводу был объявлен ударный месячник (с 10 июля по 10 августа) «с поднятием культурно-массовой работы с культмассовым обслуживанием на должную высоту»⁴⁰. Переходящей наградой стал радиоприемник, который передавали на лучший участок.

К середине 1930-х гг. в поселках были открыты школы, детские сады, лекпункты, организована самодеятельность. На крупных участках также были организованы столовые, предпринимались попытки улучшить снабжение продуктами.

Неоднозначным был и вопрос о возможности и способах развития в Йодпроме социалистического соревнования, ударничества и стахановского движения. Угроза повышения норм выработки приводила к негативному отношению к стахановцам в рабочей среде: в частности в документах упоминается случай, когда стахановцу в золу подсыпали камней⁴¹. Скептицизм высказывала и часть руководства, говоря о том, что в силу специфики производства соцсоревнование должно проводиться только в сезон заготовки сырья, отмечая при этом, что «штурмовщина» негативно влияет на производство. Так, при проведении «стахановских суток» в марте 1936 г. заготовщики дров, возчики и столяры перевыполнили

³⁴ ГААО. Ф. Р-1322. Оп. 2. Д. 17. Л. 23–24.

³⁵ Там же. Л. 37.

³⁶ ГААО. Ф. П-2628. Оп. 1. Д. 25 Л. 21.

³⁷ ГААО. Ф. Р-2040. Оп. 1. Д. 1406. Л. 40.

³⁸ Там же. Д. 1403. Л. 7–7 об.

³⁹ ГААО. Ф. Р-621. Оп. 4. Д. 8. Л. 88–88 об.

⁴⁰ ГААО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 649. Л. 46.

⁴¹ ГААО. Ф. Р-2628. Оп. 1. Д. 27. Л. 39.

план в полтора раза⁴², но, как затем отметили на открытом партсобрании, «сутки прошли штормовщиной» и в следующие дни выработка упала на 15 %⁴³.

Таким образом, изучение особенностей использования труда спецпереселенцев в йодной промышленности Северного края 1930-х гг. помогает выявить многогранность и противоречивость советской модели индустриализации в отдаленных регионах. Несмотря на стратегическую значимость йодного производства и мобилизационный потенциал принудительного труда, реализация производственных задач осложнялась тяжелыми природно-климатическими условиями, неразвитой инфраструктурой и социально-экономическими проблемами, во многом обусловленными противоречивым статусом спецпереселенцев. Организация труда спецпереселенцев в йодном производстве, характеризующаяся сезонностью и переходом от гибридной модели «спецпоселение – рабочий поселок» к неуставным артелям с преобладанием самообеспечения, отражает попытки адаптации системы спецпоселений к отраслевой специфике.

Литература

Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 244 с.

Виноградов В.А. Йод и его получение в Северном крае. Архангельск: Сев. краев. изд-во, 1932. 28 с.

Гемп К.П., Кулебякин А.С. Водорослевая промышленность на Белом море за 40 лет // Бюллетень технико-экономической информации. 1958. № 1. С. 7–8.

ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008. 320 с.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

Иванова Г.М. Экономика принудительного труда в СССР: бухгалтерско-финансовый анализ // Архивы России. 2008. № 2. С. 78–102.

Излом. Книга памяти спецпереселенцев Онежского полуострова / сост. Я.Э. Харитонов; отв. ред. А.В. Яковлева. Архангельск, 2023. 229 с.

Красильников С.А. ГУЛАГ как экономический феномен // Вестник истории. 2012. № 1. С. 12–40.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2003. 285 с.

Марциновский И.В. Йодное дело на Севере // Хозяйство Севера. 1930. № 2. С. 80–98.

Медведев Р.А. К вопросу о природе и роли ГУЛАГа в советской экономике // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 45–67.

О добычании йода на Мурмане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 9. С. 380–381.

Суслов А.Б. Принудительный труд и индустриализация СССР // Исторический журнал. 2010. № 4. С. 33–58.

Суслов А.Б. Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных концепциях 1930-х гг. // Отечественная история. 2004. № 5. С. 81–96.

Федотова И.Н. Принудительный труд как инструмент форсированной индустриализации советской экономики: на примере создания Северной топливной базы СССР в конце 1920-х – начале 1940-х гг. // Преступление, наказание, исправление: сб. тез. в 10 т. Рязань, 2019. Т. 10. С. 153–159.

⁴² Сведения из критической статьи о том, что в Жижгинском водорослевом промхозе руководство считает, что стахановское движение среди спецпереселенцев невозможно (*Приморский*. Дьячков поддерживает «земляков» // Правда Севера. 1936. 23 марта. № 72).

⁴³ ГААО. Ф. П-2628. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.

Чирцова М.Г. Организация производства йода из беломорских водорослей в период Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы Междунар. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)». Архангельск: Изд-во САФУ, 2014. С. 282–284.

Шабалина О.В. Из истории йодного производства в Кольском Заполярье // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 6 (25). С. 43–54.

Шурупова Е.Е. Добыча и переработка водорослей на Севере в 1920-х годах: деятельность товарищества «Беломорское йодное производство» и Беломорской йодной экспедиции // Соловецкий сборник. Вып. 19. Архангельск: Строки, 2023. С. 149–167.

Van der Linden M. Forced Labour and Non-Capitalist Industrialization: The Case of Stalinism (1929-1956) // Free and Unfree Labour. The Debate Continues. Bern, 1997. P. 351–362.

References

(1916). O dobyvanii yoda na Murmane [On Iodine Extraction in Murman]. In *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. No. 9, pp. 380–381.

Berdinskiy, V.A., Berdinskiy, I.V., Veremyev, V.I. (2015). *Sistema spetsposeleniy v Sovetskom Soyuze 1930-kh godov* [The Special Settlement System in the Soviet Union in the 1930s]. Syktyvkar, IYaLI Komi NTs UrO RAN. 244 p.

Borodkin, L.I., Gregory, P., Khlevnyuk, O.V. (Eds.). (2008). *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economy of Forced Labor]. Moscow, ROSSPEN. 320 p.

Chirtsova, M.G. (2014). Organizatsiya proizvodstva yoda iz belomorskikh vodorosley v period Pervoy mirovoy voyny [Organization of Iodine Production from White Sea Seaweeds during the First World War]. In *Pervaya mirovaya voyna i Evropeyskiy Sever Rossii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Velikaya voyna i Evropeyskiy Sever Rossii (k 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny)"*. Arkhangel'sk, Izdatel'stvo SAFU, pp. 282–284.

Fedotova, I.N. (2019). Prinuditel'nyy trud kak instrument forsirovannoy industrializatsii sovetskoy ekonomiki: na primere sozdaniya Severnoy toplivnoy bazy SSSR v kontse 1920-kh – nachale 1940-kh gg. [Forced Labor as an Instrument of Accelerated Industrialization of the Soviet Economy: The Case of the Creation of the Northern Fuel Base of the USSR in the Late 1920s–Early 1940s]. In *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. Ryazan. Vol. 10, pp. 153–159.

Gemp, K.P., Kulebyakin, A.S. (1958). Vodoroslevaya promyshlennost na Belom more za 40 let [Seaweed Industry on the White Sea over 40 Years]. In *Bulleten' tekhniko-ekonomicheskoy informatsii*. No. 1, pp. 7–8.

Ivanova, G.M. (2008). Ekonomika prinuditelnogo truda v SSSR: bukhgaltersko-finansovyy analiz [The Economy of Forced Labor in the USSR: Accounting and Financial Analysis]. In *Arkhivy Rossii*. No. 2, pp. 78–102.

Kharitonova, Ya.E., Yakovleva, A.V. (Eds.). (2023). *Izlom. Kniga pamyati spetspereselentsev Onezhskogo poluostrova* [Fracture. The Memory Book of Special Settlers of the Onega Peninsula]. Arkhangel'sk. 229 p.

Krasilnikov, S.A. (2003). *Serp i Molokh. Krestyanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gg.* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN. 285 p.

Krasilnikov, S.A. (2012). GULAG kak ekonomicheskiy fenomen [GULAG as an Economic Phenomenon]. In *Vestnik istorii*. No. 1, pp. 12–40.

Martsinovskiy, I.V. (1930). Yodnoe delo na Severe [Iodine Production in the North]. In *Khozyaystvo Severa*. No. 2, pp. 80–98.

Medvedev, R.A. (1990). K voprosu o prirode i roli GULAGa v sovetskoy ekonomike [On the Nature and Role of the GULAG in the Soviet Economy]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 45–67.

Shabalina, O.V. (2014). Iz istorii yodnogo proizvodstva v Kol'skom Zapolyar'ye [From the History of Iodine Production in the Kola Arctic]. In *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*. No. 6 (25), pp. 43–54.

Shurupova, E.E. (2023). *Dobycha i pererabotka vodorosley na Severe v 1920-kh godakh: deyatelnost' tovarishchestva "Belomorskoe yodnoe proizvodstvo" i Belomorskoy yodnoy ekspeditsii* [Seaweed Harvesting and Processing in the North in the 1920s: Activities of the "Belomorsk Iodine Production" Partnership and the Belomorsk Iodine Expedition]. In *Solovetskiy sbornik*. Iss. 19. Arkhangelsk, Stroki, pp. 149–167.

Suslov, A.B. (2004). *Spetskontingent i prinuditel'nyy trud v sovetskih penitentsiarnykh kontseptsyakh 1930-kh gg.* [Special Contingent and Forced Labor in Soviet Penitentiary Concepts of the 1930s]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 5, pp. 81–96.

Suslov, A.B. (2010). *Prinuditel'nyy trud i industrializatsiya SSSR* [Forced Labor and Industrialization in the USSR]. In *Istoricheskiy zhurnal*. No. 4, pp. 33–58.

Van der Linden, M. (1997). *Forced Labour and Non-Capitalist Industrialization: The Case of Stalinism (1929–1956)*. In *Free and Unfree Labour. The Debate Continues*. Bern, pp. 351–362.

Vinogradov, V.A. (1932). *Yod i ego poluchenie v Severnom krae* [Iodine and Its Production in the Northern Region]. Arkhangelsk, Severnoe kraevoe izdatel'stvo. 28 p.

Zemskov, V.N. (2003). *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [Special Settlers in the USSR. 1930–1960]. Moscow, Nauka. 306 p.

С.Н. Адамян*

**АРМЯНСКИЕ СЕМЬИ В СОСТАВЕ
СПЕЦКОНТИНГЕНТА «ТУРКИ»:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ****doi:10.31518/2618-9100-2025-5-14
УДК 94(47).084.8+314.15

Выходные данные для цитирования:
Адамян С.Н. Армянские семьи в составе спецконтингента «турки»: социально-демографические характеристики // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 163–170. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-14.pdf>

S.N. Adamyan*

**ARMENIAN FAMILIES WITHIN
THE “TURKS” SPECIAL CONTINGENT:
SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS****

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-14

How to cite:
Adamyan S.N. Armenian Families within the “Turks” Special Contingent: Socio-Demographic Characteristics // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 163–170. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-14.pdf>]

Abstract. This article analyzes the sociodemographic characteristics of Armenian families deported to Tomsk Oblast in 1949. Their deportation and fate were only partially known, based on memoir sources. Chronologically, the study covers the second quarter of the 20th century, associated with the migration of former Turkish subjects to the USSR, changes in their status during the 1930s and 1940s, and their actual resettlement to Tomsk Oblast. Statistical materials from the Tomsk Oblast Ministry of Internal Affairs’ Department of Special Settlements for 1951–1956 were used as the primary source. They provided basic biographical information on the deported families, including full names, places of birth and residence, family composition, and the presence of available family members. The article also analyzes parameters such as the gender and age of the heads of deported families, place of residence, and family composition. Armenians constituted the third largest group in the “Turkish” special contingent. At the time of the deportation, the majority of the deported Armenian families lived in the Georgian SSR and Krasnodar Krai, primarily urban residents. These families were founded by migrants from the former Ottoman Empire, who had already been the subject of special attention by the authorities before the deportation, periodically subjecting them to purges. As part of the deportation, families of various types were deported, with nuclear families predominating. Thus, it appears that the “Turkish” Armenians are part of a combined special contingent, the basis for deportation of which is the former foreign citizenship of older family members. The Armenians in this contingent are representatives of diasporas, primarily living in the Georgian SSR.

Keywords: deportation, Armenian families, special contingent “Turks”, socio-demographic characteristics, statistical materials, Georgian SSR, Krasnodar krai.

The article has been received by the editor on 23.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сурен Норайрович Адамян**, аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, Новосибирск, Россия, e-mail: saiga12saiga12@gmail.com

Suren Norayrovich Adamyan, Postgraduate Student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, Novosibirsk, Russia, e-mail: saiga12saiga12@gmail.com

** Статья опубликована в рамках реализации проекта «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was published as part of the project “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-демографических характеристик депортированных в Томскую область в 1949 г. армянских семей, депортация и судьба которых была известна лишь частично за счет мемуарных источников. Хронологически исследование охватывает период второй четверти XX в., связанный с миграцией бывших турецкоподданных в СССР, изменение их статуса в течение 1930–1940-х гг. и непосредственное переселение в Томскую область. В качестве основного источника использованы статистические материалы отдела спецпоселений МВД Томской области за 1951–1956 гг., которые дали основную биографическую информацию о выселенных семьях – имена, место рождения и проживания, состав и наличие свободных членов семьи. В статье приводится анализ таких параметров, как пол и возраст глав депортированных семей, место проживания и состав семей. В «турецком» спецконтингенте армяне являлись третьей по численности группой. На момент депортации большая часть выселенных армянских семей проживала в Грузинской ССР и Краснодарском крае, являясь преимущественно жителями городов. Это были семьи, основанные мигрантами из бывшей Османской империи, к которым уже до депортации власти проявляли особое внимание и периодически подвергали чисткам. В рамках депортации выселялись семьи разных типов, среди которых преобладали семьи нуклеарного типа. Таким образом выходит, что армяне-«турки» – это часть комбинированного спецконтингента, основанием для депортации которого является бывшее иностранное подданство у старших членов семей. Армяне в его составе – это представители диаспор, проживавшие преимущественно в Грузинской ССР.

Ключевые слова: депортация, армянские семьи, спецконтингент «турки», социально-демографические характеристики, статистические материалы, Грузинская ССР, Краснодарский край.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025 г.

Россия, будучи многонациональным государством почти с самого начала своего существования, всегда сталкивалась с решением национальных конфликтов, как реальных, так и потенциальных. Особенно серьезные изменения в этой политике, равно как и связанные с ними последствия в виде массовых переселений, добровольных или насильственных, связаны с крупными трансформациями в обществе, и, по мнению сторонников концепции «политики населения» Холквиста¹, насилие к определенным группам, социальным или этническим, имеет явную цель – формирование определенного состава населения, а также имели своей целью функции социальной инженерии². Подобные концепции связаны прежде всего с теориями, направленными на осмысление опыта государств эпохи модерна, ярким примером которого был советский этап в истории нашей страны.

Первая половина XX в. для нашей страны характеризовалась массовыми миграциями населения. Немалая часть из них была связана с таким явлением, как принудительные миграции (депортации), инициированные властями. Крупные кампании по переселению народов инициировались с 1920-х по начало 1950-х гг. по разным причинам – от военной необходимости до практик обмена населением³. Также депортации рассматриваются и как инструмент национальной политики, целью которой было тушение возможных конфликтов⁴.

¹ Holquist P. State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // *Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework*. Stanford, 2003. P. 129–156.

² Ширер Д. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в Советском Союзе в 1920–1950 гг. // *История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г.)*. М., 2013. С. 208–217.

³ Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 46–52.

⁴ Бугай Н.Л. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011.

Одной из последних крупных депортаций стала операция «Волна», проведенная летом 1949 г. В ходе данной депортации было выселено около 58 тыс. чел. Основной ее целью стало выселение из советского Причерноморья греческого населения в Казахстан. Выселение этого национального однородного спецконтингента рассматривается некоторыми из исследователей как этническая чистка⁵, направленная на выдавливание из региона этнически чуждого населения. Помимо «греков», в ходе «Волны» с территорий республик Закавказья были депортированы две другие группы – «дашнаки» и «турки».

Однозначно связать депортацию «дашнаков» и «турков» с этническими чистками невозможно – этому противоречит как меньшее число выселяемых, особенно «турков», так и наличие характерного для послевоенных депортаций социального или политического аспекта, например членство в партии «Дашнакцутюн». Поиск оснований, из-за которых лица армянской национальности были депортированы в Западную Сибирь, является проблемой, решение которой лежит не только в анализе политической обстановки в Закавказье, но и в анализе депортированных групп.

Цель данной работы – это анализ социальных и демографических характеристик армянских семей в составе спецконтингента «турки». Армянские семьи были выбраны для анализа, поскольку отчасти эта часть «турков» имеет параллели с другим более крупным спецконтингентом – «дашнаками». Данная тема имеет под собой определенную базу, прежде всего созданную в процессе изучения всей операции «Волна». Среди опубликованных работ следует выделить сборники документов, публиковавшиеся группой исследователей, прежде всего Н.Н. Аблажей и Г. Харатян, на анализе которых данное исследование отчасти и построено. Этими сборниками документов в научный оборот введена статистика по депортированным спецконтингентам, в том числе и по туркам⁶. Исследователи выделили сразу три операции, которые были проведены в рамках кампании – «дашнакская», проводившаяся в АССР, «греческая», затронувшая греческое население Причерноморья, и «турецкая», под удар которой попали бывшие турецкоподданные из ГССР, АзССР и Краснодарского края нескольких национальностей: армяне, езиды, азербайджанцы и т.д. Также статья построена на материалах ИЦ МВД по Томской области, содержащих сведения по находившимся на спецпоселении «туркам»⁷. Это материалы отдела спецпоселений, которые, однако, нельзя в полной степени сопоставить с изначальными эшелонными списками.

Армяне в спецконтингенте «турки». Два из трех вывозимых в ходе «Волны» эшелонов имели в себе армянский элемент – «дашнаки» и «турки», общее число которых оценивается около 17 тыс. чел. На фоне общего числа «дашнаков» армяне из числа «турков» могут показаться лишь каплей в море – 642 чел., около 3–4 % от всего числа армян, что были депортированы в Западную Сибирь.

В самом спецконтингенте «турки» армяне были одним из ядер спецконтингента наряду с турками и ассирийцами, что образовывало третью по численности этническую группу в эшелоне. В докладе от 27 июня было указано: «По национальному признаку турок 1 256 чел. В составе турецких семей 149 чел. других национальностей, русских – 23, азербайджанцев – 24 и т.п. <...> В числе других национальностей, выселенных вместе с турками, но не входящих в состав турецких семей, числится ассирийцев – 1192, армян – 642, лазов – 344, азербайджанцев – 331, греков – 248, грузин – 132, абхазов – 50, курдов – 42, айсор – 39, евреев – 38, езидов – 41, русских – 36, прочих – 66»⁸. Есть сообщения о большем числе армян-«турков»⁹, однако эти сообщения можно списать как на искаженное восприятие

⁵ Джуха И.Г. Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против в греков в СССР. Депортации 1940-х гг. СПб., 2008. 557 с.

⁶ Харатян Г. Выселение армян «навечно» 1949 года. Анализ и архивные документы (К 70-летию этнической депортации армян). Ереван, 2020. С. 140.

⁷ Информационный центр МВД по Томской области (ИЦ МВД по Томской области). Ф. 20. Оп. 1. Д. 99, 100, 102, 130, 131, 132, 137, 152, 209, 214, 430.

⁸ Депортация армян 14 июня 1949 года: сб. док-тов. Новосибирск, 2016. С. 55–57.

⁹ Алексанян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. Ереван, 2007. С. 70.

событий мемуаристом, так и на последующую убыль числа депортированных и их перераспределение по эшелонам¹⁰.

Национальный состав эшелона может подтолкнуть к мысли, что депортация была направлена именно против лиц турецкой национальности. Данная мысль верна, но не полностью, поскольку в структуре такого маленького спецконтингента находилось слишком много других национальностей. Подобный пестрый этнический состав, объединенный «турецким» названием, может показаться абсурдным. Например, с этим чувством столкнулись непосредственно сами депортируемые армяне¹¹. Но для проводивших депортацию органов в наименовании этого спецконтингента не было чего-то абсурдного или необычного. Как уже было указано, депортации послевоенного времени были по своей природе комбинированными. А потому основания для депортации «турков» надо искать не только в национальном признаке, но и в социальном признаке иноподданства.

На примере лиц армянской национальности проще всего понять категорию «иноподданства». Первая четверть XX в. была временем активного переселения лиц армянской национальности в Россию – от поиска работы до бегства от карательных акций Османской империи. К середине 1920-х гг. в СССР скопилось достаточное число беглецов, оседавших в Армении, Грузии, реже в Краснодарском крае, чему способствовало признание всех приехавших гражданами¹².

Однако ситуация начала меняться в середине 1930-х гг. Согласно Конституции 1936 г. и Закону о гражданстве 1938 г.¹³ беженцы переводились в статус лиц без гражданства и считались бывшими подданными¹⁴. Но дети лиц без гражданства, родившиеся уже на территории СССР, считались полноправными гражданами. Иноподданные быстро стали объектом репрессий, что часто происходило сразу после переучета лиц без гражданства.

Один из таких переучетов состоялся незадолго до проведения депортации и совпал с изданием постановления Совета Министров СССР № 590-227сс. Согласно постановлению иностранцам и лицам без гражданства предписывалось в обязательном порядке проходить регистрацию каждые три месяца¹⁵. Кроме того, ограничивалось их перемещение по стране. Однако этот переучет закончился не только персональными репрессиями, но также и выселением семей.

Важно уточнить, что дальнейший анализ социально-демографических характеристик будет основан прежде всего на данных о главах семей, нежели о каждом лице армянской национальности. Информация о прочих членах семьи представлена лишь степенью родства и датой рождения, что накладывает ограничения на анализ. Также при анализе учитывались только армянские семьи. Семьи иных национальностей, в которых были лица армянского происхождения, например ассирийские, не рассматривались.

Половозрастная характеристика армянских семей. Первые два критерия – это пол и возраст глав семей. Большинство глав семей – люди среднего или преклонного возраста, родившиеся в конце XIX – начале XX в., нижняя граница – конец 1860-х гг., но большинство глав семей были рождены в период с 1880 по 1912 г. В возрастной структуре присутствует заметное число относительно молодых глав семей, рожденных в период со второй половины 1920-х гг. по первую половину 1930-х гг. Как пример – Мурад Саркисович Геворгян 1931 г.р., считался главой семейства, состоящей из матери Мурада и двух его братьев¹⁶. Наличие молодых глав семей объясняется просто: гибель старшего главы семьи или его уход. Понять, был ли старший глава семейства репрессирован ранее или же смена главы семьи возникла по иным причинам, в случае «турков» установить невозможно. Но возраст-

¹⁰ Харатьян Г. Выселение армян «навечно» 1949 года... С. 50–52.

¹¹ Алексанян А. Сибирский дневник... С. 80.

¹² Депортация армян 14 июня 1949 года... С. 177.

¹³ Закон «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик». 19 августа 1938 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11.

¹⁴ Депортация армян 14 июня 1949 года... С. 177.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ИЦ МВД по Томской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 132. Л. 150.

ная структура глав семейств армян-«турков» не сильно отличается от возрастного состава «дашнаков», где главы семей также представлены людьми среднего возраста.

Все то же самое применимо к половому составу глав семей, где большая часть, около 70 %, представлена мужчинами, отцами или же сыновьями. Остальные 30 % представлены женщинами, которые стали считаться главами семей после кончины их мужей. Но есть и крайне странный случай, когда главой семейства советские органы записали дочь умершего человека – Ануш Вартановну Арутюнян 1928 г.р.¹⁷ Впрочем, это уникальный и крайне спорный случай.

Другой критерий – происхождение глав семей. Уже было указано, что большая часть попавших под депортацию армян – это беженцы из Западной Армении, как из городов, так и из сел, многие из которых уже невозможно найти. Чуть больше четверти составляют выходцы из иных регионов, большинство – уже родившиеся в ГССР, что относится к молодым главам семей – сыновьям и дочерям осевших в СССР беженцев. Но есть и примеры престарелых глав семей, родившихся в Российской империи. Например, Мартирос Богдасарович Акопов 1864 г.р., родившийся в Тифлисе¹⁸. Также присутствует около 20 человек, чье место рождения не указано вообще, сообщается лишь о месте проживания или месте высылки. Данная картина отличается от структуры «дашнаков», где были представлены люди, родившиеся в Эриваньской и Елизаветпольских губерниях, и родившиеся в Тифлисской губернии, и выходцы с Кубани, а также выходцы с Западной Армении. Это отчасти сближает основную массу «турков» с «дашнаками»-репатриантами, которые также были беженцами из Османской империи, хоть и осевшими в зарубежье, а не в России.

Следующий важный критерий – место проживания семей до депортации. Данный критерий уже без проблем можно отнести ко всей семье сразу. Здесь также видно разницу с «дашнаками», представленными в основном жителями Армянской ССР и Краснодарского края. В отличие от них, армяне-«турки» – это большей частью жители Грузинской ССР. Определенное число семей также проживало в Краснодарском крае, как правило, в самом Краснодаре или в Армавире. И совсем малое число «турков» было родом из АССР или АзССР. Например, Вагеник Андреевич Маносян 1933 г.р., который проживал в с. Гезалдара Алагезского района Армянской ССР¹⁹. Но подобных примеров насчитываются единицы.

Как и характерно для армянских диаспор, большая часть армянских семей проживала в городах. Помимо указанного Тбилиси, армянские семьи также были депортированы из Готи и Кутаиси. Очень малое число депортированных из ГССР армян-«турков» представлено жителями деревень. Например, Андрей Захарович Манукян хоть и был беженцем, но одиночно проживал в с. Новая Ульяновка, ГССР²⁰. Куда чаще в записях появляются семьи, проживавшие в деревнях и селах Краснодарского края (около 15). Например, Саркис Оганесович Меликян, проживавший до депортации с семьей в с. Липник Адлеровского района Краснодарского края²¹. Адлеровский и Армянский районы были основными районами проживания сельских жителей до депортации. В списках присутствуют и семьи, чье место проживания либо не указано, либо же указан только район, в котором проживала семья или одиночка. Эти примеры единичны и мало влияют на общую картину, для которой характерно преобладание городских жителей над осевшими в сельской местности, что контрастирует с «дашнаками», у которых процент жителей сельских районов выше, что было связано как с проживанием семьи на земле предков, так и с тем, что переезжавшие в Армению из Османской империи люди и семьи просто-напросто оседали там.

Семейный состав армян-«турков». Последний критерий – это состав семей, что депортировались в Томскую область. Несмотря на групповой характер такого наказания, как депортация, в структуре депортированных армян присутствует довольно высокий процент одиночек. В процентном соотношении их число составляет около 40 % и представлены они

¹⁷ Там же. Л. 12.

¹⁸ Там же. Л. 11.

¹⁹ Там же. Д. 131. Л. 75.

²⁰ Там же. Д. 152. Л. 40.

²¹ Там же. Д. 102. Л. 21.

как пожилыми, так и молодыми людьми. Представлять именно эту группу как одиноко проживавших людей, подвергнутых депортации, будет не совсем верно – многие из них, особенно те, кто родился на рубеже веков, были репрессированы именно персонально, и графа «Прочие родственники» содержит сведения об оставшихся на свободе родственниках, включая прямых – родителей и детей.

Остальные 60 % в структуре армян-«турков» составляют семьи, которые можно поделить на следующие категории: 1) нуклеарные семьи с 1–2 детьми; 2) большие семьи с тремя и более детьми; 3) семьи расширенного состава, где присутствуют и прочие члены семьи – дяди, тети, бабушки, дедушки и т.д.; 4) семьи неполного состава.

Наименьший процент среди семей составляют большие семьи (около 5 %) и семьи с расширенным составом (до 1 %). Среднее число детей в больших семьях составляет около 3–4. Для семей расширенного состава характерно наличие только одного родителя главы семьи – как правило, это престарелая мать. В качестве примера может выступать семья сосланного в Бакчарский район Арама Погосовича Казаряна, в которой, помимо его жены и двух детей, также находилась и его престарелая мать Марина 1865 г.р.²² Известно, что семья была освобождена в 1950 г., однако сведений о том, дожила ли мать главы семейства до этого времени или же умерла в течение тех месяцев, что семья провела в Томской области, неизвестно.

Куда большее число среди семей составляли семьи с 1–2 детьми (около 20 %). Как уже говорилось ранее, большая часть армян-«турков» была представлена жителями городов. Демографический сдвиг не обошел стороной даже такое консервативное общество, как армянское, а потому на смену крупным семьям быстро приходили куда меньшие. Впрочем, тут важно уточнить, что в структуре таких семей все еще больше половины составляли семьи с двумя детьми, а не с одним.

Последняя группа, она же самая крупная (примерно 35 %), – это семьи, что были депортированы в неполном составе, т.е. в них отсутствовали те или иные члены семьи, например один из родителей. Это очень неоднородная группа, поскольку здесь находятся и бездетные семьи, и семьи без родителей и т.д. Состав этих семей может сильно варьироваться и их можно разделить на несколько видов. Во-первых, это семьи без отца с 1–2 детьми. Это наиболее широко распространенный вид неполных семей, нередко семьи, утратившей своего главу после репрессий в предыдущие десятилетия. Как правило, после этого звание главы семьи переходило к жене погибшего или к сыну, хотя есть и такие примеры, когда главой семьи становилась дочь умершего – например, депортированная с матерью Вартануш Осиповна Саркисян²³.

Следующая категория – многодетные семьи без отца. Причины появления таких семей аналогичны предыдущему примеру и, как ни странно, их куда больше, чем полных многодетных семей. Пример такой семьи – это семья Финаджо Григорьевны Косолян, депортированной с тремя дочерьми²⁴.

Еще более малочисленная категория – это семьи с отсутствующей матерью. Это могут быть как семьи, потерявшие мать до репрессий, так и семьи, в которых мать могла быть и не репрессирована. Часто это тоже многодетные семьи, например семья Тиграна Григорьевича Киракосяна, который был депортирован в Томскую область с дочерью и двумя сыновьями²⁵.

Последняя категория – это бездетные семьи. Тенденция к снижению тотальности депортаций послевоенных лет часто создавала ситуации, в которых репрессии могли быть проведены против родителей, но оставляли вне депортации прочих родственников, в том числе и самых близких, пусть и живших отдельно. Примеры таких семей единичны, но также присутствуют. Например, это случай депортированного Мисака Гарибжановича Алвандяна.

²² ИЦ МВД по Томской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 132. Л. 113.

²³ Там же. Л. 160.

²⁴ Там же. Д. 152. Л. 135.

²⁵ Там же. Д. 132. Л. 150.

В Томскую область он был отправлен со своей женой²⁶, прочих родственников не репрессировали.

Если сравнивать структуру семей «турков» со структурой семей «дашнаков», то заметны некоторые различия. Во-первых, это большая доля депортированных одиночек среди «турок». Во-вторых, это большая вариативность неполных семей среди армян-«турок». Часть из них можно списать на качественное различие в источниках по данным спецконтингентам, однако объяснить этим все не получится. К тому же все еще сохраняются и серьезные сходства, такие как большая доля нуклеарных семей, большая доля семей без отца среди неполных семей.

Появление неполных семей имеет разные причины. Во-первых, это смерть отсутствующего члена еще до депортации ввиду разных причин – от старости, болезни или по иным причинам. В эту категорию можно отнести практически все семьи с отсутствующим отцом, которые часто становились объектами для репрессий, как и подвергавшиеся репрессиям «дашнаки». Во-вторых, это банальная бездетность семей. Это явление можно отнести к некоторым из редких случаев, когда репрессиям подвергались муж и жена, но без детей. Куда чаще появление бездетных семей объясняется отсутствием преследования их детей. В записях часто можно обнаружить сведения о детях, проживающих отдельно от родителей. Как правило, это взрослые дети, скорее всего уже создавшие свои семьи и уехавшие в другие регионы, нередко в Армению.

Заключение. Вопрос о том, стоит ли рассматривать «турецкую» депортацию как этническую, требует большего числа документов. Мотивы депортации и ее обсуждение в правительстве все еще неизвестны исследователям. Однако анализ социально-демографических характеристик даже части спецконтингента позволяет сделать некоторые выводы о сущности «турецкой» операции. Это комбинированная депортация, направленная против иноподданных, репрессии против которых были частым явлением в СССР. Вполне вероятно, решение провести эту депортацию было спровоцировано подготовкой к депортации «греков», среди которых также хватало бывших иноподданных из Османской империи или Греческого Королевства.

Жертвами депортации стали семьи разных национальностей, среди которых весомую долю (особенно среди депортированных из ГССР) составляли армяне. Это не были семьи, жившие в Армении или недавно переехавшие в республику из-за рубежа, как это было с «дашнаками». Армяне-«турки» – это представители диаспор, проживавшие на территории ГССР и отчасти Краснодарского края. Для них было характерно проживание в городах, в сельской местности обитало меньшинство, в основном представленное армянами из Краснодарского края. Жизнь в городах определяла и семьи депортированных, представленные преимущественно нуклеарными семьями с двумя детьми. Процент многодетных семей мал, среди них много семей без отца. Также среди депортированных много одиночек, что дает повод о рассмотрении «турецкой» операции как естественном продолжении чисток против иностранцев в 1930-е гг. Большая часть глав семей, как и в случае с «дашнаками», представлена мужчинами среднего или пожилого возраста. В отличие от «дашнаков», процент выходцев с территорий бывшей Османской империи среди «турков» выше. Но куда больше среди армян-«турков» и представителей второго поколения детей беженцев, родившихся уже в СССР. Как уже было указано выше, многие из семей лишились мужей и отцов еще до депортации и советские органы «назначали» главами семей не только вдов, но и сыновей, а иногда и дочерей умершего.

Литература

Алексанян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / Институт археологии и этнографии НАН Армении; науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А.Т. Марутян. Ереван: Гитутюн НАН РА, 2007. 410 с.

Бугай Н.Л. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011. 510 с.

²⁶ ИЦ МВД по Томской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 132. Л. 53.

Депортация армян 14 июня 1949 года: сб. док-тов и мат-лов / сост. Н.Н. Аблажей; отв. ред. Н.Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016. 230 с.

Джуха И.Г. Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР. Депортации 1940-х гг. СПб., 2008. 557 с.

Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 328 с.

Харатян Г. Выселение армян «навечно» 1949 года. Анализ и архивные документы (К 70-летию этнической депортации армян). Ереван: Изд-во ИАЭ, 2020. 364 с.

Ширер Д. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в Советском Союзе в 1920–1950 гг. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г.). М., 2013. С. 208–217.

Holquist P. State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // *Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework*. Stanford, 2003. 360 p.

References

Ablazhey, N.N. (Ed.), Kharatyan, G. (Ed.). (2016). *Deportatsiya armyan 14 iyunya 1949 goda: sbornik dokumentov i materialov* [The Deportation of Armenians on June 14, 1949: A Collection of Documents and Materials]. Novosibirsk, Nauka. 230 p.

Aleksanyan, A. (2007). *Sibirskiy dnevnik: 1949-1954 gg.* [Siberian Diary: 1949–1954]. Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Armenia. Yerevan, Gitutyun NAS RA. 410 p.

Bugay, N.L. (2011). *L. Beriya – I. Stalinu: “Posle Vashikh ukazaniy provedeno sleduyushchee...”* [L. Beria to I. Stalin: “The Following Has Been Carried Out Pursuant to Your Instructions...”]. Moscow. 510 p.

Dzhukha, I.G. (2008). *Spetseshelony idut na Vostok. Istoriya repressiy protiv grekov v SSSR. Deportatsii 1940-kh gg.* [Special Trains to the East: The History of Repressions against Greeks in the USSR. Deportations of the 1940s]. St. Petersburg. 557 p.

Holquist, P. (2003). State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism. In *Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework*. Stanford University Press. 360 p.

Kharatyan, G. (2020). *Vyselenie armyan “navечно” 1949 goda. Analiz i arkhivnye dokumenty (K 70-letiyu etnicheskoy deportatsii armyan)* [The “Perpetual” Exile of Armenians in 1949: Analysis and Archival Documents (On the 70th Anniversary of the Ethnic Deportation of Armenians)]. Yerevan, Isdatelstvo IAE. 364 p.

Polyan, P.M. (2001). *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Against Their Will: The History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow. 328 p.

Shearer, D. (2013). Gosudarstvennoe nasilie, repressiya i vopros sotsial'noy inzhenerii v Sovetskom Soyuze v 1920–1950 gg. [State Violence, Repression and the Question of Social Engineering in the Soviet Union in 1920–1950]. In *Istoriya stalinizma: zhizn' v terrоре. Sotsial'nye aspekty repressiy: materialy mezhdunarodnoy nauchoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 18–20 oktyabraz 2012 g.)*. Moscow, pp. 208–217.

Н.Н. Аблажей
М.А. Косицын*

ПОСЕЛЕНИЯ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ
НОВОСИБИРСКОЙ ГЭС В СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГГ.:
РЕГЛАМЕНТЫ И ПРАКТИКИ ПЕРЕНОСА**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-15
УДК 94(627.8)+614 (571.14)"195"

Выходные данные для цитирования:

Аблажей Н.Н., Косицын М.А. Поселения в зоне затопления Новосибирской ГЭС в середине 1950-х гг.: регламенты и практики переноса // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 171–187. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-15.pdf>

N.N. Ablazhey
M.A. Kositsin*

SETTLEMENTS IN THE OPEN FLOODED AREA
OF THE NOVOSIBIRSK HYDROELECTRIC
POWER STATION IN THE MID-1950S:
RELOCATION REGULATIONS AND PRACTICES**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-15

How to cite:

Ablazhey N.N., Kositsin M.A. Settlements in the Open Flooded Area of the Novosibirsk Hydroelectric Power Station in the Mid-1950s: Relocation Regulations and Practices // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 171–187.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-15.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the transformation of the settlement structure in connection with the construction in the 1950s. on the river. Ob Novosibirsk hydroelectric station and the creation of a reservoir. The purpose of the study, the results of which are presented in the article, is to identify changes in the settlement structure of the territory in the flood and flooding zone by analyzing the established practices of transferring settlements, returning and transferring land, approaches to urban planning and standardization of new settlements. The study is based on an analysis of legislative acts in the field of land use and land management of settlements, executive administrative documents related to land issues, as well as technical and design documentation for flood zones. The array of sources used is represented by the legislative and regulatory complex, design and technical documentation of the Leningrad branch of the Hydroproject Institute, decisions of the regional and local executive authorities of the Novosibirsk region extracted from specialized publications and funds of the Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of St. Petersburg, the State Archive of the Novosibirsk Region, district departments of archival services Novosibirsk rural, Iskitimsky, Orda districts of the Novosibirsk region and the Archival Service of Berdsk The article reflects the regulations and practices of transferring settlements and organizing resettlement, shows priorities in solving land management issues and optimizing resettlement, designing and organizing a settlement network. It was concluded that several scenarios for the transfer of settlements were implemented in practice. It is shown that resettlement in connection with hydraulic construction has become part of the transformation policy of the agrarian settlement system, implemented since the early 1950s. and aimed at transforming and reconstructing the village through the resettlement of small settlements and the enlargement of rural settlements.

* **Наталья Николаевна Аблажей**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Science, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

Максим Андреевич Косицын, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kosizin2013@gmail.com

Maxim Andreevich Kositsin, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kosizin2013@gmail.com

** Статья опубликована в рамках реализации проекта «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was published as part of the project “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Keywords: Novosibirsk hydroelectric power station, settlement structure, settlements, new settlements, urban planning.

The article has been received by the editor on 16.10.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена трансформации поселенческой структуры в связи со строительством в 1950-е гг. на р. Оби Новосибирской ГЭС и созданием водохранилища. Целью исследования, результаты которого представлены в статье, является выявление изменений в поселенческой структуре территории в зоне затопления и подтопления посредством анализа сложившихся практик переноса населенных пунктов, возврата и передачи земель, подходов к градостроительству и стандартизации новых поселений. Исследование построено на анализе законодательно-правовых актов в области землепользования и землеустройства поселений, распорядительных документов исполнительной власти, касавшихся земельных вопросов, а также технико-проектной документации по зонам затопления. Массив использованных источников представлен законодательно-нормативным комплексом, проектно-технической документацией Ленинградского отделения института «Гидропроект», решениями региональной и местной исполнительной власти Новосибирской области, извлеченных из специализированных изданий и фондов Центрального государственного архива научно-технической документации г. Санкт-Петербурга, Государственного архива Новосибирской области, районных отделов архивных служб Новосибирского сельского, Искитимского, Ордынского районов Новосибирской области и Архивной службы г. Бердска. В статье отражены регламенты и практики переноса населенных пунктов и организации переселения, показаны приоритеты при решении вопросов землеустройства и оптимизации переселения, проектирования и организации поселенческой сети. Сделан вывод о реализации на практике нескольких сценариев переноса населенных пунктов. Показано, что переселение в связи с гидростроительством стало частью политики трансформации системы аграрного расселения, реализуемой с начала 1950-х гг. и нацеленной на преобразование и реконструкцию деревни посредством расселения мелких населенных пунктов и укрупнения сельских поселений.

Ключевые слова: Новосибирская ГЭС, поселенческая структура, населенные пункты, новые поселения, градостроительство.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025 г.

Введение. Советское гидротехническое строительство, являясь важнейшим инструментом индустриализации и модернизации, оказывало многогранное воздействие на поселенческую структуру, приводя как к изменению ландшафтов, так и к ликвидации, трансформации и созданию новых поселений. Поселенческая структура, будучи исторически сложившейся формой территориальной организации общества, формировалась на протяжении веков в условиях устойчивого взаимодействия человека с природным ландшафтом и сложилась в виде традиционного типа расселения. В отличие от медленно складывающихся исторических форм расселения, опиравшихся на природные условия и длительный опыт взаимодействия человека с окружающей средой, гидростроительство приводит, как правило, к форсированной трансформации поселенческой сети.

Строительство в СССР средних и крупных гидроэлектростанций на равнинных реках привело к затоплению больших территорий, что кардинально изменило ландшафт, поселенческую структуру и традиционный уклад и образ жизни переселенцев, что, безусловно, уско-

рило модернизационные процессы, но одновременно привело к потере эффекта предыдущей освоенности. Реки служили основным транспортным коридором и источником ресурсов в ходе заселения Сибири. Первые поселения в верхнем течении р. Оби возникли в XVII–XIX вв., но и к началу XX в. эта территория характеризовалась достаточно низкой плотностью населения и сосредоточением поселений, в основном вдоль крупных рек и транспортных магистралей. В связи с этим масштабы затопления при сооружении водохранилища на Оби в связи со строительством в середине 1950-х гг. Новосибирской ГЭС и гидроэнергетиками, и центральной властью не считались катастрофическими в силу меньшей освоенности территории по сравнению с европейской частью страны – на Волге, Днепре или Дону. Тем не менее строительство гидроэлектростанции и создание Обского водохранилища привело к затоплению полусотни поселений, среди которых оказался десяток сел, основанных русскими первопроходцами еще в начале XVIII в. Самым пострадавшим от затопления оказался город Бердск, известный с XV–XVII вв. как Тарское городище, а с начала XVIII в. как русский острог. Безусловно, строительство ГЭС ускорило экономическое развитие г. Новосибирска и сформировало в его окрестностях курортную зону, но социальные и культурные издержки от ликвидации поселений, оказавшихся в зоне затопления, до сих пор остаются недооцененными.

Различные аспекты переселенческих мероприятий в период строительства гидроэлектростанций исследуются в работах Е.А. Бурдина¹ и Ю.В. Рябова². Авторы реконструируют механизмы переселения, анализируют действующее нормативное законодательство и подробно рассматривают процесс организации и проведения переселений. Тем не менее отметим, что тематика «затопленных сел и городов» не получила всестороннего освещения в историографии. Хотя тема градостроительства не является магистральной в рамках данного исследования, тем не менее следует выделить ряд значимых моментов. Большинство исследований посвящено периоду 1920–1930-х гг., когда формировались основные принципы советской градостроительной политики. Советская историография вопросов планирования населенных пунктов формировалась целиком в русле государственной градостроительной политики и отражала представление о планировании как инструменте рационализации пространства и социального переустройства. Планирование рассматривалось как часть крупного модернизационного проекта, направленного на преобразование общества и преодоление разрыва между городом и деревней³. В постсоветской историографии акценты смещаются к анализу институциональных, идеологических и социальных оснований советского архитектурного планирования. В частности М.Г. Меерович в исследованиях о «социалистическом городе»⁴ рассматривает советскую планировочную практику как идеологический проект, ориентированный на создание «нового социального пространства», где форма поселения выражала структуру власти и производственных отношений. Проблемы планировки и застройки селений рассматриваются в работах Ю.В. Косенковой⁵, которая рассматривает эволюцию сельской планировки от утопической идеи «образцовой деревни» ко все более нормативному и упрощенному подходу, отражавшему противоречие между идеалами модернизации и реальными условиями жизни на селе.

Методологической основой нашего исследования послужило сочетание историко-градостроительного и социально-пространственного подходов. Анализ планирования и практик переселения населенных пунктов рассматривается как часть более широких

¹ Бурдин Е.А. История строительства Куйбышевского гидроузла: достижения, издержки и последствия. Ульяновск, 2009; Бурдин Е.А. Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М., 2011.

² Рябов Ю.В. История переселения населения из зоны затопления водохранилищ Ангарских ГЭС (1950–1970-е гг.). Красноярск, 2021.

³ Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: проблемы города будущего. М., 1980.

⁴ Меерович М.Г. Концепция «социалистического города» и практика ее реализации // Советское градостроительство. 1917–1941: в 2 кн. М., 2018. Кн. 1. С. 180–239; Меерович М.Г., Меньковский В.И., Жеребцов И.Л. «Социалистический город»: идея и ее воплощение в Советском Союзе 1920–1930-х годов. Сыктывкар, 2019.

⁵ Косенкова Ю.В. На периферии: проблемы планировки и застройки селений // Советское градостроительство. 1917–1941: в 2 кн. М., 2018. Кн. 1. С. 634–709; Косенкова Ю.В. «Образцовая культурная деревня»: архитектурные мечтания и реальность 1920–1930-х годов // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 3. С. 77–84.

процессов советской модернизации, в которых архитектура и градостроительство выступали инструментами преобразования социальной среды. Такое понимание позволяет выявить, каким образом пространственные решения отражали идеологические установки, административные практики и представления о «правильной» организации поселения. В исследовании также используется институциональный анализ с целью выявления механизмов взаимодействия между государственными, региональными и проектными структурами, определявшими характер переселения и застройки. Теоретической рамкой выступают идеи Джеймса Скота⁶ о «высоком модернизме» как стремлении государства сделать пространство управляемым и «читаемым». В контексте истории советского градостроительства этот подход позволяет рассматривать стандартизацию и унификацию планировочных решений как проявление модернизационного контроля, в результате которого пространство превращалось в инструмент социальной инженерии и дисциплинарного воздействия.

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, являлось выявление изменений в поселенческой структуре территории в зоне затопления и подтопления посредством анализа практик переноса населенных пунктов, возврата и передачи земель, подходов к градостроительству и стандартизации новых поселений. Исследование построено на анализе законодательно-правовых актов в области землепользования и землеустройства поселений, распорядительных документов исполнительной власти, касавшихся земельных вопросов, а также технико-проектной документации по зонам затопления. Данные материалы отложились в фондах Центрального государственного архива научно-технической документации (Санкт-Петербург), Государственного архива Новосибирской области, районных отделов архивных служб Новосибирского сельского, Искитимского, Ордынского районов Новосибирской области и Архивной службы г. Бердска и Государственного архива Восточно-Казахстанской области. Значительная часть используемых документов опубликована в сборнике документов и материалов «Зона затопления. Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е гг.)»⁷.

Порядок изъятия земель под государственные нужды в связи с гидростроительством. Порядок изъятия и отвода земель с целью «удовлетворения государственных и общественных надобностей» регламентировался Земельным кодексом РСФСР и другими актами земельного законодательства СССР. И хотя государство имело «исключительное право собственности на землю», существовал правовой регламент изъятия земель, который определялся законодательством и сложившейся практикой. Поскольку вся земля принадлежала государству, то как изъятие, так и отвод земель фактически представляли собой их перераспределение собственником между разными землепользователями.

Земельное законодательство предусматривало механизм изъятия земель разного типа у землепользователей для «государственных нужд». Сам принцип такого изъятия был прописан уже в Земельном кодексе РСФСР 1922 г., обновленный вариант которого был принят только в 1970 г., а единые основы союзного земельного законодательства, которые интегрировали предшествующее законодательство, были приняты в 1968 г.

Практика изъятия больших объемов земель, переноса населенных пунктов и переселения населения сложилась в ходе строительства гидроэлектростанций в европейской части страны еще в 1930-е гг. Предложенный и опробованный в ходе строительства Волго-Донского канала алгоритм изъятия земли позволял инициировать вопрос отвода земель, в первую очередь аграрного назначения, «снизу» посредством передачи формальных прав и полномочий региональной и местной власти. К 1936 г. такой порядок изъятия земель «под государственные нужды» окончательно сложился, при этом все решения региональных властей относительно земель представлялись и утверждались Советом Народных Комиссаров (СНК) СССР⁸. В 1938 г. СНК СССР принял постановление о порядке изъятия

⁶ Скотт Дж. Благими намерениями государства. М., 2005.

⁷ Зона затопления. Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е годы): сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск, 2023.

⁸ Канал Москва–Волга. Вспомогательные работы. 1932–1937 годы [Технический отчет] // НКВД СССР, Бюро технического отчета о строительстве канала Москва–Волга. М.; Л., 1945. С. 204.

земель, согласно которому предусматривалась обязательная компенсация землепользователям⁹. К концу 1940-х гг. союзное правительство окончательно упорядочило процесс изъятия и отвода земель колхозам в связи с гидростроительством¹⁰. В середине 1950-х гг. механизм изъятия земель, имеющих небольшой объем, был упрощен, а полномочия по его реализации переданы республиканским и региональным властям¹¹. При этом все крупные изъятия по-прежнему должны были согласовываться с Советом Министров СССР.

Согласно законодательству конца 1940-х гг., единый государственный земельный фонд СССР подразделялся на земли сельскохозяйственного назначения, специального назначения, городские земли, земли, занятые лесами и водами, земли государственного запаса. К землям сельскохозяйственного назначения относились колхозные и совхозные угодья, участки единоличных хозяйств и приусадебные участки граждан. Земли специального назначения находились в пользовании промышленных, транспортных, энергетических и иных предприятий, учреждений и общественных организаций. Под городскими понимались земли, находящиеся в пределах городской или поселковой черты и не являющиеся специальными. Они подразделялись на селитебные, земли общего пользования и городские угодья. Земли, занятые лесами и водой, включали территории, покрытые лесом, а также водные объекты – реки, озера, водохранилища. Земли государственного запаса представляли собой нераспределенные участки, предназначенные для последующего предоставления в пользование. Каждая из категорий имела особый правовой режим¹².

В 1930-е гг. в СССР была инициирована масштабная программа градостроительства. В ее рамках разрабатывались генеральные планы городов, что позволило определить городские границы и функциональные зоны. Хотя единых правил использования земель поселений не существовало, уже с середины 1920-х гг. действовали законодательные нормы, основанные на статьях Земельного кодекса и инструкциях Наркомата земледелия о землях. Эти территории выделялись под рабочие поселки, в том числе на ведомственных землях. Границы таких поселений определялись на основании соглашений региональной власти с соответствующими ведомствами. Перечень поселений городского типа (существующих и создаваемых) периодически утверждался ВЦИКом. Что касается сельских поселений, то их полного перечня не существовало. При этом наблюдалось видовое многообразие сельских поселений, а различия между селом, деревней и поселком были либо исторически сложившимися, либо условными. Обычно к деревням относили небольшие населенные пункты, тогда как села и поселки имели какую-то общественную инфраструктуру. Поселения на малоосвоенных землях или занятых первопоселенцами участках часто именовали заимками.

Коллективизация начала 1930-х гг. существенно сократила численность сельских поселений. В 1930–1950-е гг. они представляли собой либо административные центры (районные и сельские), обычно объединявшие несколько колхозов и МТС, либо населенные пункты как центр одного колхоза (т.е. село – колхоз), либо колхоз, к которому относилось несколько населенных пунктов. Линия на укрупнение мелких колхозов и административно-территориальных единиц (сельсоветов), реализованная в начале 1950-х гг., привела к ликвидации не только большого числа колхозов, но и части поселений.

Основы советского градостроительства начали разрабатываться в первой половине 1930-х гг. Наряду с концепцией соцгородов, нацеленных на создание компактных автономных единиц с собственной развитой инфраструктурой, создаваемой чаще всего при крупном промышленном объекте, стала развиваться также концепция социалистической реконструкции городов и других населенных пунктов. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. выбор мест для новых поселений и расширение существующих увязывались как с развитием промышленного и аграрного производства,

⁹ История колхозного права: сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. II (1937–1958 гг.). М., 1958. С. 45.

¹⁰ Зона затопления... С. 148.

¹¹ Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГА ВКО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 75. Л. 373–376.

¹² Аксенов Г.А. Право государственной собственности на землю в СССР. М., 1950. С. 190–191.

так и схемами районной планировки, которые предусматривали функциональное зонирование территории и размещение инфраструктуры. Строительство и расширение городов и предприятий допускались только при наличии утвержденных проектов планировки, обеспечивавших единую организацию территории и взаимосвязь жилья, промышленных объектов, транспорта и мест общественного назначения. При этом абсолютное большинство городских и сельских поселений не соответствовало утвержденным нормам по наличию транспортной инфраструктуры, количеству учреждений культуры и обслуживания, элементарному благоустройству и пожарной безопасности. В реальности многие городские поселения не имели планов и проектов планировки. Более того, далеко не все отдаленные сельские поселения были электрифицированы. Со второй половины 1940-х гг. при проектировании поселений и разработке планов градостроительства была усилена роль санитарно-эпидемиологических служб, на которые возлагалась функция надзора за соблюдением санитарных и гигиенических норм при планировке городов и поселений¹³. Инструкция 1946 г., разработанная Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР совместно с Всесоюзной государственной санитарной инспекцией по выбору мест и планировке населенных пунктов, требовала от местных и региональных властей соблюдения определенного порядка при отводе участка под поселение и проведения планировочных работ.

Комплекс санитарных правил предусматривал определенный порядок действий по подготовке ложа водохранилища и трасс гидросооружений в связи с ликвидацией поселений, а также при разработке проектов новых поселений. При выборе площадок под поселения, выносимых из зон затопления, следовало учитывать не только географическое положение и обеспеченность транспортной и производственной инфраструктурой, но также санитарно-маларийную обстановку и наличие источника воды. Проектирование поселений в зонах гидростроительства было поручено государственным проектным институтам – Гипросельстрою и Гипрогорстрою и их региональным отделениям, которые по запросам с мест разрабатывали и предлагали к реализации преимущественно типовые проекты благоустроенных поселений. Они предусматривали зонирование территории, создание системы водоснабжения и канализации, минимальный объем благоустройства и озеленения. Создание новых поселений в зонах расселения в связи со строительством ГЭС требовало комплексного подхода, учитывающего не только нормативные регламенты, но возможности для быстрого переселения и создания минимальной городской/поселковой инфраструктуры.

Поселенческая структура в зоне затопления Новосибирской ГЭС и ее трансформация. Технический проект любой ГЭС, составной частью которого является проект зоны затопления, включал спланированный и согласованный комплекс мероприятий, связанных, во-первых, с землеустройством, а во-вторых, с переносом строений и переселением людей. В проектах обычно приводились следующие агрегированные данные: 1) состав и характеристика земельных фондов по районам и в целом и по отдельным землепользователям, перечень возможных нарушений, вызываемых образованием водохранилища; 2) основные положения, принятые для определения мероприятий и порядка компенсаций для нарушаемых землепользований, в том числе по возмещению теряемых угодий на вновь орошаемых землях; 3) расчеты по компенсации отдельным землепользователям; 4) объемы работ по освоению новых земель взамен затопляемых и сметная стоимость таких работ.

Проект Новосибирской ГЭС был разработан ведущим проектным учреждением страны – Ленинградским отделением института Гидропроект (Ленгидэп, Ленгидропроект), силами которого были проведены предварительные обследования в зоне будущего затопления. В Техническом задании на строительство Новосибирской ГЭС 1948 г., а затем и в самом Техническом проекте 1951 г. констатировалось, что из зон затопления и подтопления необходимо переселить порядка 30 тыс. чел., проживавших на территории 54 населенных пунктов, крупнейшими из которых являлись г. Бердск, районный центр с. Ордынское и с. Красный Яр.

¹³ Аксенок Г.А. Право государственной собственности на землю... С. 201–209.

Город Бердск (до 1933 г. – село, затем поселок и рабочий поселок) с 1944 г. имел статус города областного подчинения. В его городской и селитебной черте находилось четыре поселка, в том числе три – промышленного и транспортного характера. Село Ордынское, оказавшееся в зоне значительного затопления и подтопления, имело статус районного центра. Частично в зоне подтопления оказывались также пригороды города районного подчинения Искитима. Административными центрами сельсоветов до начала реорганизации в связи с затоплением были следующие поселения: Ордынка, Верх-Ирмень, Усть-Хмелевка, Средний Алеусс, Филиппово, Красный Яр, Спирино, Морозово, Нижние Чемы, Тюменкино. Ликвидация и объединение отдельных сельсоветов в зоне затопления были узаконены решениями Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 июня 1954 г., а наиболее пострадавший от затопления Ирменский район был ликвидирован указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 декабря 1954 г.¹⁴ Большая часть его территории оказалась в зоне затопления, а разделенные водохранилищем угодья были переданы Ордынскому и Новосибирскому сельскому району.

В техническом проекте Новосибирской ГЭС, утвержденном союзным правительством в январе 1952 г., была представлена развернутая характеристика зоны затопления. Общая площадь затопления оценивалась в 94,3 тыс. га. Водоохранилище затрагивало территории четырех районов Новосибирской области – Ордынского, Новосибирского, Ирменского и Искитимского, а также двух районов Алтайского края – Каменского и Крутихинского. Наибольшие потери приходились на Ирменский район, где под воду уходило 12,5 % территории; в остальных районах утраты не превышали 3–5 %. Из общей площади затопления примерно 30 % (28,3 тыс. га) занимали сельскохозяйственные угодья, около 40 % (37,9 тыс. га) приходилось на леса и кустарники. Основная часть сельхозугодий (62,6 %) находилась в пользовании колхозов, 32,5 % – в ведении Гослесфонда, оставшиеся земли принадлежали Госземфонду или находились в ведомственном использовании. Общая площадь зоны подтопления, т.е. территории, находящейся выше на 1–3 м уровня нормального подпорного горизонта, обозначенного в 113,5 м, оценивалась в 1300 га¹⁵.

Согласно Техническому проекту, полностью попадали под затопление 28 населенных пунктов с общей численностью дворов 3 145. Частично затоплялось или подтоплялось 23 населенных пункта, в островном положении оказывались два селения, в полосе берегозащитных сооружений – один населенный пункт суммарной численностью в 3 481 двор¹⁶. Что касается населения, то предстояло переселить: по г. Бердску – 11 912 чел., по Новосибирскому сельскому району (три населенных пункта) – 2 994 чел., по Искитимскому району (17 населенных пунктов) – 4 103 чел., по Ирменскому району (11 населенных пунктов) – 5 313 чел., по Ордынскому району (левый и правый берег, 14 населенных пунктов) – 6 269 чел. В Алтайском крае переселению подлежали два населенных пункта в Крутихинском районе с населением в 44 чел. и одна деревня в Каменском районе с населением в 34 чел.¹⁷

Основным документом, который регламентировал вопросы переноса поселений и переселения, стало постановление Совета Министров СССР от 30 июля 1952 г. за № 3520 «О мероприятиях по переселению населения и переносу на новые места предприятий, строений и сооружений в связи со строительством Новосибирской ГЭС Министерства электростанций»¹⁸. На его основе аналогичное решение 9 августа 1952 г. принял Совет Министров РСФСР¹⁹. Заметим, что прописанный в этом решении союзного правительства порядок переноса и переселения применялся затем при строительстве других электростанций, в том числе Бухтарминской ГЭС на р. Иртыш²⁰. Основу проекта постановления

¹⁴ Зона затопления... С. 231–233.

¹⁵ Там же. С. 66–68.

¹⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 3. Л. 10–12.

¹⁷ Там же. Л. 23–24.

¹⁸ ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 100. Л. 23–31.

¹⁹ Отдел архивной службы Администрации г. Бердска. Ф. 24. Оп. 1. Д. 54. Л. н./ук.

²⁰ Проект постановления Совета Министров был составлен Новосибирским облисполкомом и существенно отличается от итогового варианта постановления правительства (См.: ГАО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 400. Л. 24–45).

Совета Министров СССР составили предложения Новосибирского облисполкома, которые включали два базовых требования: обязательное переселение и обязательный снос или перенос на новые места всех строений и сооружений, за исключением находящихся на участках, защищенных от затопления. Постановление прописывало общий механизм переноса и переселения и ответственность региональной власти (Новосибирского облисполкома и Алтайского крайисполкома) за его реализацию.

При переселении населения рекомендовалось создавать специальные отделы по переселению из зоны затопления. Предписывалось осуществлять перенос предприятий, жилых домов, строений и сооружений, принадлежащих государственным, кооперативным и общественным организациям, перенос и восстановление на новых местах на соответствующие министерства и организации. Дома и другие строения, принадлежавшие отдельным лицам, переносились силами самих владельцев с оказанием помощи транспортом со стороны исполкомов районных советов. Власть должна была обеспечить проведение технической инвентаризации строений и сооружений организаций, учреждений и предприятий, составлением сметно-финансовых расчетов стоимости объектов, согласование календарных планов переноса и переселения с управлением строительства Новосибирской ГЭС. Выполнение лечебно-профилактических и противомаларийных мероприятий в зоне ликвидируемых поселений и хозяйственных объектов также возлагалось на Новосибирский облисполком и Алтайский крайисполком.

Перед республиканскими и рядом союзных министерств и управлений в связи со строительством Новосибирской ГЭС и созданием водохранилища ставились задачи разработки проектов земельного переустройства, мелиорации и освоения новых земель, строительства сооружений по водоснабжению и обводнению населенных пунктов, переустройства пристаней, дорог и линий связи, сооружения защитных дамб. Финансирование всех работ по переселению, переносу и восстановлению строений и сооружений, благоустройству новых населенных пунктов, а также обеспечение этих работ стройматериалами производились за счет средств и фондов строительства Новосибирской ГЭС.

Формально правительство делегировало региональной власти полномочия по изъятию земель под строительство и водохранилище, а также угодий, находящихся в пользовании колхозов, совхозов и Госземфонда, подсобных хозяйств и промышленных предприятий с последующим отводом этих земель в установленном законом порядке. Помимо этого, региональная власть получила право рассматривать и утверждать изменение границ земель колхозов и других землепользователей с последующим их оформлением в установленном порядке. Ей вменялось в обязанность также проведение землеустройства, в том числе внутрихозяйственного переустройства колхозов.

Механизм изъятия и отвода земель в зоне строительства ГЭС и в зоне будущего водохранилища не представляется столь очевидным и поэтому нуждается в детальной реконструкции, в том числе в связи с тем, что имела место специфика в связи с наличием разных категорий земель. В зоне будущего Обского водохранилища доминировали земли сельскохозяйственного назначения и лесного фонда. Удельный вес резервного государственного земельного фонда был незначительным, имелись также земли промышленного и специального назначения.

Согласно распоряжению Совета Министров СССР от 29 января 1950 г. № 962, принятому по инициативе Министерства лесного хозяйства СССР и Министерства электростанций СССР, под Новосибирскую ГЭС и водохранилище Министерству электростанций СССР отводились земли гослесфонда Бердского лесхоза Новосибирской области общей площадью 23 356 га земли, из которых 729 га – собственно под стройплощадку и 22 627 га – под зону затопления²¹. Согласно этому решению, передавалась почти четверть всех земель, необходимых под ГЭС и водохранилище. Алгоритм решения предусматривал ее изъятие по ходатайству заинтересованных ведомств с последующим согласованием и утверждением решения Правительством СССР. С его принятием земля передавалась в постоянное пользование

²¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 2. Л. 131.

новому пользователю с официальным исключением из прежнего фонда и закреплением соответствующего права.

Довольно специфичным и многоступенчатым был механизм изъятия и отвода земель аграрного назначения. В зоне стройплощадки и водохранилища Новосибирской ГЭС колхозам принадлежало почти 63 % затопляемых водохранилищем земель, а именно – 59,1 из 94,3 тыс., при этом в сельскохозяйственном обороте находилось только 25,6 тыс. га²², еще около 10 тыс. га относилось к колхозным лесам. Изъятие затронуло земли 38 колхозов, 2 совхозов и 51 сельского населенного пункта.

Для колхозных и совхозных земель в силу их специфики отчуждение предусматривало изменение границ колхозов и совхозов, которое санкционировалось решениями общих собраний с последующим обращением к районной власти. Как уже было указано выше, проектные работы по землеустройству и уточнению размеров территорий затопления проводились на стадии подготовки Технического проекта ГЭС и должны были быть согласованы до утверждения проекта союзным правительством. При этом допускалось, что составление детального проекта земельного переустройства колхозов будет доработано на следующей стадии проектирования в рамках работы специализированной землеустроительной экспедиции. Объемы компенсации обсуждались проектной организацией с исполкомами советов Новосибирской области и Алтайского края, чаще всего при участии региональных управлений сельского хозяйства и плановых комиссий.

Решение о переселении колхозов из зоны затопления было принято Новосибирским облисполкомом уже 28 июня 1950 г.²³, хотя процесс изъятия колхозных земель фактически начался осенью 1949 г. С сентября 1949 по май 1951 г. все аграрные землепользователи (38 колхозов, 2 совхоза и плодовая станция) в зоне затопления и подтопления «согласились» на изъятие земель²⁴. Проектная организация разрабатывала проекты переноса поселений и строений, переселения населения, землеустройства сельхозпроизводителей, комплекс санитарно-профилактических мероприятий. По согласованию с проектировщиками для организации работы по земельному переустройству в зоне затопления с июня по декабрь 1950 г. действовала землеустроительная комиссия Управления сельского хозяйства Новосибирской области²⁵. На этой стадии предстояло провести обследование поселений, попадающих в зону затопления, и утвердить соответствующие акты с указанием количества построек, их ведомственной принадлежности, а в ряде случаев приложить согласие собственников на их перенос. Параллельно началось утверждение актов выбора территории для планировки и застройки населенных пунктов. Все согласования с региональной и местной властью, а также заинтересованными ведомствами следовало провести до момента утверждения технического проекта ГЭС, т.е. до 1952 г., и подтвердить соответствующей документацией.

В августе 1951 г. Управление землеустройства и севооборотов Новосибирского облисполкома, в целом согласившись с планом переселения и землеустройства, тем не менее предоставило обширные рекомендации по переносу 14 населенных пунктов и землеустройству²⁶. Был согласован перенос таких поселений, как Ордынское, Антоновка, Усть-Алеус, Спирино, Танк, Тальменка, Верхняя Ельцовка, Мильтюши, Быстровка и ряд других. Если проектировщики исходили из принципа минимизации расходов на переселение, то местная власть в лице областного управления сельского хозяйства, ориентируясь на линию по укрупнению колхозов, придерживалась позиции нецелесообразности сохранения малых поселений. Более того, представители Новосибирской государственной санитарной инспекции настаивали на переселении части населенных пунктов, которые не попадали в зону затопления, указывая на неблагоприятные санитарные условия, которые могли возникнуть после наполнения водохранилища. Окончательные изменения были внесены

²² Зона затопления... С. 67–68.

²³ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 525. Л. 118–118 об.

²⁴ Там же. Оп. 7. Д. 2. Л. 137–137 об.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 525. Л. 118–118 об.

²⁶ Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб.). Ф. Р-72. Оп. 34. Д. 727. Л. 116–121 об.

в Техпроект только в марте 1953 г. после совместного обращения Новосибирского облисполкома и обкома в Совет Министров СССР²⁷. Финальный вариант проекта изъятия земель аграрного назначения правительство рассматривало ориентируясь на положительное заключение Министерства сельского хозяйства СССР и Совета по делам колхозов. После получения официального разрешения от Совмина СССР земли считались изъянными.

Несмотря на то, что согласования заняли еще полтора года, в августе 1951 г. были утверждены планы по земельному переустройству колхозов Новосибирской области и Алтайского края. В течение лета 1951 г. Управлению Новосибирскгэстроя было предано 6409 актов по строениям и сооружениям 51 поселения Новосибирской области (в том числе 2133 акта по г. Бердску) и трех поселений Алтайского края. Всего в зоне водохранилища подлежало переносу 30 349 строений, в том числе жилых – 7 216, хозяйственных – 21 894²⁸. Большая часть строений в поселениях принадлежала физическим лицам и колхозам.

В варианте технического проекта представлялся только сводный план переноса населенных пунктов и переселения населения, который предусматривал порядок проведения работ в три очереди: 1952/1953, 1954 и 1955 гг. в зависимости от темпов развертывания стройплощадки и высотного положения населенных пунктов. В сводном плане указывалась также численность населения поселений, новые участки, намеченные для переселения, расстояния между старыми и новыми поселениями. План переселения, представленный в утвержденном техническом проекте, носил тем не менее лишь предварительный характер и подлежал рассмотрению Новосибирским облисполкомом. Допускалась ежегодная корректировка в зависимости от складывающихся на месте конкретных условий.

В целом отвод земель под новые населенные пункты производился на основании ходатайств исполнительных органов власти и после предоставления землеустроительной документации, включая генеральный план. Важным этапом было согласование с вышестоящими инстанциями в зависимости от размера населенного пункта. Проекты переселения сельских населенных пунктов разрабатывались одновременно с планами земельного переустройства колхозов, к которым они относились. Это обстоятельство обязательно учитывалось при проектировании, поскольку один колхоз зачастую объединял несколько населенных пунктов. При обсуждении переноса колхоза и сельских поселений бралось во внимание размещение хозяйственного центра колхоза, МТС, нефтебазы, поселковой администрации и зданий общественного назначения. Если землепользование колхоза полностью попадало в зону затопления или его сохранение признавалось экономически нецелесообразным, хозяйство создавалось на новом месте заново либо объединялось с соседним колхозом.

Комплексные решения по переносу поселения были приняты Новосибирским областным советом в отношении г. Бердска (3 февраля 1951 г.) и райцентра с. Ордынское (19 июня 1953 г.). Специальных решений Правительством РСФСР о переносе поселений из-за затопления в связи со строительством Новосибирской ГЭС принято не было. Речь шла лишь о частичном переносе города, точнее его старой части, на 8 км южнее, в район железнодорожной станции Бердск Томской железной дороги. Согласно техническому плану зоны затопления, площадь города оценивалась в 900 га, к городской территории относился сам Бердск и четыре пригородных поселка: Кирпичный завод, 3-й разъезд, Красный факел и Госмельница. Всего подлежало переносу 11 476 строений, в том числе: 28 административных учреждений, 61 производственное предприятие, 153 торгово-складских предприятия, 40 лечебно-санитарных учреждений²⁹. Фактически основанием для переселения стало решение Бердского горсовета от 24 апреля 1951 г. об одобрении проекта изъятия и компенсации земли, переселения населения и переустройства территории городской черты. Он предусматривал изъятие 1 429 га, обязательства по переселению 2 207 домов из затопля-

²⁷ Аблажей Н.Н., Косицын М.А. Советская гидростроительная политика: опыт санитарной подготовки зоны затопления Новосибирской ГЭС // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. Т. 32, № 2. С. 86–94.

²⁸ ГАНО. Р-1020. Оп. 7. Д. 3. Л. 16 об.

²⁹ Зона переселения... С. 97–98.

емой части г. Бердска на новый участок в 650 га³⁰. Что касается райцентра Ордынка, под него планировалось выделение 385 га земли из земель Ордынской государственной лесной дачи, хотя вся затопляемая и подтопляемая часть оценивалась в 143 га³¹. Перенос ведомственных строений был вне компетенции городских властей. Так, решения о размещении колхозных центров принимались областной исполнительной властью лишь после согласования с партийными инстанциями. С ходатайствами о перемещении центральных усадеб МТС, находившихся на тот момент в ведении государства, районные власти обращались в облисполкомы, а те, соответственно, возбуждали ходатайства перед Советом Министров СССР³².

Рассмотрим основные схемы переноса населенных пунктов. Первый из них оговаривал механизм изъятия земли и ликвидацию поселений в районе стройплощадки ГЭС. 13 августа 1950 г. Совет Министров СССР по ходатайству Новосибирского облисполкома санкционировал изъятие под стройплощадку Новосибирской ГЭС 1617 га земель сельскохозяйственного назначения из гослесфонда, земель колхозов и иных землепользователей с компенсацией для них 2 374 га земли сельскохозяйственного назначения на условиях постоянного пользования. Итогом этого решения стало переселение в 1951 г. жителей п. Нижние Чемы Новосибирского сельского совета, который стал стройплощадкой. Помимо Нижних Чем, в зоне стройплощадки оказались также села Верхние Чемы и Тюменкино того же сельсовета, общая площадь которых составила 6,5 га³³. Новое поселение получило название Ленинское.

Чаще всего речь шла о переносе населенного пункта на новое место в случае его полного затопления или нецелесообразности его хозяйственного сохранения. В таком случае старое поселение либо полностью переносилось на новое место, либо создавался новый населенный пункт. Выбором новых площадок занимались специальные районные комиссии при переселенческих отделах, куда входили представители переселенческого отдела, райисполкома, сельхозотдела, отдела сельского и колхозного строительства, архитектурного управления, пожарной охраны, здравоохранения, водхоза, облкоммунотдела и колхозов³⁴. Они проводили обследование участков и составляли соответствующий акт с приложением необходимых расчетов и чертежей, который утверждался райисполкомом³⁵. Для размещения новых населенных пунктов, как правило, выделялись свободные земли из госземфонда или гослесфонда. Так, для строительства хозяйственного центра колхоза им. Куйбышева в Искитимском районе комиссия выбрала участок площадью 88 га на территории Тальменской лесной дачи³⁶. Для рабочего поселка Ордынское комиссия предложила отвести 385 га на территории лесной дачи Ордынского лесхоза³⁷.

Полностью попадавшие в зону затопления населенные пункты переселялись на новое место, обычно в пределах 5–10 км от прежнего. Согласно техническому проекту ГЭС, большинство новых поселений должно было размещаться по берегам будущего водохранилища. При этом несколько небольших населенных пунктов могли объединяться в один новый. Так, например, село Боровое образовалось из переселенцев из Ирмени, Темново, Тихоново и Ерëмино, поселок Ленинский – из жителей деревень Тюменькино, Верхних и Нижних Чем, а село Береговое – из жителей Большого и Малого Шляпова.

Еще один сценарий предусматривал переселение в уже существующие населенные пункты. Этот сценарий также касался в первую очередь поселений, полностью попадавших в зону затопления. Так, жители сел Атаманово, Тулинское и Бороздино Искитимского района переселялись в с. Быстровку, а села Понькино и Половинное Ордынского района – в с. Верх-Ирмень³⁸. Объединение двух и более населенных пунктов осуществлялось на осно-

³⁰ ОАС г. Бердска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. н./ук.

³¹ ГАНО. Ф.Р-1020. Оп.2. Д. 633. Л. 216.

³² ОАС Ордынского района. Ф. 30. Оп. 1. Д. 197. Л. 216.

³³ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-72. Оп. 34. Д. 727. Л. 251.

³⁴ Зона затопления... С. 83.

³⁵ Там же. С. 207.

³⁶ Там же. С. 213.

³⁷ Там же. С. 215.

³⁸ Там же. С. 86–90.

вании решения сельского схода о присоединении к тому или иному сельскому совету и утверждалось соответствующими постановлениями районных и областных исполнительных комитетов³⁹.

Наконец, речь могла идти о переселении внутри того же населенного пункта. В случае если населенный пункт затоплялся частично или находился в зоне подтопления, жителей могли переселить на свободные земли того же населенного пункта или на прирезанные к нему участки, находящиеся вне зоны затопления⁴⁰. По техпроекту к таким населенным пунктам относились Верхняя Ельцовка, Усть-Алеус, Бурмистрово, Ивановский, Чингис, Быстровка и другие, а также три населенных пункта Алтайского края – Крутиха, Заковряжино и Дресвянка.

При создании новых поселений с новыми названиями частично утрачивалась историческая преемственность. Когда несколько мелких населенных пунктов объединялись в один новый, им присваивалось совершенно иное название, никак не связанное с прежними. Обычно оно опиралось либо на географическое положение нового поселения (например, Боровое, Береговое), либо на советские идеологические установки (Ленинское, Прогресс). Названия новым населенным пунктам нередко присваивались районными властями. Так, Искитимский райисполком определил, что селения колхозов «1 Мая» и имени Сталина будут теперь называться Сосновка и Новое Морозово. При этом последнее название сохраняло отсылку к названию одной из переселяемых деревень – Морозово⁴¹. В большинстве случаев переселение разрывало нить топонимической традиции: исчезали старые географические ориентиры и названия, закрепленные в памяти жителей и на картах.

Показательна история связанная с населенными пунктами Нижние и Верхние Чёмы, располагавшимися на берегах реки Чёмки, которые также подверглись расселению. В 1951 г. жители Нижних Чём были переселены, так как именно здесь предполагалось размещение створа будущей гидроэлектростанции. Ранее, в 1949 г., на обоих берегах Оби возник строительный поселок Чемской, административно подчиненный Бердскому горисполкому. К 1956 г. его численность достигла 35 тыс. чел.⁴² В апреле того же года Новосибирский облисполком рассматривал возможность преобразования поселка в город областного подчинения с названием Чёмск⁴³, однако этот проект не был реализован. В апреле 1957 г. поселок был передан в административное подчинение Новосибирского района⁴⁴ и в 1958 г. включен в состав вновь образованного Советского района. Со временем за новыми поселениями закрепились названия Левых и Правых Чём в зависимости от расположения на соответствующем берегу.

Аналогичная ситуация сложилась и в других местах. Так, вместо сел Старый и Новый Шарап, связанных с топонимом одноименной реки, после переселений уцелело только название Новый Шарап, а Старый Шарап исчез с карты. Деревни Большое и Малое Шляпово были объединены в новый населенный пункт Береговое, и прежние топонимы также канули в прошлое.

Однако существовали и исключения. Так, при переселении жителей сел Пичугово (166 семей) и Луговая (76 семей) образовалось новое село Новопичугово. Таким образом, сохранялась преемственность в названии. Если переселяемый населенный пункт находился обособленно, вдали от других деревень, то зачастую он мог сохранить свое прежнее название. Например, до сих пор существуют Красный Яр, Милованово и другие поселения.

Проектирование новых населенных пунктов. Проектировка новых поселений началась с 1953 г. и продолжалась вплоть до 1956 г. Переселение организовывалось не стихийно, а в плановом порядке. Для упорядоченного размещения населения разрабатывались генеральные планы застройки новых населенных пунктов. Их проектированием занимались

³⁹ Зона затопления... С. 203–204.

⁴⁰ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-72. Оп. 34. Д. 727. Л. 122–122 об.

⁴¹ Зона затопления... С. 206–207.

⁴² Там же. 234–235.

⁴³ Там же. С. 233–234.

⁴⁴ Там же. С. 236.

специализированные областные проектные организации, а общее руководство и контроль осуществлял переселенческий отдел при облисполкоме.

Для составления генеральных планов застройки сельских населенных пунктов в апреле 1953 г. в Новосибирске был образован филиал Гипросельстроя (Государственный проектный институт по сельскому жилищно-гражданскому строительству), а в сентябре 1953 г. – филиал института Росгипросельхоз (Республиканский государственный проектный институт по проектированию сельскохозяйственного строительства). Проектировкой планов застройки городов (в случае для Новосибирской ГЭС – г. Бердска) занимался Государственный институт по проектированию городов (Гипрогор)⁴⁵. Планы по области согласовывались с областной государственной санитарной инспекцией⁴⁶, после чего проекты оглашались на колхозных собраниях, а затем утверждались районными властями⁴⁷.

Порядок планирования новых населенных пунктов наиболее наглядно проявился в случае с переселением Бердска – крупнейшим городом, попавшим в зону затопления. Масштаб предстоящих работ требовал комплексного подхода: необходимо было не только перенести жилую застройку, но также обеспечить создание новой городской инфраструктуры.

3 февраля 1951 г. Новосибирский облисполком издал решение о перемещении города Бердска, согласно которому создавалась специальная комиссия по выбору места. При этом часть городской территории вблизи железнодорожной станции Бердск площадью 105 га, где проживало свыше 17 тыс. чел., не подлежала переселению⁴⁸. Был составлен проект переселения, в соответствии с которым Бердский горисполком принял решение о переносе затопляемой части города в район станции Бердск⁴⁹. Под затопление в городе попадало 11 476 строений, в том числе: 28 – административных учреждений, 61 – производственных предприятий, 153 – торгово-складских предприятий, 40 – лечебно-санитарных учреждений. Из крупных непромышленных сооружений планировалось затопить туберкулезный санаторий (в том числе детское отделение), инфекционную и городскую больницы, сельскохозяйственный техникум, Дом культуры. Из крупных промышленных предприятий затоплялся мельзавод № 10⁵⁰. 21 декабря 1951 г. Бердский горисполком запретил строительство всех сооружений в зоне затопления. Те сооружения, которые возводились начиная с 1 ноября 1951 г., предписывалось сносить за счет застройщиков.⁵¹

24 октября 1952 г. Новосибирский облисполком своим решением обязал Гипрогор составить проект планировки города Бердска, опираясь на схему, ранее подготовленную областным отделом по делам архитектуры⁵². В предложенном варианте планировалось перспективное развитие Бердска – освоение правого берега водохранилища и создание там курортно-оздоровительной зоны, а также резерва для промышленных территорий восточнее Искитимского шоссе. При этом указывалось, что состав и размеры планируемых городских территорий должны соответствовать минимальным потребностям населения⁵³. В то время как площадь города составляла 4 542,65 га, предполагалось затопить почти половину – 2 118,35 га. Для переселения и компенсации земель предусматривалось выделить часть земель смежных землепользователей: туберкулезного санатория, опытной плодово-ягодной станции, плодопитомнического совхоза, военной части № 7540, участков госземфонда, сельскохозяйственной артели им. Сталина. Некоторые из этих территорий уже были прире-

⁴⁵ ГАНО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 269. Л. 3–4.

⁴⁶ Сборник важнейших официальных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам: в помощь врачу-госсанинспектору, сан. врачу и врачу-эпидемиологу: в 3 т. М., 1954. Т. 3. С. 514.

⁴⁷ Зона затопления... С. 205–206.

⁴⁸ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 528. Л. 256–257.

⁴⁹ ОАС г. Бердска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. н./ук.

⁵⁰ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 3. Л. 15–16.

⁵¹ ОАС г. Бердска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 195–200.

⁵² ОАС г. Бердска. Ф. 24. Оп. 1. Д. 54. Л. н./ук.

⁵³ Там же.

заны ранее, общая площадь этих земель составила 830,72 га. В результате всех изменений город Бердск должен был иметь 3 255 га земель.

Разработка проекта затягивалась, областные власти жаловались в обком КПСС, а затем и в Совет Министров СССР, обвиняя Гипрогор в срыве сроков переселения⁵⁴. Лишь в апреле 1953 г. Новосибирский облисполком частично утвердил проект эскиза планировки г. Бердска. При этом региональные власти раскритиковали проект за непроработанность схемы электроснабжения, планов некоторых районов, отсутствие решения вопроса использования лесопарковой зоны и системы орошения полей⁵⁵. Однако к июню все обозначенные недочеты были исправлены и проект утвержден окончательно⁵⁶. В июле его утвердил и Бердский горисполком.

Генеральный план и правила застройки г. Бердска можно рассматривать как яркий пример того, как советское государство стремилось сделать городскую территорию «читаемой» и управляемой. В логике, описанной Джеймсом Скоттом⁵⁷, это проявлялось в стандартизации и унификации всех аспектов городской среды. Так, в документе четко регламентировались размеры жилых домов, высота потолков, расположение фасадов и даже детали архитектурного оформления – наличники, карнизы, палисады. Стандартизация здесь выступала инструментом модернизации. Новый Бердск должен был стать не продолжением старого стихийно сложившегося городского пространства, а образцовым социалистическим городом. Это выражалось, в частности, в требовании использовать типовые проекты для жилых домов и общественных зданий. Индивидуальные проекты допускались лишь как исключение. Даже хозяйственные постройки – сараи, ограды, колодцы – должны были соответствовать заранее определенным образцам. Таким образом, создавался город, где повседневная жизнь жителей подчинялась единой «правильной» архитектурной и социальной модели.

Подобная регламентация пространства становилась инструментом социальной инженерии. Городская планировка предполагала четкое разделение функций: промышленные предприятия размещались отдельно от жилых кварталов, между ними предусматривались санитарные зоны. В жилых районах проектировались школы, ясли, магазины, клубы – т.е. весь комплекс инфраструктуры, формировавшей «идеальный» социалистический образ жизни. Исключалась возможность появления «обособленных поселков» или стихийной застройки: новые районы должны были развиваться как единый ансамбль, подчиненный плану⁵⁸.

Сам генеральный план нового Бердска выполнялся по сетчатой схеме: улицы прокладывались прямыми, с четким взаимным пересечением, что обеспечивало упорядоченность застройки и удобство ориентирования в городе. Такая планировка резко контрастировала с хаотичной уличной сетью старого Бердска и соответствовала принципам типового градостроительства советской эпохи, ориентированного на контроль и рационализацию городской среды.

Важным элементом бюрократической регламентации стало формирование официального представления о будущем города. В мае 1955 г. председатель Бердского горисполкома С.Д. Смирнов в газете «Ленинский путь» опубликовал статью «Будущее нашего города», в которой старый Бердск описывался как сибирское село с хаотичной застройкой, ветхими домами и отсутствием водопровода. Ему противопоставлялся новый социалистический Бердск с развитой промышленностью, культурными учреждениями, благоустроенными парками и современной инфраструктурой. По мнению автора, подобные перспективы стали возможными благодаря строительству Новосибирской ГЭС и переносу города на новое место⁵⁹.

⁵⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 431. Л. 98; ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 631. Л. 31.

⁵⁵ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 630. Л. 131.

⁵⁶ Там же. Д. 633. Л. 127.

⁵⁷ Скотт Дж. Благими намерениями государства... 2005.

⁵⁸ ОАС г. Бердска. Ф. 24. Оп. 1. Д. 54. Л. н./ук.

⁵⁹ ГАНО. Ф. Р-2212. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.

Заключение. Несмотря на то, что государство имело «исключительное право собственности на землю», в гидростроительных целях необходимо было соблюсти нормативно-правовой регламент по «изъятию» и перераспределению этих земель, в том числе компенсаций между разными категориями пользователей. Имеющиеся сведения о реорганизации поселенческой сети в связи со строительством Новосибирской ГЭС и созданием водохранилища позволяют сделать вывод о том, что количество поселений уменьшилось за счет их ликвидации или укрупнения. Первоначально планировалось, что вместо 29 полностью затопляемых поселений будет сформировано 15 новых населенных пунктов, а население остальных переселится в уже существующие поселения⁶⁰. Однако по факту из 57 населенных пунктов, оказавшихся в зоне затопления и подтопления (в том числе г. Бердск и райцентр Ордынское), 26 переселялись в 15 новых населенных пунктов, а остальные 31 присоединялись к уже существующим⁶¹. Одним из результатов переселения стало укрупнение сельских советов и поселений. Подобная политика обосновывалась хозяйственно-организационными соображениями и в целом вписывалась в общесоюзные тенденции. Это дает основание утверждать, что переселение в связи с гидростроительством стало частью политики трансформации системы аграрного расселения, реализуемой с начала 1950-х гг. и нацеленной на очередное преобразование и реконструкцию деревни через организованное расселение и укрупнение сельских поселений, что имело не только положительные, но и негативные последствия.

Ключевую роль в легализации переноса поселений и организации переселения при строительстве Новосибирской ГЭС сыграли региональная и местная исполнительная власти. Созданные при областных и районных исполкомах переселенческие отделы координировали все этапы работ: от составления эскизных проектов размещения и выбора новых земельных участков до инвентаризации строений и определения сроков переселения. Отделы обеспечивали перенос и восстановление жилых домов, хозяйственных и социальных объектов, распределение строительных материалов и рабочей силы.

Снос и исчезновение целого ряда населенных пунктов означали не только физическое, но и символическое разрушение поселений: исчезновение или трансформацию культурных маркеров и смыслов, заключенных в первую очередь в топонимике. С одной стороны, гидростроительство ускорило трансформацию традиционных сельских поселений, с другой – при курсе на экономию в сельском строительстве и планировке, что выразилось в установке на перенос значительного количества строений, проект сооружения образцовых социалистических деревень в прибрежной зоне и социалистического города Бердска не состоялся, а сами поселения остались многослойными, что сохранило на десятилетия традиционную среду обитания.

Литература

Аблажей Н.Н., Косицын М.А. Советская гидростроительная политика: опыт санитарной подготовки зоны затопления Новосибирской ГЭС // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. № 2. С. 86–94.

Аксенюк Г.А. Право государственной собственности на землю в СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 190–191.

Бурдин Е.А. Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М.: РОССПЭН, 2011. 398 с.

Бурдин Е.А. История строительства Куйбышевского гидроузла: достижения, издержки и последствия. Ульяновск: УлГПУ, 2009. 187 с.

Зона затопления. Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е годы): сб. документов и материалов / сост. Н.Н. Аблажей, М.А. Косицын. Новосибирск, 2023. 576 с.

⁶⁰ ГАНО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 269. Л. 41.

⁶¹ Там же. Д. 304. Л. 11.

История колхозного права: сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. / Н.Д. Казанцев и др. М.: Госюриздат, 1958. Т. II (1937–1958 гг.). 540 с.

Канал Москва–Волга. Вспомогательные работы. 1932–1937 годы [Технический отчет] / под ред. Г.И. Кривченко. М.; Л.: Государственное издательство строительной литературы, 1945. 397 с.

Косенкова Ю.В. «Образцовая культурная деревня»: архитектурные мечтания и реальность 1920–1930-х годов // *Academia. Архитектура и строительство*. 2018. № 3. С. 77–84.

Косенкова Ю.В. На периферии: проблемы планировки и застройки селений // *Советское градостроительство. 1917–1941: в 2 кн.* М.: Прогресс-Традиция, 2018. Кн. 1. С. 634–709.

Меерович М.Г. Концепция «социалистического города» и практика ее реализации // *Советское градостроительство. 1917–1941: в 2 кн.* М.: Прогресс-Традиция, 2018. Кн. 1. С. 180–239.

Меерович М.Г., Меньковский В.И., Жеребцов И.Л. «Социалистический город»: идея и ее воплощение в Советском Союзе 1920–1930-х годов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 72 с.

Рябов Ю.В. История переселения населения из зоны затопления водохранилищ Ангарских ГЭС (1950–1970-е гг.). Красноярск: Изд-во Красноярского государственного аграрного университета, 2021. 199 с.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.

Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 373 с.

References

Ablazhyi, N.N., Kositsyn, M.A. (Comps.). (2023). *Zona zatopleniya. Sotsial'nye i ekologicheskie aspekty stroitel'stva Novosibirskoy GES (1950-e gody)* [Flood Zone. Social and Ecological Aspects of the Construction of the Novosibirsk Hydroelectric Power Station (1950s)]. Novosibirsk. 576 p.

Ablazhey, N.N., Kositsyn, M.A. (2025). *Sovetskaya gidrostroitel'naya politika: opyt sanitarnoy podgotovki zony zatopleniya Novosibirskoy GES* [Soviet Hydropower Construction Policy: The Experience of Sanitary Preparation of the Flood Zone of the Novosibirsk Hydroelectric Power Station]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 86–94.

Aksenok, G.A. (1950). *Pravo gosudarstvennoy sobstvennosti na zemlyu v SSSR* [The Right of State Ownership of Land in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, pp. 190–191.

Burdin, E.A. (2009). *Istoriya stroitel'stva Kuybyshevskogo gidrouzla: dostizheniya, izderzhki i posledstviya* [The History of Construction of the Kuybyshev Hydroelectric Complex: Achievements, Costs, and Consequences]. Ulyanovsk, UIGPU. 187 p.

Burdin, E.A. (2011). *Volzhskiy kaskad GES: triumf i tragediya Rossii* [The Volga Cascade of Hydroelectric Stations: Triumph and Tragedy of Russia]. Moscow, ROSSPEN. 398 p.

Kazantsev, N.D. (Ed.). (1958). *Istoriya kolkhoznogo prava: sbornik zakonodatel'nykh materialov SSSR i RSFSR. 1917–1958 gg. T. II (1937–1958 gg.)* [History of Collective Farm Law: Collection of Legislative Materials of the USSR and RSFSR. 1917–1958. Vol. II (1937–1958)]. Moscow, Gosyurizdat. 540 p.

Khazanova, V.E. (1980). *Sovetskaya arkhitektura pervoy pyatiletki: problemy goroda budushchego* [Soviet Architecture of the First Five-Year Plan: Problems of the City of the Future]. Moscow, Nauka. 373 p.

Kosenkova, Yu.V. (2018). “Obraztsovaya kulturnaya derevnya”: arkhitekturnye mechtaniya i real'nost' 1920–1930-kh godov [The “Model Cultural Village”: Architectural Dreams and Reality of the 1920s–1930s]. In *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. No. 3, pp. 77–84.

Kosenkova, Yu.V. (2018). Na periferii: problemy planirovki i zastroyki seleniy [On the Periphery: Problems of Settlement Planning and Development]. In *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941*. Moscow, Progress-Traditsiya. Vol. 1, pp. 634–709.

Krivchenko, G.I. (Ed.). (1945). *Kanal Moskva–Volga. Vspomogatel'nye raboty. 1932–1937 gody: Tekhnicheskii otchet* [The Moscow–Volga Canal. Auxiliary Works. 1932–1937: Technical Report]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo stroitel'noy literatury. 397 p.

Meerovich, M.G. (2018). Kontseptsiya “sotsialisticheskogo goroda” i praktika ee realizatsii [The Concept of a “Socialist City” and the Practice of Its Implementation]. In *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941*. Moscow, Progress-Traditsiya. Vol. 1, pp. 180–239.

Meerovich, M.G., Men'kovskiy, V.I., Zherebtsov, I.L. (2019). “Sotsialisticheskii gorod”: ideya i ee voploshchenie v Sovetskom Soyuze 1920–1930-kh godov [The “Socialist City”: The Idea and Its Realization in the Soviet Union of the 1920s–1930s]. Syktyvkar, IYaLI Komi NTs UrO RAN. 72 p.

Ryabov, Yu.V. (2021). *Istoriya pereseleniya naseleniya iz zony zatopleniya vodokhranilishch Angarskikh GES (1950–1970-e gg.)* [The History of the Resettlement of the Population from the Flood Zone of the Angara Hydroelectric Reservoirs (1950s–1970s)]. Krasnoyarsk, Izdatelstvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo Universiteta. 199 p.

Scott, J. (2005). *Blagimi namereniyami gosudarstva: pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: Why and How Projects to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow, Universitetskaya kniga. 576 p.

Л.Н. Комлева*

**ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ
И ПЕРЕНОС СТРОЕНИЙ ИЗ ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ
ВОДОХРАНИЛИЩА БРАТСКОЙ ГЭС**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-16
УДК 94(627.8)+614(571.14)*Выходные данные для цитирования:**Комлева Л.Н. Переселение жителей и перенос строений из зоны затопления водохранилища Братской ГЭС // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 188–194. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-16.pdf>*

L.N. Komleva*

**RELOCATION OF RESIDENTS AND RELOCATION
OF BUILDINGS FROM THE FLOOD ZONE
OF THE BRATSK HYDROELECTRIC POWER STATION**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-16

*How to cite:**Komleva L.N. Relocation of Residents and Relocation of Buildings from the Flood Zone of the Bratsk Hydroelectric Power Station // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 188–194. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-16.pdf>]*

Abstract. The article considers the organization of work on resettlement of the population and transfer of buildings, structures and facilities from the flood zone of the Bratsk hydroelectric power station reservoir. The end of the Great Patriotic War marked the beginning of post-war industrialization, including in the Irkutsk region. In this regard, the deficit of electricity in the region began to increase. The solution to this problem was the construction of a cascade of hydroelectric power plants in the Irkutsk region. The article considers the sequence of work, problems that arose during the organization of resettlement of the population, as well as the positive and negative aspects of the preparation of the Bratsk hydroelectric power station reservoir bed for flooding. Thus, the regulatory framework governing this activity was determined. Attention is paid to the places subject to flooding and the order and timing of resettlement. Consideration of the problems arising during the organization of resettlement of the population and the transfer of buildings gave reason to believe that the problems existed throughout the preparation of the reservoir bed. Thus, facts of gross violation of plans for the development of district centers and rural settlements, activities not in accordance with established regulations, abuse of office, holding events not in accordance with approved plans, shortage of building materials and labor, etc. were revealed. The issue of resettlement of residents was considered. The problems faced by this category of people were noted. Resettlement required a lot of effort from them, low mobility of citizens was noted. It was concluded that the construction of the Bratsk hydroelectric power station had both positive aspects, consisting in the development of the region, an increase in the number of jobs, etc., and negative aspects, which consisted in the resettlement of the population, deforestation, disorganization of the events, abuse of office, etc.

Keywords: hydroelectric power stations, population resettlement, preparation of the reservoir bed, Eastern Siberia, Irkutsk region, Bratsk hydroelectric power station.

The article has been received by the editor on 23.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Лидия Николаевна Комлева**, аспирант, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: komleva-lidiya@mail.ru
Lidiya Nikolaevna Komleva, Postgraduate Student, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: komleva-lidiya@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена организация работы по переселению населения и переносу зданий, строений и сооружений из зоны затопления водохранилища Братской гидроэлектростанции. Окончание Великой Отечественной войны положило начало послевоенной индустриализации, в том числе и в Иркутской области, в связи с чем стал нарастать дефицит электроэнергии в регионе. Решением данной проблемы стало строительство каскада гидроэлектростанций в Иркутской области. В статье рассмотрена последовательность работы, проблемы, возникшие при организации переселения населения, а также положительные и отрицательные стороны при подготовке ложа водохранилища Братской гидроэлектростанции к затоплению. Так, была определена нормативная база, регулирующая данную деятельность. Уделено внимание местам, попадавшим под затопление, и очередности и срокам переселения. Рассмотрение проблем, возникающих при организации переселения населения и переноса строений, дало основание полагать, что проблемы существовали на протяжении всей подготовки ложа водохранилища. Так, были выявлены факты грубого нарушения планов застройки районных центров и сельских населенных пунктов, деятельность не в соответствии с установленными нормативными актами, злоупотребление должностными полномочиями, проведение мероприятий не в соответствии с утвержденными планами, дефицит строительных материалов и рабочей силы и др. Рассмотрен вопрос о переселении жителей. Отмечены проблемы, с которыми сталкивалась данная категория людей. Для переселения от них требовалось большое количество усилий, отмечена низкая мобильность граждан. Сделан вывод, что строительство Братской гидроэлектростанции имело как положительные стороны, заключающиеся в развитии региона, увеличении количества рабочих мест и др., так и отрицательные, которые заключались в переселении населения, вырубке лесных насаждений, неорганизованности проводимых мероприятий, злоупотреблении должностными полномочиями и др.

Ключевые слова: гидроэлектростанции, переселение населения, подготовка ложа водохранилища, Восточная Сибирь, Иркутская область, Братская ГЭС.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025 г.

С окончанием Великой Отечественной войны и началом послевоенной индустриализации в Советском Союзе началось активное восстановление и развитие промышленности. В этот период главными целями было восстановление разрушенных предприятий, увеличение производственных мощностей, производства военной техники и др. Все это было направлено на обеспечение обороноспособности страны. Не обошло данное явление и Иркутскую область. Некоторые предприятия обеспечивали себя энергоснабжением собственными энергоустановками. Однако дефицит электроэнергии постоянно нарастал, что привело к необходимости в улучшении энергообеспеченности области.

В связи с вышеуказанным с середины прошлого века на реке Ангаре начал возводиться каскад гидроэлектростанций (далее – ГЭС). Братская ГЭС – вторая в ступени Ангарского каскада ГЭС, она является одной из крупнейших известных ГЭС в России.

В 2024 г. Братская ГЭС установила рекорд среди ГЭС Европы и России, достигнув отметки в 1,3 трлн киловатт-часов производства электроэнергии за весь период работы станции¹. Данные показатели еще раз подтверждают то, что Братская ГЭС играет огромную роль в энергосистеме всей Иркутской области, что уже само по себе вызывает интерес для исследований.

¹ Братская ГЭС выработала рекордное количество электроэнергии [Электронный ресурс] // КП-Иркутск. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/27567/4891360/> (дата обращения: 20.04.2025).

До 2030 г. в Сибири планируется строительство четырех новых ГЭС, а именно – Тельмамской, Крапивинской, Нижнебогучанской и Мотыгинской ГЭС². В связи с этим становится актуальной проблема переселения населения из зоны водохранилищ ГЭС. Такая принудительная миграция приводит к серьезным последствиям, которые мы рассмотрим на примере строительства Братской ГЭС.

Порядок работ по переселению населения определялся Постановлением Совета Министров СССР от 24 марта 1956 г. № 389 «О мероприятиях по переселению населения и переносу на новые места строений и сооружений в связи со строительством Братской гидроэлектростанции Министерства электростанций»³.

Вышеуказанное постановление отсылает к Постановлению Совета Министров СССР от 27 сентября 1952 г. № 4314, в котором указан порядок и условия переселения населения, перенос зданий, строений и сооружений, а также ряд других работ по подготовке зоны затопления водохранилища Братской ГЭС. Также, согласно данному постановлению, были предусмотрены льготы определенному перечню лиц, таким как служащие, рабочие, колхозники и самим колхозам⁴.

В это время перед министерством электростанций стояла задача по разработке и утверждению нормативов и расценки стоимости сноса, переноса зданий, строений, сооружений⁵. Объем работ был огромным: на территории, попадавшей под затопление, были расположены Аларский, Балаганский, Боханский, Братский, Кировский, Куйтунский, Нукутский, Осинский, Тангуйский, Усольский, Усть-Удинский, Черемховский районы. На этой территории насчитывалось 16 200 дворов индивидуального пользования, 3 616 объектов колхозов и 3 390 строений местных Советов⁶. Для осуществления работ по переселению Иркутским облисполкомом были созданы специальные отделы в районах, попадавших под затопление⁷.

Затопление ложа водохранилища должно было происходить постепенно, в связи с чем установили очередность переселения. Первыми в очереди на переселение стояли следующие населенные пункты: Монастырь, Романово, Лучиха, Исаково, Филиппово, Тепляшино, Святино, Распутино, Черная речка, Долоново, Пьяново. Вышеуказанные деревни и поселки планировалось переселять с мая 1957 по октябрь 1958 г., после них в очереди стояли Долгий Луг, Большеокинск, Наратай, Степаново, Кежма, Большая Мамырь, Малая Мамырь, Мока, Нижнее Суворово, Шумилово, Чама. Сроки для них были установлены с мая 1958 по май 1960 г. С мая 1959 по 1961 г. запланирован перенос всех оставшихся сел. Завершить полное переселение планировалось к концу 1961 г.⁸

До весны 1957 г. было необходимо завершить все работы по выбору площадок для переселения и перенести их на местность. Также стояла задача сохранения людей на новых территориях, в первую очередь колхозников. Для решения данной задачи в новых поселках было предложено проведение строительства типовых домов силами колхозных бригад. Для окинских и ангарских колхозников, переселяемых на расстояние от 100 до 238 км, животноводческие и производственные помещения колхозов было поручено строить тресту «Братскгорсельстрой». Для сохранения темпов переселения все работы планировалось механизировать. Только в этом случае, по словам заместителя председателя исполкома районного Совета депутатов трудящихся А. Семенова, «поселки у нас будут выглядеть культурные, никак из старья, перенесенного на новые места»⁹.

² Еп+ запланировала строительство четырех новых ГЭС до 2030 года [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/795554> (дата обращения: 11.05.2025).

³ Рябов Ю.В. История переселения населения из зон создания Ангарских водохранилищ (1950–1970-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2016. С. 109.

⁴ Там же.

⁵ Рябов Ю.В. Проблемы переселения населения из зоны затопления водохранилища Красноярской ГЭС // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4. С. 147.

⁶ Рябов Ю.В. История переселения населения... С. 162.

⁷ Рябов Ю.В. Проблемы переселения населения из зоны затопления... С. 147.

⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2860. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

⁹ Там же.

Начало переселения было запланировано на 1956 г., однако фактически все работы начаты в 1957 г. в связи с неосвоением в срок выделенных для этого Иркутским облисполкомом 10 млн руб.¹⁰

С началом переселения появился ряд проблем, которые необходимо было решать в кратчайшие сроки. Например, в результате проверки Исполкомом областного Совета депутатов трудящихся выявлены факты грубого нарушения планов застройки районных центров и сельских населенных пунктов. Так, заместителем председателя Кировского райисполкома разрешено строительство нового жилого дома каркасно-засыпного типа в центре села Олонки, будущего районного центра. На центральной усадьбе колхоза «Заря коммунизма» Осинского района без соблюдения элементарных санитарных норм производилось строительство новых жилых домов и восстановление переносимых с площадок улусов Матаган, Ирхидей, Орлон. При переносе строений и восстановлении их на новой площадке в Балаганском районе был нарушен план застройки, не соблюдены красные линии, надворные постройки граждан размещались на одной линии с фасадной стороной жилых домов. По мнению Исполкома областного Совета депутатов трудящихся, такие серьезные нарушения были допущены в связи с отсутствием контроля за ходом восстановления и строительства строений и сооружений на местах «вселения»¹¹.

Также отмечено и то, что районные и городские оценочные комиссии при определении обязанностей и порядка проведения работ не руководствовались Постановлением Совета Министров СССР от 27 сентября 1952 г. № 4314. Ряд руководителей злоупотреблял своими служебными полномочиями, сотрудники оценочных комиссий не обладали необходимым опытом работы, сама работа была не согласована между отделами и организациями, в результате чего инвентаризация строений и начисление гражданам компенсаций проходили с большим количеством нарушений, однако со временем сложившиеся недочеты устранили.

Подготовка ложа Братского водохранилища не ограничивалась переселением людей. Необходимо было очистить территорию от такого важного ресурса, как лес. В связи с чем было издано Временное положение Отдела по подготовке водохранилища Братской ГЭС Исполнительного комитета Иркутского областного Совета депутатов трудящихся «По лесосводке и лесочистке на землях компенсационного фонда в Братском и Тангуйском районах взамен затопляемых при сооружении Братской ГЭС» от 29 марта 1957 года № 65. Согласно данному положению, лесосводка и лесочистка производились специальными лесозаготовительными предприятиями и на землях, предназначенных лишь под сельхозугодия (пашни, сенокосы, выгона). В колхозах, на землях которых эксплуатационный запас древесины составлял менее 20 тыс. куб. м, лесозаготовительные предприятия не создавались. В таких случаях лесосводка и лесочистка производились машинно-мелиоративными станциями. В зоне затопления водохранилища Братской ГЭС лесочисткой занимались «Иркутскспецлесзаг», «Заярскспецлесзаг», «Комбинат Братсклес», работы которых производились согласно плану вырубки и лесочистки¹².

Переселение жителей и перенос строений осуществлялись на протяжении всего периода строительства Братской ГЭС. 15 июля 1960 г. состоялся 4-й Пленум райкома КПСС по вопросу подготовки ложа водохранилища Братской ГЭС, переселения населений и переноса строений из зоны затопления. На данном мероприятии председатель колхоза имени Сталина заявил, что считает постановку вопроса о подготовке ложа водохранилища запоздалой. Он утверждал, что строительство идет на протяжении двух лет, однако значительных результатов не достигнуто. Также им было отмечено, что в системе переселения отсутствует продуманный план, многие мероприятия проводятся стихийно, без предварительной подготовки.

¹⁰ Рябов Ю.В. Проблемы переселения населения из зоны затопления... С. 147.

¹¹ ГАИО. Ф. Р-2860. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

¹² Там же. Д. 4а. Л. 51.

На этом же Пленуме в адрес колхоза имени Сталина была претензия, что колхоз не вывез из зоны затопления животноводческие помещения, однако на отведенных площадках, куда предполагался вывоз животных, отсутствует водоснабжение, в связи с чем условия для содержания животных отсутствовали.

Рассматривалась и деятельность Усть-Удинского леспромхоза. Кроме очистки ложа водохранилища от леса, перед леспромхозом стояла задача по переносу строений. На новые места переносились производственные участки. Отмечено, что из пяти населенных пунктов было перенесено только два, что являлось низким показателем. Значительно лучше проходили перенос и строительство индивидуальных построек.

Также отмечено, что в леспромхозе существовали проблемы с переносом школ и медицинских пунктов. Причиной являлось и отсутствие водоснабжения на новых местах, как было отмечено председателем колхоза имени Жданова.

На Пленуме также выступил начальник межколхозного строительного управления (далее – СМУ). В докладе прозвучало, что некоторые руководители, в частности председатель колхоза «Заветы Ленина», уклонялись от заключения договора с межколхозным СМУ для постройки объектов в колхозах, что замедляет темпы строительства. Было отмечено и то, что СМУ нуждается в пополнении автопарка, мотопилах «Дружба», нарядях на цемент, шифер, гвозди, краску и прочие строительные материалы. Начальником СМУ также были раскритикованы работники отдела по подготовке ложа водохранилища Братской ГЭС за допущение фактов формализма при оценке строений, в результате чего признанные на перенос строения оказываются непригодными для переноса.

Участниками Пленума отмечено, что среди работ также запланированы радиофикация и телефонизация нового райцентра. Были освещены проблемы ремонта дорожного покрытия, а именно то, что многие предприятия располагают техникой, но не имеют желания ремонтировать закрепленные за собой участки дорог¹³.

Неоднократно говорили о проблемах в строительстве: недостаточном количестве сантехников, недостатке труб, оборудования, материалов у СМУ. Председателем райисполкома вынесено заключение о неудовлетворительном состоянии переноса жилых и общественных объектов на новые площадки по причине отсутствия должного «напряжения», которое должны были создать строительные организации, руководители учреждений и предприятий. Председатель райисполкома также обратил внимание на очень низкое качество строящихся объектов СМУ и затягивание сроков строительства. Он отметил, что такие важные для района объекты, как Дом Советов, Дом культуры, Заготзерно, не строятся. Еще раз было обращено внимание на отсутствие водоснабжения. Эта проблема заключалась в отсутствии помощи от областных организаций с 1959 г., что замедляло переселение. При всем вышеуказанном Исполкомом райсовета было обещано учесть критику, высказанную на Пленуме, и принять меры к устранению недостатков в переносе и строительстве объектов¹⁴.

В изданиях периодической печати отмечалось, что в 1966 г. в районе Братской ГЭС продолжались работы по переносу и новому строительству частновладельческих, государственных и кооперативных строений. Отмечалось, что проведена большая работа по переселению населения на новые места, однако замечено, что имелись недостатки, которые заключались не только в переселении населения, но и его обустройстве на новых местах. Было отмечено и наличие ряда нерешенных вопросов¹⁵.

Говоря о переселяемых жителях, следует сказать, что от них это потребовало больших усилий. Переселялись жители, как правило, в укрупненные объединенные поселения, само переселение происходило вместе с переносом зданий. Жители не могли переселяться, не ликвидировав постройки и дома на прежнем месте жительства. Одним из способов такой

¹³ О подготовке ложа водохранилища Братской ГЭС // Ангарская правда. 1960. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Хлыстов Г.А. О работе Усть-Удинского районного Совета депутатов трудящихся за 1965 год // Ангарская правда. 1966. С. 3.

ликвидации был поджог. Все это приводило к стрессу, несмотря на то, что переселение должно было привести к положительным изменениям. Прожив много лет в своих селах, сформировав свой образ жизни в проживаемых местах, жители вынуждены были переселяться. В данном случае было необходимо в кратчайшие сроки адаптировать сельских жителей к быстро менявшейся социально-экономической среде¹⁶.

На новых местах территория годами не благоустраивалась, не были подведены коммуникации, качество земли неудовлетворительное, что влияло на качество жизни граждан¹⁷. Жителей одного села чаще всего размещали на одной улице, круг общения в первые годы после переселения был ограничен жителями своей бывшей деревни¹⁸. Для человека, который всю свою жизнь прожил в деревне, где все друг друга знают, где были созданы условия для жизни, переезд на другое место жительства может стать настоящей проблемой, что и случилось со многими переселяемыми жителями.

Для переселяемых жителей была характерна низкая мобильность. Причиной этому, в частности, служило отсутствие поблизости крупных городов, промышленных центров, у людей был сформирован хозяйственно-бытовой уклад. Некоторые деревни насчитывали столетний возраст, что делало для переселяемых старое место жительства стабильным, комфортным и предсказуемым. Руководство региона пыталось исправить данную ситуацию, позитивно окрашивая вынужденное переселение, говоря, что необходимость переселения обусловлена государственными интересами страны и региона. У некоторых возникало недоверие ко всему происходящему: опасаясь невыполнения обещанных условий, люди сопротивлялись переселению. Однако были и те, кто в сложившейся ситуации нашел шанс жить в новых домах, квартирах, выбраться из деревень и начать новую жизнь.

Во время строительства Братской ГЭС молодая часть населения увидела в переселении новые возможности, впоследствии находя работу на строительстве ГЭС или на иных предприятиях. Заселили новые территории и молодые юноши-девушки с различных уголков страны, прибывшие в качестве добровольцев для строительства ГЭС после обращения ЦК КПСС и СМ СССР в комсомольские организации¹⁹. Возрастная часть населения видела в переселении проблему как в физическом плане ввиду возрастных ограничений, так и в психологическом. Люди боялись потерять привычные социальные связи, обуславливая это сложностью построения отношений в пожилом возрасте, эмоциональной привязанностью к старому месту жительства, боязнью неизвестности, что приводило к тревоге. Существовали финансовые и организационные трудности.

Таким образом, строительство Братской ГЭС имело как положительные стороны, так и отрицательные. Благодаря ГЭС регион стал развиваться, получил возобновляемый источник энергии, большое количество рабочих мест, появилась возможность контролировать уровень воды в реках. Водохранилище, созданное при строительстве Братской ГЭС, используется для судоходства, рыболовства, отдыха и т.д. Однако во время строительства Братской ГЭС возникло немало проблем, включая самую главную – переселение населения из зоны водохранилища, сопровождающееся проблемами организации переселения, отсутствием должного контроля, злоупотреблением полномочий, вырубкой леса и др.

Литература

Ковригина С.В. Влияние модернизационных процессов II половины XX века на поселенческую структуру Среднего и Нижнего Приангарья // Труды Братского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 29–32.

¹⁶ Максимова В.Н. Общественная и бытовая сферы Среднего Приангарья через призму восприятия жителей (1950–60-е годы) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2023. № 1. С. 137.

¹⁷ Ковригина С.В. Влияние модернизационных процессов II половины XX века на поселенческую структуру Среднего и Нижнего Приангарья // Труды Братского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 30.

¹⁹ Максимова В.Н. Общественная и бытовая сферы Среднего Приангарья... С. 140.

Максимова В.Н. Общественная и бытовая сферы Среднего Приангарья через призму восприятия жителей (1950–60-е годы) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2023. № 1. С. 136–142.

Рябов Ю.В. История переселения населения из зон создания Ангарских водохранилищ (1950–1970-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2016. 245 с.

Рябов Ю.В. Проблемы переселения населения из зоны затопления водохранилища Красноярской ГЭС // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4. С. 147–156.

References

Kovrigina, S.V. (2018). Vliyanie modernizatsionnykh protsessov II poloviny XX veka na poselenceskuyu strukturu Srednego i Nizhnego Priangar'ya [The Influence of Modernization Processes of the Second Half of the 20th Century on the Settlement Structure of the Middle and Lower Angara Region]. In *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 1, pp. 29–32.

Maksimova, V.N. (2023). Obshchestvennaya i bytovaya sfery Srednego Priangar'ya cherez prizmu vospriyatiya zhiteley (1950–60-e gody) [Public and Everyday Spheres of the Middle Angara Region through the Prism of Residents' perception (1950–60s)]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. No. 1, pp. 136–142.

Ryabov, Yu.V. (2016). *Istoriya pereseleniya naseleniya iz zon sozdaniya Angarskikh vodokhranilishch (1950–1970-e gg.)* [History of the Resettlement of the Population from the Zones of the Creation of the Angara Reservoirs (1950–1970s)], Cand. hist. sci. diss. Ulan-Ude. 245 p.

Ryabov, Yu.V. (2021). Problemy pereseleniya naseleniya iz zony zatopleniya vodokhranilishcha Krasnoyarskoy GES [Problems of Resettlement of Population from the Flood Zone of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station Reservoir]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. No. 4, pp. 147–156.

А.Н. Воробьев*

**ВЫСЕЛЕННЫЕ «ТУНЕЯДЦЫ»
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1961–1965 ГОДАХ:
МЕЖДУ ИНТЕГРАЦИЕЙ И ИЗОЛЯЦИЕЙ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-17
УДК 94(47).084.9*Выходные данные для цитирования:
Воробьев А.Н. Выселенные «тунеядцы» в Красноярском крае в 1961–1965 годах:
между интеграцией и изоляцией // Исторический курьер. 2025. № 5 (43).
С. 195–206. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-17.pdf>*

A.N. Vorobyev*

**EVICTED “PARASITES”
IN KRASNOYARSK KRAI IN 1961–1965:
BETWEEN INTEGRATION AND ISOLATION**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-17

*How to cite:
Vorobyev A.N. Evicted “Parasites” in Krasnoyarsk Krai in 1961–1965: Between
Integration and Isolation // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 195–206.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-17.pdf>]*

Abstract. The article examines the situation of evicted “parasites” in Krasnoyarsk Krai in 1961–1965 in the context of changing norms and practices of social control during the thaw period. The implementation of the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR “On strengthening the fight against persons evading socially useful work and leading an antisocial parasitic lifestyle” of May 4, 1961, led to the eviction of more than nine and a half thousand “parasites” to Krasnoyarsk Krai in the period 1961–1965. The decree attempted to combine the repressive idea of the need to evict “malicious parasites” with the concept of their re-education by society through forced inclusion in work collectives at the place of settlement. It was not possible to implement the strategy of reintegration of “parasites” due to the lack of a well-thought-out system of adaptation and re-education of settlers. The public and local leaders tried to distance themselves from issues related to the “parasites”, trying to shift all the work to the police. In turn, the police failed to ensure the proper level of administrative supervision of the evicted, as a result of which many “parasites” continued to engage in the same “antisocial” activities in the places of settlement for which they were evicted. It was concluded that the conditions that developed in the places of settlement led to the intensification of the processes of social marginalization and an even greater expulsion of “parasites” to the periphery of Soviet society.

Keywords: parasites, social control, deviant behavior, forced labor, forced relocation, Krasnoyarsk Krai.

*The article has been received by the editor on 23.07.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье рассматривается положение выселенных «тунеядцев» в Красноярском крае в 1961–1965 гг. в контексте изменяющихся норм и практик социального контроля периода хрущевской оттепели. Реализация Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г. привела к выселению в Красноярский край более девяти с половиной тысяч «тунеядцев» в период 1961–1965 гг. Указ пытался соединить репрессивную идею о необхо-

* **Алексей Николаевич Воробьев**, магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: politscience@mail.ru
Alexey Nikolaevich Vorobyev, Master’s Student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: politscience@mail.ru

димости выселения «злостных тунеядцев» с концепцией их перевоспитания общественностью посредством принудительного включения в трудовые коллективы по месту поселения. Реализовать стратегию реинтеграции «тунеядцев» не удалось из-за отсутствия продуманной системы адаптации и перевоспитания поселенцев. Общественность и местные руководители старались дистанцироваться от вопросов, связанных с «тунеядцами», стремясь всю работу переложить на органы милиции. В свою очередь органам милиции не удалось обеспечить должный уровень административного надзора за выселенными, в результате чего многие «тунеядцы» продолжали в местах поселения заниматься той же «антиобщественной» деятельностью, за которую были выселены. Сделан вывод о том, что сложившиеся условия в местах поселения приводили к интенсификации процессов социальной маргинализации и еще большему выталкиванию «тунеядцев» на периферию советского общества.

Ключевые слова: тунеядцы, социальный контроль, девиантное поведение, принудительный труд, принудительные переселения, Красноярский край.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025 г.

Введение. Представления высшего руководства СССР о возможностях и методах форсированного построения коммунизма и связанная с этим борьба с «пережитками прошлого» привели к принятию 4 мая 1961 г. Указа ПВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» (более известного как Указ о тунеядстве)¹. Согласно данному указу лица, признанные «антиобщественными паразитическими элементами» по постановлению народного суда или же на основании общественного приговора, утвержденного исполкомом Совета депутатов трудящихся, подвергались выселению в «специально отведенные местности» на срок от двух до пяти лет с обязательным привлечением к труду.

Исследования, основанные на источниках из федеральных архивов и опубликованные в последние два десятилетия, значительно обогатили наши знания о ходе разработки указа, влиянии на этот процесс различных контекстуальных факторов и роли конкретных акторов и возникавших при этом дискуссий, а также реализации указа и его результатах². Однако недостаточно изученным представляется региональный опыт реализации указа и в первую очередь ситуация в тех регионах, которые волею властей стали «специально отведенными местностями», принявшими самую масштабную волну принудительного переселения за весь постсталинский период советской истории³. Красноярский край принял около четверти всех выселенных в РСФСР «тунеядцев», став одним из регионов-лидеров по данному показателю, поэтому рассмотрение положения выселенных «тунеядцев» в нем важно как с точки зрения

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г. // Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. М., 2010. С. 581–583.

² Фицпатрик Ш. Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008; Зубкова Е.Ю. Принудительная «трудотерапия» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 (92). С. 26–35; Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118; Gorlizki Y. After the 20th Congress: Liberalization and the Problem of Social Order // Social Control under Stalin and Khrushchev: The Phantom of a Well-Ordered State. Toronto, 2023. P. 237–262; Tolmachev V. From rhetoric to practice: Drafting and implementation of the Soviet “anti-parasite” legislation in its socio-economic, legal, ideological and cultural contexts. Master’s Thesis, University of Nottingham, 2015.

³ Исключение составляет работа Л.А. Крушановой, в которой затронута проблема выселенных «тунеядцев» в Хабаровском крае. См.: Крушанова Л.А. Закон о «тунеядцах» 1961 г. и его реализация на Дальнем Востоке // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. ст. Владивосток, 2014. С. 122–128.

региональной истории, чтобы осветить неизученные ранее сюжеты, так и с точки зрения более комплексного анализа указа как инструмента социального контроля.

Целью статьи является исследование положения выселенных «тунеядцев» в Красноярском крае в 1961–1965 гг. в контексте изменяющихся норм и практик социального контроля периода хрущевской оттепели». Хронологические рамки исследования охватывают период с 1961 по 1965 г. Нижняя граница обусловлена фактом принятия указа – 4 мая 1961 г., после чего началось выселение граждан в Красноярский край. Верхняя граница обусловлена тем, что в 1965 г., после смены политического руководства страны, изменилась государственная политика в отношении «тунеядцев» и были внесены корректировки в указ, согласно которым судебный порядок выселения сохранялся только для Москвы, Ленинграда и Московской области⁴. Основными источниками исследования выступают документы из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) и Национального архива Республики Хакасии (НАРХ). Также использовались опубликованные и неопубликованные документы из федеральных архивов, материалы периодической печати и документы личного происхождения.

«Указ о тунеядстве» в контексте изменяющихся норм и практик социального контроля. Нормы и практики социального контроля, характерные для периода оттепели, являлись результатом противоречивого смешения различных тенденций и стратегий в отношении «социальных аномалий». С одной стороны, высшее руководство страны стремилось отойти от сталинских методов и переформатировать политику в отношении маргинальных групп населения, основываясь на принципах гуманизма, включения и реинтеграции маргиналов в советское общество, увеличения роли профилактики и перевоспитания, при этом главным субъектом в отношениях с маргиналами должна была стать «общественность»⁵. Также в правоохранительном дискурсе главенствующей становилась возрожденная идея «социалистической законности», что проявилось в увеличении роли прокурорского надзора, стремлении не допустить внесудебных преследований и т.д. Но в то же время представления эпохи сталинизма о репрессиях и изоляции как о базовых подходах по отношению к маргиналам были в достаточной степени укоренены в советском обществе и особенно давали о себе знать при возникновении новых угроз советскому социальному порядку: Венгерское восстание 1956 г., разгул преступности в середине 1950-х, массовые беспорядки, подъем религиозности во второй половине 1950-х и т.п.

Указ от 4 мая 1961 г. стал результатом парадоксального смешения и наложения вышеперечисленных трендов. С одной стороны, выселение как мера в отношении «злостных тунеядцев», внесудебный/квазисудебный характер процедуры, использование указа как инструмента чистки городов и преследования конкретных групп (проститутки, «сектанты» и т.д.) выглядели явным анахронизмом и отражали репрессивные взгляды Н.С. Хрущева периода сталинизма⁶. С другой стороны, принудительное включение выселенных в рабочие коллективы и воспитательная работа с ними должны были сделать из них активных строителей коммунизма с соответствующей моралью. Далее мы проанализируем положение высе-

⁴ Указ Президиума ВС РСФСР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года “Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими анти-общественный паразитический образ жизни”» от 20 сентября 1965 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 38. С. 737–739. Выселение «тунеядцев», в том числе в Красноярский край, продолжалось вплоть до 1970 г., когда выселение как мера было полностью исключено. При этом значительное уменьшение количества выселенных в 1965–1970 гг., а также отсутствие интереса политического руководства страны к указу как инструменту социального контроля привели к практически полному отсутствию в изученных нами архивных фондах документов, относящихся к реализации указа в 1965–1970 гг.

⁵ Подробный анализ различных трендов представлен в работах: Зубкова Е.Ю. Нормы и практики контроля над уголовной преступностью в СССР: тенденции «оттепели» // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3 (50). С. 128–138; Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества... С. 101–118.

⁶ В январе 1945 г. Н.С. Хрущев, выступая на совещании во Львове, заявлял: «Нужно очищаться нам от кулаков, попов и торговцев. Давайте будем выселять. Нужно не либеральничать с ними» (Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 116). О репрессивных инициативах Хрущева 1948 г. по выселению лиц, ведущих «антиобщественный паразитический образ жизни», см.: Lévesque J. Exile and Discipline: The June 1948 Campaign Against Collective Farm Shirkers. Pittsburgh, 2006.

ленных «тунеядцев» через оппозицию «изоляция/интеграция», детализируя реализацию данных стратегий, при этом учитывая изменения в правоохранительной сфере, специфику различных категорий выселенных и другие факторы.

Нормативные основы и количество выселенных. Совет Министров РСФСР утвердил Красноярский край одним из шести регионов, куда подлежали выселению «тунеядцы»⁷. Чуть позднее МВД РСФСР определило список регионов, с территории которых выселенные лица направлялись на поселение в Красноярский край. Список состоял из двадцати регионов европейской и центральной частей РСФСР, включая Москву и Московскую область⁸.

Выселенные «тунеядцы» начали прибывать в Красноярский край в первой половине июня 1961 г.⁹ В первое время процесс расселения осложнялся отсутствием нормативных документов краевого уровня, определяющих районы поселения и отрасли народного хозяйства для трудоустройства выселенных граждан, в результате чего руководящим органам некоторых районов не было известно о планируемом направлении к ним выселенных и не имелось возможности заранее заняться вопросами их размещения и трудоустройства¹⁰.

Лишь в начале июля 1961 г. исполком Красноярского крайсовета своим решением определил районы для расселения, а также отрасли хозяйства для трудоустройства выселенных¹¹. Для расселения были определены 33 района края (поселение «тунеядцев» в городах исключалось) и следующие отрасли: совхозы, цветная металлургия, лесная промышленность, геология, рыбная промышленность, строительство и ремонт дорог. Однако для нас в данном решении исполкома более интересна предполагаемая численность поселенцев. В течение 1961–1962 гг. предполагалось расселить в крае 2 265 чел. Данная цифра составлена на основе заявок и писем, полученных краевым УВД от различных управлений и районов, в которых сообщалось, какое количество выселенных граждан возможно принять и трудоустроить в том или ином районе или организации. По всей видимости, на представлении краевых властей о предполагаемой численности выселенных также сказалась практика более ранней ссылки в край различного «спецконтингента». По данным краевого УВД, на 1 марта 1961 г. в крае отбывали ссылку 2 520 чел. (684 чел. «уголовного элемента», 883 чел. бродяг и 953 чел. спецпоселенцев и пр.)¹². С апреля 1959 г. по 1 марта 1961 г. в край прибыло 1 092 ссыльных, из них 461 человек поступил за период с октября 1960 г. Таким образом, ожидаемая численность прибывающих «тунеядцев» была примерно сопоставима с динамикой ссылки в край, характерной для конца 1960 – начала 1961 г.

Реальная численность выселенных граждан оказалась значительно выше ожидавшейся. По данным на конец ноября 1961 г., за неполные семь месяцев действия указа в Красноярский край было выселено 3 722 чел.¹³ Всего же за четыре года, по состоянию на июнь 1965 г., в край прибыло 9 511 выселенных «тунеядцев»¹⁴. Большая часть из этого числа, а именно

⁷ Социальные маргиналы как объект государственной политики... С. 590. Как видно из данного документа, под «специально отведенными местностями» Совмин РСФСР понимал удаленные регионы России.

⁸ Приказ МВД РСФСР № 0288 от 14 июня 1961 г. // Центральный архив МВД России (ЦА МВД России). Ф. 27. Оп. 1. Д. 85. Л. 1. В начале 1962 г., пытаясь уменьшить количество людей, выселяемых в Красноярский край, МВД РСФСР сократило список регионов до одного, оставив лишь Москву (Приказ МВД РСФСР № 051 от 25 января 1962 г. // ЦА МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 106. Л. 137). По всей видимости, в дальнейшем этот список также корректировался, однако этот аспект невозможно детально проанализировать ввиду недоступности для исследователей большей части документации МВД РСФСР.

⁹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 35. Д. 198. Л. 28–54.

¹⁰ Социальные маргиналы как объект государственной политики... С. 621.

¹¹ Решение исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся № 469 от 1 июля 1961 г. «О расселении и трудоустройстве лиц, высланных по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года» (ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 2039. Л. 222–223). Хотя само решение датируется 1 июля, разработка приложения к нему, в котором приводился список районов и организаций для приема и трудоустройства поселенцев, по всей видимости была закончена лишь к середине июля. Приложение к решению и материалы, касающиеся его подготовки, представлены в ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 204. Л. 142–156.

¹² ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 204. Л. 12.

¹³ Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 626.

¹⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1. Л. 69.

7 297 чел., была выселена в первые два года действия указа¹⁵. Основным «поставщиком» «тунеядцев» в Красноярский край была Москва: из 9 511 выселенных москвичи составляли 5 422 чел.¹⁶ К сожалению, мы не располагаем статистикой по категориям выселенных за исключением лиц, выселенных за принадлежность к нелегальным религиозным сектам (данная категория далее будет проанализирована отдельно). Проблемы с выселенными, о которых будет сказано ниже, были обусловлены не только их большим количеством, но и спецификой прибывающего «спецконтингента». Как отмечали краевые партийные органы, «в числе прибывших многие до выселения были неоднократно судимы, хронические алкоголики, наркоманы, проститутки, религиозники-сектанты и т.п.»¹⁷.

Правовой режим и организация надзора. Выселение как мера воздействия по отношению к «злостным тунеядцам» предполагало ведущую роль органов милиции в ее реализации, что противоречило оттепельному тренду на депрофессионализацию правоохранительной сферы и уменьшению численности сотрудников внутренних дел, однако передать общественности функции конвоирования, распределения, организации учета и надзора по месту поселения было невозможно. Следствием этого являлось отношение к «тунеядцам» со стороны милиции фактически как к уголовным преступникам и знакомство выселяемых с не самыми приятными элементами правоохранительной системы – КПЗ, тюрьмами, долгим этапированием и почти обыденным нарушением гражданских прав, хотя выселение определялось как мера «административного воздействия»¹⁸. МВД РСФСР пыталось выделять выселяемых в отдельную категорию и предотвратить взаимодействие «тунеядцев» с преступниками, предписав «при конвоировании и временном содержании в КПЗ милиции и тюрьмах выселяемых лиц размещать отдельно от заключенных»¹⁹, однако это было трудно реализуемо на практике²⁰.

Ввиду слишком большого количества прибывающих в Красноярский край «тунеядцев» УВД оказалось не способно оперативно распределять их в районы, что привело к переполненности красноярской тюрьмы и созданию для поселенцев нечеловеческих бытовых условий. Так, в камере, оборудованной в подвальном коридоре тюрьмы без окон и вентиляции, на 24 июля 1961 г. содержались 26 человек, которые были вынуждены периодически поливать пол водой, чтобы освежить воздух. В той же камере из-за отсутствия мест на нарах 10 человек были вынуждены размещаться на сыром полу. Многие люди ожидали распределения в таких условиях месяц и более. Также нетривиальным образом решалась в тюрьме проблема контроля над выселенными, надзирать за которыми был поставлен заключенный, осужденный за уголовное преступление. Такие условия, естественно, вызывали негативную реакцию со стороны выселенных: так, 28 сентября 1961 г. 140 «тунеядцев» отказались от приема пищи в знак протеста против неправильного к ним отношения²¹.

Теперь остановимся на обязанностях и ограничениях, составляющих правовой режим в местах поселения. Три основных обязательства выселенных, определенные Советом Министров РСФСР, включали в себя: 1) занятие общественно полезным трудом; 2) ежедневное прохождение регистрации в органах милиции; 3) информирование органов милиции в течение трех суток в случае смены места работы или проживания. В случае отказа заниматься общественно полезным трудом по решению суда назначались исправительные работы с удержанием 10 % заработка, в случае уклонения от исправительных работ действия поселенца подпадали под действие статьи 28 УК РСФСР, предполагающей лишение

¹⁵ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

¹⁶ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1. Л. 69.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 584.

¹⁹ Приказ МВД РСФСР № 0288 от 14 июня 1961 г. // ЦА МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 85. Л. 4.

²⁰ Так эту проблему описывал журналист: «Из зала суда тунеядца отправляют в пересыльную тюрьму, где он оказывается в “теплой” компании уголовников. Во время пребывания в тюрьме и по пути к месту поселения (а путь не такой уж короткий) они терпеливо, “по-дружески” поучают его, как вести себя на новом месте, стараются увлечь воровской “романтикой”» (Иванов В. И вот тунеядцев выселили... // Молодой коммунист, 1964. № 4. С. 99).

²¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 36. Л. 501–502; Д. 7. Л. 91.

свободы. Также выселенным запрещалось без санкции милиции отлучаться из населенного пункта проживания более чем на трое суток и выезжать за пределы административного района. Выезд за пределы района без разрешения милиции предусматривал ответственность согласно статье 186 УК РСФСР. При этом важно отметить, что нормативными актами не было предусмотрено изъятие паспортов у выселенных граждан.

Полноценный учет и надзор за выселенными лицами предполагали довольно большие издержки со стороны органов милиции. Спецкомендатуры, организованные в 1940-е гг. для надзора за спецпоселенцами, к концу 1950-х гг. перестали существовать, и надзор за оставшимися спецпоселенцами и другим «спецконтингентом» был передан горрайотделам милиции. При принятии Указа от 4 мая 1961 г. ПВС РСФСР предполагал, что МВД в местах поселения создаст комендатуры для учета и контроля за выселенными. Спустя месяц Совет Министров РСФСР определил, что контроль за выселенными будет осуществляться участковыми уполномоченными или создаваемыми в необходимых случаях комендатурами²². Точку поставило МВД РСФСР, своим приказом определившее ответственными за надзор за поселенцами горрайорганы милиции, даже не упомянув вопрос о создании комендатур²³. Наиболее типичной оказалась ситуация, при которой функции надзора выполнял участковый уполномоченный, для которого это была работа по совместительству. Ситуация усугублялась огромной территорией Красноярского края и его районов, географической разбросанностью поселенцев внутри районов и плохой транспортной доступностью многих поселений, что в некоторых ситуациях приводило к невозможности посещения выселенных лиц работниками милиции. При этом общественность, партийные и другие руководители на местах зачастую старались дистанцироваться не только от вопросов, связанных с надзором за выселенными, но и от проблем с трудоустройством. Также бытовало мнение, что даже перевоспитанием выселенных должны заниматься органы милиции²⁴. Естественным образом такая организация надзора вызывала множество нареканий со стороны проверяющих лиц на всем протяжении изучаемого периода.

Особенности организации надзора, указанные выше, привели к неспособности органов милиции обеспечить адекватный контроль за выселенными. Основные проблемы, обозначенные проверяющими инстанциями, а также журналистами, можно свести к двум пунктам: первый – несоблюдение порядка ежемесячного прохождения регистрации; второй – слабый контроль за местонахождением выселенных и их трудоустройством, в большей степени по вине работодателей, зачастую не считавших нужным сообщать милиции об отсутствии выселенного на рабочем месте или его увольнении²⁵. Прокурорская проверка органов милиции, проведенная в конце 1965 г., выявила массу нарушений в организации надзора за выселенными даже там, где их число было незначительным. Как отмечал краевой прокурор, «в Таймырском окротделе милиции на учете состоит всего 49 выселенных тунядцев, из них не прошли очередную регистрацию в 1965 году 11 человек. <...> На числящихся на поселении тунядцев Свириденко, Кузнецова и Теплоухова в окротделе даже не заведены регистрационные карточки. Работники окротдела милиции не знают, где, на каких предприятиях работают выселенные тунядцы»²⁶. Это приводило к тому, что многие выселенные лица без ведома милиции выезжали из районов расселения, посещали города края, а многие

²² Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 591.

²³ Приказ МВД РСФСР № 0288 от 14 июня 1961 г. // ЦА МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–5.

²⁴ Так, на вопрос корреспондента газеты «Советская Россия» председателю Ужурского горисполкома о том, как они участвуют в перевоспитании «тунядцев», последовал ответ: «У нас этим занимается милиция» (Попов К. Ничейные тунядцы // Советская Россия. 1963. 11 авг. С. 2). Отношение к выселенным со стороны районных руководителей хорошо иллюстрируют следующие слова, которые приводит корреспондент «Комсомольской правды»: «При чем здесь какие-то московские прощелыги? И вообще при чем здесь я? У меня и своих дел по горло» (Ходанов А. Орфей спускается в рай // Комсомольская правда. 1963. 23 авг.).

²⁵ Иванов В. И вот тунядцев выселили... С. 100.

²⁶ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3574. Л. 351.

улетали в Москву²⁷. Не всегда это оставалось безнаказанным: так, за 1965 г. 90 человек из числа выселенных были привлечены к уголовной ответственности за побег²⁸.

Трудоустройство. Архитекторами борьбы с «тунеядством» труд рассматривался как лекарство, средство для перевоспитания человека. Как отмечал высокопоставленный работник органов внутренних дел, «высылать тунеядцев в отдаленные места нужно для того, чтобы, работая в трудных условиях, но обязательно в крепком коллективе, они и перевоспитывались бы»²⁹. Красноярский крайисполком обязали обеспечить трудовое устройство выселенных, а также совнархозы были обязаны трудоустраивать выселенных на подведомственных предприятиях³⁰. На практике Красноярский совнархоз отказался трудоустраивать выселенных, ссылаясь на отсутствие потребности в рабочей силе в районах расселения³¹, а попытки краевого УВД воздействовать на совнархоз через крайком и крайисполком не увенчались успехом³². Однако, кроме этих крайне общих обязательств в отношении исполкома и совнархоза, не был определен специальный порядок трудоустройства выселенных, в результате единственной нормативной основой их трудоустройства было общегосударственное трудовое законодательство.

Вопросы трудоустройства почти полностью легли на плечи милиционеров, вынужденных напрямую обращаться в близлежащие организации с просьбами принять на работу выселенных³³. В ряде случаев руководители наотрез отказывались брать на работу «тунеядцев», считая, что комплектование организации «лентяями и лоботрясами» плохо скажется на показателях³⁴. В других случаях работодатели, трудоустраивая людей, не озадачивались созданием для них адекватных бытовых условий, вынуждая увольняться либо стараясь уволить под любым предлогом³⁵. Также встречались ситуации трудоустройства «тунеядцев» в организации, где их перевоспитание было невозможно либо по причине текучести кадров и слабой трудовой дисциплины, либо ввиду отправки большой группы поселенцев в малые трудовые коллективы, где уже сами «тунеядцы» начинали перевоспитывать коренных работников³⁶. Определенную часть «тунеядцев», в свою очередь, также не интересовал поиск работы ввиду принципиального нежелания работать либо из-за алкоголизма, либо в связи со своими религиозными убеждениями.

Социально-бытовые условия. Совет Министров РСФСР обязал Красноярский крайисполком обеспечить, помимо прочего, жилищно-бытовое устройство выселенных лиц. Крайисполком, в свою очередь, ретранслировал данное обязательство окружным и районным исполкомам, а также отраслевым управлениям. На практике это осложнялось дефицитом жилья, пригодного для проживания, который в изучаемый период носил хронический характер. На жилье претендовали люди, прибывающие в край по оргнабору либо по комсомольским путевкам, а также переселяющиеся военнотруженики и работники оборонных объектов. В сложившейся иерархии переселенцев «тунеядцы» занимали второстепенное место и обеспечение их жильем зачастую происходило по остаточному принципу.

Насколько можно судить по отчетам из различных районов, большую часть выселенных с трудом, но удавалось обеспечить жильем. Поселенцы в большинстве проживали

²⁷ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 11. Также см.: Ходанов А. Орфей спускается в рай...

²⁸ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3574. Л. 353. При этом принцип «социалистической законности» предъявлял строгие требования к процедуре привлечения выселенного к уголовной ответственности за побег по ст. 186 УК РСФСР. Так, по данной статье в 1965 г. к 6 месяцам лишения свободы был осужден гражданин Абрамов, однако судебная коллегия краевого суда отменила данный приговор, так как не был доказан умысел Абрамова на побег (ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 13. Д. 539. Л. 155–156).

²⁹ Петров С. Тунеядец просит лопату // Комсомольская правда. 1964. 21 окт.

³⁰ Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 633.

³¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1. Л. 70.

³² Там же. Д. 53. Л. 82.

³³ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3523. Л. 21–22; Попов К. Ничейные тунеядцы // Советская Россия. 1963. 11 авг. С. 2.

³⁴ Ходанов А. Седьмое небо тунеядца // Комсомольская правда. 1962. 29 авг.

³⁵ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 87; Филипов Н. Труд исправляет // Красноярский рабочий. 1962. 15 сент.

³⁶ Иванов В. И вот тунеядцев выселили... С. 100–101.

в общежитиях, коммунальных квартирах, некоторые подсеялись в частные дома и квартиры³⁷. При этом на всем протяжении рассматриваемого периода встречались случаи размещения выселенных в помещениях, непригодных для проживания или находящихся в неудовлетворительном состоянии. В Туруханском районе группу из 22 «тунейдцев» разместили в бывшем помещении детсада, находящемся в антисанитарном состоянии, при этом в доме отсутствовали нары и плита для приготовления пищи³⁸. В ряде других районов фиксировались случаи проживания выселенных в свинарниках, конюховках, сторожках и других нежилых помещениях³⁹. Изредка выселенных и вовсе оставляли без жилья: так, по информации краевого прокурора, в «Октябрьском совхозе Усть-Абаканского района трое выселенных не имеют постоянного жилья и ночуют где придется. В Бирилюсском районе выселенные тунейдцы за отсутствием жилья вынуждены в летнее время ночевать на фермах, сеновалах и т.д.»⁴⁰.

В первые месяцы реализации указа многие поселенцы прибывали в районы поселения в летней одежде, в которой были задержаны, так как работники милиции незаконно лишали их возможности взять с собой необходимый запас бытовых принадлежностей и одежды. Например, колхозу им. Сталина в Енисейском районе пришлось приобретать обувь и одежду для группы выселенных женщин, чтобы иметь возможность их трудоустроить⁴¹.

Жилищно-бытовые условия и возможности их улучшения зависели во многом от самих выселенных, от их желания, возможности и умения находить работу и выстраивать неконфликтные отношения с работодателем и местным сообществом. Базовыми необходимыми условиями для создания относительно благоприятных бытовых условий были трудоустройство и получение приемлемой оплаты труда. Ввиду ряда проблем с трудоустройством, о которых говорилось выше, большая часть выселенных не могла рассчитывать на постоянный источник дохода. При этом можно встретить примеры, когда поселенцы благополучно устраивались на работу, перевозили семьи или создавали семью в местах поселения, приобретали или арендовали дома, обустраивали подсобное хозяйство⁴², часть поселенцев после окончания срока выселения оставалась жить в крае. Также определенную роль играла поддержка (или ее отсутствие) со стороны родственников выселенных, которые помогали либо денежными переводами, либо посылками с вещами и продуктами, количество которых не ограничивалось.

Одной из основных причин, определявших сложности выселенных с трудовым и бытовым устройством, пренебрежительное отношение со стороны местного населения и высокие показатели правонарушений, была высокая доля лиц с алкогольной зависимостью. Алкоголики оказались легкой мишенью при реализации указа – по данным Министерства юстиции РСФСР, 60 % лиц, подвергнутых выселению, систематически пьянствовали⁴³. Эта проблема стала явной уже к июлю 1961 г., поэтому министр юстиции РСФСР заявлял о необходимости организовать лечение алкоголиков в местах поселения и принять меры к ограничению в этих местах потребления спиртных напитков⁴⁴. Несмотря на понимание проблемы, конкретных мер по ее решению предпринято не было. Масштаб проблемы можно оценить по отчету из Ирбейского района, согласно которому из 54 человек, находящихся на поселении на февраль

³⁷ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 6–7; Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3016. Л. 24, 40.

³⁸ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 35. Д. 198. Л. 36.

³⁹ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 6; ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 87.

⁴⁰ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3574. Л. 353.

⁴¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 35. Д. 198. Л. 30; Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. ... С. 620.

⁴² Например, в Ирбейском районе высланный из Московской области мужчина женился на жительнице села Яруль и купил дом (ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 8). Также примеры относительно благополучного устройства в местах поселения можно найти в воспоминаниях выселенных из Московской области баптистов: Путь не украшен цветами. Петр, Павел и Люба Румачик. Б/м, 2005; Рыжук В.Ф. Испытание веры. Б/м, 2012.

⁴³ Социальные маргиналы как объект государственной политики... С. 613.

⁴⁴ Там же. С. 616. Чуть позже, в сентябре 1961 г., Совмин РСФСР обязал Министерство здравоохранения РСФСР представить предложения по организации лечения от алкоголизма в местах поселения (Там же. С. 625).

1964 г., 20 человек являлись алкоголиками и нуждались в принудительном лечении⁴⁵. Если в местах постоянного жительства родственники могли хотя бы пытаться удержать человека от употребления алкоголя, то в местах поселения «тунеядцы» оказывались в ситуации неограниченного доступа к алкоголю при отсутствии сдерживающих факторов⁴⁶. Распространенность алкоголизма среди выселенных имела ряд последствий – снижение производительности и дисциплины труда, оскорбления и избиения местных жителей, нарушения общественного порядка, совершение краж (часто для того, чтобы иметь средства для покупки алкоголя)⁴⁷. Встречались и более трагические ситуации: в Аскизском районе двое поселенцев, находясь в нетрезвом состоянии, обморозили ноги и получили инвалидность второй степени⁴⁸. В Енисейском районе 12 человек умерли от употребления мебельного лака (суррогата алкоголя), четверо из них были выселенными «тунеядцами»⁴⁹. В Ирбейском районе поселенец, освободившись и купив билет на самолет, напился в компании друзей и задохнулся рвотными массами⁵⁰.

Положение выселенных «сектантов». Специфической категорией выселенных, учет которых вели как партийные органы, так и органы госбезопасности, были представители нелегальных религиозных сект. По данным крайкома партии, на июль 1964 г. в Красноярский край на основании указа было выселено 490 верующих⁵¹. Большую часть выселенных сектантов составляли истинно-православные христиане (ИПХ)⁵², остальную часть – пятидесятники, евангельские христиане-баптисты, иеговисты и т.д. Сторонники репрессивно-изоляционистской линии борьбы с религией рассматривали указ о тунеядстве как эффективный инструмент для прекращения деятельности нелегальных сект. Однако выселение большого количества верующих, часть из которых имела опыт руководства религиозными общинами, привело к значительной активизации религиозной жизни в местах поселения. Как только верующие осваивались на новом месте жительства, они начинали налаживать связи с единоверцами из местных жителей, включаясь в деятельность уже существующих активных общин либо создавая новые группы⁵³. Приобщение к религии местных жителей поселенцами вызывало особую обеспокоенность со стороны властей. Встречались случаи, когда под влиянием ИПХ местные жители сжигали свои комсомольские и профсоюзные билеты⁵⁴ и, отказываясь от пенсии, сдавали в органы социального обеспечения свои пенсионные книжки⁵⁵. Серьезную проблему для властей представляли выселенные баптисты-

⁴⁵ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 7.

⁴⁶ Корреспондент «Комсомольской правды» приводит письмо отца, сына которого выселили из Москвы «за беспробудное пьянство». Отец рассчитывал, что в суровых условиях поселения сын вынужден будет избавиться от порока, однако и там он продолжил пьянствовать. (Эдлис Ю. Рассуждение о тунеядцах // Комсомольская правда. 1964. 2 дек.).

⁴⁷ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 10; НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3016. Л. 36; Д. 3017. Л. 132–133.

⁴⁸ Там же. Д. 3016. Л. 23.

⁴⁹ ГАКК. Ф. П-55. Оп. 40. Д. 5. Л. 41–42.

⁵⁰ ГАКК. Ф. П-6780. Оп. 4. Д. 11. Л. 8.

⁵¹ ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 2. Д. 36. Л. 178. Данная цифра представляется реалистичной, так как, по данным краевого УКГБ, на июнь 1963 г. количество выселенных по указу сектантов составляло 404 человека, включая 41 жителя Красноярского края (ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 153). При этом данные об общем количестве выселенных в РСФСР верующих разнятся. СДРК при СМ СССР приводит данные о 351 выселенном (Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1940–1980-е годы. Религиозные диссиденты: документы и материалы. Новосибирск, 2015. С. 86). Исследователь С.А. Чарный оперирует числом в 165 человек, но не приводит источник этих данных (Чарный С.А. Религиозная политика советских властей в период «оттепели» // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М., 2016. С. 446). Учитывая, что в целом по указу в край было выселено около 25 % «тунеядцев», общая численность выселенных сектантов должна быть значительно выше той, которую приводит СДРК.

⁵² Краевое УКГБ на июнь 1963 г. насчитывало 266 ИПХ (ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 153). Уполномоченный по делам религиозных культов вел параллельный учет последователей ИПХ в крае, и по его данным на начало 1963 г. таковых было 314 человек (ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 149. Л. 10).

⁵³ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2936. Л. 5; ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 154; Путь не украшен цветами. Петр, Павел и Люба Румачик... С. 7–11; Рыжук В.Ф. Испытание веры... С. 35–48.

⁵⁴ ГАКК. Ф. П-6830. Оп. 2. Д. 5. Л. 11.

⁵⁵ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 153.

инициативники. Они не только писали множество писем в верховные органы власти, требуя прекратить репрессии против верующих, доказывая, что в местах высылки «умышленно делается все для лишения жизни высланных религиозников»⁵⁶, но и из местных верующих старались воспитать религиозных диссидентов. Так, высланный баптист Василий Козлов требовал от верующих «смелее сеять Священное Писание и нести правду в народ, не боясь притеснений властей, так как народу надоело слушать пропаганду коммунистов по радио и газетам и... люди жаждут услышать нашу истину»⁵⁷.

На наш взгляд, наиболее пострадавшей от указа конфессиональной группой были ИПХ. В отличие от других деноминаций, религиозные установки ИПХ не позволяли им трудоустроиваться в советские организации, что значительно ограничивало их возможности улучшать свои бытовые условия. Также из-за отказа от трудоустройства ИПХ часто привлекали к ответственности по статье 28 УК РСФСР. Так, в Енисейске и Енисейском районе из 117 высланных ИПХ стали работать только восемь, а «остальные по 3–4 раза побывали в тюрьме за отказ от работы, но и это оказалось бесполезным»⁵⁸. Это приводило к парадоксальным ситуациям, когда верующие, высланные в административном порядке, проводили больше времени в местах лишения свободы, чем в месте поселения⁵⁹. Разочаровавшись в возможности исправления ИПХ имеющимися методами, краевые власти предлагали либо создать для них специальные трудовые колонии или поселки⁶⁰, либо на весь оставшийся срок высылки отправить их в исправительно-трудовые лагеря⁶¹. Данные инициативы не получили реализации, а уже летом 1964 г. началось сворачивание хрущевской антирелигиозной кампании, что позитивно сказалось на положении высланных верующих. Хотя изменение религиозной политики не привело к реабилитации и досрочному возвращению ИПХ из мест высылки (в отличие, например, от баптистов), тем не менее власти отказались от практики уголовного преследования ИПХ за отказ от трудоустройства в советские учреждения.

«Тунеядцы» и уголовная преступность. Указ о тунеядстве должен был стать инструментом профилактики преступлений и привести к снижению их количества. Однако в случае Красноярского края реализация указа имела противоположный эффект. Прибытие в край большого количества «тунеядцев» стало одним из факторов роста преступности⁶². По данным партийных органов, за 1961–1963 гг. к судебной ответственности были привлечены 2693 поселенца, из них 218 человек – за уголовные преступления⁶³. Также руководители края считали высланных виновными в вовлечении местных жителей в преступную деятельность и «разлагающем» влиянии на молодежь⁶⁴. Высокие показатели правонарушений среди высланных можно объяснить как характеристикой самих нарушителей – многие ранее имели судимости, страдали алкоголизмом, так и внешними факторами – слабостью административного надзора, проблемами с трудоустройством, неограниченным доступом к алкоголю. При этом изначально дизайн административно-правового режима в местах поселения, предполагающий уголовную ответственность за его нарушение, заложил потенциал для превращения административно высланных граждан в уголовных преступников. Отказ от «общественно полезного» труда советским законодательством не классифицировался как преступление, однако в правовой ситуации высылки те же самые действия уже становятся уголовно наказуемыми.

Заключение. Указ от 4 мая 1961 г. пытался соединить архаичную и репрессивную по своей сути идею о необходимости высылки «злостных тунеядцев» с концепцией их перевоспитания общественностью посредством принудительного включения в трудовые

⁵⁶ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 213. Л. 59.

⁵⁷ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 154.

⁵⁸ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 213. Л. 59.

⁵⁹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3103. Л. 10–11.

⁶⁰ ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 65. Л. 153.

⁶¹ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 213. Л. 59.

⁶² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1968. № 11. С. 2.

⁶³ ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.

⁶⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 1. Л. 69. ГАКК. Ф. П-6693. Оп. 2. Д. 1. Л. 95–101.

коллективы по месту поселения, а также с принципами «социалистической законности». Как показывает наш анализ, реализовать стратегию реинтеграции и сделать из «тунеядцев» строителей коммунизма не удалось. Несмотря на многолетнюю разработку указа, отсутствовала продуманная система адаптации и перевоспитания поселенцев, особый порядок их трудоустройства, лечения от алкоголизма и т.д. Общественность и руководители на местах зачастую старались дистанцироваться от вопросов, связанных с выселенными, стремясь всю работу, включая воспитательную, переложить на органы милиции.

Реализация стратегии изоляции посредством выселения также имела свою специфику и пределы. Органам милиции не удалось обеспечить должный уровень административного надзора за выселенными, в результате чего многие «тунеядцы» продолжали в местах поселения заниматься той же «антиобщественной» деятельностью, за которую были выселены. Поэтому нередко местное население и представители власти рассматривали такую степень изоляции как явно недостаточную и требовали для выселенных ужесточения режима.

На наш взгляд, сложившиеся условия в местах поселения привели к развитию определенной формы изоляции поселенцев, а именно к интенсификации процессов социальной маргинализации и еще большему выталкиванию «тунеядцев» на периферию советского общества. Этому способствовала социальная стигматизация людей, на которых навешивали ярлык «тунеядцев», их вырывание из привычного социального окружения, знакомство с уголовным миром во время пребывания в КПЗ, тюрьмах и в период этапирования, ухудшение социально-бытовых условий и ограничение возможностей трудоустройства, а вместе с этими факторами неограниченный доступ к алкоголю людей с зависимостью и специфический дизайн административно-правового режима превращали места поселения в «инкубатор» уголовных преступников.

Литература

Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118.

Зубкова Е.Ю. Принудительная «трудотерапия» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 (92). С. 26–35.

Зубкова Е.Ю. Нормы и практики контроля над уголовной преступностью в СССР: тенденции «оттепели» // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3 (50). С. 128–138.

Крушанова Л.А. Закон о «тунеядцах» 1961 г. и его реализация на Дальнем Востоке // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сборник научных статей. Владивосток, 2014. С. 122–128.

На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. / сост. Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М.: РОССПЭН, 2010. 816 с.

Путь не украшен цветами. Петр, Павел и Люба Румачик. Б/м: Baptist International Evangelistic Ministries, 2005.

Рыжук В.Ф. Испытание веры. Б/м, 2012.

Фицпатрик Ш. Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2008. С. 219–254.

Чарный С.А. Религиозная политика советских властей в период «оттепели» // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 415–458.

Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1940–1980-е годы. Религиозные диссиденты: док. и материалы / Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН, Center for Mennonite Brethren Studies, Fresno Pacific University; сост. и науч. ред. А.И. Савин. Новосибирск: Посох, 2015. 559 с.

Gorlizki Y. After the XXth Congress: Liberalization and the Problem of Social Order // *Social Control under Stalin and Khrushchev: The Phantom of a Well-Ordered State*. Toronto, 2023. P. 237–262.

Lévesque J. *Exile and Discipline: The June 1948 Campaign Against Collective Farm Shirkers*. Pittsburgh: Carl Beck Papers. 2006. 51 p.

Tolmachev V. “From rhetoric to practice: Drafting and implementation of the Soviet “anti-parasite” legislation in its socio-economic, legal, ideological and cultural contexts”. Master’s Thesis, University of Nottingham, 2015.

References

Charnyy, S.A. (2016). Religioznaya politika sovetskikh vlastey v period “ottepeli” [Religious Policy of the Soviet Authorities during the “Thaw”]. In *Posle Stalina. Reformy 1950-kh godov v kontekste sovetskoy i postsovetskoy istorii: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 415–458.

Fitzpatrick, Sh. (2008). Parazity obshchestva: kak brodyagi, molodye bezdel’niki i chastnye predprinimateli meshali kommunizmu v SSSR [Social Parasites: How Tramps, Idle Youth, and Busy Entrepreneurs Impeded the Soviet March to Communism]. In *Sovetskaya sotsial’naya politika: stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985*. Moscow, pp. 219–254.

Gorlizki, Y. (2023). After the 20th Congress: Liberalization and the Problem of Social Order. In *Social Control under Stalin and Khrushchev: The Phantom of a Well-Ordered State*. Toronto, pp. 237–262.

Krushanova, L.A. (2014). Zakon o “tuneyadtsakh” 1961 g. i ego realizatsiya na Dal’nem Vostoke [The Law “On Parasites”, 1961, and Its Realization in the Far East]. In *Sovetskiy Dal’niy Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi: sbornik nauchnykh statey*. Vladivostok, pp. 122–128.

Lévesque, J. (2006). *Exile and Discipline: The June 1948 Campaign Against Collective Farm Shirkers*. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh. 51 p.

(2005). *Put’ ne ukrashen tsvetami. Petr, Pavel i Lyuba Rumachik* [The Way isn’t Decorated with Flowers. Pyotr, Pavel and Lyuba Rumachik]. Baptist International Evangelistic Ministries.

Ryzhuk, V.F. (2012). *Ispytanie very* [Test of Faith].

Savin, A.I. (2015). Etnokonfessiya v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1940–1980-e gody. Religioznye dissidenty: dok. i materialy [Ethnoconfession in the Soviet State. Mennonites of Siberia in the 1940s–1980s. Religious Dissidents: Documents and Materials]. Novosibirsk, Posokh. 559 p.

Tolmachev, V. (2015). “From rhetoric to practice: Drafting and implementation of the Soviet “anti-parasite” legislation in its socio-economic, legal, ideological and cultural contexts”. Master’s Thesis, University of Nottingham. 264 p.

Zubkova, E.Yu. (2009). Na “krayu” sovetskogo obshchestva. Marginal’nye gruppy naseleniya i gosudarstvennaya politika. 1940–1960-e gody [On the Margins of Soviet Society. Marginal Social Groups and the State Policy, 1940s–1960s]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 101–118.

Zubkova, E.Yu. (2018). Prinuditel’naya “trudoterapiya” v SSSR: mezhdru GULAGom i “bol’shoy khimiey” [Forced “Occupational Therapy” in the USSR: Between the Gulag and “Big Chemistry”]. In *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental’nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 3, pp. 26–35.

Zubkova, E.Yu. (2020). Normy i praktiki kontrolya nad ugovnoy prestupnost’yu v SSSR: tendentsii “ottepeli” [Norms and Practices of the Control over Criminal Offences in the USSR: Tendencies of the “Thaw”]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istorika*. No. 3, pp. 128–138.

Zubkova, E.Yu., Zhukova, T.Yu. (2010). Na “krayu” sovetskogo obshchestva. Sotsial’nye marginaly kak ob’ekt gosudarstvennoy politiki. 1945–1960-e gg. [On the “Edge” of Soviet Society. Social Marginals as an Object of State Policy, 1945–1960s]. Moscow, ROSSPEN. 816 p.

Л.Н. Славина*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СИБИРИ
ПО ИТОГАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
1926 ГОДАdoi:10.31518/2618-9100-2025-5-18
УДК 94:314(02+04+8.062)"19/20"+930

Выходные данные для цитирования:

*Славина Л.Н. Переселенческое общество Сибири по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 207–221.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-18.pdf>*

L.N. Slavina*

THE SIBERIAN MIGRATION SOCIETY BASED
ON THE RESULTS OF THE ALL-UNION POPULATION
CENSUS OF 1926

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-18

How to cite:

*Slavina L.N. The Siberian Migration Society Based on the Results of the All-Union Population Census of 1926 // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 207–221.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-18.pdf>]*

Abstract. The formation of a migrant society in Siberia is examined for the first time using the results of the 1926 All-Union Population Census. The focus is on population as the material foundation of society, viewed as the product of close interactions over centuries of natural growth in the region and multiple migration streams. The process of migration to Siberia from the second half of the 19th century to 1926 is reconstructed, with seven stages identified. The volume and average annual intensity of migration at each stage are determined, along with the factors that determined their outcomes. The role of intra-Siberian and international migration in the growth of Siberian society is demonstrated. The contribution of natives of various territories of Russia/the USSR to its formation and the role of indigenous Siberians in shaping the population of other regions of the country are determined. The geographic distribution of migrants across the Siberian region is analyzed, and their share in the population of each of the 20 Siberian districts is determined. The census provides an interim summary of the formation of Siberia's migrant community by the mid-1920s, a socio-demographic profile of Siberian society, and an assessment of its potential as a subject of the nascent Stalinist modernization in the USSR and Siberia as an integral part of it. The article demonstrates that there were no fundamental differences in the formation of Siberian migrant society between the pre-revolutionary and Soviet periods. Agrarian migration played a decisive role up until the census. Migrants from rural areas formed both a rural population in their new location and, more importantly, an urban one. Siberian society as a whole emerged in the census as traditional and agrarian in all its basic characteristics, due to the absolute predominance of rural residents (87 % of its population). However, its urban portion (13 %), two-thirds of which consisted of migrants, already showed signs of early modernization. The socio-demographic characteristics of rural and urban parts of Siberian society are compared, as are the role of migrants in their population growth and structural changes. The degree of dependence of each on the migrant factor is identified. The article highly appreciates the informational potential of the 1926 census results and concludes that their immediate introduction into scientific circulation is essential.

Keywords: Siberia, migrant society, population, socio-demographic structure, migrations, non-local natives, 1926 population census.

* **Людмила Николаевна Славина**, доктор исторических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: 200146@nail.ru
Lyudmila Nikolaevna Slavina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: 200146@nail.ru

The article has been received by the editor on 26.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Проблема формирования в Сибири переселенческого общества впервые исследуется по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. В фокусе внимания находится население как материальная основа общества. Оно рассматривается как продукт тесного взаимодействия в течение веков естественного прироста в регионе и нескольких потоков миграции. Реконструирован процесс переселений в Сибирь со второй половины XIX в. до 1926 г., в нем выделены семь этапов. Установлены объемы и среднегодовая интенсивность переселений на каждом этапе, факторы, определявшие их результаты. Показана роль внутрисибирских и внешних миграций в росте численности сибирского социума. Определен вклад уроженцев разных территорий России/СССР в его формирование и роль коренных сибиряков в формировании населения других регионов страны. Проанализирована география размещения переселенцев по территории Сибирского края, определена их доля в населении каждого из 20 сибирских округов. По результатам переписи подведены промежуточные итоги формирования переселенческого общества в Сибири к середине 1920-х гг., дана социально-демографическая характеристика сибирского социума, оценен его потенциал как субъекта начинающейся сталинской модернизации в СССР и в Сибири как его неотъемлемой части. В статье показано, что принципиальных различий в формировании сибирского переселенческого общества в дореволюционный и советский периоды не было, решающую роль вплоть до момента переписи играла аграрная миграция, мигранты – выходцы из деревни – на новом месте формировали не только сельское население, но и, что еще важнее, городское. Сибирский социум в целом предстал в зеркале переписи как традиционный аграрный по всем базовым характеристикам из-за абсолютного преобладания в нем сельских жителей (87 % его численности). Но в его городской части (13 %), на две трети состоявшей из переселенцев, уже видны следы ранней модернизации. Проведены сравнения социально-демографических характеристик сельской и городской частей сибирского социума, роли переселенцев в росте их численности и в изменении структур, выявлена степень зависимости каждой от переселенческого фактора. В статье высоко оценены информационные возможности итогов переписи населения 1926 г. и сделан вывод о необходимости скорейшего введения их в научный оборот.

Ключевые слова: Сибирь, переселенческое общество, население, социально-демографическая структура, миграции, неместные уроженцы, перепись населения 1926 г.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025 г.

Постановка проблемы. Превращение постсоветской России в страну мигрантов, вызвавшее многочисленные изменения в российском обществе, резко актуализировало, и не только в научном, но и в практическом плане, исследование всех проблем переселенческих обществ на любых территориях и исторических этапах развития. Особый интерес вызывают характер и специфика сибирского общества, складывавшегося на протяжении веков как переселенческое, в котором жизненно важным фактором формирования, развития и самого существования являлась миграция. Хотя издано большое число ценных в содержательном и концептуальном плане работ, где освещаются основные аспекты его истории¹, сибирское

¹ Из последних работ нужно выделить: Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009; Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011; Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск, 2011; Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы

общество и его региональная специфика изучены еще далеко не полно. Так, все знают, что основа этого общества – население Сибири – создавалась «пришельцами» со всех концов страны с последующим их смешением с местными жителями. Но ход и результаты этого процесса, социально-демографические характеристики сибирского общества и его ключевые параметры в разные исторические периоды, особенно на сломах эпох, известны недостаточно. Главная причина этому, на наш взгляд, в недостатке источников информации. Однако и имеющиеся, например итоги всеобщих переписей населения, как следует не используются.

В данной работе сделана попытка оценить вклад переселений в формирование населения Сибири во второй половине XIX – первой четверти XX в., поэтапно проследить этот процесс и дать оценку социально-демографического качества сибирского переселенческого общества в середине 1920-х гг. на основе итогов Всесоюзной переписи населения 1926 г. По числу показателей и временному охвату этому источнику нет равных. Он содержит демографические, социальные, экономические, этнокультурные характеристики населения, дифференцированные по полу, возрасту, месту жительства, причем в достаточно мелких масштабах – в разрезе районов и округов. В итогах переписи нет сведений о миграциях в динамике. Но в них зафиксированы окончательные результаты переселений (без промежуточных переездов), крайне ценные для изучения переселенческих обществ. Переписи 1926 г. давно и единодушно дана самая высокая оценка за качество и достоверность результатов². Но их очень мало используют историки в Сибири, чаще в общих работах и редко – в других регионах России³.

Все основные расчеты в работе сделаны по итогам переписи, опубликованным в томе XL⁴. Население Сибири рассматривается в границах Сибирского края, образованного в 1925 г. на месте упраздненных шести губерний и разделенного на 19 округов и Ойротскую автономную область (в переписи – Ойратская). Сейчас это территория Алтайского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Иркутской и части Тюменской областей, республик Алтай и Хакасия.

в Сибири в XX – начале XXI в. Новосибирск, 2012; Дятлов В.И., Григоричев К.В. Принимающее общество и трансграничные мигранты // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 88–91; Бреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 92–99; Дегтярев Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 100–107; Гузей Я.С. «Желтые народы» во взглядах русского православного духовенства в конце XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 108–116; Михалев А.В. Из Сибири в Монголию, или русские как меньшинство в условиях социалистической модернизации // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 117–127; Дерига Е.С. Культурная гетерогенность или конфликт культур? К вопросу об интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 128–136; Кривилева О.Г. Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ? // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 137–144; Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2012; Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск, 2013; Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2014; Соболева С.В., Григорьев Ю.А., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности формирования населения приграничных территорий Сибири // ЭКО. 2014. № 11. С. 20–35; и др.

² Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35; и др.

³ Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. М., 2000. Т. I: 1900–1939.; Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. 2-е изд., стер. М.; Берлин, 2019; Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Новосибирск, 2017. С. 56–69; и др.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Отдел. III. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность. М., 1930. С. 38–225.

Основные параметры сибирского общества в середине 1920-х гг. Перепись, учтившая состояние населения на 17 декабря 1926 г., проводилась «на сломе эпох» – на старте реализации «курса на строительство социализма в СССР» (сталинской модернизации). Ее результаты зависели в конечном счете от количества и качества населения в стране и в каждом ее регионе. Согласно переписи, в тот момент в Сибирском крае жило 8 687 939 чел. Край еще был очень слабо урбанизированной территорией, а сибиряки – слабо урбанизированным социумом. 87,0 % из них (7 556 009 чел.) проживали в сельской местности и лишь 13,0 % (1 131 930 чел.) – в городской. Сибирский социум был «глубоко» сельским и по месту рождения абсолютного большинства его членов. 91,3 % населения края появились на свет в деревнях и только 8,5 % – в городских поселениях, где в большинстве своем и жили. Уроженцев городов в деревнях края было очень мало – лишь 1,5 % от общего числа сельских жителей (113 982 чел.)⁵. О причинах их появления там можно гадать (переехали в годы военного лихолетья и задержались, были направлены на работу и т.д.). Важнее то, что «городское начало» в их лице присутствовало в сельской местности очень слабо.

Запечатленный переписью 1926 г. сибирский социум являлся продуктом, сформировавшимся в течение столетий при участии нескольких потоков внутренней и внешней (по отношению к Сибирскому региону) миграции. Ее следы зафиксировала перепись, разделившая все население края на местных и неместных уроженцев. К местным были отнесены лица, рожденные и непрерывно проживавшие в том месте, где их застала перепись, к неместным – переселенцы, сменившие место своего рождения, и возможно не раз.

Все жители Сибирского края, включая переселенцев, в абсолютном большинстве родились на территории Советского Союза. Но также обнаружилось 148 879 чел. (1,7 % всего населения), рожденных за границей. В данном случае «заграницей» выступали территории бывшей Российской империи, не вошедшие в состав СССР, например Польша, Прибалтика или Бессарабия, выделенная в итогах переписи особо. В крае было учтено 2 742 ее уроженца⁶. «Настоящими» иностранцами были единицы.

Перепись зафиксировала ключевой признак переселенческого общества Сибири – высокий удельный вес неместных уроженцев в составе населения. На первый взгляд, этот показатель в целом по краю был не очень высок – 39,8 %, переселенцами являлись 3 428 680 чел. А 60,2 % жителей (5 184 764 чел.) не покидали мест, где родились⁷. Таким образом, в середине 1920-х гг. главным источником роста населения Сибири был естественный прирост. А механический – приток мигрантов – имел подчиненное значение. Однако в формировании качеств сибирского социума роль переселенцев, безусловно, была значительно важнее, чем в его росте. Дело в том, что больше половины – 58,0 % местных уроженцев составляли дети в возрасте 0–14 лет, рожденные в Сибири, в том числе и переселенцами. Из-за их многочисленности удельный вес неместных уроженцев в целом был сравнительно низким. Однако во всех взрослых возрастах, которые и определяли устройство общества, местные уроженцы являлись меньшинством, а большинство составляли переселенцы: среди 20–29-летних жителей края их было 52,6 %, 30–39-летних – 63,5 %, 40–49-летних – 69,1 %, 50–59-летних – 71,0 %, 60–69-летних – 71,6 %, старше 70 лет – 68,2 %⁸. То, что взрослая часть населения на две трети состояла из лиц, живших не в местах своего рождения, в первую очередь придавало сибирскому социуму переселенческие черты.

Среди неместных были лица, рожденные в Сибири и менявшие место жительства внутри края, и мигранты, прибывшие из-за его пределов. Численность этих двух групп и их вклад в формирование населения Сибири значительно различались. Внутрисибирские переселенцы насчитывали 928 005 чел. и составляли менее трети общей численности неместных уроженцев (29,4 %), остальные 2 227 409 чел. (70,6 %) являлись выходцами из других частей

⁵ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL... С. 38, 152.

⁶ Рассчитано по тому же источнику. С. 38, 152.

⁷ Рассчитано по тому же источнику. С. 60.

⁸ То же.

страны. Эти две группы резко различались составом по полу, что частично проливает свет на причины переселений. У внешних переселенцев было почти идеальное соотношение полов. Это позволяет считать, что они в большинстве переезжали семьями, основательно, с целью «пустить корни» в Сибири. У внутрикраевых переселенцев мужчины составляли 40,9 %, женщины – 59,1 %⁹. Можно предположить, судя по такой диспропорции, что причины переселения у многих сибирячек были личными, скорее всего, заключение брака и переезд на место жительства мужа.

Несмотря на все катаклизмы первой четверти XX в., население Сибири стабильно увеличивалось, в том числе за счет механического прироста. Кто ехал на восток страны и зачем? Перепись отчасти ответила на эти вопросы, показав, что вплоть до конца 1926 г. внешние переселенцы прибывали в основном в сельскую местность и закреплялись там. Следовательно, миграционная привлекательность сибирских территорий все еще сохраняла традиционную аграрную социально-экономическую основу, мигранты ехали с целью создания на новом месте своего сельского хозяйства. В сельской же местности происходило и большинство внутрикраевых перемещений. Перепись учла в деревнях 83,7 % из имевшихся в крае неместных уроженцев, в городской – 16,3 %. В результате внешней (и отчасти внутрикраевой) миграции только за 1921–1926 гг. в деревнях появилось 857 877 новых неместных уроженцев – 11,4 % от общей численности сельских жителей края в 1926 г.¹⁰ И это при том, что сельскохозяйственное переселение в Сибирь официально было открыто только в 1925 г.

Динамика формирования переселенческого общества. По итогам переписи можно реконструировать достаточно точную пространственно-временную картину размещения неместных уроженцев на постоянном месте жительства в крае начиная со второй половины XIX в. В табл. 1 указано, когда и в каком количестве переселенцы (в % от их общей численности в 1926 г.) осели в том месте, где были переписаны. Конечно, к тому времени многие из прибывших уже ушли из жизни, а их потомки стали местными уроженцами. Но общее представление о характере динамики формирования переселенческого общества Сибири эти цифры могут дать.

Таблица 1

Количество и время поселения неместных уроженцев в Сибирском крае, в %

Показатель	Год поселения										
	1926	1925	1924	1921–1923	1917–1920	1914–1916	1907–1913	1897–1906	до 1897	не указано	итого
Всего	7,7	7,0	6,3	15,1	12,6	5,3	22,9	11,1	10,1	1,9	100,0
За год в среднем	7,7	7,0	6,3	5,0	3,1	1,8	3,3	1,1	–	–	–

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 60.

Судя по данным табл. 1, заселение Сибири со второй половины XIX в. «не давало сбоев», но процесс был неравномерно по годам. Между востоком и западом страны еще до постройки Транссиба шло интенсивное движение населения. Многие мигранты, как известно, не приживались и возвращались назад. Но значительная часть оставалась в новых краях. Те, кто осел в Сибири ранее 1897 г., составляли десятую часть (10,1 %) всех неместных уроженцев в крае на момент переписи. На поселенцев времени постройки Транссиба (1897–1906 гг.) приходилась еще одна десятая часть (11,1 %).

Как и следовало ожидать, в дореволюционный период наиболее интенсивной и результативной оказалась волна столыпинского переселения в 1907–1913 гг. За эти 7 лет осела в Сибири почти четверть всех имевшихся в крае неместных уроженцев (22,9 %). Спад интенсивности завершающихся переселений в 1914–1916 гг. можно отнести на счет препятствий, связанных с Первой мировой войной. В целом же миграции в Сибирь в те годы были очень

⁹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL... С. 72, 152.

¹⁰ Рассчитано по тому же источнику. С. 38, 152.

активными и многоликими, но малорезультативными для прироста населения. В общей сложности неместные уроженцы, поселившиеся в дореволюционный период, составляли половину (51,3 %) их общекраевой численности в 1926 г. Они прожили на территории Сибирского края больше 10 лет, преодолели все невзгоды, вызванные войной и революцией, судя по всему, основательно «пустили корни» и на полных основаниях могли считаться старожилами.

Переселенцы советского периода (1917–1926 гг.) составляли вторую половину (48,7 %) неместных уроженцев в крае. Несмотря на то, что в течение большей части этого срока Сибирь была официально закрыта для переселений, три года шла гражданская война, очень сложным было начало 1920-х гг., объемы ежегодных переездов стремительно нарастали (см. табл. 1). Они резко увеличились в 1917–1920 гг., наверняка стимулированные революционными событиями, в частности попытками решения земельного вопроса, и почти достигли среднегодовой интенсивности столыпинских переселений. Миграционный оборот во всех потоках еще больше вырос в 1921–1923 гг. Он был вызван окончанием войны (люди возвращались из Сибири в другие районы страны), всеобщей разрухой и голодом, поразившим не только европейскую часть России, но и многие территории Сибири, и тоже поднявшим народ с обжитых мест. Остаточный результат этих миграций оказался солидным. В эти три года осели на постоянное место жительства 15,1 % от общей численности переселенцев.

По мере восстановления мирной жизни росли ежегодные объемы перемещений людей. Потоки миграции с запада на восток страны быстро увеличивались и становились более результативным. Их дополняли растущие в масштабах внутрисибирские перемещения. Увеличивался поток мигрантов в города. В общей сложности новоселы 1924–1926 гг. составили более пятой части (21,0 %) всех неместных уроженцев в крае, а вместе с переселенцами 1921–1923 гг. – свыше трети (36,1 %). О новоселах 1920-х гг. в первую очередь можно сказать, что для многих переезды не стали завершенным событием в их жизни даже на ближайшие годы. Итоги переписи 1926 г. и другая статистика показывают Сибирь территорией с непрерывно перемещающимся населением, причем с ускорением динамики миграций (см. табл. 1).

В то же время сибирский социум при всей его подвижности в зеркале переписи предстал упорядоченным и организованным. За время восстановления народного хозяйства Сибирь покинули переполнявшие ее в начале 1920-х гг. временные переселенцы и беженцы Первой мировой и гражданской войн, «голодобеженцы» первых послевоенных лет. Социум стабилизировался. Перепись учла в крае лишь 142 781 «временно проживающего» (1,6 % населения), в основном в деревнях. Это были мигранты, еще не устроившиеся на новом месте. Все остальные числились постоянными жителями. Сибирь еще не пришла в движение, вызванное «началом строительства социализма». Это предстояло ей через несколько лет. А пока сибирский социум на короткое время стал стабильным, но это не стерло его ярко выраженных переселенческих черт.

Роль территорий СССР в формировании сибирского общества. Перепись показала, какой вклад в формирование населения Сибири внесли уроженцы (не жители!) разных территорий (в переписи – районов) СССР¹¹. Эта информация очень значима, поскольку география мест рождения переселенцев влияла на характер их взаимодействия с местным населением в повседневной жизни, на социальные и экономические отношения, на механизмы их формирования, определяла этнокультурные контакты. В крае были представлены уроженцы практически всех территорий СССР, но очень непропорционально. Если принять за 100 % все 2 227 409 чел., прибывших в Сибирь из-за ее пределов начиная со второй половины XIX в., то среди них больше всего оказывается уроженцев Центрально-Черноземного (18,1 %), Средневолжского (13,4 %), Центрально-Промышленного (10,6 %) и Вятского (6,5 %) районов РСФСР. Вместе они составили почти половину (48,6 %) внешних переселенцев.

¹¹ Расчеты по этому разделу сделаны по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 152.

На удивление мало переселялось в Сибирский край людей, родившихся «по соседству» с ним. Уроженцы Дальнего Востока составили лишь 0,7 % внешних переселенцев, Бурят-Монголии – 0,4 %, Якутии – 0,15 %. Значимой величиной – 7,6 % – отметился лишь Урал.

Из союзных республик много своих уроженцев дали Белоруссия (12,0 %) и Украина (13,4 %, в том числе 6,8 % – ее Левобережный район). Вклад остальных республик (автономных и союзных) в формирование сибирского социума был крайне мал. Сибирь почти не привлекала уроженцев Казахстана и Средней Азии. Рожденные в Казакском районе РСФСР (позднее Казахская ССР) составили лишь 1,19 % внешних переселенцев, в Узбекском районе – 0,04 % (834 чел.), в Киргизском – 0,02 % (536), в Туркменском – 0,01 % (233 чел.). 1 576 уроженцев трех союзных республик Закавказья составляли 0,07 % переселенцев. Учитывая ничтожные объемы встречной миграции из Сибири на эти территории, можно считать, что связи между ними практически отсутствовали.

Уроженцы Сибири в переписи выглядят хорошо укорененной частью социума. Они были не очень подвижными, переезжали сравнительно редко. Перепись учла среди них всего 1 168 874 чел., поменявших место жительства. В основном они переселялись внутри края и лишь пятая часть (240 869 чел.) покинула его пределы. Из них 22,4 % осели на Дальнем Востоке, 18,4 % – в Казахстане, 8,3 % – на Урале, 8,3 % – в Бурят-Монголии, 6,3 % – в Центрально-Промышленном районе, 6,0 % – на Северном Кавказе. На остальных территориях РСФСР и других союзных республик сибиряков было мало, 1–4 тыс., редко чуть больше.

Сибирь предстает гигантским миграционным реципиентом многих районов России и двух союзных республик СССР. Согласно переписи, в нее переселилось в 10 раз больше людей, чем уехало в другие районы страны ее уроженцев. Получив 2 227 409 мигрантов-доноров, она лишилась только 240 869 чел. Особенно неэквивалентным был обмен с главными территориями-«поставщиками» мигрантов. Так, в Сибири жили 403 840 уроженцев Центрально-Черноземного района, а туда переселились 4 024 сибиряка – в 100 раз меньше. Средне-Волжский район дал краю 299 116 своих уроженцев, а получил из него 11 641 чел. – в 25 раз меньше. Белоруссия «обменяла» 267 811 чел. на 4 155 сибиряков (65:1), Украина – 298 872 на 19 423 чел. (15:1). Небольшое отрицательное миграционное сальдо Сибирский край имел лишь в обмене населением с Дальним Востоком, куда переехали 53 870 его уроженцев, а оттуда в край прибыли 16 436 чел. – в 3,3 раза меньше, и с Бурят-Монголией (19 887 и 9 774 чел. соответственно). В Казахстане перепись обнаружила 44 239 чел., рожденных в Сибири, а в край переселились 26 579 его уроженцев. Но, возможно, многие из сибиряков оказались в Казахстане автоматически в результате передачи ему большой территории Южной Сибири в 1920-х гг. Таким образом, говорить о заметном вкладе сибиряков в формирование населения других районов страны нельзя. Практически со всех территорий в Сибирь приезжало во много раз больше людей, хотя по природным условиям и климату места поселения в крае, как правило, проигрывали местам выхода переселенцев.

Размещение переселенцев в Сибири и их роль в жизни округов. Переселенцы на сибирских просторах размещались неравномерно (табл. 2). Их больше привлекала более благоприятная в природно-климатическом отношении Юго-Западная Сибирь. Там перепись учла 60,5 % из всех неместных уроженцев края. Но надо заметить, что примерно в той же пропорции распределялось по территории и все сибирское население. Наибольшее число переселенцев было учтено в Новосибирском и Омском округах – более пятой части (21,0 %) их общекраевой численности, что объяснимо. На этих территориях шла самая активная и разнообразная экономическая жизнь, имелось больше перспектив во всех отношениях. Омск являлся самым крупным городом Сибири, Новосибирск недавно официально стал сибирской столицей. Большая концентрация переселенцев (15,2 %) была зарегистрирована на Алтае, в Барнаульском и Бийском округах, где имелись лучшие в Сибири условия для ведения сельского хозяйства. В соседних с ними степных и лесостепных юго-западных округах размещалось примерно одинаковое число неместных уроженцев – по 4,6–5,6 % в каждом.

Таблица 2

Распределение неместных уроженцев по округам Сибирского края в 1926 г.

№ п/п	Округ	% неместных уроженцев в населении		№ п/п	Округ	% неместных уроженцев в населении	
		округа	края			округа	края
	Юго-Западные	–	60,5		Северо-Восточные		39,5
1.	Барабинский	31,6	4,6	11.	Ачинский	36,6	4,2
2.	Барнаульский	40,3	8,2	12.	Иркутский	33,7	4,7
3.	Бийский	32,4	7,0	13.	Канский	42,4	4,7
4.	Каменский	42,0	5,5	14.	Киренский	27,1	0,4
5.	Новосибирский	46,8	10,8	15.	Красноярский	40,8	4,4
6.	Омский	42,5	10,2	16.	Кузнецкий	49,0	5,8
7.	Рубцовский	43,9	5,4	17.	Минусинский	37,4	3,5
8.	Славгородский	44,6	5,6	18.	Томский	39,8	8,4
9.	Тарский	27,0	2,2	19.	Тулунский	38,7	2,5
10.	Ойротская АО	34,1	1,0	20.	Хакасский	33,9	0,9
					Всего в крае	–	100,0

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 88–146.

В Северо-Восточной Сибири больше всего переселенцев осело в Томском округе (8,4 %), заметно меньше – в Кузнецком (5,8 %). В большинстве остальных округов этой части края, расположенных вдоль Транссиба, их число было примерно одинаковым – чуть более 4 %. Наименьшее количество неместных уроженцев, всего 13 358 чел. (0,4 % от обще-краевой численности), было зарегистрировано в гигантском, но абсолютно неосвоенном таежном Киренском округе. Примерно по 1 % переселенцев учтено в Ойротии и Хакасии. Переезд в них сдерживал, кроме прочего, особый национальный состав населения – высокий удельный вес титульных народов (алтайцев и хакасов) и более низкая, чем в остальных округах, доля русских.

Удельный вес неместных уроженцев в населении округов и их роль в жизни на этих территориях тоже сильно различались (см. табл. 2). Переселенцы составляли более чем по 40 % в общей численности жителей шести округов в Юго-Западной Сибири и трех – в Северо-Восточной, причем как промышленных, так сельскохозяйственных. В восьми округах и Ойротской АО их удельный вес колебался между 30 и 40 %, еще в двух составлял менее 30 %. Самый высокий показатель – 49,0 % – отмечался в Кузнецком округе, где уже начиналось промышленное освоение территории, стимулировавшее переезды, самый низкий – по 27 % – в Киренском и Тарском округах. В Ойротии и Хакасии неместные уроженцы составляли треть жителей.

Социально-демографический облик социума. Установленные переписью параметры демографической структуры населения края однозначно свидетельствовали о переселенческом характере сибирского общества. Его базовый признак – нестабильность демографической структуры и отклонение ее от стандартов – ярко проявился в специфических пропорциях полов. В крае по переписи жило 4 270 494 мужчины (49,2 % населения) и 4 417 445 женщин (50,8 %)¹². Соотношение их численности было неестественно гармоничным, учитывая, что край вместе со всей страной совсем недавно пережил Первую мировую и гражданскую войны, катастрофический голод начала 1920-х гг. На населении

¹² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 38–39.

РСФСР в целом эти события оставили глубокий след: мужчины составляли 47,7 %, женщины – 52,3 %¹³.

Пережитые катаклизмы не прошли бесследно и для населения Сибирского края. В нем тоже образовались весьма специфические диспропорции по полу почти во всех возрастных группах (табл. 3). И проявились они уже в детских возрастах. Нормальной в демографическом плане была лишь группа детей в возрасте 0–4 года. Рожденные в 1922–1926 мирных годах, они намного превосходили по численности остальные детские группы и имели нормальное соотношение полов – мальчиков было чуть больше, чем девочек. На группе 5–9-летних детей, родившихся в 1917–1921 гг., отразились все тяготы тех лет. По численности она была на 30,7 % меньше, чем смежная младшая группа, и на 4,1 % меньше смежной старшей. Причиной такого провала стало падение рождаемости и рост младенческой и детской смертности в годы появления этой когорты на свет. Из-за больших потерь в этой группе мальчиков стало меньше, чем девочек, как известно, более жизнестойких. Напротив, в группе детей в возрасте 10–14 лет, рожденных в 1912–1916 гг., мальчиков было неестественно много. Добавив к этому небольшую численность группы, можно считать, что она тоже понесла потери, и немалые.

Таблица 3

Структура населения Сибирского края по полу и возрасту в 1926 г., в %

Возрастная группа, лет	Удельный вес полов в группе		Удельный вес группы в населении	Возрастная группа, лет	Удельный вес полов в группе		Удельный вес группы в населении
	муж.	жен.			муж.	жен.	
0–4	50,1	49,9	16,7	30–39	48,9	51,1	10,9
5–9	49,9	50,1	11,7	40–49	50,2	49,8	8,1
10–14	50,6	49,4	12,1	50–59	46,9	53,1	5,7
15–19	48,9	51,1	11,6	60–69	48,6	51,4	4,1
20–29	47,5	52,5	16,7	70 и ст.	48,0	52,0	2,3
				0–100	49,2	50,8	100,0

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 38–39.

С 15–19-летнего возраста (1907–1911 гг. рождения) начиналось значительное преобладание женщин. Лица из этой группы во время катаклизмов 1910-х гг. были еще детьми, мальчики не гибли на фронте и от других внешних воздействий, как взрослые мужчины – первые жертвы всех пертурбаций. Главными факторами и причинами мужской сверхсмертности у 15–19-летних тоже были, наверняка, голод и болезни, гораздо чаще уносившие жизни мальчиков как биологически более слабых. Это касается и большей части группы 20–29-летних, которым в 1910-х гг. было 10–19 лет и они в большинстве своем тоже не воевали. Но диспропорция полов у них оказалась даже глубже, чем в старших поколениях (70 лет и более), аккумулировавших в себе все невзгоды долгой жизни. Этот демографический факт – еще одно важное дополнение к характеристике «цены» гражданской войны. Трудно представить, насколько качественнее было бы впоследствии население Сибири (и всего СССР), если б не были так травмированы младшие поколения.

Соотношение полов в остальных возрастных группах, которые все испытания первой четверти XX в. проходили взрослыми, было ожидаемым: почти везде преобладали женщины. Но поражают резкие различия в пропорциях полов по возрастам. Наибольшие мужские потери перепись зарегистрировала в группе 50-летних (рожденных в 1867–1876 гг.): на 1 000 женщин в ней приходилось лишь 883 мужчины. Зато в смежной группе 40-летних мужчины даже слегка преобладали – 1000:1007. У 30-летних была точно такая же пропорция по полу, как у 15–19-летних, что не встречается в обычных условиях, – 1 000 женщин и 958 мужчин.

¹³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1929. С. 2.

Также непривычно малой была диспропорция полов в старших возрастах. В группе 60-летних на 1 000 женщин приходилось по 944 мужчины, у лиц старше 70 лет – по 922. Таким образом, в структуре населения по полу во всех возрастах, кроме самого младшего, виден яркий след сильных негативных внешних воздействий, нарушивших основные демографические закономерности. Но в целом соотношение полов во всем населении достаточно пропорциональное. Это в очередной раз предупреждает от использования только общих показателей.

Возрастная структура сибирского социума, в отличие от структуры по полу, в целом имела высокое качество и по краю, и по округам. Он был молодым и имел хорошие пропорции между возрастами. Лица старше 60 лет составляли в социуме 6,4 %, дети моложе 15 лет – 40,5 %. Остальные 53,1 % относились официально к трудоспособному населению, хотя на практике границ трудоспособности в Сибири тогда не существовало. Теоретически трудоспособная часть сибиряков имела большую демографическую нагрузку, им нужно было «кормить» почти половину социума. Но структура их «иждивенцев» была очень благоприятной, с хорошими перспективами для развития края. На каждого «старика» в возрасте 60 лет и более приходилось по 6,23 ребенка, т.е. новые «кормильцы» подрастали в большом количестве. Однако в качественной возрастной структуре сибиряков был крупный изъян: на их половозрастной пирамиде (и населения РСФСР тоже) образовалась демографическая яма из-за малочисленности группы 1917–1921 гг. рождения. На рубеже 1930–1940-х гг. эта группа вступила в наилучший репродуктивный возраст, и малая численность женщин в ней стала одной из основных причин падения рождаемости во время Великой Отечественной войны.

Городская часть сибирского социума. Итоги переписи позволяют в подробностях охарактеризовать городскую часть сибирского социума и оценить роль переселенческого фактора в ее формировании и развитии. На территории края перепись учла 32 024 деревни разных размеров и только 75 городов. При этом лишь два города относились к категории больших (с населением свыше 100 тыс. чел.) – Новосибирск (121 тыс.) и Омск (141 тыс.). Иркутск, Томск, Барнаул и Красноярск насчитывали от 70 до 100 тыс. жителей, еще четыре города – от 20 до 50, двенадцать – от 10 до 20 тыс. В каждом из остальных 53 городских поселений проживало от 500 до 10 тыс. чел. По размерам они не отличались от деревень. Так, людность от 5 до 10 тыс. в крае имели 21 город и 45 деревень, от 2 до 5 тыс. – 14 городов и 493 деревни¹⁴.

Перепись показала, кто именно давал жизнь этим городам. Как и везде, численность населения городов регулировалась естественным и механическим приростом. Роль каждого точно оценила перепись. По ее итогам, из 1 131 930 чел., проживавших в городах края, 36,8 % (416 718 чел.) являлись местными уроженцами, 61,8 % (699 254 чел.) – неместными, переселенцами, а 1,4 % (15 958 чел.) не указали свой статус¹⁵. Следовательно, естественный прирост обеспечила городам лишь треть населения, а две трети дал приток мигрантов.

Городские неместные уроженцы, как и сельские, состояли из внешних переселенцев и внутренних – вчерашних крестьян, вытолкнутых из сибирских деревень и востребованных городами. «Своих» крестьянских ресурсов для роста городов в крае было мало, тем более для обеспечения высоких темпов начинающейся индустриализации. Ситуацию спасали переселенцы из других регионов страны, многие из которых попали в города транзитом через сельскую местность края, не сумев там осесть и завести хозяйство. Причем именно внешние переселенцы составляли основную массу городских новоселов – 59,2 %, а рожденных в Сибири было 40,8 %¹⁶. Таким образом, городское население Сибирского края прирастало не только и не столько «своей» деревней, сколько переселенцами, прибывавшими преимущественно из-за Урала.

¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Отдел. I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 7.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 70.

¹⁶ Рассчитано по тем же данным.

Процесс переселений в сибирские города по сравнению с переселениями в сельскую местность края имел особую динамику (табл. 4). В ней за дореволюционный и советский периоды осело на постоянное жительство примерно одинаковое число переселенцев, в городах же две трети – в период с 1917 г. И темпы процесса постоянно ускорялись. Люди переселялись в города даже во время гражданской войны, причем в относительно больших масштабах: в 1917–1920 гг. городскими новоселами стали 91 715 чел. После окончания войны объемы миграций увеличивались стремительно. В 1921–1923 гг. в городах осели 110 566 чел., в 1924 г. – 52 099, в 1925 г. – 63 837, в 1926 г. – 95 738 чел., а всего за 10 лет – 413 955 чел. – 36,6 % от численности жителей в момент переписи¹⁷. Таким образом, в середине 1920-х гг. более трети населения сибирских городов составляли новоселы советского периода, в большинстве внешние переселенцы, рожденные в деревне. Наибольшее число неместных уроженцев перепись учла в городах Новосибирского, Омского, Иркутского, Томского и Барнаульского округов. По темпам прироста числа горожан – 150,9 % за 1921–1926 гг. – выделялся Кузнецкий округ.

Таблица 4

Количество и время поселения неместных уроженцев в городах Сибирского края, в %

Показатель	Год поселения										
	1926	1925	1924	1921–1923	1917–1920	1914–1916	1907–1913	1897–1906	до 1897	не указано	итого
Всего	14,8	9,8	8,0	17,1	14,1	7,2	9,8	8,4	5,7	5,1	100,0
За год в среднем	14,8	9,8	8,0	5,7	3,5	2,4	1,4	0,8	–	–	–

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 60.

Уроженцы сибирских городов и жившие в них переселенцы имели разные демографические характеристики. Среди местных уроженцев преобладали женщины, составлявшие 52,2 %. У переселенцев было почти полное равновесие полов – 49,4 % мужчин и 50,6 % женщин¹⁸. Более интересен состав этих двух категорий горожан по возрасту, он ярче иллюстрирует характер переселенческого общества. Если сравнить структуры местных и неместных уроженцев и результат их смешивания – городское население края в целом, то видно, как сильно они различаются (табл. 5). Местные уроженцы (группа 1) сохраняли в себе демографические черты традиционного общества – многодетного и молодого. Дети в возрасте 0–14 лет составляли больше половины – 58,7 %, как и в деревнях края. Стариков было лишь 2,2 %, в том числе 1,5 % в возрасте 60–69 лет, 0,7 % – 70 лет и старше. У неместных уроженцев (группа 2) доля детей 0–14-летнего возраста была очень низкой – 17,1 %. Значит, в города переезжали в большинстве люди малолетние или бездетные. Действительно, на 149 028 женщин-переселенцев в возрасте 20–39 лет приходилось лишь 118 965 детей неместных уроженцев, в среднем по 0,8 ребенка на каждую. Такой низкой рождаемости не могло быть в принципе. Просто остальные дети у них появлялись в городах, но уже как местные уроженцы. Переселенцы в городах в основном взрослые люди, причем молодые. Так, 20–29-летние составляли в их общей массе 26,8 %, 30–39-летние – 18,5 %, 40–49-летние – 13,1 %, 50–59-летние – 7,5 %. Доля старших поколений (60 лет и более) – 6,7 % – была втрое выше, чем у местных уроженцев.

Данные табл. 5 показывают, насколько присутствие большого числа переселенцев скорректировало возрастной состав всего населения городов (группа 3) и каким в результате был демографический облик городского переселенческого общества в Сибири в середине 1920-х гг. Видно, что оно оставалось молодым, лица старше 60 лет составляла в нем 4,9 %. Но младшие поколения уже были не очень многочисленными. По-видимому, переселенцы, привозившие с собой мало детей, ненамного увеличивали их количество рожденьями на новом месте. Удельный вес детей от 0 до 14 лет составлял в городском населении только

¹⁷ Рассчитано по тем же данным, табл. 5.

¹⁸ Рассчитано по тем же данным.

32,9 % (против 42,4 % в сельском) и был даже ниже, чем поколений их «родителей» в возрасте от 20 до 39 лет (35,9 %). Для демографического роста сибирских городов такого количества детей было очень мало. Зато трудоспособный контингент (лица от 15 до 60 лет) включал 62,2 % горожан, причем три четверти их были моложе 40 лет. Такая структура была идеальной для того периода – от городского населения требовались в первую очередь рабочие руки.

Таблица 5

Возрастной состав городского населения Сибирского края в 1926 г., в %

Группа	Возраст, лет									
	0–4	5–9	10–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70 и старше
1	28,1	15,8	14,8	12,5	13,4	6,7	4,2	2,3	1,5	0,7
2	4,2	5,2	7,7	10,3	26,8	18,5	13,1	7,5	4,5	2,2
3	13,0	9,5	10,4	11,1	21,8	14,1	9,7	5,5	3,4	1,5

Примечание: 1 – местные уроженцы; 2 – неместные уроженцы; 3 – все городское население.

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 70.

Переселенцы в силу своей относительной многочисленности не только являлись основным источником роста населения и трудовых ресурсов в городах Сибири. Они вообще, по-видимому, играли решающую роль во всех сферах городской жизни, поскольку абсолютно преобладали во взрослых возрастах. Среди 20–29-летних горожан они составляли 75,9 %, среди 30–39-летних – 80,9 %, 40–49-летних – 83,0 %, 50–59-летних – 83,1 %, 60–69-летних – 82,6 %, 70-летних и старше – 82,3 %¹⁹. Возникает вопрос: насколько быстро и прочно в таких демографических условиях укоренялось пришлое население и «осибиричилось» ли оно? Приобретало ли новые для себя привычки, новые черты культуры и меняло ли при этом радикально старые? Или «пришельцы», будучи на две трети внешними переселенцами, трансплантировали привычный им уклад жизни, хозяйственные практики и традиции, модели социальной организации в принимающий социум?

Заключение. В статье прослежены общие тенденции процесса формирования переселенческого общества Сибири на протяжении полувека и его результаты. Реконструированы основные социально-демографические черты облика сибирского социума «на старте» сталинской модернизации как ее субъекта. Использование итогов переписи 1926 г. для изучения сибирского общества как переселенческого позволило увидеть много характеристик, которые до этого оставались вне исследовательского фокуса, конкретизировать ряд моментов в рассматриваемых процессах, уточнить оценки и лишний раз подтвердить его переселенческий характер. Однако при всем обилии измерений и приведенных точных параметров процессов и структур нельзя сказать, что объект изучения – сибирское общество, а точнее, его основа в лице населения – в статье предстал «как живой». Строго говоря, создан только «скелет» переселенческого общества Сибири. А та информация, что может составить его «живую плоть», остается нетронутой. Между тем итоги переписи позволяют дать развернутые характеристики семейно-брачных отношений начиная с оценки их роли в воспроизводстве населения, но не только, оценить состояние здоровья и реконструировать национальный состав переселенцев и местных уроженцев, их основные социальные и экономические структуры отдельно по городам и сельской местности. Очевидно, что на гигантской территории Сибири общество не могло быть повсюду однообразным. Значит, надо изучать его особенности и определяющие их факторы в разрезе округов. Результаты переписи позволяют сделать это. Без этой информации облик переселенческого общества Сибири получается упрощенным и, не исключено, в чем-то искаженным. Например, нельзя судить о роли переселенцев в обществе только по их удельному весу в населении. Куда важнее в данном случае экономические характеристики, и они в переписи имеются. Таким образом,

¹⁹ Рассчитано по данным табл. 5.

стратегия и тактика дальнейшего исследования темы ясны. Материалы переписи населения 1926 г. необходимо, наконец, полностью ввести в научный оборот. Ее информационный потенциал того заслуживает.

Литература

Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

Бреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 92–99.

Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.

Гузей Я.С. «Желтые народы» во взглядах русского православного духовенства в конце XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 108–116.

Дегтярев Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). 100–107.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 238 с.

Дерига Е.С. Культурная гетерогенность или конфликт культур? К вопросу об интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 128–136.

Дятлов В.И., Григоричев К.В. Принимающее общество и трансграничные мигранты // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 88–91.

Жиromская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. 2-е изд., стер. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 199 с.

Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.

Зуляр Ю.А., Медведев Г.И. Параметры и тенденции зарубежных миграций начала XXI в. в Прибайкалье // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 75–87.

Кривилева О.Г. Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ? // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 137–144.

Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. 463 с.

Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 391 с.

Михалев А.В. Из Сибири в Монголию, или русские как меньшинство в условиях социалистической модернизации // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 117–127.

Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.

Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н.Я. Гуцин, В.А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 171 с.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. I: 1900–1939. 463 с.

Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.

Соболева С.В., Григорьев Ю.А., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности формирования населения приграничных территорий Сибири // ЭКО. 2014. № 11. С. 20–35.

Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. 396 с.

Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI в. / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 256 с.

References

Andreev, E.M. (2012). O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perepisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On the Accuracy of the Results of Russian Population Censuses and the degree of Trust in Different Sources of Information]. In *Voprosy statistiki*. No. 11, pp. 21–35.

Breslavsky, A.S. (2012). Prigorody Ulan-Ude v migratsionnykh protsessakh postsovetskoй Buryatii: transformatsiya poseleniy i mestnykh soobshchestv [The Suburbs of Ulan-Ude in the Migration Processes of Post-Soviet Buryatia: The Transformation of Settlements and Local Communities]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 92–99.

Degtyarev, D.S. (2012). Osnovnye ob'ekty prigorodnoy zony Tomskа vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv., ikh tipy i funktsii [The Main Objects of the Suburban Zone of Tomsk in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries, Their Types and Functions]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 100–107.

Deriga, E.S. (2012). Kul'turnaya geterogennost' ili konflikt kul'tur? K voprosu ob integratsii uchashcheysya molodezhi iz blizhnego zarubezh'ya v mestnoe soobshchestvo [Cultural Heterogeneity or Culture Conflict? On the Issue of Integrating Students from Neighboring Countries into the Local Community]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 128–136.

Dyatlov, V.I. (Ed.). (2009). *Transgranichnye migratsii i primayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoy adaptatsii* [Cross-Border Migrations and the Host Society: Mechanisms and Practices of Mutual Adaptation]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 396 p.

Dyatlov, V.I. (Ed.). (2011). *Vostok Rossii: migratsii i diasporы v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The East of Russia: Migrations and Diasporas in a Migrant Society. The Boundaries of the 19th–20th and 20th–21st Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 624 p.

Dyatlov, V.I. (Ed.). (2012). *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local Communities, Local Authorities, and Migrants in Siberia at the Turn of the 19th–20th and 20th–21st Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 463 p.

Dyatlov, V.I. (Ed.). (2012). *Migranty i primayushchee obshchestvo* [Migrants and the Host Society]. In *Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*. No. 1 (8), pp. 88–144.

Dyatlov, V.I., Grigoriev, K.V. (2012). *Prinimayushchee obshchestvo i transgranichnye migranty* [The Host Society and Cross-Border Migrants]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 88–91.

Dyatlov, V.I., Grigoriev, K.V. (Ed.). (2013). *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Migration Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities]. Irkutsk, Ottisk. 624 p.

Gushchin, N.Ya., Isupov, V.A. (Ed.). (1997). *Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX veke* [The Population of Western Siberia in the 20th Century]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 171 p.

Guzey, Ya.S. (2012). “Zheltye narody” vo vzglyadakh russkogo pravoslavnogo dukhovenstva v kontse XIX – nachale XX vv. [“Yellow Peoples” in the Views of the Russian Orthodox Clergy in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 108–116.

Isupov, V.A. (Ed.). (2011). *Migratsiya naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX – nachalo XXI vv.* [Migration of the Population of Asian Russia: The End of the 19th – Beginning of the 21st Centuries]. Novosibirsk, Parallel. 391 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX v.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th – 20th Centuries)]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 238 p.

Krivileva, O.G. (2012). Mul'tikul'turalizm v evropeyskom kino: stikhiynyy protsess ili politicheskiy zakaz? [Multiculturalism in European Cinema: A Spontaneous Process or a Political Order?]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 137–144.

Zulyar, Yu.A., Medvedev, G.I. (2012). Parametry i tendentsii zarubezhnykh migratsiy nachala XXI v. v Pribaykal'e [Parameters and Trends of Foreign Migrations at the Beginning of the XXI Century. In the Baikal Region]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 75–87.

Lamin, V.A. (Ed.). (2012). *Khozyaystvennoe osvoenie i sotsial'no-demograficheskie protsessy v Sibiri v XX – nachale XXI v.* [Economic Development and Socio-Demographic Processes in Siberia in the 20th – Beginning of the 21st Century]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 256 p.

Mikhalev, A.V. (2012). Iz Sibiri v Mongoliyu, ili russkie kak men'shinstvo v usloviyakh sotsialisticheskoy modernizatsii [From Siberia to Mongolia, or Russians as a Minority in Conditions of Socialist Modernization]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 117–127.

Moskovskiy, A.S., Isupov, V.A. (1984). *Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri (1926 – 1939 gg.)* [Formation of the Urban Population of Siberia (1926–1939)]. Novosibirsk, Nauka. 168 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki: v 3 tomakh. Tom 1: 1900–1939* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays. In 3 Vol. Vol. 1: 1900–1939]. Moscow, ROSSPEN. 463 p.

Soboleva, S.V., Grigor'ev, Yu.A., Smirnova, N.E., Chudayeva, O.V. (2014). Osobennosti formirovaniya naseleniya prigranichnykh territoriy Sibiri [Features of the Formation of the Population of the Border Territories of Siberia]. In *ECO*. No. 11, pp. 20–35.

Zhiromskaya, V.B. (2019). *Posle revolyutsionnykh bur': Naselenie Rossii v seredine 20-kh godov* [After the Revolutionary Storms: The Population of Russia in the Mid-20s]. 2nd ed., reprinted. Moscow, Berlin, Direct-Media. 199 p.

Zulyar, Yu.A., Medvedev, G.I. (2012). Parametry i tendentsii zarubezhnykh migratsiy nachala XXI v. v Pribaykal'e [Parameters and Trends of Foreign Migrations at the Beginning of the XXI Century. In the Baikal Region]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 75–87.

Zverev, V.A. (2014). *Lyudi detnye: vosproizvodstvo naseleniya sibirskoy derevni v kontse imperskogo perioda* [People with Children: Reproduction of the Siberian Village Population at the End of the Imperial Period]. 2nd ed., corrected and enlarged. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGPU. 278 p.

Я.А. Кузнецова*

УРБАНИЗАЦИЯ НА СЕВЕРЕ СИБИРИ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
И СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕНИЙ В XX ВЕКЕ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-19
УДК 271.2+801.8(47)

Выходные данные для цитирования:
Кузнецова Я.А. Урбанизация на севере Сибири: проблемы формирования городского населения и системы поселений в XX веке // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 222–233. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-19.pdf>

Ya.A. Kuznetsova*

THE URBANIZATION IN THE NORTH SIBERIA:
THE PROBLEMS OF FORMATION
OF THE URBAN POPULATION AND SETTLEMENT
SYSTEM IN THE 20TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-19

How to cite:
Kuznetsova Ya.A. The Urbanization in the North Siberia: The Problems of Formation of the Urban Population and Settlement System in the 20th Century // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 222–233.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-19.pdf>]

Abstract. The article reconstructs the process of the urbanization development of the national regions of Northern Siberia in the 20th century, which turned from economic underdeveloped territories with the small, mainly nomadic indigenous population into a rapidly developed industrial centers with the high concentration of urban population and the urbanization rates by the end of the 20th century. An analysis of the urban population was carried out on the basis of official statistical data. The process of the formation of the urban population in the soviet period was analyzed as a result of active mechanical growth (migrations) and the transition of the rural population to urban status as a result of administrative decisions are based on the methodological concepts of modernization and urbanization transitions. With the beginning of forced industrialization in the country, traces the trends of the soviet state policy to attract human resources and consolidate them in the North, including through financial incentives. The changes in the administrative and territorial structure of the regions, as well as in the structure of settlements, are shown. The new criteria for cities and urban settlements established by regulatory acts are considered, among which a new form of urban settlements of the population has become widespread – working settlements formed in areas of concentration of production of the forestry and fishing industries, extraction and development of raw materials in the northern regions.

Keywords: Siberia, Far North, industrialization, urbanization, urban population, migration, city, industrial settlement, Soviet state policy.

*The article has been received by the editor on 17.07.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* Янина Александровна Кузнецова, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: scriptor_iisoran@mail.ru

Yanina Alexandrovna Kuznetsova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: scriptor_iisoran@mail.ru

** Статья опубликована в рамках реализации проекта «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was published as part of the project “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. В статье реконструирован процесс урбанизационного развития национальных регионов севера Сибири в XX в., которые превратились из слабо развитых в экономическом отношении территорий с малочисленным, преимущественно кочевым коренным населением, к концу XX в. в быстроразвивающиеся индустриальные центры с высокой концентрацией городского населения и темпами урбанизации. На основе официальных статистических данных выполнен анализ численности городского населения. На базе методологических концепций модернизационного и урбанизационного переходов проанализирован процесс формирования городского населения в советский период как результат активного механического прироста (миграций) и перехода сельского населения в статус городского в результате административных решений. В условиях начавшейся форсированной индустриализации в стране прослежены тенденции советской государственной политики по привлечению людских ресурсов и их закреплению на Севере, в том числе за счет материального стимулирования. Показаны изменения в административно-территориальном устройстве регионов, а также в структуре городских поселений. Рассмотрены новые, установленные нормативными актами критерии к городам и городским поселениям, среди которых широкое распространение получила новая форма городских пунктов населения – рабочие поселки, формировавшиеся в районах концентрации производства лесной и рыбной промышленности, добычи и разработки сырьевых ресурсов северных регионов.

Ключевые слова: Сибирь, Крайний Север, индустриализация, урбанизация, городское население, миграции, город, поселок городского типа, советская государственная политика.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025 г.

Проблемы формирования городского населения являются неотъемлемой частью исследований процесса урбанизации, который подчиняется определенным закономерностям исторического развития и имеет вполне конкретные экономические предпосылки. Рост индустриального, постиндустриального развития, углубление территориального разделения труда приводят к возрастанию роли городов в социально-экономическом, политическом и культурном развитии современного общества. На сегодняшний день актуальность этих исследований продолжает оставаться достаточно высокой, так как результаты форсированной индустриализации и урбанизации советского общества оказали довольно неоднозначное, противоречивое и по большей части негативное влияние на постсоветское и современное развитие городов. Заложенные механизмы в формировании городов и городского населения после распада советской системы оказались неспособными к адаптации в современных рыночных условиях и в целом обусловили проблемы и противоречия современного демографического развития. Особенно остро негативные тенденции проявлялись в отдаленных северных регионах страны, где население формировалось преимущественно за счет миграционного прироста, в том числе за счет организованных и принудительных переселений, а создание городских поселений происходило в местах концентрации промышленных объектов на основе административных решений.

Теоретико-методологической основой данного исследования являются концепции модернизации и урбанизации. Основные этапы общемирового процесса перехода сельского общества в городское в России проходили в XX столетии в рамках социалистической формации. Подчиняясь общим закономерностям, в стране бурными темпами, особенно во второй половине XX в., увеличивался удельный вес городского населения, число новых городов и городских поселений, формировались городские агломерации, что приводило к изменениям в структуре расселения, количественному и качественному составу населения. Отечественная урбанизация, начавшаяся в условиях новой политической и экономической

системы, кардинально отличалась своим характером, темпами роста городского населения, механизмами градообразования, социально-экономическим содержанием. Применение методов конкретно-исторического анализа в сочетании со сравнительно-историческим и статистическим методами способствовало всестороннему анализу общих и специфических тенденций в формировании городского населения, городской структуры расселения в северных регионах Сибири в советский период.

Территориальные рамки исследования охватывают территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого, Таймырского и Эвенкийского национальных округов, а также Якутской и Тувинской АССР (последняя вошла в состав РСФСР в 1944 г.), отличавшихся своими суровыми условиями жизни, спецификой ведения традиционного хозяйства, малочисленным и этнически разнообразным составом населения. К концу XX в. за счет активного миграционного притока они превратились в быстроразвивающиеся индустриальные центры с высокой концентрацией населения и темпами урбанизации.

Цель данного научного исследования состоит в исторической реконструкции процесса урбанизации и формирования городского населения в национальных регионах севера Сибири в XX в. в условиях проводимой социалистической индустриализации в стране. Проследить изменения в численности городского населения, в поселенческой структуре регионов на основе принятых нормативно-законодательных актов в области стимулирования и закрепления населения на Севере, а также в области административно-территориальных преобразований в этот период.

В качестве источниковой базы, помимо общих и региональных публикаций по смежной проблематике, были привлечены справочные материалы по административно-территориальному делению СССР, материалы Всесоюзных переписей населения, статистические ежегодники по социально-экономическому развитию регионов, а также нормативно-законодательные акты, относящиеся к периоду исследования.

В начале XX в. формирование населения в северных регионах шло достаточно медленными темпами, структура поселений характеризовалась наличием сложившихся еще со времен русской колонизации XVI–XVII вв. небольших оседлых поселений и городов – военно-административных центров, образованных на пересечениях основных речных коммуникаций (Тобольск, Березов, Сургут, Обдорск, Якутск, Туруханск, Мангазея и др.). Городское население состояло из служилых людей, промышленников, торговцев. С конца XVI в. Сибирь стала местом ссылки, и численность городского населения периодически пополнялась за счет ссыльных поселенцев. Открытые в первой половине XIX в. месторождения золота в Западной и Восточной Сибири также способствовали активному привлечению рабочих на прииски и созданию новых поселений.

Проведение в конце XIX – начале XX в. аграрной «стольпинской» реформы, итогом которой стало самое масштабное организованное переселение крестьян в Сибирь, и открытие крупнейшей Транссибирской железнодорожной магистрали (далее – Транссиб) обеспечили в начале XX в. бурное социально-экономическое развитие и рост населения Сибири более чем на 3 млн человек¹.

Однако активизация экономической жизни и заселения касалась преимущественно наиболее благоприятных в природно-климатическом и хозяйственном отношении сибирских территорий. Основная полоса расселения и концентрация населения были сдвинуты к южным районам Сибири, протянувшимся вдоль построенной железной дороги. Далее к северу поселенческая структура по-прежнему характеризовалась очаговым характером расселения с небольшим числом городов (административных центров) и сельских поселений. С введением в эксплуатацию Транссиба многие города потеряли свое торгово-экономическое значение, а затем, с началом советских административно-территориальных преобразований и введением новых критериев к городским поселениям, и статус города.

¹ Ильиных В.А. Социальные аспекты миграционных процессов в Сибири в первой трети XX века // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI вв. Новосибирск, 2009. С. 44.

Согласно «Общему положению о городских и сельских поселениях и поселках», в 1924 г. к категории городских поселений были отнесены «населенные пункты с количеством взрослого населения не менее одной тысячи человек, при условии, если сельское хозяйство является основным занятием не более чем для 25 % населения»². Кроме основных признаков, рекомендовалось учитывать также «...возможность обеспечения населенного пункта достаточным количеством земель, необходимых для городского хозяйства; развитие данного населенного пункта в отношении роста населения, торговых оборотов, концентрации промышленности и т.п.; близость населенного пункта к железной дороге или другим удобным пунктам сообщения»³. В 1926 г. постановлением «О рабочих поселках» была установлена новая форма городского населенного пункта – рабочий поселок. Эта промежуточная форма между городом и деревней была введена для устранения противоречий между экономическими функциями и административным статусом, характерных для поселений России начала XX в.⁴ Согласно постановлению, к этой категории относились поселки, в которых «...количество взрослого населения не менее четырехсот человек, причем для большинства населения (не менее 65 %) основным источником существования является заработная плата»⁵. Предполагалось, что такие поселения с перспективным социально-экономическим развитием в дальнейшем перерастут в городские. В начале XX в. на фоне роста по стране числа рабочих поселков и новых городов также наблюдался и обратный процесс ввиду отсутствия перспектив, когда городам и рабочим поселкам возвращали статус сельских поселений, как это произошло в северных регионах. Статуса города лишились Березов, Сургут, Обдорск, Туруханск.

В начале 1930-х гг. на волне национально-государственного строительства национальные регионы севера Сибири были выделены в отдельные административные единицы (Якутская АССР образована в 1922 г.). В 1930 г. на территории Тобольского округа образованы Остяко-Вогульский (с центром в с. Самарово) и Ямало-Ненецкий (с центром в с. Обдорск) национальные округа. На северных территориях Туруханского края были образованы Витимо-Олёкминский (с центром в с. Усть-Муя, упразднен в 1938 г.), Таймырский (с центром в с. Дудинка) и Эвенкийский (с центром в п. Туринская культбаза) национальные округа. Согласно данным административно-территориального учета на 1931 г., население округов было сельским, за исключением Витимо-Олёкминского округа, в котором в районе золотых приисков в 1931 г. был образован временный рабочий поселок имени 11 Октября с населением в 2 тыс. чел. (табл. 1)⁶.

Развитой поселенческой структурой и наличием городского населения отличалась только Якутская АССР, территория которой уже с середины 1920-х гг. характеризовалась более активным хозяйственным освоением. Открытие золотоносных приисков в Алданском районе положило начало быстрому развитию золотопромышленности в республике и появлению в структуре поселений в районе приисков еще одного городского поселения – Томмот в 1926 г. Всего в составе республики было шесть городов (Якутск, Верхоянск, Вилуйск, Олёкминск, Средне-Колымск, Томмот) с городским населением в 20,2 тыс. чел. При этом численность населения составляла 288,7 тыс. чел., т.е. процент городского населения составлял всего 6,5 % (см. табл. 1).

Рассредоточенность поселений на огромных и малозаселенных территориях, кочевой образ жизни части коренного населения, экстремальные условия ведения хозяйства препятствовали быстрому экономическому освоению. Транспортная изолированность севера Сибири не только от центральных районов страны, но и от соседней южной периферии (по Транссибу), отсутствие развитой системы путей сообщения существенно тормозили

² Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. // СУ РСФСР 1924 г. № 73. Ст. 726.

³ Там же.

⁴ Симагин Ю.А. Изменение роли поселков городского типа в системе расселения России на протяжении XX века // Вестник МГПУ. Сер.: Естественные науки. 2009. № 1. С. 21.

⁵ О рабочих поселках. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. // СУ РСФСР 1926 г. № 65. Ст. 509.

⁶ Все таблицы размещены в конце статьи.

и приток населения. Государственные проекты по масштабному освоению Севера и транспортному строительству в период 1920-х гг. оставались пока только на бумаге⁷.

С переходом к плановой экономике, началом массовой коллективизации и форсированной индустриализации в 1930-е гг. в социально-экономическом развитии регионов происходят радикальные перемены. Уже в начале 1930-х гг. в национальных округах были созданы первые государственные предприятия рыбной и лесной промышленности. В результате проведения геолого-разведочных экспедиций, открытия месторождений формировались отрасли добывающей промышленности (золото, уголь, вольфрам и олово в Якутии, уголь, графит и медно-никелевые руды на Таймыре, каменный уголь, исландский шпат, соли в Эвенкийском округе). В населенных пунктах развернулись работы по благоустройству и строительству учреждений здравоохранения, образования и культуры (русские и кочевые школы, техникумы, фельдшерско-акушерские пункты, больницы и поликлиники, библиотеки, музеи и т.д.).

Введение в действие советским руководством ряда нормативно-правовых актов для стимулирования и закрепления населения на Севере, установление ряда льгот и компенсаций, а также вербовка рабочих из близлежащих районов в некоторой степени решали проблемы дефицита рабочей силы в регионах. В 1932 г. в постановлении «Об утверждении Положения о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР» впервые районы Крайнего Севера РСФСР были выделены в отдельную группу, а действие льгот распространялось на работников всех государственных, кооперативных, общественных учреждений как союзного, так и республиканского значения. Работникам выплачивались 10%-ные надбавки к основному окладу за каждый год работы; медицинским и ветеринарным работникам, направленным на борьбу с эпидемиями и эпизоотиями, надбавка выплачивалась в размере 20 % за каждый год работы. Постановление также устанавливало жилищные, налоговые льготы, в том числе на обучение, компенсации за проезд, выплаты суточных и т.д.⁸

Дефицит рабочей силы, тормозивший процесс освоения огромных труднодоступных территорий, компенсировался начавшимся в 1930-е гг. массовым принудительным переселением в северные регионы и созданием здесь обширной системы спецпоселений, затем исправительно-трудовых лагерей. Все промышленные и сельскохозяйственные объекты, дороги, новые населенные пункты и их обустройство были введены в строй руками спецпереселенцев и заключенных. Подавляющее большинство рабочих этих предприятий были спецпереселенцы и заключенные. Сохранялся также организованный и вольнонаемный набор рабочих на производства, служебные переводы высококвалифицированных специалистов, управленческих кадров, обслуживающего персонала и снабженцев пополняли численность поселений.

В 1930-е гг. в результате административных мероприятий во всех национальных округах появились городские поселения. Так, село Обдорск Ямало-Ненецкого округа было переименовано в поселок Салехард (1933 г.), в 1938 г. Салехарду присвоен статус города. Административный центр Остяко-Вогульского округа из села Самарово был перенесен в новый построенный спецпереселенцами рабочий поселок Остяко-Вогульск (1936 г.), в 1940 г. переименован в Ханты-Мансийск, а округ – в Ханты-Мансийский. В Таймырском округе в 1935 г. в районе начатого строительства Норильского горно-металлургического комбината был образован первый рабочий поселок. В 1938 г. Туринская культабаза Эвенкийского округа переименована в рабочий поселок Тура. В составе Якутской АССР в районах золотодобывающих приисков создано девять новых рабочих поселков, а поселок Незаметный получил в 1939 г. статус города и переименован в г. Алдан⁹. К концу 1930-х гг.

⁷ Кузнецова Я.А. Государственные стратегии освоения севера Сибири и Дальнего Востока в довоенный период // «Огни магистрали»: исторический опыт и стратегии развития регионов Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 2024. С. 22–33.

⁸ Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 104.

⁹ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 октября 1938 г. М., 1938. С. 21, 73–74, 141.

численность городского населения в национальных округах составила: в Остяко-Вогульском – 7,5 тыс. чел., в Ямало-Ненецком – 12,7 тыс. чел., в Таймырском – 13,9 тыс. чел., в Эвенкийском – 1,6 тыс. чел. В Якутии численность населения выросла почти в пять раз и составила 111,5 тыс. чел. (табл. 2).

Начавшийся с середины 1950-х гг. процесс либерализации политической жизни в стране привел к разрушению принудительной переселенческой политики и системы исправительно-трудовых лагерей. В условиях разворачивавшейся научно-технической революции советская экономика нуждалась в свободном и высококвалифицированном труде. Отказавшись от использования принудительного труда, советское руководство столкнулось с дефицитом трудовых ресурсов, особенно на Крайнем Севере. В связи с этим в период 1960–1980-х гг. разрабатываются новые формы привлечения населения на Север: переводы с предприятий, организованный набор рабочих и специалистов широкого профиля, общественный призыв молодежи, привлечение спецконтингента, а также выпускников вузов и демобилизованного населения.

В 1960 г. в соответствии с указом «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» были установлены расширенные льготы и гарантии в области заработной платы, времени отпусков, порядка начисления стажа работы, компенсаций на переезд, а также в области права на жилье. При этом начисления надбавок к заработной плате производились не сразу, а ежегодно по 10 %, т.е. на первые 10 % можно было рассчитывать только через 1–2 года работы в зависимости от региона. Установленные указом льготы не обеспечили в полной мере притока трудовых ресурсов на Крайний Север ввиду недостаточной материальной заинтересованности. Новый указ 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» значительно сократил срок продолжительности трудового договора для получения надбавок и закрепил снижение пенсионного возраста, предоставил все указанные льготы лицам, прибывшим в эти районы по собственной инициативе и т.д.¹⁰

Таким образом, государственная политика стимулирования трудовой миграции на престижные стройки обеспечила значительный миграционный приток молодого трудоспособного населения и экономическую привлекательность северных территорий. В этот период изменились и критерии для отнесения населенных пунктов к городам и рабочим поселкам. Согласно новому указу 1957 г. «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков» к городам могли быть отнесены крупные промышленные и культурно-политические центры с числом населения свыше 50 тыс. чел. К категории городов районного подчинения – крупные промышленные центры с населением не менее 12 тыс. чел. при наличии 85 % рабочих и служащих. Во внимание также принималось административное значение города и его перспективы промышленного развития¹¹. К категории рабочих поселков относились населенные пункты при крупных заводах, фабриках, шахтах, рудниках и других предприятий с населением не менее 3 тыс. чел. при наличии не менее 85 % рабочих и служащих. В исключительных случаях к этой категории могли относиться населенные пункты с населением менее 3 тыс. чел., возникшие при особо важных стройках в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока¹². Это касалось только новых образованных городов и рабочих поселков.

Одним из важных условий, помимо численности, стала занятость городского населения в промышленном производстве. При этом рабочие поселки уже не были промежуточной формой между городом и деревней, а стали еще одной постоянной формой городских населенных пунктов советской системы поселений, некоторые из которых существуют и сегодня.

¹⁰ Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственные преференции... С. 111–113.

¹¹ О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 12 сентября 1957 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1957. № 1.

¹² Там же.

Период 1960–1980-х гг. отмечен началом нового этапа в экономическом освоении севера Сибири, подкрепленном политическими и геостратегическими задачами форсированного наращивания индустриального и людского потенциала северо-восточных регионов страны. Развернувшиеся геологоразведочные работы по изучению природных ресурсов Сибири привели к открытию и активной промышленной разработке крупных месторождений нефти и газа в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах и формированию промышленного Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960-х гг. В Якутской АССР продолжалось развитие золотодобывающей промышленности, после открытия в 1954 г. алмазодобывающей провинции в республике сформировались крупные предприятия алмазодобывающей отрасли. Открытие месторождений графита, никеля, меди, цветных и других металлов в Тувинской АССР¹³, Эвенкийском и Таймырском национальных округах привело к строительству ряда предприятий горнорудной и металлургической промышленности. С созданием ресурсно-сырьевой базы в регионах развернулось железнодорожное строительство, развитие судоходства и полярной авиации. Мощным импульсом к хозяйственному освоению северных территорий Сибири и Дальнего Востока послужило возобновившееся в 1974 г. строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В первые годы ее сооружения миграционный приток населения составлял свыше 2 млн чел.¹⁴ Среди всех форм комплектования кадров в этот период самым массовым был вольный наем. Так, например, во второй половине 1960-х гг. на предприятиях Западно-Сибирского нефтегазового комплекса вольный наем составлял более 80 % рабочих¹⁵.

В период 1960–1980-х гг. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа характеризовались рекордным ростом численности населения, а также городов и рабочих поселков. По данным административно-территориального учета 1959 и 1989 гг., в Ханты-Мансийском национальном округе число городов выросло с одного (г. Ханты-Мансийск) до 11, рабочих поселков – с двух до 28. Статус города был присвоен промышленным поселкам Сургут и Урай (1965 г.), Нефтеюганск (1967 г.), Нижневартовск (1972 г.), Мегион (1980 г.), Радужный (1983 г.), Нягань, Когалым и Лангепас (1985 г.), Белоярский (1988 г.). Численность городского населения округа увеличилась более чем в 30 раз и составила в 1989 г. 91 % от всего населения (табл. 3, 4).

В Ямало-Ненецком национальном округе число рабочих поселков выросло с одного до девяти, городов – с одного (г. Салехард) до пяти: Надым (1972 г.), Лабытнанги (1975 г.), Новый Уренгой (1980 г.), Ноябрьск (1982 г.). Численность городского населения увеличилась в 17 раз, это 77,8 % от всего населения округа. Эти показатели роста городского населения в округах значительно превышали показатели по другим регионам севера Сибири. При этом в административных центрах округов в 1989 г. концентрировалась незначительная часть городского населения: в Ханты-Мансийске – 3 %, в Салехарде – 8,5 % всего городского населения округов. Основная часть городского населения была «рассеяна» по небольшим промышленным городам и рабочим поселкам (табл. 5).

Таймырский и Эвенкийский национальные округа не отличались таким высоким уровнем урбанизации, как соседние округа. В структуре городских поселений изменений не произошло. В составе Таймырского национального округа числился один город – Дудинка (1951 г.), в котором в 1989 г. было сосредоточено 87 % населения, и один рабочий поселок – Диксон (1956 г.). Норильск как союзный промышленный центр металлургии получил статус города в 1953 г., но был выделен из состава Таймырского национального округа. В 1989 г. его население в 7 раз превышало население всего округа (37 тыс. чел.) и составляло 267,6 тыс. чел. Тем не менее численность городского населения округа за период 1959–1989 гг. выросла в 1,8 раза, что составило в 1989 г. 67 % от всего населения округа (см. табл. 3, 4).

¹³ Вошла в состав СССР в 1944 г. как Тувинская автономная область, в 1961 г. преобразована в Тувинскую АССР.

¹⁴ Ефимкин М.М. Проблемы Востока России в контексте отечественной и мировой истории // Человек. Труд. Занятость. Вып. 2. Новосибирск, 1998. С. 61.

¹⁵ Колева Г.Ю. Формирование кадрового потенциала предприятий ЗСНГК в период интенсивного нефтегазового освоения // Проблемы модернизации сибирского Севера: сб. науч. тр. Тюмень, 2011. С. 177.

Центром концентрации городского населения Эвенкийского национального округа оставался единственный рабочий поселок Тура, его численность выросла за этот период в 3,5 раза, но в целом сельское население в округе преобладало, процент городского населения был самым низким среди всех регионов и составлял в 1989 г. 29 % (см. табл. 3, 4).

В Тувинской АССР также произошли небольшие изменения в городской структуре поселений. В 1989 г. в республике числилось три рабочих поселка и пять городов. К существующим четырем городам, образованным в 1945 г. (Кызыл, Туран, Чадан, Шагонар), был отнесен строительный поселок Ак-Довурак (1964 г.). Численность городского населения выросла за период 1959–1989 гг. в 2,5 раза, вырос и удельный вес горожан в населении и составил в 1989 г. 47 %. Более половины городского населения было сосредоточено в 1989 г. в административном центре – г. Кызыле (см. табл. 3,4).

В Якутской АССР за период 1960–1980-х гг. число поселков городского типа выросло с 40 до 67, число городов – с 7 до 11. Статус города приобрели такие бывшие геологоразведочные поселки, как Мирный (1959 г.), Ленск (1964 г.), Нерюнгри (1975 г.), Удачный (1987 г.). Численность городского населения выросла в 3 раза, его удельный вес в населении республики в 1989 г. составил 66,7 % (см. табл. 3, 4).

Таким образом, государственная политика материального стимулирования, оргнаборы и общественные призывы на масштабные стройки союзного значения обеспечили высокую миграционную активность в северные регионы во второй половине XX в. К концу 1980-х гг. почти все регионы, за исключением Эвенкийского национального округа, отличались высокими темпами урбанизации. Самый высокий процент городского населения был достигнут в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах. Новая сформированная к концу 1980-х гг. структура городских поселений подчинялась территориальному принципу планового размещения промышленного производства в местах добычи и разработки сырьевых ресурсов бывших геологоразведочных поселков. Концентрация городского населения во всех изучаемых регионах распределялась по-разному (см. табл. 5). В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах, Якутской АССР городское население было «рассеяно» по многочисленным рабочим поселкам и новым городам. В Таймырском и Эвенкийском национальных округах, Тувинской АССР городское население сосредотачивалось в административных центрах, что в целом было обусловлено отраслевой спецификой регионов, степенью и масштабами их промышленного освоения в этот период.

* * *

Таблица 1

Административно-территориальное устройство
и численность населения севера Сибири в 1931 г.

Регион (административный центр)	Площадь (км ²)	Число населенных пунктов			Численность населения (тыс. чел.)			Городское население (%)	Население (на 1 км ²)
		города	рабочие поселки	прочие	городские поселения	сельская местность	всего		
Остяко-Вогульский национальный округ (с. Самарово)	703 000	–	–	979	–	49,9	49,9	–	0,07
Ямало-Ненецкий национальный округ (с. Обдорск)	466 000	–	–	–	–	14,0	14,0	–	0,03
Витимо-Олёкминский (Эвенкийский) национальный округ (с. Усть-Муя)	209 840	–	1	–	2,0	7,2	9,2	22	0,04

Окончание табл. 1

Регион (административный центр)	Площадь (км ²)	Число населенных пунктов			Численность населения (тыс. чел.)			Городское население (%)	Население (на 1 км ²)
		города	рабочие поселки	прочие	городские поселения	сельская местность	всего		
Таймырский национальный округ (с. Дудинка)	683 352	–	–	10	–	7,7	7,7	–	0,01
Эвенкийский национальный округ (Туринская культбаза)	541 624	–	–	17	–	5,1	5,1	–	0,01
Якутская АССР (г. Якутск)	2 900 000	6	–	10	20,2	288,7	308,9	6,54	0,11

Составлено по: Административно-территориальное деление Союза ССР [с изменениями с 15 нояб. 1930 г. по 1 окт. 1931 г.]: Районы и города СССР / ЦИК СССР, Всерос. ЦИК. М., 1931. С. 70–71, 174–175, 180.

Таблица 2

**Административно-территориальное устройство
и численность населения севера Сибири в 1939 г.**

Регион (административный центр)	Площадь, (км ²)	Число населенных пунктов		Численность населения (тыс. чел.)			Городское население (%)	Население (на 1 км ²)
		города	рабочие поселки	городские поселения	сельская местность	всего		
Остяко-Вогульский национальный округ (р.п. Остяко-Вогульск)	760 000	–	1	7,5	85,8	93,3	8,0	0,1
Ямало-Ненецкий национальный округ (г. Салехард)	466 000	1	–	12,7	33,1	45,8	27,8	0,09
Якутская АССР (г. Якутск)	3 030 900	6	9	111,5	301,6	413,2	26,9	0,1
Таймырский национальный округ (с. Дудинка)	712 600	–	1	13,9	14,8	28,7	48,3	0,04
Эвенкийский национальный округ (р.п. Тура)	541 600	–	1	1,6	7,9	9,5	16,6	0,02

Составлено и рассчитано по: Административно-территориальное деление союзных республик: на 1 октября 1938 года / Информ.-стат. отд. при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР. М., 1938; Административно-территориальное деление союзных республик: изменения, происшедшие за время с 1/X 1938 г. по 1/III 1939 г. / Инф.-стат. отдел при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР. М., 1939. С. 21, 73–74, 141–142; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по районам и городам [Электронный ресурс] // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php (дата обращения: 10.07.2025).

Таблица 3

Административно-территориальное устройство
и численность населения севера Сибири в 1959 г.

Регион (административный центр)	Площадь (км ²)	Число населенных пунктов		Численность населения (тыс. чел.)			Городское население (%)	Население (на 1 км ²)
		города	рабочие поселки	городские поселения	сельская местность	всего		
Ханты-Мансийский национальный округ (г. Ханты-Мансийск)	550,8	1	3	37	87	124	30,1	0,2
Ямало-Ненецкий национальный округ (г. Салехард)	750,3	1	1	22	40	62	35,0	0,08
Таймырский национальный округ (г. Дудинка)	860,2	1	2	20	13	33	60,5	0,04
Эвенкийский национальный округ (р.п. Тура)	745	–	1	2	8	10	19,8	0,01
Тувинская автономная область (г. Кызыл)	170,5	4	2	57	115	172	33,0	1,0
Якутская АССР (г. Якутск)	3 103,2	8	39	240	248	488	49,1	0,2

Составлено и рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический ежегодник. М., 1960. С. 36–37, 53–54.

Таблица 4

Административно-территориальное устройство
и численность населения северных регионов России в 1989 г.

Регион (административный центр)	Площадь (тыс. км ²)	Число населенных пунктов		Численность населения (тыс.чел.)			Городское население (%)	Население (на 1 км ²)
		города	рабочие поселки	городские поселения	сельская местность	всего		
Ханты-Мансийский национальный округ (г. Ханты-Мансийск)	523,1	11	28	1 153	115	1 268	91	2,4
Ямало-Ненецкий национальный округ (г. Салехард)	750,3	5	9	379	107	486	78	0,6
Таймырский национальный округ (г. Дудинка)	862,1	1	1	37	18	55	67	0,06

Окончание табл. 4

Регион (административный центр)	Площадь (тыс. км ²)	Число населенных пунктов		Численность населения (тыс. чел.)			Городское население (%)	Население (на 1 км ²)
		города	рабочие поселки	городские поселения	сельская местность	всего		
Эвенкийский национальный округ (р.п. Тура)	767,6	–	1	7	17	24	29	0,03
Тувинская АССР (г. Кызыл)	170,5	5	3	146	163	309	47	1,8
Якутская АССР (г. Якутск)	3 103,2	11	67	721	360	1 081	66,7	0,3

Составлено и рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990. С. 5–7, 60–61.

Таблица 5

Численность городского населения,
проживающего в административных центрах севера Сибири 1959–1989 гг.

Административный центр	Численность населения в 1959 г. (тыс. чел.)	Городское население, проживающее в адм. центре в 1959 г. (%)	Численность населения в 1989 г. (тыс. чел.)	Городское население, проживающее в адм. центре в 1989 г. (%)
г. Ханты-Мансийск	21	56,7	34,4	3
г. Салехард	17	77	32,3	8,5
г. Дудинка	16	80	32,3	87
р.п. Тура	2,0	100	7	100
г. Кызыл	34,4	60	84,6	58
г. Якутск	74,0	31	187,0	26

Составлено и рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический ежегодник. М., 1960. С. 39–41; Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [Электронный ресурс] // Демоскоп: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 11.07.2025).

Литература

Ефимкин М.М. Проблемы Востока России в контексте отечественной и мировой истории // Человек. Труд. Занятость. Вып. 2. Новосибирск, 1998. С. 61–66.

Ильиных В.А. Социальные аспекты миграционных процессов в Сибири в первой трети XX века // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI вв. Новосибирск, 2009. С. 44–52.

Колева Г.Ю. Формирование кадрового потенциала предприятий ЗСНГК в период интенсивного нефтегазового освоения // Проблемы модернизации сибирского Севера: сб. науч. тр. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. С. 179–180.

Кузнецова Я.А. Государственные стратегии освоения севера Сибири и Дальнего Востока в довоенный период // «Огни магистрали»: исторический опыт и стратегии развития регионов Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 2024. С. 22–33.

Симагин Ю.А. Изменение роли поселков городского типа в системе расселения России на протяжении XX века // Вестник МГПУ. Сер.: Естественные науки. 2009. № 1. С. 20–27.

Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 90–127.

References

Efimkin, M.M. (1998). Problemy Vostoka v kontekste otechestvennoy i mirovoy istorii [The Problems of the East of Russia in the Context of National and World History]. In *Chelovek. Trud. Zanyatost*. Novosibirsk. No. 2, pp. 61–66.

Fauzer, V.V., Lytkina, T.S., Fauzer, G.N. (2017). Gosudarstvennye preferentsii dlya naseleniya otdalennykh i severnykh territoriy Rossii [State Preferences for the People in Remote and Northern Territories of Russia]. In *Arktika i Sever*. Vol. 28, pp. 90–127.

Il'inykh, V.A. (2009). Sotsialnye aspekty migratsionnykh protsessov v Sibiri v pervoy chetverti XX veka [The Social Aspects of the Migration Processes in Siberia in the First Quarter of the 20th Century]. In *Migratsionnye protsessy v Aziatskoy Rossii v XIX – nachale XXI vv.* Novosibirsk, pp. 44–52.

Koleva, G.U. (2011). Formirovanie kadrovogo potentsiala predpriyatiy ZSNGK v period intensivnogo neftegazovogo osvoeniya [The Formation of the Human Resources of ZSNGK Enterprises during the Period of Intensive Oil and Gas Development]. In *Problemy modernizatsii sibirskogo Severa*. Tyumen, pp. 179–180.

Kuznetsova, Ya.A. (2024). Gosudarstvennye strategii osvoeniya severa Sibiri i Dalnego Vostoka v dovoennyi period [The State Strategies for the Development of the North of Siberia and Far East during the Pre-War Period]. In *“Ogni magisrali”: istoricheskiy opyt i strategii razvitiya regionov Sibiri i Dalnego Vostoka*. Ulan-Ude, pp. 22–33.

Simagin, U.A. (2009). Izmenenie roli poselkov gorodskogo tipa v sisteme rasseleniya Rossii na protyazhenii XX veka [The Transformation of the Role of Urban-Type Settlements in the Settlement System of Russia during the 20th Century]. In *Vestnik MGPU*. No. 1, pp. 20–27.

О.В. Филиппенко*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ZIMMERMAN D. ENSNARED BETWEEN HITLER AND STALIN: REFUGEE SCIENTISTS IN THE USSR. TORONTO: UNIVERSITY OF TORONTO PRESS, 2023. 360 P.

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-20
УДК 93/94"1930"

Выходные данные для цитирования:

Филиппенко О.В. Рецензия на книгу: Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR. Toronto: University of Toronto Press, 2023. 360 p. // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 234–241.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-20.pdf>

O.V. Filippenko*

REVIEW: ZIMMERMAN D. ENSNARED BETWEEN HITLER AND STALIN: REFUGEE SCIENTISTS IN THE USSR. TORONTO: UNIVERSITY OF TORONTO PRESS, 2023. VII, 360 P.

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-20

How to cite:

Filippenko O.V. Review: Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR. Toronto: University of Toronto Press, 2023. VII, 360 p. // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 234–241.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-20.pdf>]

Abstract. David Zimmerman's new book focuses on the analysis of the fates of 36 German-speaking scholars who fled persecution from Nazi Germany to the Soviet Union. The author examines the lives of these migrants at each stage of their journey. Based on an analysis of events leading up to 1933, Zimmerman demonstrates the heterogeneity of the group of scholars studied and shows how this diversity influenced their subsequent fates and chances of survival. He then proceeds to identify the motives that drove these persecuted intellectuals to seek refuge specifically in the Soviet Union. Ultimately, he concludes that, for the most part, this decision was forced rather than ideologically motivated. Zimmerman assesses the early years of German-speaking scholars in the USSR as relatively successful. They took advantage of the benefits offered by their host country to varying degrees. As a result, they were able to make a significant contribution to the development of Soviet science. However, this did not protect them from further persecution. During the Great Terror, scholars were either arrested or killed by the NKVD, or they were expelled or fled the country. Those who left the Soviet Union faced new challenges. Not all of them survived the Holocaust. However, those who did were forced to flee again. Their new destinations included France, England, Sweden, or, in the case of great fortune, the United States. In addition, Zimmerman evaluates the role of organizations whose activities were intended to support scholars persecuted by the Nazis. Despite attempts by these funds to provide assistance, in practice, researchers often had to fend for themselves. The reviewed book concludes with an analysis of the lives of the descendants of the studied families, which helps to clarify the long-term consequences of the crimes committed by the Nazis.

Keywords: history of science, forced migration, cultural adaptation, Stalinism, Nazism, USSR.

The article has been received by the editor on 27.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ольга Вячеславовна Филиппенко**, PhD (Dr. Phil), Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ), Новосибирск, Россия, e-mail: olga.kanyshkova@mail.ru
Olga Vyacheslavovna Filippenko, PhD (Dr. Phil.), Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM), Novosibirsk, Russia, e-mail: olga.kanyshkova@mail.ru

Аннотация. Новая книга Дэвида Циммермана фокусируется на анализе судеб 36 немецкоязычных ученых, которые бежали от преследований из нацистской Германии в Советский Союз. Автор рассмотрел жизнь эмигрантов на каждой стадии. Вначале на основе анализа событий до 1933 г. Д. Циммерман продемонстрировал неоднородность состава исследуемой группы ученых и показал, как она повлияла на их последующую судьбу и шансы на выживание. Затем автор приступил к выявлению мотивов, которые подтолкнули преследуемых деятелей науки направиться именно в Советский Союз. В итоге сделан вывод, что данное решение было скорее вынужденным, нежели обусловленным идеологическими соображениями. Циммерман оценивает первые годы пребывания немецкоязычных ученых в СССР как относительно успешные. Они в большей или меньшей степени воспользовались благами принимающей стороны. Благодаря этому ученые смогли внести ощутимый вклад в развитие советской науки. Это, однако, не спасло их от дальнейших преследований. В процессе Большого террора ученые были или арестованы/убиты органами НКВД, или высланы/бежали из страны. Лица, покинувшие Советский Союз, столкнулись с новыми трудностями. Не все из них пережили Холокост. Однако те, кто смог это сделать, были вынуждены бежать вновь. Новой точкой назначения становилась Франция, Англия, Швеция или, в случае большой удачи, США. Помимо этого, Д. Циммерман дает оценку роли организаций, деятельность которых должна была способствовать защите пострадавших от нацистов ученых. Несмотря на то, что фонды пытались их поддержать, на практике исследователи должны были выживать зачастую самостоятельно. Рецензируемая книга заканчивается анализом жизни потомков исследуемых семей. Это позволило яснее показать долгосрочные последствия преступлений, совершенных нацистами.

Ключевые слова: история науки, принудительная миграция, культурная адаптация, сталинизм, нацизм, СССР.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025 г.

Исследование судеб бежавших от нацизма ученых является частью фундаментальной проблемы вынужденных миграций населения, вызванных давлением со стороны диктаторских режимов. В сравнении с другими категориями беженцев немецкоязычные преподаватели университетов, сотрудники научных институтов и прочие деятели науки обладали рядом преимуществ, которые могли бы облегчить их социальную и культурную адаптацию к новой среде. В частности, многие из них уже имели опыт путешествий в другие страны и связи с различными международными исследовательскими организациями, были относительно обеспечены, а главное – представляли определенный интерес для принимающей стороны. Как это ни странно, но именно их ценность делала пребывание в Советском Союзе более опасным. В связи со своим особым статусом и практической значимостью иностранные специалисты находились у властей под усиленным контролем, что делало их уязвимыми для репрессий. Подобная двойственность положения ученых делает исследование процесса их социокультурной адаптации особенно интересным для исторической науки.

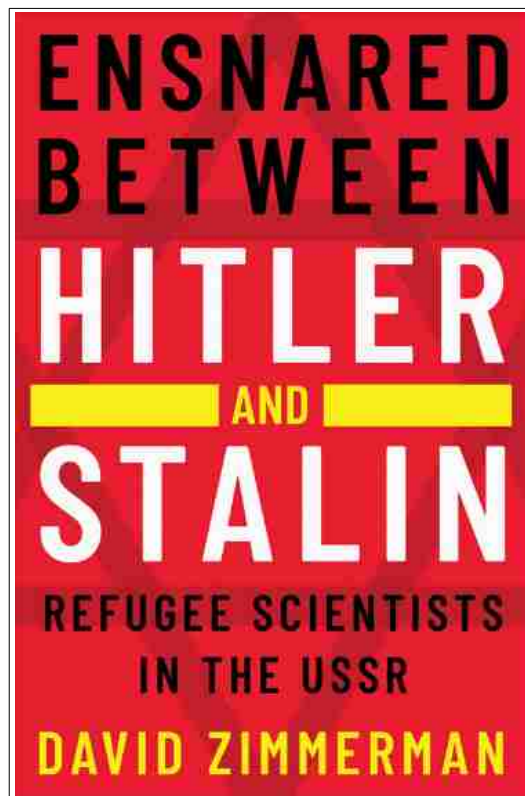
Проблема вынужденных миграций ученых из нацистской Германии и попыток построения научной карьеры внутри нее имеет довольно обширную англо- и немецкоязычную историографическую традицию. Исследователи фокусируются на преследованиях, которым подвергались «неарийцы» или лица, «связанные с евреями», их попытках к сопротивлению и стремлению к выживанию, в том числе через бегство¹. Кроме того, совершаются довольно

¹ См., например: Orth K. Die NS-Vertreibung der jüdischen Gelehrten die Politik der Deutschen Forschungsgemeinschaft und die Reaktionen der Betroffenen. Göttingen, 2016; Strauss H.A. The Migration of the Academic Intellectuals // International Biographical Dictionary of Central European Emigres 1933–1945. Vol. 2: The Arts, Sciences and Literature. Munich, 1983. P. 67–77.

успешные попытки выявления взаимосвязей между историческими событиями, происходившими в Германии и Советском Союзе. В связи с этим внимание уделяется причинам, по которым многие европейские ученые стали симпатизировать коммунистическим идеям и воспринимать СССР как успешный пример построения лучшего общества². Помимо этого, в англо- и немецкоязычной историографии затрагивается история советской науки, ее достижения и неудачи в социальном и политическом контексте³.

В своей новой книге Д. Циммерман продолжил заложенные научные традиции. Он проследил жизненный путь, которым прошли 36 немецкоязычных ученых, вынужденно мигрировавших в Советский Союз⁴. Рассматривая каждый этап их жизни в отдельности, историк постоянно возвращается к проблеме свободы воли ученых, показывая тем самым всю амбивалентность миграционных процессов.

Свое исследование Д. Циммерман начинает с анализа жизни будущих беженцев в догитлеровский период, подчеркивая неоднородность их

состава: «Most previous studies of refugee scholars have tended to consider them as a homogeneous group, linked together simply by the fact that they were all university faculty who had been dismissed by the Nazis. <...> This study reveals that the academics who migrated to the Soviet Union in the 1930s were far more heterogeneous, besides differing in marked ways from those academics who found haven in the United States, Great Britain, and other countries»⁵. Далее он переходит к причинам, по которым данная группа ученых выбрала в качестве страны для иммиграции Советский Союз, несмотря на многочисленные доказательства того, что он вполне может стать таким же опасным местом, как Германия⁶.

Лиц, въехавших в СССР еще до прихода Гитлера к власти, за небольшим исключением Д. Циммерман не рассматривает как академических беженцев в полном смысле этого слова, поскольку их карьера не всегда успешно складывалась в Германии или Австрии. Как правило, ученые мигрировали по причине того, что Советский Союз мог предложить им престижные должности с довольно привлекательными зарплатами. Тем не менее факт добровольного прибытия в страну не дал им преимуществ во время последовавшей через несколько лет волны репрессий. «During the Great Terror, however, the pre-1933 voluntary migrants would either join the refugee scholars fleeing the Soviet Union or find themselves under

² См., например: *Hollander P. Political Pilgrims: Western Intellectuals in Search of the Good Society*. London, 1998; *Jones N. Silence, Exile, and Cunning* // *History Today*. 2009 Vol. 59, No. 4. P. 25–31; *Zamfra A. The Enthusiasm of Intellectuals for Communism at the End of First World War in France* // *History of Communism in Europe*. 2009. Vol. 2. P. 11–28.

³ См., например: *Ruhemann M. Science and the Soviet Citizen* // *Anglo-Soviet Journal*. 1940. Vol. 3. P. 220–228; *Ings S. Stalin and the Scientists: A History of Triumph and Tragedy, 1905–1953*. New York, 2017.

⁴ Ученые, попавшие в выборку Д. Циммермана: физики Х. Бервальд, Г. Бек, Х. Ю. Кон-Петерс, Ф. Душнишки, Г. Фрелих, Г. Хариг, М. Шайн, Л. Тиса, Э. Вассер, А. Вайсберг, В. Цеден, Ф. Хоутерманс, Ш. Хуутерманс, Ф. Ланге, С. Леви, Г. Муравкин, В. Ромберг, М. Руэманн, Б. Руэманн, математики С. Бергман, С. Кон-Фоссен, М. Садовски, Ф. Нётер, Г. Мунц, философ Г. Борхардт, музыковеды Э. Эмсхаймер, Л. Шлезингер, медики З. Гильде, К. Циннеман, химики Г. Хеллман, Х. Саймонс, К. Вайссельберг, Э. Ледере, биолог Ю. Шаксель, физиолог Э. Саймонсон, лингвист В. Штайниц, инженер Г. Люфтшиц.

⁵ *Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR*. Toronto, 2023. P. 14.

⁶ *Ibid.* P. 36.

arrest. The NKVD did not distinguish between voluntary and forced migrant scholars when they commenced their persecution of the ensnared scholars», – отмечает Д. Циммерман⁷.

По мнению автора книги, после 1933 г. переезд ученых из Центральной Европы в Советский Союз был, как правило, обусловлен крайней необходимостью, для многих исследователей данный курс представлял лучшую, а в некоторых случаях и единственную надежду. При всех явных минусах (многие из опасностей миграции в СССР были к тому времени широко известны) для ученых данный вариант казался безопаснее и перспективнее, чем продолжение жизни в Германии. По этому поводу Д. Циммерман отмечает: «The migration of refugee academics to the Soviet Union was not exceptional; indeed, it was closely analogous to the experiences of other European Jewish scholars who, in the 1930s, found themselves forced to migrate to countries considered to be “the back of beyond”»⁸. Характерно, что идеологические мотивы не играли существенной роли в выборе Советского Союза в качестве пункта назначения. Безусловно, среди рассматриваемой группы ученых были члены Коммунистической партии. Более того, были среди них и преданные коммунисты, которые, прежде чем покинуть Германию, шпионили в пользу Советского Союза (Фриц и Шарлотта Хоутерманс, Герберт Муравкин, Вольфганг Штайниц и, возможно, Александр Вайсберг)⁹. Кроме того, советские деятели науки и образования предпринимали ряд усилий для вербовки своих центральноевропейских коллег. Однако идеология ни в одном из случаев не стала решающим фактором. В лучшем случае она минимизировала сомнения. В этой связи Д. Циммерман подытоживает: «Ultimately, none of these factors led most of these scholars to flee Hitler’s Germany for Stalin’s Soviet Union. The vast majority did so out of necessity»¹⁰.

Характерно, что прибывшие в Советский Союз ученые довольно быстро адаптировались, их первое впечатление о жизни в новой стране не ассоциировалось лишь со страхом и прессингом. Многие исследователи отмечали, что прилагаются огромные усилия для улучшения жизни среднестатистического советского гражданина. В частности, начальное образование стало доступным для всех, расширялось государственное здравоохранение, запускались огромные строительные проекты, женщины получали все больше возможностей для занятия академическими исследованиями, а предприятия управлялись коллективно¹¹. Более того, ученые замечали ряд признаков, свидетельствующих о готовности Сталина либерализовать общество. Многие даже допускали мысль, что Советский Союз может стать страной возможностей для иностранных ученых, им будет позволено продолжать научную карьеру за границей. Д. Циммерман подытоживает: «Whatever the hardships and risks of life under Stalin’s rule, most of the refugees were happy conducting research and teaching»¹².

В это непродолжительное время относительной стабильности, безопасности и благополучия немецкоязычные ученые смогли многого достичь. Д. Циммерман отмечает: «In many ways, the successes of these scholars mirrored what their contemporaries were achieving in the United States and in Britain. Since they were building up the Soviet Union’s scientific, educational, and industrial infrastructure, which was backward compared to that of Western countries, the work of these scholars had the potential to be even more transformative than the contributions of refugee academics elsewhere»¹³. Таким образом, иммигранты смогли извлечь выгоду из огромных государственных инвестиций в науку и образование, застав советское общество в его лучшем проявлении¹⁴.

Однако очень быстро достижения прибывших в страну ученых перестали иметь для их жизни какое-либо значение, поскольку они столкнулись с масштабной волной репрессий. «What had started with such high hopes had become an unimaginable horror perpetrated by Stalin

⁷ Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin... P. 50.

⁸ Ibid. P. 90.

⁹ Ibid. P. 291.

¹⁰ Ibid. P. 67.

¹¹ Ibid. P. 9.

¹² Ibid. P. 113.

¹³ Ibid. P. 133.

¹⁴ Ibid. P. 291.

and the Soviet state», – отметил Д. Циммерман¹⁵. В итоге из 36 ученых один умер естественной смертью, девять были заключены в тюрьму, а остальные бежали или были высланы. Только физик Ф. Ланге остался невредимым¹⁶. Характерно, что большая часть арестованных и все убитые в 1937 и 1938 гг. были либо членами Коммунистической партии, либо получили советское гражданство. Те, кто не попал ни в одну из этих категорий, смогли сбежать, получив выездные визы. Таким образом, жертвами сталинского режима становились не только те, кто выступал против его политики, но и те, кто всеми силами пытался интегрироваться в советское общество и поддерживал марксистскую идеологию¹⁷.

Но даже те, кому удалось бежать из Советского Союза во время Большого террора, не были застрахованы от Холокоста (часть ученых была передана непосредственно гестапо, часть переехала в страны, оккупированные нацистами). На их последующую выживаемость влияли разные факторы, среди которых не только национальная принадлежность (у немцев смешанного происхождения шансов было на порядок больше, чем у евреев), но и поддержка, которую ученые получали от немецкого научного сообщества¹⁸. Ключевую роль, однако, сыграло то, что рассматриваемые лица имели больше возможностей для еще одной миграции. Особенно популярной в этом отношении была Франция. Характерно, что выживаемость прибывших в эту страну ученых зависела от тех же факторов, которые определяли судьбу других евреев, недавно туда переехавших. «Lederer and Simons – the former through citizenship, the latter through his son's military service – became de facto French Jews. Bergman, Tisza, and Beck were able to use their connections with the international academic community to escape from France. Duschinsky, Wasser, and likely the latter's family perished in the Holocaust. They, like so many other murdered refugee Jews, likely "spoke little, if any, French," were unable to fit into French social and academic networks, and had little money. "These vulnerable foreign Jews were the first to be targeted by both Vichy and the Germans"», – отмечает Д. Циммерман¹⁹. Британские университеты также активно принимали беженцев, однако через несколько лет (приблизительно к 1936 г.) они достигли точки насыщения. В этой связи немецкоязычные ученые, пытавшиеся спастись в Англии от Большого террора, наталкивались на отказы в визе. Часть мигрантов нашла убежище в Швеции, но это по большей части было обусловлено ее географическим расположением. Шведы скорее терпели беженцев, но не приветствовали их²⁰. Миграция в Соединенные Штаты была осложнена длительной процедурой получения визы. Как правило, для этого требовались устойчивые профессиональные связи. Тем не менее большинству ученых, бежавших из Советского Союза, удалось пережить Вторую мировую войну и обосноваться в других местах, а уровень их выживаемости был выше, чем у общей популяции европейских евреев²¹.

Так или иначе ученые, которые вопреки всему смогли пережить ужасы Второй мировой войны и даже сделать впоследствии довольно успешную академическую карьеру, обладали рядом общих черт. Во-первых, они смогли установить обширные связи, как личные, так и профессиональные. Во-вторых, они были настойчивы и упрямы. Одни соглашались работать на любой подвернувшейся связанной с научной сферой должности, другие для получения заветного места совершали отчаянные поездки в США. «The one thing that links all of these ultimately successful academic refugees is that all of them were, if not brilliant, then highly capable scientists. Brilliance by itself did not guarantee success but certainly was a prerequisite for it», – резюмирует Д. Циммерман²².

Рецензируемая работа внесла большой вклад в переосмысление роли британских и американских организаций, специализировавшихся среди прочего на оказании помощи

¹⁵ Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin... P. 180.

¹⁶ Ibid. P. 161.

¹⁷ Ibid. P. 292.

¹⁸ Ibid. P. 199–200.

¹⁹ Ibid. P. 222–223.

²⁰ Ibid. P. 292.

²¹ Ibid. P. 223.

²² Ibid. P. 247.

научным деятелям, пострадавшим в результате прихода к власти нацистов (the British Society for the Protection of Science and Learning (SPSL), the American Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars (AEC), the French Committee for the Reception and the Organization of the Work of Foreign Scientists). Зарубежная историография традиционно подчеркивает их безусловное значение в спасении и поддержке немецкоязычных ученых²³. Д. Циммерман, однако, рассмотрел данную проблему под другим углом. Не отрицая позитивной роли этих организаций, он подчеркивает, что помощь получали в основном те исследователи, которые сразу же находили убежище в западных странах. Лица, уехавшие в Советский Союз, оставались, как правило, вне фокуса их внимания²⁴. Кроме того, те ученые, которые все же обращались за поддержкой в представленные организации, сталкивались с огромным потоком иных академических беженцев и были вынуждены бороться за помощь. В итоге Д. Циммерман оценивает роль SPSL и AEC следующим образом: «The SPSL showed considerable flexibility in allowing Simonson and Schein to turn at least part of their fellowships into travel grants, which made possible their successful job searches in the United States. The AEC had almost no success in assisting these scholars, though it did its best to help a number of them»²⁵.

Ученые, бежавшие из Германии в Советский Союз, относились к идеям социализма и коммунизма с большей симпатией в сравнении со своими коллегами, уехавшими в западные страны. Характерно, что даже после того, как они преодолели выпавшие на их долю испытания, многие из них продолжали придерживаться марксистских идеалов. Как верно отмечает Д. Циммерман, этот факт является замечательным свидетельством того, что некоторые люди полагаются на веру, а не на опыт²⁶. Тем не менее все те, кто остался верным коммунизму, за исключением Б. Рухеманн, в конечном итоге усомнились в крайностях сталинизма. При этом естественно, что некоторые из самых ярких сторонников левых идей были полностью разочарованы своим опытом жизни в Советском Союзе и стали откровенными критиками этой страны во время «холодной войны»²⁷.

В последней главе своей работы Д. Циммерман затрагивает проблему влияния вынужденных миграций на семьи ученых. Это позволило ему расширить масштаб трагичных последствий, возникших в результате деятельности нацистского и советского режима. «The stories of the families of the victims of the Great Terror are a chilling reminder of the long-term consequences of the forced migration of German intellectuals and scholars caused by Hitler», – резюмирует историк²⁸.

Д. Циммерман оспаривает представление о том, что опыт бежавших в Советский Союз ученых не является частью Холокоста. Все трудности, с которыми столкнулись рассматриваемые в его работе деятели науки, были напрямую вызваны преследованием евреев нацистами. В этой связи не имеет значения, какая организация, гестапо или НКВД, осуществляла акт репрессии. «All of those fleeing Hitler faced grave dangers and hardships in their search for safe harbour. For those who sought refuge in the Soviet Union, those dangers included arrest, torture, and execution by the state. Many refugees succeeded in escaping Hitler's Germany – and, in the case of those in this study, the Soviet Union as well – only to perish later at the hands of the Germans and their Allies during the Second World War. Of the seven Ensnared who were murdered, four were killed by the Soviets, three by the Germans. Whichever organization carried out the murders, all of these deaths were directly attributable to the Nazis' persecution of the Jews»²⁹, – резюмирует историк.

²³ См., например: *Bentwich N. The Rescue and Achievement of Refugee Scholars: The Story of Displaced Scholars and Scientists, 1933–1952. The Hague, 1953; Beveridge L. A Defence of Free Learning. London, 1959; Duggan S., Betty D. The Rescue of Science and Learning: The Story of the American Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars. New York, 1948.*

²⁴ Ibid. P. 12.

²⁵ Ibid. P. 248.

²⁶ Ibid. P. 281.

²⁷ Ibid. P. 282.

²⁸ Ibid. P. 290.

²⁹ Ibid. P. 294.

Работа Д. Циммермана показывает историю науки в эпоху войн и социальных и политических катаклизмов через призму судеб отдельных людей и их личностных трагедий. Особенно важно, что в фокусе книги стоят не только ученые, которые вопреки всем трудностям смогли успешно построить свои карьеры, но и те, чья жизнь сложилась не так благополучно. Это позволяет смотреть на исторические процессы без «ошибки выжившего». Исследование Д. Циммермана показало, как две диктатуры манипулировали судьбами и разрушали жизни талантливых людей, способных внести существенный вклад в развитие науки и общества.

Литература

Bentwich N. *The Rescue and Achievement of Refugee Scholars: The Story of Displaced Scholars and Scientists, 1933–1952*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1953. 122 p.

Beveridge L. *A Defence of Free Learning*. London: Oxford University Press, 1959. 146 p.

Duggan S., Betty D. *The Rescue of Science and Learning: The Story of the American Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars*. New York: Macmillan, 1948. 228 p.

Hollander P. *Political Pilgrims: Western Intellectuals in Search of the Good Society*. London: Routledge, 1998. 626 p.

Ings S. *Stalin and the Scientists: A History of Triumph and Tragedy, 1905–1953*. New York: Atlantic Monthly Press, 2017. 528 p.

Jones N. Silence, Exile, and Cunning // *History Today*. 2009. Vol. 59, No. 4. P. 25–31.

Orth K. *Die NS-Vertreibung der jüdischen Gelehrten die Politik der Deutschen Forschungsgemeinschaft und die Reaktionen der Betroffenen*. Göttingen: Niedersachs Wallstein Verlag, 2016. 480 S.

Ruhemann M. Science and the Soviet Citizen // *Anglo-Soviet Journal*. 1940. Vol. 3. P. 220–228.

Strauss H.A. *The Migration of the Academic Intellectuals // International Biographical Dictionary of Central European Emigres 1933–1945*. Vol. 2: The Arts, Sciences and Literature. Munich, K.G. Saur. 1983. P. 67–77.

Zamfra A. The Enthusiasm of Intellectuals for Communism at the End of First World War in France // *History of Communism in Europe*. 2011. Vol. 2. P. 11–28.

Zimmerman D. *Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR*. Toronto: University of Toronto Press, 2023. 360 p.

References

Bentwich, N. (1953). *The Rescue and Achievement of Refugee Scholars: The Story of Displaced Scholars and Scientists, 1933–1952*. The Hague, Martinus Nijhoff. 122 p.

Beveridge, L. (1959). *A Defence of Free Learning*. London, Oxford University Press. 146 p.

Duggan, S., Betty, D. (1948). *The Rescue of Science and Learning: The Story of the American Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars*. New York, Macmillan. 228 p.

Hollander, P. (1998). *Political Pilgrims: Western Intellectuals in Search of the Good Society*. London, Routledge. 626 p.

Ings, S. (2017). *Stalin and the Scientists: A History of Triumph and Tragedy, 1905–1953*. New York, Atlantic Monthly Press. 528 p.

Jones, N. (2009). Silence, Exile, and Cunning. In *History Today*. Vol. 59, No. 4, pp. 25–31.

Orth, K. (2016). *Die NS-Vertreibung der jüdischen Gelehrten die Politik der Deutschen Forschungsgemeinschaft und die Reaktionen der Betroffenen*. Göttingen, Niedersachs Wallstein Verlag. 480 S.

Ruhemann, M. (1940). Science and the Soviet Citizen. In *Anglo-Soviet Journal*. Vol. 3, pp. 220–228.

Strauss, H.A. (1983). The Migration of the Academic Intellectuals. In *International Biographical Dictionary of Central European Emigres 1933–1945*. Vol. 2: The Arts, Sciences and Literature, pp. 67–77.

Zamfra, A. (2011). The Enthusiasm of Intellectuals for Communism at the End of First World War in France. In *History of Communism in Europe*. Vol. 2, pp. 11–28.

Zimmerman, D. (2023). *Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR*. Toronto, University of Toronto Press. 360 p.